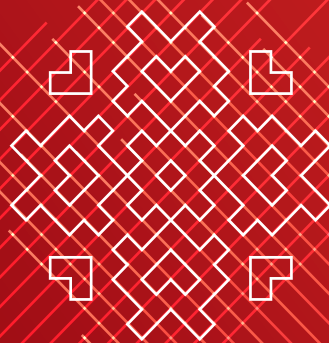

СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ В XX–XXI ВЕКАХ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы Международной
научно-практической конференции

Красноярск, 26 ноября 2020 года

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Сибирский федеральный университет
КРОО «Содружество просветителей Красноярья»

**СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ
В XX–XXI ВЕКАХ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Материалы Международной
научно-практической конференции

Красноярск, 26 ноября 2020 года

Красноярск
СФУ
2021

УДК 314.7(571.1/.5)"19/20"(082)
ББК 63.3(2)6-27я43+60.721.25я43
С718

С718 **Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы** : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 26 ноября 2020 года / отв. за вып. Н. П. Копцева. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2021. – 420 с.

ISBN 978-5-7638-4506-8

Рассмотрены проблемы, касающиеся научных подходов к изучению современных миграционных процессов на территории Центральной Сибири, этнокультурной динамики и этнической мобильности в XXI веке.

Представляет интерес для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей вузов, экспертов, осуществляющих практическую деятельность в сфере реализации государственной национальной политики, специалистов в области межнациональных и миграционных отношений, представителей научного сообщества, специализирующихся в области этнологии и религиоведения.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

**УДК 314.7(571.1/.5)"19/20"(082)
ББК 63.3(2)6-27я43+60.721.25я43**

**Электронный вариант издания см.:
<http://catalog.sfu-kras.ru>**

ISBN 978-5-7638-4506-8

© Сибирский федеральный университет, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. СОВРЕМЕННЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ: НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ	5
<i>Григоричев К. В.</i> Неравенство равных: частный сектор российского города и право на город	6
<i>Замараева Ю. С.</i> Концептуальное и методологическое основание исследования сложной идентичности в российской культурологии. Проблемы исследовательской программы.....	13
<i>Пчелкина Д. С.</i> Цифровая этнография: теоретические и методологические возможности в исследовании этнических процессов.....	22
<i>Пименова Н. Н.</i> Эвенки Эконды: культурные трансформации в среде коренных народов	27
<i>Дегтяренко К. А.</i> Культурная память и этническая идентификация современных кетов	41
<i>Паук Е. А.</i> Массовая развлекательная культура как компонента нациестроительства в Российской империи (на примере Иркутска конца XIX – начала XX века)	49
<i>Середкина Н. Н., Радченко Д. З.</i> Конструктивистские возможности этнических средств массовой информации.....	59
<i>Ольхина Д. В.</i> Образ Красноярского края и жизни сибиряков в региональном кино на примере фильма Михаила Тарковского «Замороженное время России»	75
СЕКЦИЯ 2. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ	81
<i>Кудашов В. И.</i> Проблемы социокультурной адаптации и интеграции иностранных студентов в России.....	82
<i>Ниязова Г. М.</i> Современная этноязыковая ситуация в полиэтничном регионе как креативное пространство толерантности (на примере Тюменской области)»	91
<i>Тимошкин Д. О.</i> Социальная маргинальность и производство пространства в постсоветском городе	106
<i>Жирнова Е. А.</i> Роль контроля качества проектного обучения в социокультурной адаптации иностранных студентов	116
<i>Сметанин Ф. А.</i> Конструирование «мусульманской» идентичности: пример сообществ Томска	120
<i>Сильвестрова П. И.</i> Миграционная политика Германии как фактор, способствующий развитию этнической мобильности на современном этапе	129
<i>Задорин А. В.</i> Мотивация и адаптация мигрантов из Средней Азии в крупном сибирском городе (на примере киргизов Красноярска)	140
<i>Чистова В. А.</i> Этнокультурные практики Красноярского края (на примере красноярского отделения азербайджанской молодежной организации «АМОР»)	149
СЕКЦИЯ 3. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ	163
<i>Шуников В. Л.</i> Цифровая поэтика современной российской литературы и ее дидактический потенциал в РКИ.....	164
<i>Гаврилюк О. А., Андрюшкина Е. Ю., Попова Ю. В.</i> Организация адаптивного обучения русскому языку иностранных студентов медицинского вуза	171
<i>Смолина М. Г.</i> Освоение элементов межкультурной коммуникации в рамках изучения дисциплины «Художественная критика»	181
<i>Шнайдер Ю. В.</i> Музыкальный клуб как средство развития умений бесконфликтного общения младших школьников	191

<i>Хамитова А. Т.</i> Инновационные технологии в преподавании студентам русского языка как иностранного.....	202
<i>Смолянинов А. А.</i> Электронный портфолио и цифровая идентичность поликультурного медиатора.....	212
<i>Бывишенко А. С., Власова Н. В., Седых Т. В.</i> Медиативная восстановительная технология «круг сообщества» как инструмент профилактики конфликтного поведения в студенческом сообществе.....	216
СЕКЦИЯ 4. ФЕДЕРАЛЬНЫЙ, РЕГИОНАЛЬНЫЙ И МУНИЦИПАЛЬНЫЙ УРОВНИ УПРАВЛЕНИЯ	223
<i>Рубцов С. Н., Стерхова И. С.</i> Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: намерения и возможности.....	224
<i>Лузан В. С.</i> Роль государственной культурной политики в выстраивании межнациональных отношений: федеральный и региональный аспекты.....	229
<i>Требух А. Д.</i> Профилактика преступлений на почве ненависти в Российской Федерации с использованием опыта гражданского общества Соединенных Штатов Америки.....	235
<i>Попова Ю. В., Шилина Н. Г.</i> Межкультурные конфликты в высшей школе (сравнительный анализ зарубежного и российского опыта).....	248
<i>Ситяева О. С., Краснопеева В. Н.</i> Проблемы правового регулирования прав коренных малочисленных народов Севера в Российской Федерации.....	254
<i>Хребтов М. Я.</i> Моделирование аксиологической ситуации в регионах Сибири (на материале анализа online-опроса населения Сибирского федерального округа).....	259
<i>Дмитриева Ю. А., Козак А. В.</i> Антропология любительского кино и видео в культуре метамодерна.....	272
<i>Березюк С. В.</i> Музыкальный фольклор малочисленных народов Сибири как способ самовыражения в современной музыкальной культуре.....	281
СЕКЦИЯ 5. СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ СИБИРИ	293
<i>Резникова К. В.</i> Арт-менеджмент как предмет самостоятельной дисциплины.....	294
<i>Лецинская Н. М., Резникова К. В.</i> Понятие «этническая идентичность» через призму современной культурной антропологии.....	335
<i>Жанкова Л. А., Колесник М. А.</i> Практики сохранения культурной идентичности у армян Красноярского края.....	355
<i>Антипенко Е. Д., Колесник М. А.</i> Образ жителей сибирской тайги в региональном кино на примере фильма Вернера Херцога «Счастливые люди: год в тайге» (на основе фильма Дмитрия Васюкова «Счастливые люди»).....	359
<i>Баюрский А. А., Манаков И. А.</i> Использование негативного образа ислама в современном кинематографе как проблема адаптации и интеграции мигрантов.....	369
<i>Шурыгина А. Д.</i> Кибербуллинг в России – много шума из ничего?.....	378
<i>Карпухина Л. А., Авдеева Ю. Н.</i> Обряд брачного венчания как культурный феномен и его значение для молодежи Красноярска.....	390
<i>Масленникова А. Н., Колесник М. А.</i> Образ озера Байкал и его местных жителей в зарубежном кино на примере фильма Сэфи Неббу «В лесах Сибири».....	402
<i>Кистова А. В.</i> Образ Енисея в произведениях красноярских художников как основа формирования позитивной региональной идентичности.....	407
<i>Филько А. И.</i> Новые культурные практики этнической идентификации: воображаемая бесписьменность.....	414

СЕКЦИЯ 1

СОВРЕМЕННЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ: НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

УДК 314.151.3

К. В. Григоричев

Доктор социологических наук, профессор, проректор Иркутского государственного университета по научной работе и международной деятельности, руководитель Лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия

НЕРАВЕНСТВО РАВНЫХ: ЧАСТНЫЙ СЕКТОР РОССИЙСКОГО ГОРОДА И ПРАВО НА ГОРОД*

Статья посвящена роли феномена частного сектора в развитии неравенства в советском и современном российском городе. Показано, что специфика пространственной организации и жилища частного сектора в советском городе обуславливала неравенство в праве на город как возможности участия в городской жизни. Трансформация частного сектора в постсоветские десятилетия лишь отчасти обеспечила преодоление такого неравенства, одновременно сформировав новые проблемы социальной справедливости. Статья основана на серии интервью и наблюдениях (в том числе включенном), выполненного в Иркутске, Омске и Хабаровске.

Ключевые слова: частный сектор, право на город, неравенство.

Inequality of equals: the private housing sector of the Russian city and the right to the city. The article is devoted to the role of the private housing sector phenomenon in the development of inequality in the urban space of the Soviet and modern Russian cities. It is shown that the specificity of the private housing sector spatial organization and way of life in the Soviet city caused inequality in the right to the city as an opportunity to participate in urban life. The transformation of the private housing sector in the post-Soviet decades has only partly ensured the elimination of such inequality, while at the same time generating new problems of social justice. The article is based on a series of interviews and involved observations carried out in Irkutsk, Omsk and Khabarovsk.

Keywords: private housing sector, right to the city, inequality.

Значительную часть территории российских провинциальных городов, в том числе региональных столиц, составляют районы малоэтажной усадебной застройки, сформировавшиеся в 1930–1960-е годы и широко известные как частный сектор. Даже в городах – центрах высоко урбанизированных регионов (например, в Иркутске) частный сектор занимает до половины площа-

© Григоричев К. В., 2021

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00282 «Частный сектор региональных столиц Сибири и Дальнего Востока: структура и практики повседневности "негородских" сообществ».

ди городской застройки. Я. Преловская оценивает долю частной застройки российских городов-миллиоников (за исключением Москвы и Санкт-Петербурга) от 156 до 45 % [1]. Масштабы этого типа городского пространства хорошо заметны в риторике муниципальных администраций: так, по оценкам представителей администрации крупнейшего сибирского города – Новосибирска, индивидуальная застройка в начале 1990-х годов занимала до половины территории растущего мегаполиса.

Однако, несмотря на это, в образе российского города (как в академическом, так и в управленческом, медийном и повседневном дискурсе) частный сектор фактически отсутствует. Немногочисленные работы, связанные с изменениями социального и этнического состава жителей частного сектора чаще погружены в логику урбанизационной миграции (например, [2; 3]) и в целом сохраняют взгляд на этот феномен как на «побочный» эффект урбанизации. Вопрос о специфике сообществ, сложившихся в частном секторе, трансформации их образа жизни в постсоветские десятилетия, практически не ставится. Некоторое исключение представляют локальные исследования о неформальных молодежных группировках, однако они лишь частично связаны с локальностями частного сектора. Важным здесь представляется наблюдение о том, что территориальный фактор является одним из важных для складывания таких группировок [4; 5]. Вместе с тем частный сектор здесь остается лишь местом действия, пространством маргинальным и даже девиантным, порождающим маргинальные и девиантные явления.

В значительной мере такое положение определяется маргинальным («временным») статусом частного сектора, который воспроизводится на протяжении жизни двух-трех поколений. Рассматриваемые как побочный эффект ускоренной советской модернизации и как резерв для будущего роста, эти пространства и проживающие в них сообщества не расцениваются урбанистами, властью, медиа как органичная часть города, его неотъемлемый элемент. Возникший и допускаявшийся в советском городе в качестве временного, переходного пространства, частный сектор рассматривался в градостроительном планировании как своего рода резерв территории под перспективную многоэтажную застройку. Контекстуально предполагалось, что будущие многоэтажные микрорайоны не только ликвидирует основную часть усадебной застройки, но станут механизмом абсорбции выходцев из села, включением их в урбанистический образ жизни. Иными словами, частный сектор оказался своего рода растянутой во времени миграцией, в которой рецепция урбанизма

как результат пространственного перемещения была «отложена» на 2–3 поколения.

Следствием описанной ситуации стало дискурсивное исключение «частного сектора» как территории и сообществ из городского пространства. Номинально включенные в городское пространство такие локальности выпадают из образа правильного, нормального города. Здесь отсутствуют важнейшие признаки города и урбанизма как образа жизни: общественные пространства, локальности, которые могут быть определены в качестве «третьего места» [6], ключевые объекты социальной инфраструктуры (поликлиники, школы, детские сады, досуговые центры), словом, все то, что определяется в качестве урбанизма как среды и образа жизни от классических взглядов Л. Вирта [7] до современных подходов к переосмыслению города и городского [8].

«Негородской» образ жизни в частном секторе требовал больших затрат нерабочего времени, необходимого для обеспечения жизни в неблагоустроенном жилище. Практики повседневности, связанные с обслуживанием жилища, обеспечением минимальных бытовых потребностей и использования усадьбы как инструмента самообеспечения приводили к тому, что нерабочее время таких «негородских» горожан было связано исключительно с негородскими практиками, исключавшими доступ к городу и возможности «проживания» [9] его пространства. В результате проживающие здесь сообщества оказывались в значительной мере исключены из жизни города, включаясь в него лишь в рабочих коллективах. Оставаясь формально горожанами, жители таких районов фактически лишены доступа к значительной части городской жизни.

Развитие городской инфраструктуры в районах многоэтажной застройки диктовалось возможностью удовлетворения спроса максимального числа горожан в условиях дефицита ресурсов. Однако, как отмечал Д. Харви, «сам факт выбора местоположения имеет значение для распределения дохода. Иными словами, в процесс вовлечены общественные блага» [10, с. 88]. Размещение объектов торговли, здравоохранения, культуры, образования и т. д. увеличивало для жителей частного сектора дистанцию до них, снижая и без того низкую доступность благ урбанизма. Таким образом, жители локальностей усадебной застройки фактически были лишены права на город, понимаемое не как простое право на доступ к нему, но как право на участие в жизни города [11, с. 158]. Номинально проживая в городе и нередко являясь горожанами во втором, а то и третьем поколении, они оставались вне городской жизни.

В результате в бурно развивавшихся советских региональных центрах за пределами городского ядра и растущих спальных микрорайонов складывался своего рода «черный город» [12], не включенный в легитимный образ советского города и потому дискурсивно из городского пространства исключенный. Такое исключение определяло не артикулируемую, но явную социальную границу между собственно городом и «частным сектором». Она не фиксировалась документально, однако очевидным образом репрезентировалась архитектурным ландшафтом и в целом визуальностью. Безусловно, эта граница не была абсолютно непроницаемой – переезд из «дома на земле» в благоустроенную квартиру был мечтой реализуемой – однако ее проницаемость целиком и полностью зависела от распределителей городских ресурсов. Неравенство в доступе к городской жизни для обитателей «частного сектора» выступало эффективным инструментом регулирования жизни городских сообществ, определенной М. Мееровичем как «наказание жилищем» [13].

Уже к концу 1990-х годов частный сектор начинает заметно меняться. Ослабление государственного регулирования, приход новых технологий и появление мелкого предпринимательства позволяют преодолеть разрыв в уровне благоустройства жилья. С бытовой точки зрения проживание в жилье усадебного типа перестает быть решающим фактором в определении стиля жизни частного сектора как «негородской» локальности в городе. Постепенно снижается хозяйственное значение усадьбы, которая из инструмента самообеспечения становится, скорее, пространством рекреации, что отражается в ее застройке и внутреннем зонировании. Этот процесс во многом лежит в логике постсоветской пригородной революции [14], распространения субурбанизма как образа жизни [15] и формирования внутреннего пригорода на основе усадебной застройки, сложившейся в советскую эпоху [16].

Однако модернизация жилища и замена хозяйственной функции усадьбы на преимущественно рекреационную стали не главными предпосылками включения жителей «частного сектора» в городскую жизнь. Едва ли не более важной, на мой взгляд, стала возможность доступа к городской инфраструктуре в результате высвобождения нерабочего времени. Если прежде оно почти полностью посвящалось обеспечению потребностей в пище и жилье, то теперь для обитателей частного сектора не менее актуальными становятся и иные потребности (в социальной инфраструктуре, потребительских товарах, образовании и т. д.), которые Д. Харви обозначил как «относительно стабильные во времени и пространстве» [10 с. 128]. Образно выражаясь, в ре-

зультате изменений жилья и связанного с ним набора практик проживающие здесь горожане наконец «переехали в город» – получили доступ к участию в городской жизни. Но означает ли это реализацию их права на город и преодоление сформированного ранее неравенства?

Несмотря на постепенное изменение архитектурного ландшафта частного сектора, пространственная организация этих локальностей остается неизменной. Заданные ранее планировочные решения по-прежнему в значительной мере обуславливают отсутствие здесь объектов, которые формируют городскую среду. Исключение составляют лишь небольшие магазины, постепенно проигрывающие крупным торговым центрам и супермаркетам. В категориях Лефевра [9, с. 51–52] повседневная пространственная практика живущих в частном секторе остается совершенно не городской. Для них символом города, пространством его репрезентации выступают центральные площади, набережные, торгово-развлекательные центры, университеты и больницы, словом, совершенно не те локальности, где они проводят едва ли не половину своего времени. Частный сектор по-прежнему остается, пользуясь словами Ш. Ротбарда, «черным городом», не имеющим легитимного места в представлениях о городе «белом».

Важно не только само по себе отсутствие объектов инфраструктуры обслуживания в относительной близости к метам проживания. Как было показано выше, они становятся доступны для жителей частного сектора, несмотря на сохраняющуюся удаленность. Но отсутствие небольших магазинов и иных мелких предпринимателей порождает новую проблему безопасности. Локальное благоустройство жилищ стало одновременно и механизмом, и символом растущей атомизации локальностей усадебной застройки. Степень взаимного проникновения частного и общественного пространства, гарантирующая безопасность в пространстве села или пригорода, заметно снижается, однако мелкие предприниматели – эти «великие часовые улиц и охранники тротуаров» [17, с. 10], не приходят ей на смену. Показательно в этом смысле и само отсутствие тротуаров в большинстве локальностях частного сектора: улицы здесь просто не содержат элемента, символизирующего безопасность в крупном городе. В сочетании с плохим освещением это символ того, что безопасность здесь обеспечивается иными, «негородскими» способами и механизмами. Иными словами, неравенство, задаваемое разностью пространств частного сектора и собственно города, дополняется неравенством в обеспечении безопасности, граница которого по-прежнему определяется архитектурным ландшафтом и организацией пространства.

Однако эволюция частного сектора в постсоветские десятилетия привела к формированию и новых векторов неравенства в городском пространстве. Жители модернизированных локальностей с благоустроенными домами, обеспеченными локальными системами отопления, водоснабжения и водоотведения, оказываются в более комфортных условиях, чем обитатели многоэтажных домов (особенно «хрущевок» 1960-х годов постройки). В категориях Харви [10, с. 128–133], в частном секторе формируется новый стандарт потребности в жилье, изменяющий представления о социальной справедливости. Если ранее недоступность малогабаритной «хрущевки» для обитателей частного сектора воплощала идею неравенства в городском пространстве, то теперь его символом становится благоустроенный коттедж с собственной усадьбой, противопоставленный высотной застройке и ветшающим кварталам 1960–1970-х годов постройки. Иными словами, трансформация частного сектора не просто изменяет статус той или иной городской локальности и ее жителей, но самым существенным образом меняет конфигурацию социального пространства города.

Одновременно формируются заметные контрасты в пределах ранее достаточно однородного частного сектора. Острова благоустроенных домов и даже закрытых коттеджных поселков, возникающих в локальностях частного сектора, конструируют новые границы и новые вопросы о социальной справедливости. Если жители модернизированных домов и усадеб получают доступ к городской жизни, то их менее обеспеченные соседи остаются лишены права на город. Новые нормы потребности в жилище, заданные трансформацией частного сектора, делают различия между «старым» и «новым» частным сектором едва ли не более острыми, чем существовавшие между усадебной и многоэтажной застройкой советского города.

Как следствие, модернизация частного сектора не только не устраняет сложившееся ранее неравенство жителей российского города, но и продуцирует новое: если в советском городе водораздел проходил между жителями районов усадебной и многоэтажной застройки частного сектора, то теперь формируются более сложные конфигурации неравенства. По-прежнему существующий за пределами образа нормального города частный сектор сохраняет старые и продуцирует новые проблемы социальной справедливости.

Список литературы

1. Преловская Я. В. Методика реконструкции застройки типа «частный сектор» на этапах развития города, на примере городов Среднего Поволжья: автореф. дис. ... канд. техн. наук: 05.23.22. М.: НИУ МГСУ, 2017.
2. Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов / В. Н. Давыдов, Н. И. Карбаинов, В. В. Симонова, В. Г. Целищева. Хабаровск, 2006.
3. Карбаинов Н. И. Фавелы, геджекконду, «нахаловки»: сквоттерские поселения в городах развивающихся и постсоветских стран // Мир России. Социология. Этнология. 2018. Т. 27, № 1. С. 135–158.
4. Головин В. В., Лурье М. Л. Идеологические и территориальные сообщества молодежи: мегаполис, провинциальный город, село // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 56–69.
5. Громов Д. В. Как возникают молодежные уличные группировки (случай малого города) // Этнографическое обозрение. 2018. № 5. С. 179–195.
6. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент общества. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 456 с.
7. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни. М.: Strelka Press, 2018. 180 с.
8. Амин Э., Трифт Н. Города: переосмысляя городское. Н. Новгород: Красная ласточка, 2017. 224 с.
9. Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
10. Харви Д. Социальная справедливость и город. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 440 с.
11. Lefebvre H. Writing on city. Oxford: Blackwell Publisher Ltd., 2000. 250 p.
12. Ротбард Ш. Белый город. Черный город. Архитектура и война в Тель-Авиве и Яффе. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 256 с.
13. Меерович М. Г. Наказание жилищем. М.: РОССПЭН, 2008. 303 с.
14. Confronting suburbanization: Urban decentralization in post-socialist central and Eastern Europe / K. Stanilov, L. Sykora (eds.). Oxford: Willey-Blackwell, 2014. 360 p.
15. Walks A. Suburbanism as a way of life: Slay return. 2013.
16. Spórna T., Krzysztofik R. "Inner" suburbanisation – Background of the phenomenon in a polycentric, post-socialist and post-industrial region. Example from the Katowice conurbation, Poland // Cities. 2020. Vol. 104. P. 1–19.
17. Джекобс Дж. Назначение тротуаров: безопасность // Логос. 2008. № 3 (66). С. 3–23.

УДК 304.42:159.923.2

Ю. С. Замараева

Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЛОЖНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ. ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЫ*

Современные исследования сложной идентичности в междисциплинарном научном поле позволяют фиксировать широкое предметное поле исследований. Однако концептуальные и методологические основания исследования феномена еще находятся в процессе определения, но признаются перспективными в анализе современных социокультурных процессов как феноменов культуры. Данная проблематика освящена ведущими российскими учеными-культурологами Ю. М. Резником [1], В. М. Розиным [2], В. А. Куренным [3], Н. П. Копцевой [4], М. А. Мониным [5], А. А. Никишенковым [6], А. А. Беликом [7] и зарубежными исследователями Дж. Э. Котэ, С. Г. Левиным [8]. Данная статья посвящена определению некоторых концептуальных и методологических оснований для исследования сложной идентичности с позиции современной теории культуры.

Ключевые слова: сложная идентичность, российская культурология, современные культурологические исследования.

Modern research of complex identity in the interdisciplinary scientific field allows us to fix a wide subject field of research. However, the conceptual and methodological foundations of the study of the phenomenon are still in the process of definition, but are recognized as promising in the analysis of modern socio-cultural processes as cultural phenomena. This issue has been sanctified by the leading Russian cultural scientists Yu. M. Reznik [1], V. M. Rozin [2], V. A. Kurennoy [3], N. P. Koptseva [4], M. A. Monin [5], A. A. Nikishenkov [6], A. A. Belik [7] and foreign researchers J. E. Kote, S. G. Levin [8]. This article is devoted to defining some of the conceptual and methodological foundations for the study of complex identity from the standpoint of modern cultural theory.

Keywords: complex identity, Russian cultural studies, modern cultural studies.

Понятие «идентичность» в гуманитарных науках применяется для описания отождествления индивидом себя с социальными группами, но при мето-

© Замараева Ю. С., 2021

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края и Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта № 20-49-240001\20.

дологическом подходе оно обретает уникальное содержание, раскрывающее тот или иной аспект самого процесса и результата взаимоотношения, пути трансформации обеих сторон и формирования ими нового идентификационного качества.

Существующие теоретические описания не были бы возможны без понимания того, как исследовать феномен идентичности, один из самых научно обсуждаемых на концептуальном, методологическом и прикладном уровнях. Однако некоторые ученые не видят необходимости теоретических разработок и без того широкого предметного поля данного феномена, далекого от унификации и от создания единой социально-психологической теории идентичности [8; 9]. Другие (например, представители конструктивизма) считают, что феномен раскрывается в реалиях взаимоотношений человека и общества, а потому развитие теории идентичности в духе классической дисциплины невозможно.

Так, зарубежные социологи Питер Бергер и Томас Лукман считают, что растущее значение проблемы идентичности подтверждается непрекращающимися дискуссиями об этом предмете в различных областях общественнознания и множась числом подходов к трактовке идентичности и ее взаимосвязей с другими исследованиями в области наук о человеке [10]. Российский ученый Элла Дряева так определяет насущную необходимость изучения данного явления: «идентичность представляет собой один из ключевых компонентов социально-психологической (человеческой) действительности и остро нуждается в исследовании в равной мере как необходимый компонент теории социальной реальности (онтологический аспект проблемы идентичности) и как влиятельное средство объяснения отдельных социальных и индивидуально-психологических проблем и явлений (функциональный аспект)» [11].

В изучении сложной идентичности с позиции современной культурологии обнаруживается существенный недостаток научных разработок. С одной стороны, этот факт объясним тем, что в зарубежной науке социальная (культурная) антропология уже давно совершила переход к прикладным культурным исследованиям и активно использует общеметодологический арсенал для анализа современных процессов. В созданной в 1949 году картотеке данных по человеческим отношениям HRAF объединена и продолжает пополняться база научной информации об общечеловеческой культуре и культурах различных стран, городов и т. д. Это существенно помогает современным ученым получить нужную информацию для проведения собственного исследо-

вания. С другой стороны, российская методология также сосредоточена на создании эффективного инструментария прикладных культурных исследований. Как верно отметил Юрий Михайлович Резник в своей статье о методологии социокультурных исследований: «Методология социокультурного анализа представляет собой многоуровневую систему подходов, принципов и методов исследования, разработанных и апробированных в разных областях социально-научного знания – социологии, социальной и культурной антропологии, психологии и лингвистике» [1]. Ю. М. Резник предложил подход, в котором объединены и взаимосвязаны три компонента социального знания (социально-философский, социологический и антропологический), как методологию культурного (социокультурного) анализа, где единицами социальной жизни, подвергаемыми исследованию, служат институты и позиции: «Социальные отношения рассматриваются как институционально обусловленные и существующие (благодаря сходным позициям субъектов) в определенном социальном пространстве» [1, с. 315]. Современный культурный анализ основан на комбинированных методах: структурализме (сравнительно-исторический метод как комбинация исторического, сравнительного и эволюционистского подходов), функционализме (функционально-динамический подход как объединение эволюционистского и функционалистского методов) и конструктивизме (анализ текстовой информации и контекста как двух аспектов конструируемой субъектом реальности). Автор пишет: «В качестве аналитических единиц культурного анализа мы рассматриваем, с одной стороны, реальные жизненные формы, сложившиеся в конкретных социоприродных и культурных условиях, с другой стороны, проблемные ситуации субъектов, рассматриваемые с точки их текстуального содержания и социокультурного контекста» [1, с. 320]. Теоретико-методологической основой социокультурных исследований выступают феноменологический подход и экзистенциальный анализ, которые «ориентируют исследователя на раскрытие смыслов существования различных жизненных форм» [1, с. 321]. Интегрированными методами здесь признан событийный (единичные и комплексные социальные события) и рефлексивный анализ (анализ и оптимизация социальных коммуникаций).

Таким образом, проводя параллель между комбинированной методологией современных культурных исследований, предложенной Ю. М. Резником, и сложной природой идентичности, позволительно говорить о том, что только в сфере прикладной культурологии возможен полноценный всесторонний

и многоуровневый анализ феномена идентичности. Методология российской культурологии и традиционна, и инновационна. С одной стороны, теоретически и исторически сформировавшись внутри зарубежной культурной антропологии, отрасль на рубеже XX–XXI веков стала интегративным пространством, внутри которого мобилизуются и модернизируются методы и подходы гуманитарных исследований. С другой – как молодая наука, ставшая относительно самостоятельной в начале XXI века и впитавшая в себя постмодернистскую идеологию, она методологически экспериментальна, поскольку нацелена на получение полного и достоверного представления об изучаемых феноменах.

В 2008 году В. М. Розин отмечает, что в конце XX века культурологическое знание переживает кризис, однако «наряду с продолжающимся развертыванием культурологической науки складываются прикладные культурологические исследования, на которые все больше начинает ориентироваться культурологическое познание» [2]. Прикладная культурология стала приоритетным направлением в современном культурологическом знании, она связана с общей наукой, совершившей переход к непосредственному наблюдению социокультурных явлений, конструированию социальных процессов и рациональному управлению ими. Примером тому служит существующий с 2006 года интернет-проект под названием «Сетевое сообщество "Российская культурология"», который является научным форумом для начинающих и профессиональных культурологов, развивающих культурологическое знание. И. М. Быховская в книге-энциклопедии пишет, что современная культурология образно представляет собой «многоэтажное» знание, в котором прикладная как сегмент исполняет не только инструментальную роль «осмысления многообразных социокультурных практик», но выступает важным компонентом «процесса разработки и обоснования практических действий, направленных на решение социально значимых проблем в самых разных областях – от формирования культуры здоровья личности до сохранения и актуализации культурного наследия региона/страны посредством создания национально значимых проектов» [12]. Среди (пятидесяти) перечисленных культурологических концептов, значимых для практико-ориентированного анализа, есть понятия «культурная идентичность» и «культурная идентификация» (автор обеих энциклопедических статей – А. В. Костина).

П. С. Гуревич пишет о том, что этот феномен антропологический и является человеческой потребностью как со стороны индивидуума (самоотождествление), так и со стороны социума (представление социальной части

личности) [13]. В связи с этим феномен идентичности раскрывается как отношение, формируемое в ходе социального взаимодействия: «Идентичность всегда выражает сложные связи и взаимоотношения, которые постоянно меняются, преобразуются». Однако, по мнению ученого, идентичность также и социальный феномен, который проявляется на уровне государств, стран, цивилизаций как потребность в самоуверенности, поиске ответа на вопрос «Кто мы?». Поэтому сложность идентичности заключена в ее принципиальной процессуальной природе, не имеющей итоговой точки, не обладающей тяготением ни к завершенности, ни к предельной открытости. Ученый резюмирует: «При такой трактовке идентичность по определению не может считаться чем-то сохранным, нераздельным, слитным. А это означает, что идентичность и не способна утвердиться. Это вечный процесс самокорректировки, самоидентификации» [13, с. 960].

Виталий Куренной, определяя специфику современных культурных исследований пишет о том, что они связаны прежде всего с междисциплинарным и постдисциплинарным (против академической дисциплинарности) полем предметной и методологической идентификации и практико-ориентированным конструированием социокультурных феноменов, в том числе с вопросами производства и воспроизводства идентичностей [3]. Следовательно, культурные исследования строятся прежде всего на качественной методологии.

Согласно В. Куренному, исторически программа культурных исследований сформировалась в зарубежной науке в три этапа: середина 1950-х начало – 1960-х годов (публикации ключевых работ «поколения основателей»: Р. Хоггарта, Р. Уильямса, Э. П. Томпсона), 1960–1970-е годы (основание Центра современных культурных исследований в Бирмингеме под управлением Р. Хоггарта и С. Холла), 1980–1990-е годы (консолидация ученых). Автор отмечает характерные особенности каждого этапа, которые важны для последующей истории культурных исследований.

На первом этапе поколение основателей сняло дихотомию высокой и низкой культуры; сформулировало критическое отношение к детерминистской схеме «базис – надстройка» (и в целом к редукционизму); способствовало выдвиганию культуры в центр исследовательского интереса как неотъемлемого аспекта социальной жизни; развило исторические методы социального анализа; привлекло внимание к исторической семантике, трактовало культуру как пространство политического конфликта и борьбы. Ученые привлекли

внимание к получению живого опыта от исследуемой реальности как в методологическом, так и в содержательном отношении. Вместе с тем они актуализировали ряд методологических инструментов исследования: культурно-антропологическое описание (не связанное с обязательным построением теории) и «понимающие методы» социокультурных наблюдений [3].

На втором этапе Стюарт Холл, создатель теоретического направления «Исследования культуры», представил *Cultural Studies* как процесс изучения символических форм и значений (производство идей, точек зрения, языков, практик, институтов, структур власти) и как территорию культурных практик (художественных форм, текстов, канонов, архитектурных принципов, товаров массового потребления и пр. – напр., см. [14]). Благодаря возникновению Центра современных культурных исследований и деятельности С. Холла в поиске альтернативных решений было пересмотрено большинство социальных и культурных теорий, а также подходы функционализма и позитивизма (как нередукционистские), этнометодологии, символического интеракционизма и социального конструктивизма. Результатом этого стала разработка концепции «кодирования – декодирования» в отношении любого культурного или медийного артефакта, который полноценно анализируется посредством пяти взаимосвязанных элементов: продукции, потребления, регуляции, репрезентации и идентичности. Иными словами, все элементы существуют в любом культурном или медийном артефакте и должны быть проанализированы для получения наиболее полной информации, причем функция идентичности – проявить сущность артефакта: «каким образом в своем употреблении или в рамках культурных практик он способствует конституированию социальных идентичностей» [3, с. 53]. Также Холл констатирует, что «культура организована как язык» (кодирование и декодирование смыслов), а культурные исследования есть интеллектуальная практика выращивания органических интеллектуалов междисциплинарной направленности, решающих проблемы социальной реальности.

На третьем этапе, где концепция Холла не находит большой поддержки со стороны ученых, культурные исследования переходят в русло постмодернизма. Типология направлений этого периода представлена у Оливера Марчарта: «Исследования субкультур (молодежные, альтернативные, суб- и клубные культуры); медиаисследования (культура, коммуникация и политика сигнификации), дискурс и идентичность (раса, класс, гендер и т. д.)».

Рассмотрев историю культурных исследований, В. Куренной резюмирует: в российской науке развитию программы культурных исследований уделено

крайне мало внимания. С одной стороны, в постсоветский период доминировали структуралистская и постструктуралистская традиции, что противоречило британскому культурализму, с другой – существующая критика идеологии советского прошлого не позволяла одновременно пользоваться интеллектуальной базой 1970-х годов. Следовательно, современные культурные исследования должны быть направлены на создание и предложение новых интеллектуальных программ (таких, как британская программа культурных исследований XX столетия), политически нейтральных, нацеленных на эвристическое познание, исследовательскую стратегию, методологическую проработку нерепрезентативных социокультурных («или культурсоциологических») исследований, отказ от литературоцентристского и кабинетного профиля ученого, освоение различных методик качественных эмпирических исследований. В. Куренной акцентирует внимание на практико-ориентированном подходе современных культурных исследований: «Ориентация на живой опыт, конкретные практики и подчеркнутое значение индивидуальной активности, присутствующей в «культурализме» культурных исследований, – важный источник для преодоления также кабинетного «структурализма», и далее: «Не следует упускать из вида и еще одну принципиальную особенность проекта культурных исследований. А именно, постоянную и напряженную работу с современной теорией, подвижную интеллектуальную отзывчивость, направленную против любых форм интеллектуального изоляционизма. Без усилия, нацеленного на постоянное теоретическое и методологическое обновление, культурные исследования не представляли бы того заметного интеллектуального явления, в качестве которого они в конечном счете смогли состояться» [3].

С точки зрения В. Куренного, программа российских культурных исследований находится в начале своего формирования. Нередукционистская позиция позволяет понять особую роль культуры как пространства кодирования и декодирования смыслов, существенно влияющих на формирование человеческой среды. Ученым предложен практико-ориентированный подход с применением качественной методологии эмпирических исследований в изучении культурных феноменов. Специфика развития российской культурологии также определена в статье М. А. Мониной «Культурология и/или *Cultural Studies*» [5]. Ученый пишет о том, что современная культурология должна приблизиться к анализу и интерпретации современной (коммуникативной) ситуации [5].

Таким образом, специфика концептуального и методологического основания к исследованию сложной идентичности в российской культурологии еще находится в стадии определения. Однако путь прикладных культурных исследований осознается учеными как один из эффективных в практико-ориентированном подходе, где базой должна стать качественная методология эмпирических исследований культурных феноменов.

В то же время, несмотря на обилие научно-исследовательских материалов по различным аспектам изучения феномена сложной идентичности, следует зафиксировать дефицит работ междисциплинарного характера, которые содержат в себе эффективный анализ перечисленных ранее научных направлений. Такой синтез важен при выявлении сложных форм идентичности как современного феномена культуры. По сути, применение культурологических, философских, исторических, социологических и психологических методов научного анализа предоставляет возможность выявить специфику сложных форм идентичности и механизма их формирования, что крайне важно для межнационального развития российского общества и государства.

Список литературы

1. Резник Ю. М. Социокультурный подход как методология исследований // Вопросы социальной теории. 2008. Т. 2. С. 305–328.
2. Розин В. М. Культурологические исследования // Проблемы культурологии. Античная культура. 2008. URL: <http://park.futureussia.ru/upload/iblock/c97/trvlg%20%20vfg%20.pdf>.
3. Куренной В. Исследовательская и политическая программа культурных исследований // Логос. 2012. № 1. С. 14–79.
4. Копцева Н. П. Культурно-антропологический проект социальной инженерии (проблема методологии современных прикладных культурных исследований) // Журн. Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Т. 1, № 3. С. 22–34.
5. Монин М. А. Культурология и/или Culture Studies // Вестн. Моск. ун-та. Серия: Философия. 2017. № 1. С. 78–84.
6. Никишенков А. А. История британской социальной антропологии. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2008. 494 с.
7. Белик А. А. Культурология: Антропологические теории культур. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т., 1999. 241 с.
8. Côté J. E., Levine C. G. Identity, formation, agency, and culture: A social psychological synthesis // Psychology Press, 2014. 268 p.
9. Côté J. Identity studies: How close are we to developing a social science of identity? – An appraisal of the field // Identity. 2006. Vol. 6, №. 1. P. 3–25.
10. Berger P. L., Luckmann T. The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge // Penguin Books. 1966. 249 p.

11. Дряева Э. Д. Проблема личностной идентичности: две стратегии исследования // Философские науки. 2016. № 10. С. 41–53.
12. Прикладная культурология: энцикл. / сост. и науч. ред. И. М. Быховская. М.: Изд-во «Согласие», 2019. 846 с.
13. Гуревич П. С. Идентичность многолика и взыскующая // Философия и культура. 2015. № 7. С. 957–961.
14. Азизов З. Стюарт Холл и локализация культуры // Moscow Art Magazine. №. 77–78. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/28/article/484>.
15. Авдеева Ю. Н., Дегтяренко К. А. Компенсаторные практики формирования этнокультурной идентичности // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 2. С. 34–48.
16. Букова М. И. Визуальная антропология и социальное конструирование // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1, № 2. С. 6–23.
17. Замараева Ю. С. Сложные формы этнической идентичности // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4, № 2. С. 75–89.
18. Замараева Ю. С. Формирование понятия «сложная идентичность» в современных гуманитарных науках // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 2. С. 89–102.
19. Кистова А. В. Становление философии культуры как методологической основы гуманитарного знания // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. С. 540.
20. Кистова А. В., Тамаровская А. Н. Произведения архитектуры и культурная идентичность // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. С. 597.
21. Колесник М. А. Философские аспекты понятия «культурная идентичность» // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 2. С. 22–33.
22. Колесник М. А., Ситникова А. А. Модель развития декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Красноярского края // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1, № 3. С. 42–59.
23. Копцева Н. П., Кирко В. И. Этнические характеристики и их аналитика в современных культурных исследованиях // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=12726>.
24. Копцева Н. П., Лещинская Н. М. Формирование российской культурной идентичности в образовательной деятельности современного университета посредством изучения истории русского изобразительного искусства // Педагогика искусства. 2012. № 4. С. 7–29.
25. Копцева Н. П., Середкина Н. Н. Конструирование позитивной этнической идентичности в поликультурной системе: монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. 183 с.
26. Лобакова Н. М. Социально-психологические особенности формирования гендерных образов в среде российского студенчества (результаты ассоциативного эксперимента) // ВВ: Проблемы общества и политики. 2014. № 10. С. 101–134.
27. Методы изучения культуры: учебник / Н. П. Копцева, Ю. Н. Авдеева, К. А. Дегтяренко, Ю. С. Замараева [и др.]; под ред. Н. П. Копцевой. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. 184 с.
28. Новые проекты для возрождения эвенкийского языка и культуры. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. 246 с.
29. Пашова Э. В. Тенденции и практики взаимодействия с коренными и коренными малочисленными народами в области образования // Сибирский антропологический журнал. 2021. Т. 5, № 1. С. 39–51.

30. Пименова Н. Н. Современная философская позиция по вопросу механизмов социокультурных изменений // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 2. С. 47–69.
31. Пчелкина Д. С., Авдеева Ю. Н. Способы этнической манифестации в виртуальном пространстве // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4, № 2. С. 143–152.
32. Сертакова Е. А. Социальный конструктивизм как концепция конструирования этноса // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 999.
33. Сертакова Е. А. Философские основания современной урбанистической антропологии // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 2. С. 70–86.
34. Ситникова А. А. Современные практики форсайт-исследования будущего социально-антропологических систем, в том числе этнокультурных групп северных регионов Российской Федерации // *NB: Проблемы общества и политики*. 2014. № 9. С. 44–62.
35. Шпак А. А. Научные подходы изучению сложной социальной идентичности // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 2. С. 191–203.
36. Influence of climatic conditions on the traditional economy of small-numbered indigenous peoples of Taymyr Dolgano-Nenets Municipal District (the Krasnoyarsk Territory) / Y. N. Avdeeva, K. A. Degtyarenko, N. N. Pimenova, V. S. Luzan // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2017. Vol. 10 (9). P. 1282–1293.

УДК 39:004.77

Д. С. Пчелкина

Ассистент кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

ЦИФРОВАЯ ЭТНОГРАФИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ В ИССЛЕДОВАНИИ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ*

Помимо того, что цифровое пространство стало сферой эртертеймента, образовательной платформой, она также становится и завоевывает всю большую востребованность как область конструирования и репрезентации различных аспектов идентичности человека, в том числе этнической. В настоящее время этнические процессы все активнее актуализируются именно в интерактивной среде. Цифровая этничность, конструируемая в социальных медиа, изучается «цифровой» этнографией, которая выступает базовой концепцией для исследования самопрезентации этнокультурных сообществ.

© Пчелкина Д. С., 2021

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края и Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта № 20-49-240001\20.

Ключевые слова: цифровая этнография, этнические процессы, этничность, этническая идентичность, этнос.

In addition to the fact that the digital space has become a sphere of entertainment, an educational platform, it is also becoming increasingly popular as a field of construction and representation of various aspects of human identity, including ethnic identity. Currently, ethnic processes are increasingly being actualized in an interactive environment. Digital ethnicity, constructed in social media, is studied by "digital" ethnography, which acts as a basic concept for the study of self-presentation of ethno-cultural communities.

Keywords: digital ethnography, ethnic processes, ethnicity, ethnic identity, ethnos.

Современные исследователи не пришли к единому выводу о том, что есть Интернет, а также о способах и степени его влияния на различные сферы развития общества. Некоторые до сих пор понимают интернет только как средство связи, позволяющее передавать данные, обеспечивающее комфортную технически коммуникацию. Однако эта точка зрения находит все меньше единомышленников.

Интернет воспринимают, рассматривают и изучают как новую реальность и новую социальную среду, которая способствуют реализации разных потребностей человека – общение, обучение, развлечение, работа, а также как аналог, технологически пришедший вслед за радиосвязью и телефонной связью.

Широкие социокультурные возможности виртуальной среды позволяют говорить о том, что получаемая информация из Интернета и возможности этого интерактивного пространства способны менять и трансформировать современное общество. По утверждению современного классика в области цифровых исследований Л. Мановича, «медиамашины были необходимы для функционирования массового общества». Не ограниченное ни временем, ни территориальными границами распространение одних и тех же текстов, визуальных и аудиальных образов среди большого количества людей в пространстве гарантирует распространение идеологических установок.

Социальные медиа сегодня дают человеку инструменты конструирования себя как личности и самоидентификации разных типов – личностной, социальной, гендерной, этнической, сексуальной и т. д. Не отходя от экрана технического носителя человек, может получить новые знания, завести знакомства, устроиться на работу, заработать деньги, т. е. сфера Интернет меняет жизнь человека регулярно, выводя на иной уровень реализацию потребностей индивида или группы. И информация, получаемая пользователем из сети Ин-

тернет, не является только информацией, но и средством формирования точек зрения, инструментом солидаризации или, наоборот, разобщения. Л. Манович называет такие возможности новых медиа «производством по требованию» (*production on demand*) с доставкой «точно в срок» (*just in time*) и подчеркивает, что эти характеристики особенно важны в развитии культуры. Человек, имея доступ к цифровым данным, компьютерным устройством, сегодня может производить и перепроизводить данные регулярно. Исследователь отмечает связь изменений, происходящих в медиатехнологиях и в социальном порядке: «Как логика старых медиа соответствовала логике индустриального массового общества, логика новых медиа соответствует логике постиндустриального общества индивидуального выбора».

Масштаб влияния социальных медиа на структуру общества оценивается по-разному: есть точки зрения, согласно которым произошла электронная революция, коренным образом изменившая культуру, другие точки зрения отстаивают мнение, что получение, обработка, распространение информации из Интернета накладываются на имеющиеся организационные структуры.

Информационно-коммуникативные трансформации влекут не только эволюционное преобразование или изменение отдельных элементов культуры, а изменение сущности системы культуры – за такими изменениями следует переход изменяющего качества в отличное от предыдущего состояние. Элемент системы культуры как клетка «заражается» или инфицируется, в ее границы встраивается нечто чужеродное, что запускает механизм изменений, и ДНК культуры постепенно трансформируется. Не происходит разрушения системы культуры, однако изначально чужеродная системе культуры составляющая становится «своей», переписывая программу элементов, схем действий, знаковых систем культуры. Этот процесс трансформации сложноконтролируемый, он создает ситуацию мутации культуры. Возникла необходимость теоретически и методологически освоить новые феномены, которые стали предметом исследований нового научного поля.

Этнические виртуальные сообщества рассматриваются как пространство репрезентации этнической идентичности, а также основные коммуникативные технологии «этнических» практик, представленных сегодня в интерактивной среде.

Исследования вопросов идентичности разной направленности, реализовывающихся в цифровой среде, находятся на стадии активного становления – диапазон поднимающихся научных вопросов начинается от уточнения названия направления до определения методологического аппарата. Они прини-

мают множество форм, появляющихся в разных дисциплинах: «Цифровая этнография», «Виртуальная этнография», «Киберэтнография», «Дискурс-центрированная онлайн-этнография», «Интернет-этнография», «Этнография в Интернете», «Этнография виртуальных пространств», «Этнографические исследования в Интернете», «Связанная с Интернетом этнография» и «Сетевая этнография (Нетнография)».

Цифровая этнография – область социальной и культурной антропологии, которая только начинает свое становление в научном мире. Это направление исследует взаимодействие человека и цифровых технологий. Методологические рамки цифровой этнографии близки методологическим подходам «традиционной» этнографии: включенное наблюдение, контент- и дискурс-анализ, насыщенное описание и глубинные интервью и т. п., – применяются в новой области этнографии, но контекст и объекты иные.

Объектами выступают элементы цифровой культуры – социальные сети, интернет-форумы, виртуальные миры видеоигр, геотэги, мессенджеры, хештеги. Теоретические рамки виртуальной этнографии разнообразны – конструктивистский подход с теорией «воображаемых сообществ», символический интеракционизм (А. Н. Маркхам), подходы, относящиеся к социальной антропологии (Белсторф), визуальные исследования.

Проведение цифрового исследования сопряжено с принципиальной необходимостью анализировать контекст: анализируемые объекты онлайн-среды ввиду специфичности самого пространства находятся в неразделимой связи, в виде гипертекста, перекрестных ссылок на различные информационные площадки. И каждое исследование предполагает индивидуальный набор методологических инструментов в зависимости от предмета исследования.

В рамках цифровой этнографии пространство Интернета не воспринимается только как инструмент исследования, когда изучаемые объекты могут быть изучены только виртуально. Изучая Интернет, исследователи используют метафору пространства, среды со своими специфическими характеристиками; виртуально пространство изоморфно физическому.

Также онлайн-пространство – это первостепенность анонимности и возможность «спрятаться» за вымышленными именем, внешностью и биографией. Оно устроено по своим законам и правилам, оно воспринимается пользователями именно как пространство – человек активно использует речевые обороты («выйти в Интернет», «зайти в Интернет» и т. п.) употребляя крите-

рии пространства к тому, что не является им в традиционном смысле физических параметров.

Применение современных интернет-технологий трансформирует самоопределение этнических групп. Для цифровой этноманифестации происходит селекция определенных феноменов, формирующих этничность. Некоторые практики возможно представить именно в сети Интернет, а какие-то доступны для воплощения вне интерактивного пространства. В случае функционирования сетевых сообществ этнических групп ключевыми практиками этнической манифестации являются обсуждение языковой ситуации, проведение национальных мероприятий, государственные дотации и необходимые процедуры для их получения и т. п. Во многом именно эти вопросы являются краеугольными в дискурсе сохранения и воспроизводства традиционной культуры. Также благодаря отсутствию физических границ распространения сети к самопрезентации привлекаются носители этнической культуры, находящиеся в разных концах мира, тем самым публичный образ сообщества более масштабный, глобальный.

Как было сказано выше, на момент становления цифровой этнографии активно использовались различные названия дисциплины, но по мере развития научной области произошла некоторая дифференциация: виртуальная этнография занимается изучением виртуальных миров компьютерных игр, анонимных форумов, т. е. тех цифровых площадок, которые слабо связаны с реальным миром и где человек может оперировать выдуманным именем, быть существом любого вида.

Список литературы

1. Манович Л. Теории софт-культуры. Н. Новгород, 2017.
2. Androustopoulos J. Potentials and limitations of discourse-centred online ethnography // *Language@ internet*. 2008.
3. Beaulieu A. Mediating ethnography: Objectivity and the making of ethnographies of the internet // *Social Epistemology*. 2004. № 2-3.
4. Boyd D. How can qualitative internet researchers define the boundaries of their projects: A response to Christine Hine // *Internet inquiry: Conversations about method*. 2008.
5. Burrell J. The field site as a network: A strategy for locating ethnographic research // *Field Methods*. 2009.
6. Ethnographic approaches to the internet and computer-mediated communication // *Journal of Contemporary Ethnography* / A. C. Garcia [et al.]. 2009.
7. Hine C. *Virtual ethnography*. Sage, 2000.

8. Kozinets R. V. Netnography: Doing ethnographic research online. Sage publications, 2010. № 21 (2).
9. Markham A. N. Fieldwork in Social Media What Would Malinowski Do? URL: https://anettemarkham.com/wp-content/uploads/2010/04/QCR0204_05_Markham.pdf.
10. Murthy D. Digital ethnography: An examination of the use of new technologies for social research // Sociology. 2008. № 5.
11. Nardie B., Burlstorff T. Ethnography and Virtual Worlds: A Handbook of Method. Oxford, 2017.
12. PostillJ., Pink S. Social media ethnography: The digital researcher in a messy web // Media International Australia. 2012.
13. Robinson L., Schulz J. New avenues for sociological inquiry: Evolving forms of ethnographic practice // Sociology. 2009. № 43.
14. Sade-Beck L. Internet ethnography: Online and offline // International Journal of Qualitative Methods. 2004. № 3 (2).

УДК 39=512.212 (571.512)

Н. Н. Пименова

Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

ЭВЕНКИ ЭКОНДЫ: КУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В СРЕДЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ

Статья посвящена результатам полевого исследования научной группы Сибирского федерального университета в поселок Эконда Эвенкийского муниципального района Красноярского края осенью 2019 года и раскрытию специфики классификации, предложенной норвежским социальным антропологом Томасом Х. Эриксенем в связи с обсуждением этничности, в применении к исследованиям коренных сообществ. В ней рассматривается специфика таких обществ, как индигенные народы, их неоднородность и связь этой дифференцированности коренных этнообщностей с опытом экзогенной модернизации. Опыт изучения трансформаций в культурных пространствах посредством применения классификации Т. Х. Эриксена продемонстрирован на материале экспедиции.

Ключевые слова: коренные народы, этничность, Томас Х. Эриксен, городские этнические меньшинства, протонации, традиционные, индустриальные и постиндустриальные социальные практики, эвенки, Эвенкия, Эконда.

The article is devoted to the results of a field study of a scientific group of the Siberian Federal University in the Ekonda settlement of the Evenki Municipal District of the Krasnoyarsk Territory in the fall of 2019 and to the disclosure of the specifics of the classification proposed by the Norwegian social anthropologist Thomas H. Eriksen in connection with the discussion of ethnicity, as applied to studies of indigenous communities. It examines the specifics of such societies as indigenous peoples, their heterogeneity and the relationship of this differentiation of indigenous ethnic communities with the experience of exogenous modernization. The experience of studying transformations in cultural spaces through the application of the T. H. Eriksen classification is demonstrated on the material of the expedition.

Keywords: indigenous peoples, ethnicity, Thomas H. Eriksen, urban ethnic minorities, protonations, traditional, industrial and post-industrial social practices, Evenks, Evenkia, Ekonda.

Введение. Актуальным предметом научного интереса современной социальной (культурной) антропологии является своеобразие коренных народов в ситуации модернизационных и глобализационных процессов. И то, каким образом поддерживается исконная этничность этих этногрупп, как сохраняется или видоизменяется представление о традициях и наследии. Эвенкийское культурное наследие в настоящий момент находится в зоне пристального внимания, как ученых, так и интеллектуальной элиты этноса, в то же время как формат сохранения чаще используются академические формы фиксации эвенкийского языка, традиций, характерных черт традиционного образа жизни задача, и задача нахождения актуальных способов сохранения всего этого культурного многообразия остается насущной. Нельзя не признать, что традиционный образ жизни эвенков претерпел значительные изменения в ходе XX века. Сегодня в процессе реиндустриализации северных и арктических территорий Красноярского края коренные малочисленные народы – это равноправные экономические субъекты, ведущие традиционную экономику. Экономические и культурные практики эвенков в современных условиях и воспроизводятся в способах традиционного жизнеобеспечения, и интегрируются, трансформируются под влиянием модернизации, урбанизации, глобальной и массовой культуры. Подход антрополога Т. Х. Эриксона к этничности и его классификация коренных сообществ обращает внимание на существенные изменения, происходящие в среде индигенных народов, и то, как эти изменения преобразуют этнос и его состав [1–5].

Методы и материалы. Материалами исследования выступили собранные в ходе экспедиции по проекту «Актуальные способы сохранения эвенкийского культурного наследия» наблюдения и интервью с представителями эвен-

кийского этноса. Полевое исследование в поселке Эконда Эвенкийского муниципального района Красноярского края, где компактно проживают представители эвенкийской этногруппы, осуществлено в 2019 году (9–23 сентября) научной группой кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета: доцентом кафедры, кандидатом философских наук Н. Н. Пименовой и аспирантом кафедры А. И. Филько. Основными методами исследования выступили методология полевого исследования, методы интервью и наблюдение (при использовании видео-, аудио- и фотофиксации, расшифровки интервью, а также ведении полевого дневника), анализ полученных данных (текстов интервью, наблюдений). Ключевой задачей экспедиции стало изучение современного состояния культурного наследия эвенков – эвенкийского языка, традиционных видов хозяйствования и искусства, своеобразия сегодняшнего образа жизни эвенков в поселке Эконда. Также методологически данное исследование опирается на подход к этничности социального антрополога Т. Х. Эриксона и предложенную им классификацию коренных сообществ (городские этнические меньшинства, коренные народы, протонации как этнонационалистические сообщества и этнические группы в «неоднородных обществах»), принятую в качестве типологии внутреннего разнообразия индигенных групп в современных условиях. Характеристика групп, входящих в типологию Эриксона [5], позволяет увидеть, что их ключевые различия лежат в границах средств фиксации идентичности и степени включенности представителей в современные индустриальные и постиндустриальные социальные практики.

Результаты. Полевое исследование позволило обнаружить сложноустроенность сегодняшнего эвенкийского этноса на примере эвенков пос. Эконда, традиционные социокультурные практики которых претерпели серьезные изменения, несмотря на высокую сохранность некоторых исконных способов хозяйствования. Стоит сказать, что в целом коренной народ сегодня – это сообщество, консолидированное на основе этничности в контексте отношений с доминирующим этносом, имеющее исторический колониальный (неоколониальный) опыт и опыт его рефлексии, в результате чего индигенный этнос фиксируется внутренне дифференцированным. Процессы изменений в среде коренных народов в большой степени связаны с внешней детерминацией и являются результатом разного рода реакций представителей этноса на экзогенную модернизацию культурную травму. По отношению к Эконде и ее населению модернизационный процесс справедливо назвать внешним, по-

скольку все трансформации в культурном пространстве экондинских эвенков были инициированы силами извне сообщества – государственной властью, контактами с инокультурным населением страны. Как и представителей других коренных этносов Севера и Сибири, экондинцев коснулись коллективизация, введение новых форм хозяйствования и смена кочевого образа жизни на оседлый, включение населения в систему обязательного образования и производственно-потребительский круг. Поселок Эконда – достаточно удаленный от административного центра населенный пункт Эвенкии, расположен в 300 м от Туры на северо-восток в тундрово-таежной зоне на левом берегу реки Виллой, добраться в поселок можно только вертолетом. На сегодняшний день население поселка составляет 334 человека, эвенков здесь наибольшая часть, 325 человек (также проживают 2 человека якутской национальности и 7 – русской). До середины XX века экондинские эвенки вели исключительно кочевой образ жизни, историю модернизации жизни этого общества можно представить как ряд следующих ключевых этапов [6]:

1) 1920–1940-е годы: появление формы «простейших производственных объединений» и колхозов как способов хозяйствования, поток переселенцев: образование 19 туземных Советов в 1924 году (преобразованы в родовые, в этом статусе просуществовали до 1930 года), образование фактории Эконда при колхозе «Новая жизнь» в 1936 году (на берегу озера Томпоко; слияние ППО «Красное знамя труда» и им. Стаханова, колхозники-экондинцы вели еще кочевой образ жизни), 1940 год – прибытие переселенцев (40 семей в статусе спецпереселенцев, среди которых и немцы Поволжья [6, с. 17]);

2) конец 1940-х годов: постройка фактории Эконда на берегу реки Виллой и переход к оседлому образу жизни (в 1948 году в Эконде появилась первая начальная школа, в послевоенное время образован кирпичный завод, в 1952 году открылась звероферма и начато авиасообщение, открыт аэропорт);

3) конец 1980–1990-х годов: период распада производств (колхоз – прекратили существование и оленеводство, и выращивание овощных культур, звероферма, пилорама);

4) 2000-е годы: начало восстановления социальной сферы (поддержка детского сада, школы, сельского клуба, библиотеки; строительство новых объектов – третий год возводится жилье для отличившихся охотников, в 2018 году открыты новые школа и сельский ДК; попытки развития семейных хозяйств).

Все этапы связаны с изменениями прежних социальных структур в русле государственной экономической и политической воли, на каждом из этапов

активистами этих процессов выступали лидеры, входящие в состав экондинских эвенков, тем не менее эти изменения нельзя назвать внутренними трансформациями.

Часть сегодняшних жителей Эконды можно было бы отнести к группе «городские этноменьшинства» по степени их включенности в практики индустриального характера. Так, значительная часть населения получила не только обязательное среднее, но и средне-специальное и высшее образование, именно за этими людьми закреплены немногочисленные официальные рабочие места в поселке: в администрации, школе и детском саду, библиотеке, ФАПе, доме культуры, почтовом отделении, пекарне, на дизельной электростанции, в «кочегарках» (например, при ДК). Дети в обязательном порядке после окончания экондинской начальной школы отправляются в школу-интернат в Туре. Многие родители в интервью высказывают надежду, что дети будут и дальше получать образование и будут иметь возможность поселиться в Туре или Красноярске (о тех, кто получает высшее образование, в том числе в Красноярске, как дочь школьной учительницы Э. М. Ивановой, здесь говорят с особой гордостью). В частности, индустриальные социокультурные практики особенно активно используются экондинцами в деле сохранения родного языка и традиционной культуры (обучение эвенкийскому в школе, проведение мероприятий местным ДК и библиотекой, участие в общеэвенкийских конкурсах традиционной культуры, работа фольклорного ансамбля «Улгэн», сохранение и трансляция культурного наследия в музейном формате – музей при ДК и в детском саду).

Группа «протонация» также представлена сообществом Эконды: в поселке есть активисты, лидеры этногруппы (А. А. Удыгир, заведующая библиотекой; Л. А. Андреева, директор ДК), которые ведут по собственной инициативе большую социальную работу по поддержанию исконной идентичности не только в своей семье, но и среди односельчан, при этом активно привлекая медиатехнологии – записывая видеоролики обрядов, устраивая киносеансы и мероприятия на эвенкийском языке, переводя, исполняя и сочиняя песни на эвенкийском, приумножая набор узнаваемых знаков этноса (как в случае ударных музыкальных инструментов, не встречавшихся ранее, но созданных и названных исконными).

При этом в какой-то степени социокультурные практики современных экондинцев можно причислить к наименее трансформированным, близким к традиционным. Так, основным видом хозяйствования в большинстве семей

является охота и рыбалка, охотничий промысел устроен наиболее близким традиционному образам (родовые угодья сохранились в традиционных границах, исторические родовые лабазы поддерживаются охотниками, распорядок охотничьего сезона и основные способы остались прежними, как и часть обмундирования охотника – именно на промысле активнее всего используется национальный костюм и традиционные средства, например, камусовые лыжи).

Традиционные формы хозяйствования в современной Эконде. Несмотря на то, что Эконда – поселок, стабильных рабочих мест («зарплатных», как говорят местные) довольно немного, и потому основным способом заработка семей по-прежнему является охота. Оленеводство, как и другое скотоводство (когда-то некоторые жители поселка держали свиней, коров), ушло в прошлое: последние стада, как говорят респонденты, распустили года три назад. Мужчины поселка заняты традиционными промыслами – охотой и рыбалкой, а в сентябре – активной подготовкой к охоте: во дворах домов сколачивают каркасы (что-то наподобие балков, полозья для них достаточно массивные, стоят возле домов), ремонтируют технику, готовят снаряжение, закупают топливо (не меньше двух бочек требуется, по словам местных, чтобы отохотиться и вернуться с добычей), а также обеспечивают семьи – заготавливают воду и дрова для жен. Обычно мужчины по месяцу охотятся в тайге, после приезжают, привозят добычу, неделю отдыхают дома и готовят новую поездку, возвращаются в тайгу. Осень и весна – сезон охоты на дикого оленя (называют это «диковать») и сохатого, зима – сезон пушного зверя. Летом и мужчины, и женщины, и дети рыбачат – на реке Вилюй и на озерах, ставят сети (плавают проверять сети на легких эвенкийских лодках – «ветках», их изготавливают сами) и «кандачат» (так называют рыбалку на удочку), ходят и на зимнюю рыбалку. При этом рыбалка все же, скорее, не способ заработка, а способ добычи пропитания. Рыбу заготавливают – солят, коптят, вялят, как и мясо, которое также замораживают сырым, и кровь оленя (готовят суп из крови с мукой и сухими приправами, чаще всего упоминают, что такой суп дают детям, больным, роженицам, кормящим матерям). Одна из основных статей дохода местных жителей – выручка от сдачи мяса и камуса перекупщикам. Экондинцы жалуются, что ценник у скупщиков невысокий. Но и говорят, что даже в таких условиях выручка покрывает расходы на охоту и дает обеспечить семьи (топливо, продовольствие). При этом, конечно, охота сегодня не совсем традиционна: эвенки Эконды используют все технические средства – снегоходы, охот-

ничьи ружья. Тем не менее сами практики выслеживания зверя и подготовки собаки скорее близки традиции. Так, говорят, что если собаку правильно воспитать, то она за тебя охотится – «приходишь на все готовое». Также довольно много хитростей охотничьего дела озвучивают экондинцы – традиционных примет, позволяющих обнаружить зверя. Территории в тайге («делянки»), на которых охотятся мужчины, распределены также в соответствии с историей места и традицией: говорят, что участки эти им перешли по наследству («как испокон веков предки охотились – так и до сих пор это их участки»), а значит, утверждают, и лабазы там – их предков. На этих участках у семей стоят охотничьи избы – лабазы. Также говорят, что, уезжая, обязательно нужно оставить в избе запас провизии и дров на случай, если заблудший охотник выйдет к этой избе. Избы в тайге по этой причине не запирают, и делятся рассказами, как такой ночлег спас кому-то жизнь. Много историй ходит и о трагических исходах охоты, и местные жители осознают, что охотничий промысел – большой риск, причем не только из-за возможности встречи со зверем (как в рассказах о нечаянных встречах с медведем, преследовании им охотника), но и из-за экстремальных условий жизни в тайге и риске заблудиться в пургу, провалиться под лед. Важными мужскими качествами в таких рассказах местные жители называют стойкость, рискованность и готовность экстренно реагировать на экстремальные ситуации. Мужчины Эконды действительно азартные охотники: Иван Андреев делился, что только снег выпал – так уже нет сил дожидаться отъезда в тайгу. В интервью отчетливо выделяется особый кодекс поведения охотника, не нарушимый эвенками по сей день и предполагающий взаимовыручку (вплоть до запаса продовольствия и дров в избе для заблудшего охотника) и предельную осторожность, в том числе в обращении с чужими вещами и угождями (уважение ко всему в лесу, в том числе к чужим лабазам и их содержимому).

При этом многие из респондентов отмечают, что такой традиционный способ хозяйствования, как охота, нуждается в поддержке экономической сетью: «были бы пункты сбыта по справедливой цене – нормально бы жили мы». Тем более, что цены в магазине не самые скромные: так, булка хлеба стоит в Эконде 65 рублей, самым дешевым продуктом можно назвать макароны, а всякого рода консервы, заменяющие в период трудного снабжения (этим летом сильно обмелели реки и доставка баржами в Туру, а следовательно, и в поселки, сильно сократилась, а потому овощей, например, в магазине не было совсем, компенсируют это только консервы), стоят

от 60 до 300 рублей. Именно поэтому, например, пожилые жители Эконды по сей день рыбачат – это простой способ разнообразить рацион: «так рыбы поймал – вот тебе питание, булку хлеба купил к ней – и все, а этим летом трудно», как поделился Алексей Иннокентьевич (летом 2019 года Вилюй обмелел так, что рыбалка стала практически невозможна).

Таким образом, традиционные формы хозяйствования достаточно развиты среди эвенков Эконды сегодня, в частности, по причине отсутствия других возможностей дохода. При этом, по словам некоторых представителей пожилого поколения, мужчины помладше выбирают охоту по причине меньших усилий, затрачиваемых в сравнении, например, с оленеводством: «охота проще, чем оленя разводить, это же трудно, нужно его караулить, ухаживать, это напрягаться надо – вот и нет больше ни стада». При всем этом младшее поколение – мальчишки, довольно часто как личную перспективу озвучивают «быть охотником, как отец», «жить в тайге». И практически никакого отклика не получают вопросы о перспективе быть оленеводом, поскольку в практиках взрослых эвенков Эконды этого нет, а дети воспринимают этот способ хозяйствования как далекое прошлое своего народа.

Традиционные формы эвенкийской культуры в Эконде. Такие традиционные формы культуры, как искусство и исконная религия, очень неоднородно сохранены в современной Эконде. О шаманах в поселке, по словам жителей, не слышно достаточно давно, и личных историй, в которых упоминались бы факты шаманистических практик, в течение полевого исследования не встретилось. Единственные сведения о шаманизме в Эконде имеются в издании «В краю голубых озер». В главе «Борьба с кулаками и шаманами» говорится о том, что в 1930-е годы в Экондовском кочевом совете были зарегистрированы четыре кулака, а также жили и шаманы, среди которых Бурускан Эмидак, Филипп Яковлевич Елдогир, Лаврентий Эмидак [6]. Сегодня в беседах местные жители не вспоминают ни их имен, ни того, что были свидетелями деятельности шаманов. Тем не менее шаманистические представления живы по сей день среди экондинцев, существуют в форме суеверий и традиционных практик. Вероятно, в связи с тем, что ключевой деятельностью мужчин является охота и длительное время они находятся один на один с тайгой, часто удается услышать о природе как одушевленной, а также о том, что она населена местными духами. Правда, прямых высказываний, фиксирующих это, не встречается, скорее, это возможно понять по особенностям описаний охоты и другого пребывания на природе, а также по рассказам о традициях.

Как, например, традиция просить прощения у медведя, если в пищу употребляется медвежье мясо: «помню, в детстве кусочек возьмешь, скажешь "кик" и кушаешь. Потом снова кусочек возьмешь – "кик", и кушаешь. Прощения просишь». При этом ни один из респондентов не назвал это формой проявления уважения к медведю как к первопредку, священному существу, а скорее, некоторые озвучивали вполне прагматичное значение этого обряда – чтобы медведь потом не преследовал охотника (по этой причине, говорят местные, на медведя и не охотятся намеренно). Часто эта традиция объясняется в контексте уважения к медведю как к сильнейшему зверю в тайге.

Также среди эвенков Эконды распространено представление об обязательном «кормлении» места: когда пребываешь на новое место, нужно «покормить печку» (если это поселок, дом) или «покормить реку» (если прибыл на новое место на природе). Печь и огонь (когда он разведен на открытом воздухе) «кормят», если приходят в гости, приезжают на новое место жить (в командировку, например), по традиции оленьим нутряным жиром, бросая в пламя кусочки. Смысл этого действия местные озвучивают как получение гарантии благополучия и в доме, семье хозяев, и в делах гостя. Реку принято «кормить» также из соображений гарантии благополучия («чтобы место тебя приняло, чтобы и там, и у тебя все хорошо было»), например, монетами. Интересно, что также удалось познакомиться с распространенной среди эсеевских якутов практикой кормления реки в случае неудачи или острой нужды в везении, то есть это действие совершается с магическим смыслом – привести обстоятельства в соответствии с желаемыми (например, при ожидании вылета в нелетную для вертолета погоду). При этом в практиках эвенков Эконды нет прямо озвучиваемой магической функции: «кормление» реки, огня, печи осуществляется не с конкретной целью или просьбой, а в знак уважения, хотя и с расчетом на грядущее благополучие.

Уважение проявляют местные жители и к духам людей и семейным покровителям, хотя их так и не называют, тем не менее традиция не заходить в чужой встреченный в тайге лабаз и запрет на то, чтобы трогать или брать оттуда какие-либо вещи (даже веточки) жива среди охотников – мужчин как молодых, так и в возрасте. Исключение составляют случаи, когда человеку негде переночевать в тайге. В знак уважения к хозяевам принято оставлять в таких местах подарки («чай, курить и сахар», «спички, курить, соль, чай»). Даже если лабаз заброшен и понятно, что хозяев его в живых уже нет (рассказывают охотники про старые лабазы в тайге, при которых находили еще

кремневки, т. е. лабаз был обитаем не позднее первой половины XX века). Все это свидетельствует о сегодняшней актуальности представлений охотников и их семей о том, что души умерших присутствуют в местах их земной жизни, о прежней развитости культа предков как хозяев места и сегодняшних формах его существования.

Традиционное декоративно-прикладное искусство эвенков, как и в целом на территории Эвенкии, в Эконде претерпело изменения. Тем не менее, эта практика жива: в поселке имеются мастерицы, некоторые мастера – родственники респондентов, уже переехали в Туру, Красноярск (как Н. И. Черончина, известная в поселке мастерица, родственница Л. А. Андреевой и А. А. Удыгир). При этом техника вышивки сохранена, изменены в основном темы, сюжеты (далеко не всегда это геометрический и зооморфный пространственный в эвенкийской традиции орнамент), а также материалы (используются, в том числе, искусственный мех, готовая тесьма, крупные бусины и т. д.). Традиционные формы известны даже младшему поколению: так, на уроке эвенкийского языка, когда речь зашла о кумалане, дети говорили, что знают, что это за предмет, отвечали на вопрос о том, для чего он использовался, а некоторые даже описывали наиболее традиционную форму, говорили, что дома есть кумаланы, изготовленные бабушками. Тем не менее, традиционный орнамент не является прочно усвоенным экондинскими школьниками, о чем позволяет судить ход выполнения задания на уроке. Об этом же говорит и отсутствие специализированных форматов передачи традиции: ни в сельском ДК, ни в школе, ни в библиотеке не встретилось упоминание кружков, которые бы занимались подобным творчеством. Вероятно, в этом направлении могут организовываться разовые мероприятия, приуроченные к ключевым этноориентированным событиям, как День Эвенкии, Международный день коренных народов и т. д.

Традиционная одежда, тем не менее, оказалась достаточно распространенной в Эконде, но носят ее эвенки не в условиях поселка, а на охоте в тайге. Говорят, лучшей защиты от влаги и мороза просто не найти. В семье Андреевых дети, приезжающие на каникулы, в поселке носят традиционную зимнюю обувь, родители хранят ее на антресолях до их приезда (Любовь Анатольевна сама шила обувь детям и мужу). Супруг на зимней охоте тоже только в такой традиционной обуви из камуса, унтах, подошва которой сшита из копытных щеток, отчего «ей сносу нет». Также использует ноговицы, дополняющие унты как бы до высоты бокарей (доходят до бедра). В ходу также

камусовые лыжи – говорят, равных им нет и в скольжении по движению, и в подъеме на горку, поскольку камус не дает скользить назад. Тимур, сотрудник детского сада, демонстрировал свои лыжи, которым к сезону собирается поменять камус. Его охотничье обмундирование на несезонное время он принес в этномузей детского сада, помимо лыж там же хранятся его рукавицы из меха росомахи, шапка. Говорит, что в сезон заберет их – на охоту отправляется только в этой проверенной традиционной одежде. При этом национальная одежда на праздничных мероприятиях, скорее, представляет собой стилизацию, как и костюмы в хореографических постановках (так, даже бубен в одной из показанных в сельском ДК постановок был не эвенкийским, а сувенирным из Хакасии с характерным изображением личины в иконографии окуневской культуры). И это не вызывает у местных эвенков никакого смущения и ощущения диссонанса, вероятно, потому, что костюм традиционный сохранился в большей степени как функционально незаменимое охотничье обмундирование. При этом не только старшее поколение, но и сегодняшние 30–40-летние вспоминают, что в юности носили традиционную одежду: «Так нарядишься, оленей запряжешь – все девчонки твои», – как рассказывает о юности Иван Андреев.

Из традиционных предметов встречались также в ходе экспедиции люльки – «эмкэ», лари для посуды, выючные сумки, нарты, но большинство этих предметов – не в домах и быту, а в уже организуемых местными эвенками музеях. Один из них – с достаточно богатой экспозицией, содержащей и предметы одежды, и орудия рыбалки, охоты, труда (короткорукоятная острога, скребки для выделки кож и т. д.), – размещается в детском саду поселка, другой – только создается в сельском клубе. Пока в музее ДК собраны три аутентичных вещи: седло с сохранившейся обивкой из камуса и пластиной из кости (эвенк. «лосоко»), люлька (эвенк. «эмкэ») из гнутого дерева, сшитая ровдужными шнурами, ящик для посуды (эвенк. «ходок»). В музее в детском саду, созданном силами сотрудников под руководством инициатора Г. П. Елдогир, есть и нечасто встречающиеся вещи, как, например, летняя (или нижняя, под меховую), но праздничная шапочка, расшитая бисером. Из предметов в обиходе, по словам эвенков Эконды, остались нарты (их используют как грузовой прицеп к снегоходу, что часто встречалось и в других экспедициях по Эвенкии и Таймыру), а также встречаются лабазы и чумы. Несмотря на то, что охотничьи стоянки – это избы, и кочевых практик достаточно давно нет среди экондинцев (оленоводство прекратилось, по словам

местных, года три назад), но чумы иногда устанавливают в поселке рядом с домами. Так, во дворе дома Андреевых чум установлен для того, чтобы коптить в нем рыбу (также сохранились и до сих пор применяются своеобразные подвесные циновки, на которых над дымом от костра и вялится/коптится мясо или рыба) и, как признаются хозяева, иногда посидеть на свежем воздухе, «пошашлычить». В нем же для участников экспедиции был проведен обряд встречи гостей. А лабаз на невысоких столбах сохранился во дворе дома А. И. Панкагира («еще бабушки лабаз»).

Интересно, что формы фиксации традиции, культурного наследия эвенков в Эконде в основном академические: это музеи, архивы (в музее детского сада также довольно значительный документальный и фотоархив жизни Эконды), обращение к научным изданиям (в библиотеке довольно большой краеведческий раздел, представленный как литературой по эвенкийскому языку, так и этнографическими изданиями). В этой связи заметно и то, что некоторые формы традиционной культуры сохранились и не потеряли своей актуальности (зимняя одежда для охотников), а некоторые, скорее, реконструируются и стилизуются, как в случае, например, с деятельностью Дома культуры. Праздники в Эконде всегда сопровождаются большими концертами или же представлениями талантов семей-участников (формат празднования Международного дня коренных народов – это фестиваль родовых подворий). Видеозаписи концертов и конкурсов жители Эконды охотно демонстрируют, пересматривают сами, при этом репертуар песен на эвенкийском языке нельзя назвать большим – из традиционных песен в нем, пожалуй, «Ехорье», остальные, скорее, авторские песни на родном или русском языках, как песни почтенных местными жителями Е. А. Курейской [7] или В. Д. Хоменко. Выбирают экондинцы и современные аранжировки «минусовок» в качестве аккомпанимента при исполнении песен или танцев. В Эконде ведет свою деятельность ансамбль «Улгэн», по словам участников, исполняющий фольклорный репертуар. При этом среди исполненных исследователям песен лишь песни XX века и современные, в том числе «Эконда», «Увезу тебя я в тундру» и песня собственного сочинения. Музыкальное сопровождение также скорее стилизовано под традицию, нежели продолжает ее. Так, в качестве национального музыкального инструмента А. А. Удыгир представила ударный инструмент – трещотку из оленьих копыт (в связке – нанизанные на тесьму или привязанные связкой на олений рог), рассказав также, что даже ансамбли из Туры снабдила подобными инструментами. При этом подобный инстру-

мент не встречается в описаниях музыкальной традиции эвенков исследователями [8].

Выводы. Внутреннее разнообразие индигенного этноса в современной ситуации является результатом трансформаций в этнокультурных пространствах как способов проживания модернизации, носящей внешний по отношению к этносообществу характер. Дифференциация групп этносообщества позволяет фиксировать и описывать уровень активности каждой из групп народа и включенности в современные социальные институты и практики индустриального и постиндустриального общества, а также то, практики какого типа выступают в качестве ведущих факторов формирования и поддержания исконной идентичности представителей народа. Так, этничность группы людей, минимально включенных в современные социальные институты и в большой степени воспроизводящих традиционный образ жизни («коренные народы»), способна быть сохраняемой при минимуме конструирования идентичности ее представителей извне. Тогда как этническая идентичность людей, значительно вовлеченных в жизнь современного социума (социально, экономически, политически), нуждается в большей активности применения средств, намеренно конструирующих ее. Часто такими средствами становятся образы и знаки, наиболее присущие практикам постиндустриального общества (академический и медийный образ народа и его представителей, узнаваемые знаки исконной культуры вне их прямого функционирования – орнамент вне специфики значений, образы традиционного жилища и т. д.).

Исследование группы эвенкийского народа, проживающей в поселке Эконда Эвенкийского муниципального района Красноярского края демонстрирует возможности применения классификации Т. Х. Эриксона в изучении трансформаций в культурном пространстве одного из ярких представителей коренных народов Севера.

Список литературы

1. Eriksen T. H. Between universalism and relativism: a critique of the UNESCO concept of culture // *Culture and rights: Anthropological perspectives*. 2001. P. 127–148.
2. Eriksen T. H. Ethnic identity, national identity, and intergroup conflict // *Social Identity, Intergroup Conflict, and Conflict Reduction*. 2001. № 3. P. 42–68.
3. Eriksen T. H. *Globalization: The key concepts*. London, 2014. 192 p.
4. Eriksen T. H. The cultural contexts of ethnic differences // *Man*. 1991. P. 127–144.
5. Eriksen T. H. *Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspectives*. London, 2010. 256 p.

6. Крушельницкий В. М., Шакирзянова Г. В. В краю голубых озер. Красноярск, 2008. 146 с.
7. Курейская Е. Спой мне, тайга. Красноярск, 2009. 64 с.
8. Вторушин В. Эвенкийские музыкальные инструменты. Тура, 2003. 28 с.
9. Авдеева Ю. Н., Дегтяренко К. А. Компенсаторные практики формирования этнокультурной идентичности // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 2. С. 34–48.
10. Букова М. И. Визуальная антропология и социальное конструирование // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1, № 2. С. 6–23.
11. Кистова А. В. Формирование коммуникативного (интерпретативного) этнографического метода в современном социальном познании // ВВ: Проблемы общества и политики. № 11. С. 62–72.
12. Колесник М. А., Ситникова А. А. Модель развития декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Красноярского края // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1, № 3. С. 42–59.
13. Лобакова Н. М., Сертакова Е. А. Экспедиция в поселок Суринда Эвенкийского муниципального района. Дневник полевого исследования // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 2. С. 6–29.
14. Новые перспективы для энцев: исследовательские и прикладные проекты. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. 196 с.
15. Новые проекты для возрождения эвенкийского языка и культуры. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. 246 с.
16. Пчелкина Д. С., Авдеева Ю. Н. Способы этнической манифестации в виртуальном пространстве: концептуальный анализ // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4, № 2. С. 143–152.
17. Середкина Н. Н. Влияние эпоса на сказки коренных народов Севера и Сибири // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1, № 1. С. 62–73.
18. Символическая экология как инструмент исследований трансформаций городского пространства / Ю. Н. Авдеева, К. А. Дегтяренко, Н. П. Копцева [и др.] // Сибирский антропологический журнал. 2019. Т. 3, № 3. С. 8–23.
19. Шиманская К. И., Копцева Н. П. Историографический обзор коренных исследований 2014–2018 гг. // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 1. С. 147–153.
20. Шпак А. А. Культурные механизмы конструирования сложных идентичностей // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 3. С. 73–84.
21. Шпак А. А. Научные подходы к изучению сложной социальной идентичности // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 2. С. 191–203.
22. Koptseva N. P., Bakhova N. A., Zamaraeva Ju. S. Socio-cultural study of leisure needs and preferences of people with disabilities living in the city of Krasnoyarsk // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2012. Vol. 5, № 3. P. 307–323.
23. Koptseva N. P., Krupkina K. A., Kirko V. I. Ethnic identity intensity among the Chulym, Selkup, Ket, and Evenk: The indigenous peoples of Eastern Siberia //

SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. 2017. № 6–2. P. 685-692.

24. Reznikova K. V., Seredkina N. N., Zamaraeva Yu. S. Perspective formats for the development of decorative and applied art of the indigenous peoples of the Krasnoyarsk Territory // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2017. Vol. 10, № 10. P. 1573–1593.

УДК 304.44:159.923.2(571.1/.5)

К. А. Дегтяренко

Ассистент кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ КЕТОВ*

Красноярский край – один из многих полиэтнических регионов России, представляющий собой пространство этнокультурного, религиозного, языкового соприкосновения, проявления культурного взаимопроникновения, ведущего к нарушению четких этнокультурных границ, трансформации этнической идентичности, что в свою очередь вызывает ответную реакцию коренных народов: увеличение интереса к собственной культуре, освоение новых способов ее осмысления и локализацию своей этнической общности в условиях современности. В данном ключе особый интерес представляет исследование этнической группы кетов, местом компактного проживания которых является Туруханский район Красноярского края, входящий в Арктическую зону России, место интенсивного развития в ближайшем будущем. Этнические и культурные процессы кетов опосредованы новыми экономическими, политическими, социальными условиями XXI века, этнос претерпевает ряд трансформаций.

Ключевые слова: культурная память, этничность, этнокультурная идентификация, коренные народы Арктической зоны, кеты, информационный образ этнокультурной группы.

© Дегтяренко К. А., 2020

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ № 19-39-90012 «Культурная память как основа этнической идентификации (на материале исследований кетов – коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Красноярского края)».

The Krasnoyarsk Territory is one of the many polyethnic regions of Russia, which is a space of ethnocultural, religious, linguistic contact, the manifestation of cultural interpenetration, leading to the violation of clear ethnocultural boundaries, the transformation of ethnic identity, which in turn causes a response from indigenous peoples: an increase in interest in their own culture, mastering new ways of understanding it and localizing their ethnic community in the conditions of our time. In this vein, of particular interest is the study of the ethnic group of Kets, the place of compact residence of which is the Turukhansk region of the Krasnoyarsk Territory, which is part of the Arctic zone of Russia, a place of intensive development in the near future. Ethnic and cultural processes of the Kets are mediated by new economic, political, social conditions of the XXI century, the ethnos is undergoing a number of transformations.

Keywords: cultural memory, ethnicity, ethnocultural identification, indigenous peoples of the Arctic zone, the Kets, informational image of an ethnocultural group.

Актуальность данной исследовательской темы определена вниманием к современным этническим процессам, протекающим в среде коренного малочисленного населения Российской Федерации, современному состоянию и вопросам трансляции и сохранения их этнической идентичности. Стремление коренных народов возродить исторически утраченные культурные знания, поддержать свою этническую самобытность и заявить о себе в глобальном, государственном и региональном контекстах современности проявляется в разнообразии характера и форм выражения этнокультурной специфики.

Красноярский край – один из многих полиэтнических регионов России, представляющий собой пространство этнокультурного, религиозного, языкового соприкосновения, проявления культурного взаимопроникновения, ведущего к нарушению четких этнокультурных границ, трансформации этнической идентичности, что, в свою очередь, вызывает ответную реакцию коренных народов: увеличение интереса к собственной культуре, освоение новых способов ее осмысления и локализацию своей этнической общности в условиях современности. В данном ключе особый интерес представляет исследование этнической группы кетов, местом компактного проживания которых является Туруханский район Красноярского края, входящий в Арктическую зону России, место интенсивного развития в ближайшем будущем. Этнические и культурные процессы кетов опосредованы новыми экономическими, политическими, социальными условиями XXI века, этнос претерпевает ряд трансформаций.

Механизмы культурной памяти, рассматриваемые в рамках выделенной проблематики, способствуют обеспечению этнической идентичности в про-

странстве активного инокультурного воздействия. Изучение культурной памяти кетов, обращение к современному информационному образу народа позволит сформировать новое знание о процессах этногенеза кетского народа в новом социально-культурном контексте, выявить закономерности социально-антропологического развития коренных народов Арктической зоны Российской Федерации в условиях активной реиндустриализации Сибири.

В современной культуре складываются особого рода практики, характерные для этнокультурных групп коренных малочисленных народов Севера. Трансформируются традиционные практики этнокультурной идентификации и самоидентификации, в том числе возникают новые культурные механизмы конструирования культурной памяти как основы данных идентификационных процессов. Каждая этнокультурная группа вводит в социокультурное пространство собственные культурные механизмы конструирования своей культурной памяти. Выявление специфики современных культурных практик этнокультурной идентичности и своеобразия конструирования культурной памяти этнокультурных групп коренных малочисленных народов Севера является актуальной научной проблемой для теории и истории культуры. Кроме того, значимой научной проблемой выступает адаптация ряда концептуальных и методологических подходов для культурологической науки, находящейся в стадии активной модернизации своего исследовательского пространства.

На основе аналитического обзора концепций и исследовательских направлений феномена «этничности», «этнической идентичности», были выявлены особенности формирования этнической идентичности, основные факторы, определяющие данный процесс в условиях современности. Изученные теоретические установки и базовые концепции позволяют выделить основные методологические подходы к решению заявленной проблемы. Процессы этнокультурной идентификации и самоидентификации определяют основополагающие представления о собственной этнокультурной общности и формах приобщения к ней на социокультурном и психологическом уровнях, в том числе в пространстве внутриэтнического и межэтнического взаимодействия. В контексте современной теории и истории культуры особое значение имеют исследования культурных механизмов и культурных практик «академического» конструирования этнокультурной идентичности, влияния на процесс формирования этнокультурной идентичности политических, экономических, культурных акторов, действующих на местном, региональном, государственном и транснациональном уровнях.

На основании анализа результатов культурных исследований коренных малочисленных народов Арктической зоны Российской Федерации, в том числе кетской этнокультурной группы, можно зафиксировать наличие интенсивных трансформационных процессов, идущих в социокультурном пространстве этих групп. Идет фиксация «утраты» традиционных культурных практик, с помощью современных культурных механизмов «заново» присваиваются знаки, символы и образы, репрезентирующие этнокультурное своеобразие в поликультурном мире. Одним из наиболее эффективных способов воспроизводства культурной памяти является усвоение материалов научных исследований о своей этнокультурной группе. Научные сведения, сформированные в те или иные периоды истории изучения этнокультурных групп коренных малочисленных народов Арктической зоны Российской Федерации и зафиксированные в научной и/или научно-популярной литературе, становятся содержательной основой для воспроизводства культурной памяти этих народов.

Объединяя современные культурологические и иные подходы, можно определить культурную память как культурную практику передачи, актуализации культурных смыслов, неразрывно связанную с конкретным историческим периодом и этнокультурной принадлежностью. Культурная память является базовым механизмом формирования этнокультурной идентичности сообщества. Особенность формирования культурной памяти, ее основные формы воплощения можно исследовать с помощью суммы методов медиаисследований, при этом сами медиа находятся в процессе социокультурной и технологической трансформации. Данная трансформация предопределяет изменение конкретных практик воспроизводства культурной памяти, которые адаптируются к технологическим и иным изменениям, заново воссоздавая и способствуя присвоению данной этнокультурной группе ее традиционных знаков, образов, символов.

Классические и современные подходы к изучению специфики культурной памяти авторства зарубежных и отечественных ученых формируют представление о способности культурной памяти к коммеморации культурного своеоб-разия, актуализированного для определенного исторического периода, где собственно культурная память выступает в качестве основополагающего культурного механизма конструирования этнокультурной идентичности. Современные исследования культурной памяти акцентируют внимание на формах ее воплощения и содержания, в том числе отдельному рассмотрению представляются медийные источники накопления культурной памяти: книгопечатные издания,

телевидение, кинематограф, интернет-пространство и т. д., подчеркивающие ее динамическое существование, подстраивающееся под специфику современности. С помощью этого подхода возможно рассмотреть, какие собственно медиа актуальны для создания информационного образа конкретной социальной и/или культурной группы в тот или иной исторический период. Именно в актуальных медиа происходят наиболее важные процессы складывания информационного этнокультурного образа, воссоздающегося в качестве образной основы процессов этнокультурной идентификации.

Метод контент-анализа, примененный для выявления специфики современного информационного образа кетской этнокультурной группы, позволил выявить некоторые закономерности конструирования культурной памяти кетов в настоящее время, зафиксировать динамику научного, научно-популярного образа кетов в современных медиа. Применение для культурологического исследования качественно-количественного метода контент-анализа вызвано необходимостью аналитического исследования большого количества медиа источников: книгопечатных изданий (энциклопедические словари, этнографические описания и заметки путешественников, этнографов, статистов), представляющих категорию традиционных медиа, и интернет-пространства, социальных сетей «ВКонтакте», Facebook – современных медиа, отражающих особенности информационной среды.

Стоит отметить, что полученные результаты подчеркивают значительную роль академического сообщества в процессе формирования образа кетской этнокультурной группы в разные исторические периоды. В полном масштабе эту особенность проявляет пространство современных медиа, наполненное массивом текстовой и аудиовизуальной информации.

В процессе исследования современного образа кетской этнокультурной группы были выявлены наиболее значимые элементы, формирующие информационное поле образа. Большую роль в современных медиаисточниках, в частности социальных медиа, играют формы визуализации транслируемой информации, позволяющие зафиксировать в памяти наиболее важное сообщение. Так, основная доля публикаций, представляющих особенности традиционной культуры кетов, сопровождается визуальным рядом, а наибольший отклик получает визуальный контент, репрезентирующий современные проявления этнокультурной самобытности.

Так или иначе, современные медиаисточники фиксируют проблему утраты знания об этнокультурной самобытности кетов, но в большей степени

проблему исчезновения кетского языка и, как следствие, вырождение этноса. Данный факт может служить объяснением специфики содержания публикаций в социальных сетях, представленных в единичных кетских группах: эмоциональные призывы к сохранению и развитию родного языка и фиксация его уникальности; публикации на кетском языке; трансляция традиционной культуры в 50 % всех кетских публикаций (посредством представления национального костюма, видов промысла, традиционных верований, национальной кухни); изучение особенностей происхождения и т. д. Все это является демонстрацией возможной формы проявления своей этнокультурной идентичности.

На основе интерпретации полученных результатов культурологического эмпирического исследования зафиксирована активная виртуализация в сети Интернет научного и научно-популярного образа кетской этнокультурной группы как единственного представителя группы енисейских народов в ситуации активных дискуссий об этногенетическом происхождении всех енисейских народов. При этом этнокультурная самопрезентация кетов в социальных сетях крайне скудна и имеет единичные проявления, в отличие от активной этнокультурной самопрезентации в социальных медиа других групп коренных народов Российской Федерации, в том числе коренных народов Севера и Сибири. Тем не менее фиксируется деятельность молодого этнического лидера Хайвалам Вакувагир по привлечению внимания к сохранению кетской самобытности, репрезентирующая современные формы манифестации этнокультурной идентичности через элементы традиционной культуры кетской этнокультурной группы.

Основным объяснением, определяющим данную специфику, является слабое техническое оснащение и дорогое сетевое обслуживание в местах компактного проживания коренного населения арктических территорий, в том числе в Туруханском районе Красноярского края. Результатом исследования явилась конкретизация некоторых актуальных закономерностей конструирования этнической идентичности коренных малочисленных народов Арктической зоны Российской Федерации, связанных с современной медиасредой как пространством активной этнокультурной идентификации.

Список литературы

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.

2. Барт Ф. Этнические группы и социальные границы // Социальная организация культурных различий: сб. ст. М., 2006. 200 с.
3. Белоруссова С. Ю., Головнев А. В. Виртуальная этничность – новация на фоне традиции? // Сибирские исторические исследования. 2019. № 2. С. 36–40.
4. Букова М. И. Визуальная антропология и социальное конструирование // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1, № 2. С. 6–23.
5. Дробижева Л. М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. 2002. № 2. С. 213–244.
6. Кистова А. В. Интерпретация этнографического подхода и «понимающей герменевтики» как методологическая стратегия конструирования социальных идентичностей // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1. № 2. С. 24–20.
7. Кистова А. В. Формирование коммуникативного (интерпретативного) этнографического метода в современном социальном познании // ВВ: Проблемы общества и политики. 2014. № 11. С. 62–72.
8. Колесник М. А., Ситникова А. А. Модель развития декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Красноярского края // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1, № 3. С. 42–59.
9. Копцева Н. П. Концептуальные и методологические основания для этнокультурных исследований коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 2. С. 455–455.
10. Коренные малочисленные народы Севера и Сибири в условиях глобальных трансформаций (на материале Красноярского края). Ч. 1. Концептуальные и методологические основы исследования. Этнокультурная динамика коренных малочисленных народов Красноярского края / отв. ред. Н. П. Копцева. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. 640 с.
11. Лещинская Н. М., Колесник М. А. Лингвокультурологические данные о современном состоянии эвенкийского языка (на материале анализа исследовательской литературы 2010 годов) // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5, № 1. С. 75–92.
12. Лобакова Н. М. Аккультурационный стресс и технологии его преодоления // Социодинамика. 2016. № 2. С. 89–97.
13. Лобакова Н. М., Сертакова Е. А. Декоративно-прикладное искусство коренных малочисленных народов // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1, № 3. С. 6–22.
14. Новые перспективы для энцев: исследовательские и прикладные проекты. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. 196 с.
15. Новые проекты для возрождения эвенкийского языка и культуры. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. 246 с.
16. Оценка качества жизни коренным малочисленным народом Севера Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края (на примере поселка Потапово) / Н. П. Копцева, В. И. Кирко, К. И. Петрова [и др.] // Социодинамика. 2018. № 10. С. 47–60.
17. Пименова Н. Н. Культурное наследие коренных малочисленных народов Красноярского края и современные культурные практики // Человек и культура. 2014. № 2. С. 28–66.
18. Пчелкина Д. С., Авдеева Ю. Н. Способы этнической манифестации в виртуальном пространстве: концептуальный анализ // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4, № 2. С. 143–152.

19. Религиозные воззрения коренных народов Таймыра / А. В. Кистова, Н. Н. Пименова, А. А. Ситникова [и др.] // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3, № 3. С. 48–62.
20. Середкина Н. Н. Этническая картина мира в контексте современных социальных исследований // *НВ: Проблемы общества и политики*. 2014. № 10. С. 26–59.
21. Ситникова А. А. Демография и миграция в поселках коренных малочисленных народов Красноярского края (поселки Пасечное, Ессей, Суринда, Фарково, Носок, Караул) // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 1-1. С. 1881.
22. Ситникова А. А. Рецензия на книгу «Эвенкия. Время больших перемен: по материалам Эвенкийского архива. Ч. 1. Ликвидация безграмотности» // *Сибирский антропологический журнал*. 2019. Т. 3, № 2. С. 44–47.
23. Тишков В. А. О феномене этничности // *Этнографическое обозрение*. 1997. № 3. С. 8.
24. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. М., 1998. 308 с.
25. Шпак А. А. Культурные механизмы конструирования сложных идентичностей // *Сибирский антропологический журнал*. 2020. Т. 4, № 3. С. 73–84.
26. Assmann J. Globalization, universalism, and the erosion of cultural memory // *Memory in a Global Age*. Palgrave Macmillan, London. 2010. P. 121–137.
27. Ethnocultural space of Krasnoyarsk Krai: The current state / K. V. Reznikova, N. N. Pimenova, A. V. Kistova [et al.] // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2019. Vol. 12, № 8. P. 1552–1567.
28. Kistova A. V., Pimenova N. N. History and specificity of literary activity of indigenous peoples // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2016. Vol. 9, № 9. P. 1932–1944.
29. Koptseva N. P. Indigenous peoples of Krasnoyarsk region: Concerning the question of methodology of culture studies // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2010. Т. 3, № 4. С. 554–562.
30. Religion of the Evenki: History and modern times / Yu. S. Zamaraeva, V. S. Luzan, S. V. Metlyaeva [et al.] // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2019. Vol. 12, № 5. P. 853–871.
31. Reznikova K. V., Zamaraeva Yu. S. Dolgan Children's literature: History and specific features // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2016. Vol. 9, № 9. С. 2022–2043.
32. Shpak A. A., Pchelkina D. S. Methodology for the study of complex identity // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2020. Vol. 13, № 5. P. 752–761.

УДК 94:304.444(47+57)«18/19»

Е. А. Паук

Студент исторического факультета Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия

МАССОВАЯ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАК КОМПОНЕНТА НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА)

В данной работе рассмотрена проблематика обозначения роли массовой развлекательной культуры в процессе нациестроительства в Российской империи на примере Иркутска конца XIX – начала XX века. На основе построенной иерархической цепочки «развлекательная культура – массовая культура – нациестроительство» показана многосоставность и сложность процесса нациестроительства и его прямая взаимосвязь с массовой развлекательной культуры. Также освещен аспект, связанный с использованием государством различных форм массовой развлекательной культуры в целях пропаганды верноподданнических чувств – одного из компонентов складывания нации. При написании данной работы использован ряд источников: летописи Н. С. Романова, выпуски газеты «Сибирь», произведена выборка наиболее подходящих с точки зрения выбранной тематики материалов. Богатый фактический материал, содержащийся в источниках, стал одной из предпосылок исследования и постановки проблематики нациестроительства в позднем периоде Российской империи. Также важнейшей предпосылкой изучения стало развитие конструктивистской теории нации и национализма, ее теоретической базы и повышение научного интереса к проблематике нациестроительства в Российской империи. Цель исследования – рассмотреть на примере Иркутска конца XIX – начала XX века роль массовой развлекательной культуры в формировании национальной идентичности. Выводы исследования: важна роль массовой развлекательной культуры как одного из способов, инструментов создания национальной идентичности путем активного культивирования национальных культурных достижений как общепринятых культурных стандартов. Массовая развлекательная культура также может быть использована государством в целях создания политически солидарной нации.

Ключевые слова: нация, национальный символ, развлекательная культура, массовая культура, кинематограф, театр.

This paper considers the problem of defining the role of mass entertainment culture in the process of nation-building in the Russian Empire on the example of Irkutsk in the late XIX – early XX centuries. Based on the constructed hierarchical chain: entertainment culture-mass culture-nation-building, the multi-component and complexity of the nation-building

process and its direct relationship with mass entertainment culture are shown. It also highlights the aspect related to the use of various forms of mass entertainment culture by the state in order to promote loyal feelings – one of the components of the nation's formation. When writing this work, a number of sources were used: the Chronicles of N. S. Romanov, issues of the newspaper "Siberia", a selection of the most suitable materials from the point of view of the chosen topic was made. The rich factual material contained in the sources became one of the prerequisites for the study and formulation of the problems of nation-building in the late period of the Russian Empire. The development of the constructivist theory of the nation and nationalism, its theoretical base, and increasing scientific interest in the problems of nation-building in the Russian Empire were also the most important prerequisites for the research. The purpose of the research is to consider the role of mass entertainment culture in the formation of national identity on the example of Irkutsk in the late XIX – early XX century. Conclusions of the study: the important role of mass entertainment culture as one of the ways and tools for creating national identity by actively cultivating national cultural achievements as generally accepted cultural standards. Mass entertainment culture can also be used by the state to create a politically solidary nation.

Keywords: nation, national symbol, entertainment culture, mass culture, cinema, theater.

Массовая развлекательная культура является неотъемлемой частью современного социума. Для конкретизации авторской цели исследования важно понимание массовой культуры Солониным и Каганом: массовая культура – это состояние, культурная ситуация, соответствующая определенной форме социального устройства [1, с. 291]. Ученые указывают на необходимость исторического презентанта этой культуры. По мнению автора статьи, под данную категорию попадает такая социальная общность (точнее, этносоциальная), как нация. Создание нации – сложный и искусственный процесс, принимая во внимание конструктивистские теории нации. Важной компонентой этого процесса является массовая культура, позволяющая сформировать у нации структуру национальной культуры (почему она помогает сформировать). Но и сама массовая культура формируется на основе ее главной компоненты – развлекательной культуры. Через формы развлекательной культуры – театр, кино – сложные в интеллектуальном отношении национальные культурные достижения заметно упрощаются, т. е. они приобретают наиболее легкую и доступную форму в отношении ее осмысления и, соответственно, принятия. На основе функционала этих форм, культурных учреждений и формируется массовая культура, которая концентрирует их, образуя тем самым единое «семиотическое поле» – знаков, символов, при помощи которых люди формируют свою национальную идентичность. В национальном

сознании образуется исходный ключевой базис – общепринятый и знакомый образ, символ, который постоянно воспроизводится и культивируется среди большого числа людей через различные массовые развлекательные формы.

Таким образом, образуется иерархическая цепочка: развлекательная культура оформляет массовую культуру через культурно-развлекательные формы. Массовая культура, в свою очередь, оформляет некий универсальный культурный стандарт через признание продукта творчества наиболее талантливых представителей нации – писателей, философов, художников и композиторов. Общее признание этих специфических национальных символов формирует национальную идентичность, а это, в свою очередь, – ключевой процесс нациестроительства.

Через историографический экскурс необходимо обозначить взаимосвязь массовой и развлекательной культуры, а также рассмотреть положения отдельных теоретиков национализма и нациестроения.

М. В. Рябков в одной из своих работ рассматривает развлекательную культуру как часть духовной праздничной народной культуры, направленной на удовлетворение досуговых потребностей различных групп населения разнообразными средствами, формами и т. д. [2]. В этом определении развлекательная культура рассматривается как часть именно народной культуры, что, на наш взгляд, не совсем корректно. Но с точки зрения функционала развлекательную культуру можно отнести по отношению к категории массовой культуры. В работе М. Г. Рыбакова [3] акцентируется внимание на том, что для выполнения своей функции массовая культура должна быть как минимум развлекательной, что делает ее легкой и доступной. В исследовании О. В. Ромах, посвященном рассмотрению различных трактовок к определению культуры, также практически отождествляются развлекательная культура и повседневная культура, указывается их общая черта – отсутствие глобального характера их функционала [4]. Михель Гофман [5] в своей статье акцентирует внимание на том, что массовая культура оформлялась через активное функционирование развлекательных форм в социокультурной среде. А. Е. Сошников указывает на важную тенденцию – сращивание культуры с миром развлечений. Это предопределяет ключевые особенности предметного поля массовой культуры. Элементы массовой культуры должны были стать интересными по своему содержанию и иметь эффективную для быстрого восприятия зрителем форму, сочетать в себе четкий сюжет с интригой и демонстрировать принадлежность к некоему конкретному жанру [6, с. 947].

В данных работах отмечена основная и генеральная тенденция: полное слияние двух видов культур – массовой и развлекательной, их взаимообусловленный характер. Часть исследователей связывает национальную культуру с региональным аспектом. Так, по мнению авторов монографии «Теория культуры», важно учитывать региональный аспект, поскольку культурное пространство региона (губернии, области, провинции) является частью национального культурного пространства и вместе с тем обладает своими собственными характеристиками [4, с. 322]. Эту позицию подтверждают Солонин и Каган: по их мнению, средоточием национальной культуры является город, а не деревня. Большинство исследователей связывают процесс становления национальной культуры именно с развитием капиталистического развития государств [1, с. 299]. Работы Н. И. Гавриловой [7] и Г. В. Оглезневой [8; 9] наиболее полно отражают предыдущую позицию и исключительно значимы в отношении разработки проблематики социокультурной среды и форм массово-развлекательной культуры на примере Иркутска конца XIX – начала XX века.

Важно обратиться к положениям конструктивистской теории нациестроительства, ярко представленным в работах В. А. Тишкова [10], Б. Андерсона [11] и других теоретиков. По Б. Андерсону [11, с. 50], для нации как «воображаемого сообщества» важны объединяющие ее национальные символы. В этой роли могли бы выступать культовые в культурном отношении деятели искусств и их культурные достижения, известные каждому представителю нации. Через развлекательные формы культуры, ориентированные на массовость, эти образы могли бы активно культивироваться. По В. А. Тишкову, «Государство обретает легитимность, если в его границах заключено население, имеющее представление о себе как о самостоятельном народе и собственно о государстве, которое призвано обеспечивать права и защиту этого народа. Важнейшая цель государства заключается в обеспечении солидарности и лояльности граждан. Инструментами данного процесса становятся система образования, законы, доктрины, символика» [10].

Цель этого исследования: рассмотреть на примере Иркутска конца XIX – начала XX века роль массовой развлекательной культуры в развитии процесса нациестроительства. Именно в Иркутске – крупном торговом городе, административном центре Восточной Сибири – ведущими социальными слоями были купцы и служилые люди (чиновники). Купцы активно занимались благотворительной деятельностью. Они стимулировали и развитие различных

форм массовой развлекательной культуры, будучи осведомленными о последних «культурных новинках». Чиновники были проводниками процесса воспитания лояльных подданных через ключевой инструмент – массовые развлекательные мероприятия, имеющие официальный характер. Иркутск в конце XIX века был связан с Центральной Россией Транссибирской железной дорогой, что обусловило более интенсивную интеграцию его в общероссийское социокультурное пространство. Новые элементы развлекательной культуры стали проникать быстрее в провинциальные уголки империи. В комплексе все перечисленное обуславливало интенсивное развитие массовой развлекательной культуры.

В начале XX века в Иркутске были достаточно распространены такие формы развлекательной культуры, как театр, концерты, кинематограф, кафешантаны. Кинематограф, который в начале своего развития был «разъездным» (например, демонстрировался вкуче с цирковыми представлениями) эволюционировал в своем развитии: уже на постоянной основе появился, по сообщению летописи, в июне 1906 года. Впоследствии развивалась целая сеть кинотеатров; их количество увеличилось до 14 постоянно действующих в Иркутске. Демонстрируемые фильмы были популярными. Показы таких фильмов, как «Спартак», «Камо Грядеши», продлевались на несколько дней. Сложилось разнообразие жанров. Демонстрировались исторические сюжеты («Последний день Помпеи»), комедии, боевики («Белый против черного») [12, 1913, № 193]. В основном киноленты закупались у иностранцев. Со временем, однако, получило развитие национальное, отечественное кино. В этом отношении Иркутск, подтверждал эту тенденцию. Также создавались специальные документальные фильмы (собственного производства), посвященные самому городу: «Иркутск и иркутяне», «Виды Байкала» [13, с. 268]. Важную роль в популяризации кинематографа как развлекательной формы играла реклама: кинотеатры часто размещали на страницах газет объявления о кинопремьерах. Так, очень яркая реклама была у киноленты «Последний день Помпеи» (в 10 частях). В газетной рекламе она названа «торжеством искусства», к ней приложена положительная рецензия на киноленту [12, 1913, № 193]. Популярность кинотеатров также достигалась за счет дифференциации цен на билеты (например, в «Декадансе» – от 35 копеек до одного рубля для взрослых, 20 копеек для детей) [8, с. 180]. Дополнительной «приманкой» для потенциальной публики было использование игры оркестра (когда кино было немым) или открытие общедоступных катков или летних садов. За счет этого кинематограф прочно входил в повсе-

дневную жизнь иркутян. Важно заметить, приход кинематографа из культурных центров Российской империи – Москвы и Санкт-Петербурга – ознаменовал собой факт развития культуры в общенациональном масштабе путем проникновения в провинциальные уголки империи. Кинематограф, используя художественные образы в упрощенном и развлекательном виде, способствовал его более легкому пониманию и усвоению достижений национальной культуры. Так, в театре «Художественный» К. С. Ягджоглу демонстрировалась кинолента «Емелька Пугачев или капитанская дочка» по повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» [13, с. 285]. Или, например, «Гранд-Иллюзион» А. М. Дон-Отелло демонстрировал показ киноленты по знаменитой поэме Лермонтова «Демон» [14, с. 236]. «Национальное воображение» могло формировать фильмы, связанные с важными ключевыми историческими событиями. Так, в кинотеатрах показывались картины, посвященные Отечественной войне 1812 года или памяти о 50-летию освобождения крестьян от крепостной зависимости [13, с. 225, 300]. Отметим, что процесс демократизации социальной структуры (разрушение сословных рамок), который протекал параллельно с модернизационными процессами в период XIX–XX веков, создавал благоприятную почву для распространения кинематографа в массовой культуре, его возможности были доступны для большей части всего имперского населения.

Популярной формой развлекательной культуры были кафешантаны, которые появились в Иркутске как «культурные новинки». Из простых ресторанов они эволюционировали в настоящие увеселительные заведения с эстрадой для артистов, репертуар которых состоял из песней, романсов и элементов акробатики. Так, в 1907 году был открыт ресторан «Модерн», созданный по образцу ресторана Палкина в Санкт-Петербурге, в зале которого играл итальянский ансамбль. В 1913 году рядом с ним в саду уже играл дамский оркестр. Затем, при «Модерне» был открыт семейный сад и подготовлена развлекательная программа на месяц. В качестве развлечений предусматривались номера с участием юмористов, акробатов, танцовщиц, а также бесплатная демонстрация фильмов. Кафешантан, по существу, предлагал прекрасную возможность (в некоторых случаях совершенно бесплатно) хорошо провести свободное время. Яркие танцы, маскарады, романсы пришлись по вкусу публики, формирующейся из представителей различных социальных групп. Исполнялись также русские и сибирские песни [12, № 80, № 107]. Иркутские кафешантаны в целом ничем особенным не выделялись в рамках общего российского социокультурного пространства. Напротив, они подчеркивали важную тенденцию складывания

национальной культуры, ее концентрации в отдельных российских городах наряду с другими формами развлекательной культуры и признания людьми из разных уголков империи этой культурного стандарта.

Театр как форма развлекательной массовой культуры продолжал функционировать: так, по оценкам Маляревского, общий круг посетителей иркутского театра был достаточно широким, поскольку галерея и балкон были практически полностью заполнены в период всего театрального сезона 1896 и 1897 годов [15, с. 110]. Позитивную роль играли любительские театры. Один из них – это театр Гиллера, постановки в котором вызывали одобрение у публики (так ставилась «Женитьба» Гоголя) [9, с. 178]. Важно отметить, что для театральных постановок использовались произведения классики как общенациональные или общекультурные стандарты. Ставились спектакли по произведениям А. П. Чехова, Максима Горького и других деятелей искусства.

Через концерты как еще одну форму развлекательной культуры люди общались к продукту творчества национальных деятелей культуры. Так, 8 февраля 1875 года Дарья Леонова включила в репертуар своих гастрольных концертов арии и сцены из опер М. Глинки «Жизнь за царя», А. С. Даргомыжского «Русалка», Н. Римского-Корсакова «Псковитянка», а также русские народные песни и романсы: «Молитва» М. Глинки и «Блоха» Мусоргского [16, с. 74].

Важным «проводником» в этом отношении были также КПО – культурно-просветительские общества. Так, одно из них, общество любителей музыки и литературы устраивало около 10 концертов в сезон. Благодаря его деятельности в 1886 году иркутяне впервые познакомились с классической оперой («Жизнь за царя» М. И. Глинки) [14, с. 115].

Перечисленные формы развлекательной массовой культуры через два показателя: количественный (большие массы людей, находящихся в постоянном взаимодействии, коммуникации друг с другом) и качественный (принадлежность людей к различным социальным слоям) являлись важными трансляторами наиболее талантливых представителей российской национальной культуры, писателей, государственных деятелей. Так, кинотеатры демонстрировали фильмы, в которых были воплощены художественные образы Дмитрия Донского, Льва Толстого, других отечественных исторических деятелей. Через общедоступную, развлекательную и легко узнаваемую форму (театр, кинематограф, концерты) доносили до людей национальные культурные достижения «интеллектуальной элиты» общества – писателей, философов и т. д. В этом отношении трактовка массовой культуры как часть общей культуры,

отделенной от элитарной лишь большим количеством потребителей и социальной востребованностью, имеет прямое логическое основание [17, с. 1]. Под этим самым большинством следует понимать представителей будущей целостной нации, знакомых с основными достижениями национальной культуры и являющихся ее носителями. В несколько ином варианте достижения национальной культуры можно представить как национальные символы, формирующие национальную идентичность. Через развлекательные формы культуры, ориентированные на массовость, эти образы и культивировались в народ.

Государство принимало активное участие в развитии форм развлекательной культуры. Стоит отметить общероссийские торжества, посвященные историческим деятелям в области политики или культуры. Их организация проводилась местной администрацией. Проведение подобных торжеств подчеркивало единство общенационального социокультурного пространства через символическое значение для всей империи. Так, с 24 по 27 июня 1899 года в Иркутске проходило празднование 100-летия со дня рождения А. С. Пушкина. Также было отмечено 50-летие присоединения Амура в 1900 году, торжества по случаю введения в действие судебных правил 25 февраля 1885 года и введения судебных установлений 1897 года, призванные особенно подчеркнуть общую историческую судьбу Сибири и России в целом [7, с. 102, 103]. Через подобные мероприятия у иркутян формировалась национальная идентичность – политическая солидарность и чувство патриотизма, «исторического единения» со всей империей. Другим направлением имперской власти было проведение «царских дней» – официальных государственных праздников, посвященных дням, круглым датам коронации, восшествия на престол императоров. Идея формирования у населения верноподданнических чувств была завуалирована в форме торжественных мероприятий, имевших также развлекательный характер. Власть формировала у населения искусственную национальную идентичность – уважение к власти, понимание к любым действиям со своей стороны.

Так, в честь приезда наследника престола, цесаревича Николая Александровича 23 и 24 июня на Тихвинской площади для народа были устроены различные бесплатные увеселения: карусель, открытая сцена живых картин, акробатические представления. Два дня играл оркестр, раздавались угощения, кружки с портретом императора [14, с. 242]. 21 февраля 1913 года иркутяне активно праздновали «300-летие Дома Романовых». В этот день городские, общественные, казенные здания украшались различными флагами, цветами,

транспарантами. В Казанском кафедральном соборе в 9 часов утра была отслужена торжественная литургия и благодарственный молебен с возгласением многолетия Государю Императору Николаю Александровичу Романову и его семье. Также в Иркутске проходил большой парад военных войск. После его окончания состоялись чтения для народа, а также народные гуляния, на которых играли военные оркестры.

Формирование национальной индентификации проходило и через формы развлекательной культуры – театр и кинематограф. Так, в городском театре состоялся парадный спектакль, в котором был исполнен гимн и кантата «Воззвание Минина к народу», исполнена пьеса «Жизнь за царя», апофеоз «Слава России» [18, № 106]. А в кинотеатре-иллюзионе «Модерн» демонстрировалась гранд-картина, посвященная «300-летию Дома Романовых» [13, с. 244]. Через комплекс подобных мероприятий у имперского населения поддерживался концепт царя – «отца» российской нации, демонстрация военной силы в виде парадов войск лишней раз подчеркивала готовность имперской власти защищать своих подданных и их национальную культуру.

Таким образом, массовая развлекательная культура играла важную роль в процессе нациестроительства. Она являлась своеобразным катализатором внедрения наиболее знаковых в национальном масштабе культурных достижений в сознание людей, проживающих в провинции. Развлекательный характер обуславливал легкость усвоения смысла произведений отечественных деятелей культуры, которые требовали глубокого сильного интеллектуального осмысления. Из этого формировалась национальная культура и сознание, построенное на признании достижений национальной культуры как символических и «своих» для всей нации. Формирование конструкта нации происходило и через официальные мероприятия, которые имели массово-развлекательный характер. Государство, заинтересованное в формировании послушных подданных, активно использовало подобные формы массовой развлекательной культуры, одновременно стимулируя их развитие, в целях пропаганды политической солидарности и согласия с властью через культ личности императора.

Список литературы

1. Культурология / под ред. Ю. Н. Солонина, М. С. Кагана. М.: Высш. образование, 2007. 566 с.
2. Рябков М. В. История, теория и технология форм культурно-досуговой деятельности: антология // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2008. № 10. С. 52–55.

3. Культура и мир / под ред. И. С. Иконникова. СПб.: СПбКО, 2009. 320 с.
4. Теория культуры / под ред. В. П. Большакова. СПб.: Питер, 2008. 371 с.
5. Гофман Михель. Анатомия массовой культуры // Научно-культурологический журнал. 2014. № 4. С. 1–4.
6. Сошников А. Е. Массовая культура и ее сущностные характеристики // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 2 (58). С. 946–952.
7. Гаврилова Н. И. Иркутск периода капиталистической модернизации: основные характеристики и тенденции развития общественного быта населения во второй половине XIX в. // Серия «История». 2016. Т. 16. С. 100–109.
8. Оглезнева Г. В. Иркутск в год забытого юбилея // Сибирский город XVIII–XX веков. 2011. С. 170–190.
9. Оглезнева Г. В. Научные и культурно-просветительные общества дореволюционного Иркутска: опыт сравнительной характеристики // Серия «История». 2016. Т. 16. С. 110–118.
10. Тишков В. А. Понимание нацистроительства в России в мировом контексте. URL: <http://www.valerytishkov.ru/redir.php> (дата обращения: 26.10.2020).
11. Андерсон Бенедикт. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 286 с.
12. Сибирь: ежедн. прогрессивная непартийная газ. Иркутск, 1913, 1914.
13. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост. Ю. П. Колмаков. Иркутск: Оттиск, 2003. 847 с.
14. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 года. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. 559 с.
15. Маляревский П. Г. Очерк из истории театральной культуры Сибири. Иркутск: Кн. изд-во, 1957. 283 с.
16. Романов Н. С. Летопись города Иркутска. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. 560 с.
17. Козелько В. Н. Национальная культура: сущность, структура, компоненты // Новые технологии. 2008. № 5. С. 1–4.
18. Иркутские губернские ведомости / ред. А. Церерин. Иркутск, 1861–1917.

УДК 070-054

Н. Н. Середкина¹, Д. З. Радченко²

¹ *PhD, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия*

² *Студент кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия*

КОНСТРУКТИВИСТСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЭТНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

С конца XX века в связи с актуализацией этнического самосознания представителей коренных и малочисленных народов возросла роль отдельных культурных практик. Именно им была отведена роль воспроизводства и манифестации этнической идентичности коренных народов. Одной из таких практик являются региональные средства массовой информации. Цель данной статьи состоит в выявлении конструктивистских возможностей региональных средств массовой информации на материале анализа содержания газеты «Илкэн». В качестве основного метода исследования выступил контент-анализ, позволивший осуществить как количественный анализ текста, так и контекстуальный. В качестве материала для исследования были выбраны статьи о коренных народах Сибири, опубликованные в газете в период с 2013 по 2019 год. Анализ выборки газеты «Илкэн» показал наиболее актуальные стратегии конструирования этнической идентичности коренных народов Севера. Это сохранение и развитие национального языка и традиционной хозяйственной деятельности, связанной, прежде всего, с оленеводством. Было выявлено, что частое употребление словосочетания «коренной малочисленный народ» в статьях является результатом официальной идентификации и может оказывать негативное влияние на процесс самоназвания и самоидентификации, поскольку в самом названии «коренной малочисленный народ» заложен смысл, связанный с главной проблемой данных этносов – малочисленностью. Авторы отмечают тенденцию демонстрации на страницах газеты в большей степени позитивных событий, связанных с коренными народами Сибири, чем негативных. При этом данные события освещаются через понимание отрицательных тенденций. В газете чаще употребляются такие слова, как «развитие», «сохранение», «создание», однако употребляются они как антиподы противоположным процессам.

Ключевые слова: коренные народы Севера и Сибири, газета «Илкэн», контент-анализ.

Since the end of the XX century, in connection with the actualization of the ethnic identity of representatives of indigenous and small peoples, the role of individual cultural practices

has increased. It was they who were assigned the role of reproduction and manifestation of the ethnic identity of indigenous peoples. One of these practices is the regional mass media. The purpose of this article is to identify the constructivist capabilities of regional mass media based on the analysis of the content of the newspaper "Ilken". The main research method was content analysis, which made it possible to carry out both quantitative and contextual analysis of the text. The articles about the indigenous peoples of Siberia published in the newspaper in the period from 2013 to 2019 were selected as the material for the study. Analysis of the sample of the newspaper "Ilken" showed the most relevant strategies for constructing the ethnic identity of the indigenous peoples of the North. This is the preservation and development of the national language and traditional economic activities associated primarily with reindeer husbandry. It was revealed that the frequent use of the phrase "indigenous small people" in articles is the result of official identification and can have a negative impact on the process of self-designation and self-identification, since the very name "indigenous small people" has a meaning associated with the main problem of these ethnic groups – small numbers. The authors note the tendency of demonstrating on the pages of the newspaper more positive events related to the indigenous peoples of Siberia than negative ones. At the same time, these events are covered through the understanding of negative trends. The newspaper often uses words such as "development", "preservation", "creation", but they are used as antipodes to opposite processes.

Keywords: indigenous peoples of the North and Siberia, Ilken newspaper, content-analysis.

Введение. Средства массовой информации на протяжении всей истории своего существования играют важнейшую роль в обществе. Общественное мнение часто формируется под влиянием публикаций газет, журналов, новостных выпусков. В последние десятилетия большое влияние на сознание людей оказывают материалы, опубликованные в сети Интернет. В связи с мощнейшим потенциалом, заложенным в средствах массовой информации, актуализируются и их конструктивистские возможности. Средства массовой информации, главным образом региональные этнические средства массовой информации, предстают одним из актуальных инструментов конструирования этнической идентичности коренных народов Сибири. Одним из таких средств массовой информации является республиканская газета коренных малочисленных народов Севера Сибири «Илкэн». В газете публикуются статьи о жизни северных народов на всех пяти языках коренных малочисленных народов Севера: чукотском, юкагирском, долганском, эвенкийском и эвенском. Газета «Илкэн» наиболее полно отражает современную ситуацию, связанную с коренными народами Сибири.

Материалы и методы исследования. В качестве материала для исследования были выбраны статьи о коренных народах Сибири, опубликованные в региональной газете «Илкэн» с 2013 по 2019 год. Данная газета представля-

ет обширный материал для исследования, так как содержит множество статей, в которых рассматриваются история, проблемы и современный быт коренных народов Сибири. Выбор статей осуществлялся вручную.

В качестве основного метода исследования выступил контент-анализ. За основу взяты методологические принципы, сформулированные Л. Я. Аверьяновым в его труде «Контент-анализ» [1].

На первом этапе исследования с помощью метода контент-анализа был проведен общий статистический анализ текста. Выделено общее количество слов, которые затем были сгруппированы в словоформы. На данном этапе был осуществлен также анализ слов по частотности. В выборку вошли слова, употреблявшиеся в тексте более 50 раз. По итогу частотного распределения слов был высчитан средневзвешенный коэффициент этих слов.

На втором этапе исследования были выделены ключевые для текста слова – понятия, а также была произведена их группировка в отдельные понятийные блоки, которые позволили понять наиболее часто освещаемые в статьях темы.

Результаты исследования. Выборка статей включает в себя примерно 102 000 слов. Группировка словоформ по общему для них признаку позволила сократить объем слов до 12 500. Слов, употреблявшихся в тексте минимум 50 раз, набралось 139. Употреблялись они в тексте наибольшее количество раз – 19 987 от общего количества слов в тексте.

Важно отметить, что только 11 слов использовались от 300 и выше раз. Данные слова употреблялись 5 735 раз. Они составили первый наиболее частотный ряд, состоящий из таких слов, как *народ* – 1 065; *язык* – 1056; *коренной* – 532; *свой* – 491; *Север* – 483; *республика* – 397; *малочисленный* – 385; *район* – 352; *культура* – 338; *традиционный* – 330; *родной* – 306. Наибольшая частотность их употребления свидетельствует о значимости данных слов.

Следующий блок состоит из слов, используемых в тексте от 100 до 299 раз. Это 56 слова, употреблявшихся в тексте 9 447 раз. Данные слова составили второй частотный ряд. Это такие слова, как *национальный* – 297; *олени* – 289; *эвенкийский* – 289; *школа* – 276; *работа* – 266; *развитие* – 265; *наш* – 264; *эвенский* – 262; *праздник* – 228; *эвенк* – 225; *северный* – 210; *Саха* – 201; *дети* – 200; *община* – 196; *Ассоциация* – 196; *Якутский* – 192; *оленовод* – 189; *Юкагирский* – 187; *территория* – 174; *улус* – 173; *жизнь* – 163; *эвен* – 163; *образование* – 163; *оленоводство* – 160; *государственный* – 157; *Якутия* – 157; *среда* – 155; *юкагир* – 154; *мероприятие* – 148; *сохранение* – 147; *КМНС* – 147; *народный* – 145; *новый* – 144; *село* – 143; *хозяйство* – 141; *конкурс* – 138; *про-*

блема – 135; *участие* – 134; *участник* – 131; *проект* – 131; *поддержка* – 131; *организация* – 130; *деятельность* – 129; *человек* – 123; *традиция* – 120; *общественный* – 120; *закон* – 116; *молодежь* – 115; *учитель* – 114; *кочевой* – 113; *права* – 113; *мир* – 113; *необходимое* – 106; *эвен* – 163; *население* – 104; *молодой* – 102.

Разницу или же общность данных частотных блоков можно продемонстрировать более точно в табл. 1,2, если вычислить средневзвешенный коэффициент. Первый блок получил больший коэффициент (8,41) по сравнению со вторым (4,60). Это означает, что первый блок по значимости оказывается выше второго блока. Но стоит уточнить, что в данном случае значимость показателя определялась только частотой его использования в тексте.

Таблица 1

Средневзвешенный коэффициент слов первого частотного ряда

Весовой коэффициент показателей V	Показатель	Количество употреблений Y	Весовое значение S_z	Средневзвешенный коэффициент G
8	Народ	1 065	11 715	$(S_z) / (S_y)$ 40 081 / 4 761
7	Язык	1 056	10 560	
6	Коренной	532	4 788	
5	Свой	491	3 928	
4	Север	483	3 381	
3	Республика	397	2 382	
2	Малочисленный	385	1 925	
1	Район	352	1 402	
		(S_y) средняя: 4 761	(S_z) средняя: 40 081	8,41

Таблица 2

Средневзвешенный коэффициент слов второго частотного ряда

Весовой коэффициент показателей V	Показатель	Количество употреблений Y	Весовое значение S_z	Средневзвешенный коэффициент G
8	Национальный	297	2 376	$(S_z) / (S_y)$ 10162 / 2208
7	Олени	289	2 023	
6	Эвенкийский	289	1 734	
5	Школа	276	1 380	
4	Работа	266	1 064	
3	Развитие	265	795	
2	Наш	264	528	
1	Эвенский	262	262	
		(S_y) средняя: 2 208	(S_z) средняя: 10 162	4,60

Третий блок состоит из слов, употреблявшихся в тексте от 50 до 99 раз. Это 72 слова, которые использовались 4 805 раз. Среднее количество раз использования каждого слова равно 66. Из 72 слов были выбраны наиболее значимые. Среди них: *создание* – 91; *родовой* – 86; *обучение* – 69; *природа* – 69; *изучение* – 67; *земля* – 65; *результат* – 62; *труд* – 61; *природопользование* – 59; *наслег* – 57; *охотничий* – 55; *сородичи* – 53; *помощь* – 51.

Во всей выборке текстов 139 слов являются наиболее употребительными. Исходя из общего контекста, 56 слов характеризуются как значимые. Данные слова использовались больше всего – 12 214 раз, что составило 60 % от числа всех слов, набравших более пятидесяти использований. В среднем каждое слово упоминалось 218 раз (табл. 3).

Таблица 3

Список значимых слов

1. Народ 1 065	21. Оленевод 189	41. Молодежь 115
2. Язык 1 056	22. Юкагирский 187	42. Учитель 114
3. Коренной 532	23. Территория 174	43. Кочевой 113
4. Свой 491	24. Улус 173	44. Права 113
5. Север 483	25. Образование 163	45. Необходимое 106
6. Малочисленный 385	26. Оленеводство 160	46. Население 104
7. Культура 338	27. Государственный 157	47. Отрасль 98
8. Традиционный 330	28. Среда 155	48. Цель 97
9. Родной 306	29. Мероприятие 148	49. Создание 91
10. Национальный 297	30. Сохранение 147	50. Обряд 90
11. Олени 289	31. КМНС 147	51. Родовой 86
12. Эвенкийский 289	32. Народный 145	52. Природа 69
13. Школа 276	33. Село 143	53. Знание 67
14. Развитие 265	34. Хозяйство 141	54. Земля 65
15. Наш 264	35. Конкурс 138	55. Реализация 63
16. Эвенский 262	36. Проблема 135	56. Результат 62
17. Праздник 228	37. Участие 134	Итого: 12 214
18. Северный 210	38. Поддержка 131	
19. Община 196	39. Традиция 120	
20. Ассоциация 196	40. Закон 116	

Исходя из данных расчетов, можно сказать, что частотное распределение слов может отражать смысл текста или границы этого смысла.

Группировки и сочетания слов-понятий. Для того чтобы понять основные сферы внимания авторов статей, необходимо было выделить отдельные смысловые блоки. Количественный критерий при этом не будет использоваться столь активно, как при частотном анализе.

Прежде всего, была проведена выборка тех слов, которые являются ключевыми, важными и имеющими большую смысловую значимость в рамках данного текста. Таких слов набралось 152. Итак, всего оригинальных слов

в тексте статей около 12 500, или 12%. Значимых слов, примерно, 152, или 1,5 % от общего числа оригинальных слов. Ключевых слов – 12.

Следует заметить, что одно и то же слово может быть отнесено к разным блокам в зависимости от контекста его употребления. Например, слово «родной» может быть применимо к огромному множеству слов, но исходя из более общего контекста, это слово было отнесено к блоку «язык». Ниже представлены 12 выделенных ключевых слов с определенным перечнем слов, имеющих отношение к ключевому слову.

1. Язык: *язык* – 1 056; *родной* – 306; *эвенкийский* – 289; *эвенский* – 262; *юкагирский* – 187; *носитель* – 39; *знание* – 36; *филология* – 31; *изучение* – 25; *преподавание* – 24. Всего: 10 слов, 2 255 использований.

1. Процессы: *развитие* – 265; *сохранение* – 147; *участие* – 134; *создание* – 91; *должны* – 34; *формирование* – 31; *вклад* – 26; *объединение* – 26; *сотрудничество* – 24; *активно* – 23; *восстановление* – 23; *возрождение* – 14; *совершенствование* – 11; *изменение* – 2. Всего: 14 слов, 842 использования.

2. Хозяйство: *олени* – 289; *работа* – 266; *оленовод* – 189; *оленоводство* – 160; *хозяйство* – 141; *кочевой* – 113; *отрасль* – 98; *труд* – 61; *охотничий* – 55; *охота* – 52; *ресурс* – 49; *стадо* – 49; *поголовье* – 46; *животные* – 33; *домашний* – 41; *рыболовство* – 28; *мастерство* – 13. Всего: 17 слов, 1 683 использования.

3. Цели и задачи: *проект* – 131; *необходимое* – 106; *цель* – 97; *программа* – 88; *реализация* – 63; *результат* – 62; *задачи* – 50; *успех* – 38; *решение* – 32; *предложение* – 27; *будущее* – 20; *перспектива* – 15; *потенциал* – 11; *эффективность* – 11; *план* – 9; *стратегия* – 9. Всего: 16 слов, 769 использований.

4. Народ: *народ* – 1 065; *коренной* – 532; *малочисленный* – 385; *община* – 196; *народный* – 145; *молодежь* – 115; *родовой* – 86; *история* – 64; *поколение* – 59; *сородичи* – 53; *этнический* – 52; *северяне* – 49; *этнос* – 49; *предки* – 48; *старейшина* – 36; *семья* – 32; *память* – 29; *ценность* – 25; *самобытность* – 22; *представитель* – 21; *уклад* – 19. Всего: 21 слово, 3 082 использования.

5. Государство: *ассоциация* – 196; *государственный* – 157; *закон* – 116; *министерство* – 74; *политика* – 68; *депутат* – 63; *правительство* – 52; *комитет* – 51; *председатель* – 49. Всего: 9 слов, 826 использований.

6. Культура: *культура* – 338; *традиционный* – 330; *национальный* – 297; *литература* – 91; *обряд* – 90; *песня* – 77; *ансамбль* – 61; *наслед* – 57; *творческий* – 51; *этнокультурный* – 47; *костюм* – 42; *искусство* – 40; *обычай* – 37; *уникальный* – 27; *стихи* – 22; *танец* – 21; *символ* – 21. Всего: 18 слов, 1 706 использований.

7. Наука и образование: *школа* – 276; *дети* – 200; *образование* – 163; *учитель* – 114; *книга* – 83; *обучение* – 69; *детский* – 54; *научный* – 54; *воспитание* – 42; *библиотека* – 38; *ученик* – 32; *учебник* – 26; *потомки* – 13. Всего: 13 слов, 1 164 использования.

8. Отрицательные явления: *проблема* – 135; *исчезновение* – 13; *ухудшение* – 3; *умирающий* – 2. Всего: 4 слова, 153 использования.

9. Поддержка: *поддержка* – 131; *пособия* – 49; *бюджет* – 44; *помощь* – 30; *финансирование* – 27; *субсидии* – 19; *квота* – 17. Всего: 7 слов, 317 использований.

10. Мероприятия: *праздник* – 228; *мероприятие* – 148; *конкурс* – 138; *съезд* – 95; *организован* – 43; *конференция* – 43; *проведение* – 19. Всего: 7 слов, 714 использований.

11. Территория: *район* – 352; *северный* – 210; *территория* – 174; *урус* – 173; *среда* – 155; *село* – 143; *население* – 104; *условия* – 91; *земля* – 65; *природопользование* – 59; *регион* – 51; *компактный* – 50; *уровень* – 50; *проживание* – 49; *природа* – 48; *местный* – 33; *поселение* – 24; *земляк* – 16. Всего 19 слов, 1 847 использований.

Ниже приводится сводная таблица понятийных блоков значимых слов с указанием значимости каждого отдельного блока (табл. 4).

Таблица 4

Коэффициент использования понятийных блоков

№	Смысловые блоки	Всего слов	Количество использований	Коэффициент использования, %
<i>Этнические особенности</i>				
1	Язык	10	2 255	0,44
2	Народ	21	3 082	0,68
3	Хозяйство	17	1 683	1,01
Всего		48	7 020	0,68
<i>Культура, наука и образование</i>				
1	Культура	18	1 706	1,06
2	Наука и образование	13	1 164	1,12
Всего		31	2 870	1,08
<i>Реализация деятельности</i>				
1	Цели и задачи	16	769	2,08
2	Процессы	14	842	1,66
3	Мероприятия	7	714	0,98
4	Поддержка	7	317	2,21
Всего		44	2 642	1,67
1	Государство	9	826	1,09
2	Территория	19	1 847	1,03
3	Отрицательные явления	4	153	2,62

Как видно из приведенной таблицы, более всего слов набрали блоки под условным названием «этнические особенности» и «реализация деятельности». На третьем месте блок «культура, наука и образование».

Итак, блок «язык» был описан всего 10 словами, использовали их 2 255 раз. Блок «народ» – 21 слово, использовали их 3 082 раза. Меньше всего слов набрал блок «отрицательные явления» – 4 слова, использовали их 153 раза. Блок «государство» набрал 9 слов, использовали их 826 раз. Блок «территория» содержит 19 слов, их использовали 1 847 раз.

Далее были проанализированы коэффициенты использования, которые позволили приблизительно составить рейтинг каждого понятийного блока. Коэффициент использования в данном анализе вычисляется путем соотношения количества слов к общему количеству их использования по данному блоку. Из вышеприведенной таблицы видно, что лучше всего описаны блоки «отрицательные явления» – 2,62, «поддержка» – 2,21 и «цели и задачи» – 2,08. Коэффициент использования в блоках «язык», «народ» и «мероприятия» оказался небольшим. Это связано с тем, что небольшое количество слов употреблялось много раз.

Общий блок «реализация деятельности» набрал самый высокий коэффициент использования – 1,67. Это означает, что 44 слова использовались 2 642 раза. Блок «культура, наука и образование» набрал 1,08 балла. Это означает, что 31 слово было использовано 2 870 раз; блок «этнические особенности» – 0,68 балла, т.е. 48 слов были использованы 7 020 раз.

Данный коэффициент описывает не значимость блоков, а только то, насколько полно представлен блок в тексте. Но, конечно, некоторая связь со значимостью все-таки есть. Так, если блок «отрицательные явления» описан всего 4 словами, то можно сделать вывод, что данное понятийное образование не очень волнует авторов, оно не является основным для текста.

Контекстуальный анализ слов-понятий. Следующим шагом в исследовании стал анализ блоков текста статей. Были проанализированы 6 наиболее важных слов-понятий.

Первое слово – *развитие* – использовалось в тексте 265 раз, и, несомненно, интересно, в каком контексте данное слово употреблялось авторами, и что, по мнению авторов, необходимо развивать.

Понятие *развитие* анализировалось в предложении в своем опосредованном окружении. Такой метод предполагает анализ некой совокупности слов, которые находятся в данных предложениях. Всего слов в данных предложе-

ниях насчитывалось около 3 000. Из 251 предложения в 138 слово *развитие* является основным. Например, «развитие местного самоуправления в местах компактного проживания КМНС и роль общин в решении социальных вопросов», или «в послевоенное время еще больше внимания было уделено развитию оленеводства как вида транспорта на северах».

В 113 предложениях понятие *развитие* выступает как вспомогательное, что в численном соотношении ненамного отстывает от общего количества понятия *развитие* в основной части предложений. Примером может служить такое предложение: «Все праздники шести народов входят с тех пор в план республиканских мероприятий и имеют грантовую поддержку от Министерства по развитию институтов гражданского общества».

Кроме того, был проведен анализ слов, которые чаще всего использовались в предложениях со словом *развитие*. Исходя из этого, можно сделать вывод, какие слова в данном понятийном поле могут быть представлены как значимые, относительно понятия «развитие». Всего было выделено 16 слов, которые использовались в тексте больше 10 раз. Данные слова употреблялись в предложениях со словом *развитие* 365 раз. Исходя из наиболее общего контекста, были выделены 7 важных слов – объектов развития: *язык* – 37; *республика* – 30; *культура* – 29; *олeneводство* – 18; *община* – 10; *территория* – 10; *отрасль* – 10. Всего 7 слов, 144 использования. Использование этих слов занимает 40 % из числа общего их употребления.

Таким образом, авторы текста концентрируют внимание в основном на развитии языка, культуры, территории, оленеводства. Также стоит отметить, что в некоторых предложениях слово *развитие* применяется в негативном контексте и указывает на исчезновение или другие отрицательные явления, связанные с объектом развития.

Следующим словом для контекстуального анализа было выбрано слово *проблема*, которое было отнесено к блоку «отрицательные явления». В ходе анализа было выделено 10 слов, которые чаще всего (более 10 раз) употреблялись в предложении со словом *проблема*. Это такие слова, как: *народ* – 46; *язык* – 43; *Север* – 36; *малочисленный* – 23; *коренной* – 23; *вопрос* – 19; *решение* – 17; *сохранение* – 15; *олeneводство* – 10; *КМНС* – 10. Всего 10 слов, 242 использований.

Обращает внимание на себя тот факт, что авторы не всегда указывают на конкретные проблемы. Чаще всего употребляется конструкция «проблемы коренных малочисленных народов Севера»: она как бы указывает на общую проблематику народов данного региона.

В частотном распределении слов, употребляющихся наиболее часто со словом *проблема* можно встретить такие слова, как *язык* и *оленоводство*, которые уже встречались ранее при анализе слова *развитие*. В случае с анализом понятия *развитие* данные слова определялись как слова-объекты. При анализе понятия *проблема* слова «*зык* и *оленоводство* указывают на определенные проблемы, которые в данном случае авторы конкретизируют. В основном слово *язык* употребляется в паре со словом *сохранение*. Чаще всего (в 10 предложениях из 43) встречаются такие конструкции, как «проблему сохранения родных языков», «вопрос сохранности языков». И здесь стоит отметить, что слово *вопрос* в смысловом поле «проблема» чаще всего употребляется как синоним слова *проблема* и вторит смыслу данного слова.

Также в тексте встречаются такие предложения о проблемах оленеводства, как: «были обсуждены проблемы оленеводства и поиск путей их решения», «проблемы оленеводства из экономических вопросов перешли в политические».

Третьим анализируемым словом является слово *исчезновение*. В ходе изучения оно было отнесено к блоку «отрицательные явления», поскольку оно указывает на основное поле проблем коренных народов Севера и Сибири.

При частотном анализе слов, которые чаще всего встречались со словом *исчезновение* выделились два слова: *язык* – 12 и *угроза* – 7. В целом данные слова использовались 19 раз.

Интересно отметить, что в понятийном пространстве «исчезновение» слово *язык* занимает 92 % (12 использований в 13 предложениях), что опять же говорит об основной тематической направленности проблем коренных народов Севера и Сибири. Чаще всего (в 7 предложениях из 13) слово *исчезновение* употребляется в паре с другим словом отрицательной окраски – *угроза*. Это позволяет акцентировать внимание на важности проблем исчезновения языка как важнейшего компонента для конструирования этнической идентичности.

В тексте встречаются такие конструкции, как: «угроза исчезновения коренных языков малочисленных народов Севера», «везде языкам нашим угрожает проблема исчезновения», «сложно остановить процесс исчезновения языков коренных малочисленных народов Севера».

Таким образом, в смысловом поле «исчезновение» сконцентрированы слова *угроза*, *проблема*, что акцентирует внимание на отрицательной тенденции по отношению к языкам коренных народов Севера и Сибири.

Следующим словом для контекстуального анализа было выбрано слово *оленоводство*.

Ранее слово *оленоводство* было отнесено к блоку «хозяйство». В ходе частотного анализа были выделены слова, которые чаще всего употреблялись в предложениях со словом *оленоводство*: *развитие* – 35, *традиционный* – 33; *домашний* – 28; *республика* – 27; *народ* – 24; *поддержка* – 26; *отрасль* – 24; *район* – 24; *северный* – 22; *олень* – 21; *свой* – 21; *оленовод* – 20. Всего 12 слов, 305 использований.

Сначала необходимо объединить в одну группу *традиционный, домашний, северный, народ, отрасль* как слова, определяющие и описывающие оленеводство.

Другими немаловажными словами в контексте оленеводства являются такие слова *поддержка* и *развитие*.

В понятийном пространстве *оленоводство* слова *поддержка* и «развитие» занимают 38 % (61 использование в 160 предложениях). Такое распределение может свидетельствовать о том, что авторы статей акцентируют внимание на поддержке и развитии оленеводства как основной хозяйственной отрасли и неотъемлемой части культуры коренных народов Севера и Сибири. Можно сказать, что частое использование слов *поддержка* и *развитие* со словом *оленоводство* указывает на существование проблем в этой области, что также выяснилось в процессе анализа слова *проблема*.

Следующим словом для контекстуального анализа было выбрано слово *поддержка*, относящееся к одноименному смысловому блоку.

Из частотного распределения слов в блоке видно, что в основном имеется в виду финансовая поддержка, выражающаяся в субсидиях, квотах и других пособиях. О какой же поддержке идет речь в статьях и кем эта поддержка осуществляется?

Итак, из слов, которые чаще всего (более 20 использований) употреблялись в предложениях со словом *поддержка*, были выделены 8: *народ* – 62; *Север* – 56; *республика* – 49; *язык* – 45; *государственный* – 35; *коренной* – 27; *малочисленный* – 25; *развитие* – 22. Данные слова использовались в понятийном поле «поддержка» 321 раз.

Понятие *язык* встречается в понятийном поле «поддержка» 45 раз. Из них напрямую упоминается о поддержке языка только в 12 предложениях. В остальных же предложениях можно встретить проходные упоминания о языках коренных народов. Например, такое предложение: «Этот яркий

и красивый язык северного народа имеет статус официального языка в Якутии, но даже у нас в республике этот статус дает основание для его поддержки только в сферах культуры и образования». Еще одно слово, которое чаще 20 раз употреблялось в предложениях со словом *поддержка*, – *государственный*. В понятийном пространстве «поддержка» слово *государственный* занимает 27 % (35 использований слова в 128 предложениях).

Важно отметить, что только в 2 предложениях из 30 чувствуется явная негативная окраска предложения: «Возникает вопрос о работоспособности закона РС(Я) "О государственной поддержке средств массовой информации, издаваемых (выпускаемых) на языках коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия)", если даже решение проблемы выпуска двух ежемесячных приложений на юкагирском языке требует стольких усилий»; «Нет обещанного Госдумой РФ закона о государственной поддержке домашнего оленеводства, что не позволяет оленеводам участвовать самоуправлении и распределении пастбищ, наследовать богатство общин».

Интересно, что и в том и в другом предложении выражается недовольство работой в сфере принятия определенных законов и программ, но нет ни одного предложения, в котором бы выражалось недовольство по отношению к финансовой поддержке коренных народов. Что же касается финансовой государственной поддержки, то в 10 предложениях из 30 речь идет о прямой финансовой поддержке коренных народов посредством определенных выплат, субсидий и других пособий. В целом общий фон отношения к государственной поддержке коренных народов можно назвать положительным. В 28 предложениях из 30 выражается нейтральное и положительное отношение к государственной поддержке, и только в 2 предложениях отношение к господдержке можно определить как негативное.

Следующее слово для контекстуального анализа – *язык*. Языки коренных народов Севера и Сибири являются неотъемлемой частью культуры и жизни данных народов. В процессе конструирования этнической идентичности коренных народов Севера язык выполняет роль важнейшего компонента, с помощью которого человек, носитель той или иной культуры, может идентифицировать себя с данным обществом.

В ходе частотного анализа, проведенного ранее в данной работе, выяснилось, что слово *язык* является наиболее часто используемым словом, уступая только слову *народ*. Слово *язык* в тексте статей использовалось 1 056 раз. Ранее слово *язык* было отнесено к одноименному смысловому блоку.

При контекстном анализе слова *язык* внимание было обращено только на те слова, которые стояли непосредственно перед этим словом.

Все высказывания со словом *язык* можно разделить на 4 блока:

- 1) упоминание в тексте о конкретных национальных языках – 243 (23,5 %);
- 2) определения языка – 178 (17,2 %);
- 3) упоминание в тексте о процессах, связанных с языком, – 57 (5,5 %);
- 4) слова, представляющие собой определенные источники или носителей языка, – 38 (3,6%) (табл. 5).

Таблица 5

Непосредственное понятийное окружение слова «язык»

Категория	Количество (процент)
<i>Блок: языки народов</i>	243 (23,5 %)
Эвенский язык	71
Эвенкийский язык	69
Юкагирский язык	50
Якутский язык	21
Русский язык	20
Чукотский язык	5
Долганский язык	4
Английский язык	3
<i>Блок: определения языка</i>	178 (17,2 %)
Родной язык	151
Свой язык	18
Официальный язык	6
Национальный язык	3
<i>Блок: язык как процесс</i>	57 (5,5 %)
Сохранение языка	25
Развитие языка	13
Изучение языка	7
Владение языком	4
Возрождение языка	4
Преподавание языка	4
<i>Блок: носители языка</i>	38 (3,6 %)
Культура и язык	14
Носитель языка	9
Книги и язык	8
Пособие по языку	4
Литература и язык	3

В статьях часто используются такие словосочетания, как «эвенкийский язык», «эвенский язык», «юкагирский язык». Конечно, настолько часто употребляя эти словосочетания, авторы акцентируют внимание на языках некоторых народов Севера, которые больше всего, по их мнению, заслуживают внимания по той или иной причине. Но ранее уже выяснилось, что в основном те или иные упоминания о языке свидетельствуют о процессах, связанных с ним, особенно с процессами развития и сохранения. Такие слова составляют 23,5 % от общего количества предложений со словом *язык*.

Также в тексте статей часто встречаются словосочетания: «родной язык», «свой язык», «национальный язык». Данные слова-определения придают некоторую важность языку как явлению и тем самым указывают на необходимость его сохранения как важнейшего компонента конструирования этнической идентичности. Такие слова составили 17,2 %.

В статьях перед словом *язык* также встречаются такие слова: *сохранение, развитие, изучение*. Данная группа слов представляет собой определенные процессы, связанные с языком, преимущественно положительной окраски. Ранее говорилось о частотности содержания слова *язык* в понятийном пространстве слова *исчезновение*, которая составила 92 %. Но в понятийном пространстве *язык* большую часть занимают слова, связанные с положительной тенденцией развития, а не наоборот. Это может говорить о том, что по большей части в непосредственном окружении данного слова используются слова, акцентирующие внимание на положительной тенденции развития. Такие слова составили 5,5 % от общего количества предложений.

Еще один блок слов, связанных с языком, это слова – источники языка. Часто в тексте можно встретить словосочетание «носитель языка» или такие предложения, как «функционируют 86 библиотек, где фонд книг на языках коренных этносов составляет 2,6 тысячи экземпляров». Такие слова акцентируют внимание на важности поддержки и сохранения литературы и пособий на языках коренных народов Севера. Данный блок слов составил 3,6 %.

Таким образом, авторы текста больше акцентировали внимание на развитии и сохранении конкретных языков, а именно: эвенкийского, эвенского и юкагирского, – так как они использовались со словом *язык* наибольшее количество раз. Также из текста статей можно выделить наиболее важные процессы, которые ассоциируются со словом *язык*, в контексте коренных народов Севера и Сибири. Это такие слова, как *сохранение, развитие* и *изучение* языка. Кроме того, исходя из наиболее общего контекста и результатов ча-

стотного распределения слов в тексте, можно сделать вывод о том, что язык является важнейшим компонентом конструирования этнической идентичности коренных народов Сибири, так как именно на развитие и сохранение языка направлены важнейшие силы, в том числе государственная поддержка.

Заключение. Анализ содержания газеты «Илкэн» показал наиболее актуальные стратегии конструирования этнической идентичности коренных народов Севера. Это национальный язык и традиционная хозяйственная деятельность, связанная, прежде всего, с оленеводством. Кроме того, было выявлено, что частое употребление словосочетания «коренной малочисленный народ» в статьях является результатом официальной идентификации и может оказывать негативное влияние на процесс самоназвания и самоидентификации, поскольку в самом названии «коренной малочисленный народ» заложен смысл, связанный с главной проблемой данных этносов – малочисленностью.

В целом можно отметить, что статьи анализируемой газеты отражают в большей степени положительные тенденции, связанные с развитием коренных народов Сибири. Чаще всего употребляются такие слова, как *развитие*, *сохранение*, *создание*, однако стоит заметить, что используются они как антиподы противоположным процессам.

Список литературы

1. Аверьянов Л. Я. Контент-анализ. М.: РГИУ, 2007. 286 с.
2. Бабкина Е. С., Иванова Ю. З. Этнические СМИ России: типология и особенности функционирования // Культура и наука Дальнего Востока. 2016. № 2 (20). С. 120–122.
3. Барсукова А. В. Этническая журналистика Приволжского Федерального округа: опыт системного анализа // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 6. С. 148–151.
4. Богомазова Л. В. Экономический кризис в российских СМИ: конструирование и деконструирование проблем // Экономическая социология. 2019. № 1. С. 123–147.
5. Газета «Илкэн». URL: <http://yakutiakmns.org/gazeta-ilken>.
6. Кравченко Ю. Д., Абросимова Е. А. Этнические СМИ в структуре современной региональной журналистики (к постановке проблемы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7 (73). С. 41–45.
7. Малькова В. К. Этническая пресса современной России // Этносфера. 2001. № 1. С. 4–15.
8. Малькова В. К. Этническая тематика в Российском информационном пространстве // Коммуникология. 2014. № 14. С. 101–117.
9. Маркина В. М. Стратегии репрезентации других в СМИ: теория и методология контент-анализа // Вестн. Том. гос. ун-та. 2015. № 1 (29). С. 82–90.
10. Махмудов Т. З. Понятие этноса и других категорий этнических групп // Аналитика культурологии. 2013. № 26. С. 35–39.

11. Позина А. А. Этническая журналистика. Структурные характеристики // Вестн. Моск. ун-та. 2011. № 3 (10). С. 52–61.
12. Сметанина А. В. Семантический контент-анализ выступлений депутатов Государственной думы Российской Империи: методологические аспекты // Вестн. Перм. ун-та. 2014. № 3 (26). С. 57–66.
13. Хотинец В. Ю. Этническое самосознание. СПб.: Алетейя, 2000. 240 с.
14. Barrett M. English children's acquisition of a European identity // Oxford Pergamon Press. 1996. P. 145–172.
15. Bauman Z. The liquid modernity. Saint Petersburg: Piter. 2008. 240 p.
16. Berelson B. Content analysis in communications research. Glencoe. 1952.
17. Drisko J., Maschi T. Content analysis. N. Y.: Oxford University Press. 2016. 195 p.
18. Ericson E. H. Identity, youth and crisis. London: Faber and Faber. 1968. 448 p.
19. Gottschalk L. Content analysis of verbal behavior. N. Y.: Routledge. 2013. 234 p.
20. Huntington S. The clash of civilizations and remaking of the world order. M.: AST. 2003. 603 p.
21. Johnson H., Mathis J., Short K. Critical content analysis of visual images in books for young people. N. Y.: Routledge. 2019. 288 p.
22. Lasswell H. D. The theory of political propaganda // The American Political Science Review 1927. № 3. P. 627–631.
23. Markoff S., Shapiro C., Weitman S. Toward the intergration of content analysis and general methodology. San Francisco: Jossey-Bass. 1974.
24. Mead G. H. Mind, self and society. Chicago: The University of Chicago Press. 1963. 401 p.
25. Neuendorf K. The content analysis guidebook. USA: Sage Publications. 2017. 456 p.
26. Neuman L. W. Social research methods: qualitative and quantitative approaches. Boston: Allyn and Bacon, 1998. № 6. P. 119–129.
27. Pinderhughes E., Rosnati R. Adoptees ethnic identity within family and social contexts. San Francisco: Wiley Periodicacals. 2015. 119 p.
28. Reynolds T. Young people, social capital and ethnic identity. N. Y.: Routledge. 2012. 160 p.
29. Safran W., Laponce J. A. Language, ethnic identity and the state. N. Y.: Routledge. 2014. 172 p.
30. Simon T. Ethnic identity and minority protection: Designation, discrimination and brutalization. Lanham: Lexington Books. 2013. 330 p.

УДК 791:304.3(571.51)

Д. В. Ольхина

Студент кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

ОБРАЗ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ И ЖИЗНИ СИБИРЯКОВ В РЕГИОНАЛЬНОМ КИНО НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМА МИХАИЛА ТАРКОВСКОГО «ЗАМОРОЖЕННОЕ ВРЕМЯ РОССИИ»

Сибирь во все времена притягивала к себе внимание художников, поэтов, а с появлением кинематографа стала объектом интереса кинокамер. Желание познать особенности этой местности побуждало приезжать сюда все новых и новых режиссеров. Внимание уделяли не только природным красотам. Очень много трудов было направлено на попытки проникнуть в душевную тайну сибиряков. И неизменно все исследователи приходили к выводу, что это народ особенный, не такой, как, скажем, в европейской части России. Здесь характер людей формировала и закаляла сама природа, особый сибирский климат.

На необъятных сибирских просторах искали свое вдохновение многие поэты и писатели. Исключением не стал и Михаил Тарковский. В своей документальной киноленте «Замороженное время» Тарковский на примере своей собственной судьбы раскрывает зрителю не только природные особенности этих мест, но и душевные особенности сибиряков.

Михаил Александрович Тарковский родился в 1958 году в Москве в семье Марины Арсеньевны Тарковской и кинорежиссера Александра Витальевича Гордона. Он – внук поэта Арсения Тарковского и племянник режиссера Андрея Тарковского. Фактически вся его сознательная жизнь связана с Сибирью и Красноярским краем. После окончания Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина в 1981 году он переехал в поселок Мирное Туруханского района Красноярского края, где на протяжении пяти лет работал на Енисейской биостанции ИЭМЭЖ АН СССР. В 1986 году он переезжает в село Бахта Туруханского района и занимает должность штатного охотника, а позже охотника-арендатора. Помимо этого, Михаил Тарковский является главным редактором альманаха «Енисей».

Сибирь и поселок Бахта стали, как сам режиссер признается в фильме, центром его мира, его вселенной. Здесь он нашел свое место, свое вдохновение. Именно здесь начал всерьез заниматься писательской работой. Жизнь в Туруханском районе стала для него отправной точкой, стартом его творческого пути.

Документальный фильм Михаила Тарковского «Замороженное время» во многом автобиографичен. Личное отношение режиссера играет здесь огромную роль. Его жизнь, его мысли, чувства, воспоминания, – все это неразрывно связано с Сибирью. Можно назвать этот фильм исповедью режиссера, рассказом о становлении его как личности, как писателя. Автор рассказывает о том, откуда он черпал вдохновение, что давало ему стимул писать, творить. Говорит о том, что повлияло на его творческий путь.

Фильм с первых секунд погружает зрителя в неповторимую атмосферу сибирской природы: бескрайнее море снега и льда, деревья, одетые в снежные уборы. Сразу же вспоминаются строки из поэмы Твардовского «За далью – даль»: «Сибирь, леса и горы скопом. Земли довольно что б на ней раздаться в ширь пяти Европам со всею музыкой свое». Прорубая полынью в реке, режиссер словно пускает нас зрителей в свой фильм. Он будто бы позволяет нам заглянуть, подглядеть в «окошко», за которым открывается мир Сибири. Это фильм-путешествие. Все события развиваются последовательно, складываются как кусочки пазла. Каждый новый эпизод привносит что-то новое в описание сибирской природы, быта сибиряков, в описание личности самого автора фильма, создавая в итоге единый цельный образ.

Первый же разговор режиссера, который сам же является главным действующим лицом фильма, с местными демонстрирует находчивость и изобретательность сибиряков. Случайные знакомые подарили ему самодельное приспособление для заманивания оленя в загон. Обычная жестяная банка и шнурок, а звучит словно голос лося или лосихи (в зависимости от того, как дергать за веревочку). Действительно, все гениальное просто.

Сибирь очень многое значит для режиссера. Это можно понять из его рассказа о дубовой аллее. Раньше у монастыря росла целая дубовая аллея, теперь же остался всего один дуб. Этот дуб – особенный. Особенный даже по словам настоятеля монастыря: «Он выстоял». Это ведь не только про дуб фраза, это ведь и про дух человеческий, душу особенную, сибирскую. Хоть все вокруг вырубил, а она все равно жить будет.

Природа Сибири уникальна. Холод здесь, как говорит режиссер, на человека работает. А самое особенное время года – зима. Она и дороги «строит» –

зимники, и защищать страну помогала, и лучше Михаила Тарковского тут и не скажешь: «Снаружи холодно, зато внутри жарко».

Режиссер поднимает проблему переселения людей в Сибирь. В этот уголок России люди ехали всегда: кто за работой, кто по нужде, кто просто ради интереса. И многие в итоге оставались здесь навсегда. Уже просто не хотели уезжать, даже имея такую возможность. Многим просто невдомек, говорит автор фильма, что место можно полюбить так сильно, даже заочно, по книгам и рассказам, что не будет спокойствия, пока там не поселишься. Такой мечтой Сибирь стала и для автора фильма. Снова вспоминаются слова Твардовского: «Сибиряки. Молва не врет. Хоть с бору, с сосенки народ. Хоть сборный он, зато отборный!».

Любовь к Сибири режиссеру привила его бабушка Мария Ивановна Вишнякова. Именно благодаря ей он оказался на берегах Енисея. Как он сам говорит, бабушка открыла ему трое ворот: «в русскую природу, в русскую литературу и в православный храм». Памяти Марии Ивановны режиссер и посвятил свой фильм. Рассказ о бабушке, о жизни с ней, о совместных поездках позволяет лучше понять самого режиссера, его мотивы, его чувства, эмоции, что является очень важным для анализа самого фильма, ведь повествование нем ведется от первого лица, и сама фигура режиссера очень важна.

Красной нитью через все повествование проходит лейтмотив дороги. Дорога неразрывно связана с воспоминаниями, с размышлениями, историями. Съёмки дороги проходят либо через лобовое стекло движущейся машины режиссера так, что лишь немного видно кабину, либо это вид сверху на движущуюся по дороге машину. В последнем случае камера следует за машиной. Оба приема усиливают ощущение движения в кадре. В сочетании с повествованием режиссера закадровый голос выстраивает параллель между тем, как движется машина по заснеженной дороге, и тем, как «льется» и развивается история или размышления автора фильма. Дополнительную атмосферу при этом создает освещение в кадре. Так, когда режиссер углубился в воспоминание о своей бабушке, за окнами машины была ночь. Ночь всегда считается временем самых искренних разговоров, временем воспоминаний, именно в ночное время люди чаще всего раскрывают самые сокровенные тайны. Воспоминание о бабушке – это глубоко личные переживания режиссера. Бабушка приходит к зрителю через кадры фильма «Зеркало» Андрея Тарковского. Она словно появляется в нашем настоящем, как взгляд из прошлого. Точно так же перед нами появился и сам автор фильма, только не в зеркале, а за каскадом

воды, словно кто-то помыл и протер запотевшее стекло. Это в очередной раз подчеркивает глубокую связь актера с бабушкой.

В качестве художественного элемента в фильм автором вводятся стихи. Прочтение стихов, закадровый не режиссерский голос, объединяются с неизменным мотивом дороги и пейзажей Сибирской природы. Стоит отметить, что стихи, использованные в фильме, написаны самим Михаилом Тарковским. Это еще раз подчеркивает важность автобиографической составляющей фильма. Стихи отражают отношение автора к природе Сибири. Он не просто любит сибирскую природу, он восхищается ей, гордится.

Режиссер называет сибирские места «спайкой» между восточной и западной частями России. Сибирь – это место, которое объединяет все значимое для нашей страны, буквально не дает ей развалиться на две половины. Главной скрепляющей силой он называет Енисей – одну из самых полноводных рек России. Сравнивая его с могучей жилой, он подчеркивает мощь этой реки. Действительно, если посмотреть на карту нашей страны, то можно увидеть, что Енисей буквально делит Россию пополам, и протекает он именно по территории Сибири. Автор фильма считает, что Сибирь сама по себе является олицетворением русской души, души русского народа. Люди здесь, говорит он, буквально корнями приросли к месту, им не нужно ничего лучшего, они счастливы.

Хоть Михаил Тарковский и родился в Москве, правильнее будет считать его родиной Туруханский район Красноярского края, ведь именно в этих местах он провел большую часть своей жизни, к ним прикипел душой. В фильме «Замороженное время» он возвращается в родные для него места. Он приезжает в дом близких ему людей. Небольшое село, обычная изба, ничего особенного в интерьере дома, однако все так уютно, тепло и по-домашнему. В этой сцене раскрываются особенности быта, привычные любому сельскому и деревенскому жителю. Во всей красе продемонстрировано знаменитое русское гостеприимство. Это подтверждает слова автора о широте русской души и привязанности к месту своего проживания.

Огромную долю в фильме занимает демонстрация видов природы и быта людей, проживающих на данной территории. Две эти вещи неразрывно связаны между собой, ведь жизнь людей здесь во многом зависит от климатических условий. Здесь свои особенности, свои удобства и трудности, к которым местные жители привыкли и не готовы ни на что менять.

Режиссер рассказывает нам о жизни в небольших деревнях и поселках Красноярского края. Он отмечает, что люди в таких поселениях живут факти-

чески общиной, а раньше и вовсе двери не запирали. Важную роль в их жизни играет собственное хозяйство, а для многих занятие каким-либо промыслом, например, охотой или рыбалкой. Главное в человеке, считает режиссер, «быть неприхотливым, смекалистым и не зависеть от внешних обстоятельств». Именно такими он называет людей в Сибири. Быт за многие десятилетия здесь фактически не изменился. Да, появилось много технологических новшеств, но суть осталась та же.

Михаил Тарковский описывает не только особенности здешней природы и быта, он говорит об особенностях души русского человека. Очень интересны его рассуждения о русском языке. «Он у каждого свой, именной», – говорит режиссер, подчеркивая многогранность нашего языка. Неоднократно в фильме появляется религиозная линия. Автор говорит не только о духовности народа, но и святости самой сибирской земли. Ярко это показано в одном из эпизодов фильма. На тридцатой минуте появляются кадры деревни с воздуха, за кадром продолжают слова молитвы и колокольный звон, которые словно растворяются над землей, над домами, тем самым освещая их. В качестве одной из главных проблем для местного жителя режиссер выделяет проблему неравенства людей, живущих здесь, и внешнего мира, который постоянно пытается вмешаться в сложившийся миропорядок этих мест, фактически лишая местных права хозяина этих мест. Дальше режиссер показывает нам Сибирь уже в летнюю пору. Здесь начинается совсем другой быт, нежели зимой, другие заботы, другие хлопоты. Огород, ремонт, работа по хозяйству и, конечно, подготовка к зиме – вот что поглощает сибиряков в это время года. Ведение хозяйства здесь разделено: «все, что за забором, – хозяйство, а внутри – хозяйкино». Таежную жизнь режиссер считает более пригодной для мужчин. У женщин здесь другая задача – дети, дрова, участок, домашнее хозяйство, ожидание мужа.

Режиссер признается, что именно загадочность местной природы, ее красоты, особенно красоты осени, которую он вообще выделяет как главное время года, буквально привязали его к Сибири. Осень для Михаила Тарковского особое время, время, невероятной красоты: «энергия земли, готовящаяся к покою, ее великая сосредоточенность на огромном своем замысле», так он видит особую философию осени.

Время здесь действительно будто остановилось, замерло, замерзло. Из года в год, из десятилетия в десятилетие один и тот же быт, та же культура, та же вера, та же природа. Попытку пробиться сквозь это время нам демонстри-

рует финальный кадр фильма, где режиссер рубит полынью в реке. Этот эпизод закольцовывает сюжет фильма, возвращает нас к тому, с чего все началось. Прошел целый год, один цикл жизни природы, и все снова вернулось к началу и пошло по новому кругу.

Фильм Михаила Тарковского «Замороженное время» демонстрирует зрителю взаимосвязь между круговоротом сезонов в природе и жизнью местных жителей. В полной мере описаны особенности природы Туруханского района Красноярского края, особенности климата этих мест. Вся жизнь сибиряков в деревне подчинена природным условиям. И все это показано через призму воспоминаний, переживаний, судьбу самого автора фильма.

Список литературы

1. Михаил Тарковский. «Время излома». Интервью // Литературная Россия: газ. № 2017/40 от 17.11.2017.
2. Михаил Тарковский. «Енисей не отпускает». Интервью. URL: https://archive.is/20130417031242/www.expert.ru/articles/2010/04/30/enisey_ne_otpuskaet.
3. Михаил Тарковский. «По-волчьи стали жить». Интервью. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/08/30/tarkovsky>.
4. Особенности авторского и телевизионного документального кино: ст. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-avtorskogo-i-televizionnogo-dokumentalnogo-kino/viewer>.
5. Рабигер М.: Режиссура документального кино и «Постпродакшн». 1997.
6. Твардовский А. Т. За далью – даль. М., 1960.

СЕКЦИЯ 2

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ

УДК 316.47

В. И. Кудашов

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИИ

Межэтническая миграция даже в условиях пандемии не прекращает своего глобального движения во всех странах, в том числе и в России. Политическое теоретизирование по поводу мультикультурного общества, толерантности и ассимиляции мигрантов наталкивается на обыденную практику негативного отношения к прибывающим на российские территории иностранцам. Противоположные мнения усиливают многочисленные проблемы и трудности, связанные с новыми гражданами российского общества, заостряя внимание на сложностях, которые возникают в связи с вопросами ассимиляции мигрантов. Судить о миграционных процессах исключительно с точки зрения влияния на экономику или внутренний рынок непродуктивно, так как современные геополитические реалии давно вышли за эти рамки, расширяясь и включая новые проблемы, касающиеся миграционной тематики. Одной из групп таких проблем являются вопросы социокультурной адаптации и интеграции мигрантов, которые становятся студентами высших учебных заведений Российской Федерации.

Эти вопросы тесно переплетаются с глобальной политикой интернационализации, которая определяется как «преднамеренный процесс интеграции международного, межкультурного или глобального измерения в цели, функции и предоставление послесреднего образования в целях повышения качества образования и научных исследований для всех студентов и сотрудников и внесения значимого вклада в общество» [1]. Усиливающаяся интернационализация в мире требует повышения конкурентоспособности национальных систем образования в области экспорта образовательных услуг и формирования стратегий продвижения национальных образовательных брендов. В этой связи привлечение студентов из-за рубежа рассматривается как одно из средств усиления позиций страны в мировом образовательном пространстве [2].

Обучение иностранных граждан в вузах Российской Федерации – важной составная часть всего комплекса экспорта образовательных услуг российской системы образования. Конкурентными преимуществами российского образования являются его фундаментальность, научность и энциклопедичность. Российские университеты стремятся к расширению международного культурного, исследовательского, активного творческого взаимодействия участников образовательного процесса (академическая мобильность, обмены); к заключению соглашений и плодотворному международному сотрудничеству [3].

Ежегодно в России увеличивается число иностранных студентов. Большая часть из них приходится на студентов из кавказских и азиатских стран СНГ, Южной Осетии и Абхазии (83 % от числа иностранных студентов). При этом многие из них остаются в дальнейшем работать в России. Согласно исследованию НИУ ВШЭ «Факты образования», совокупная численность иностранных студентов в России в 2015 году составила свыше 237 тыс. человек [4], а в 2017 году – 242 тыс. человек [5].

Развитие учебной миграции в Россию является на сегодняшний день одним из перспективных и стратегических направлений государственной образовательной политики. Каждый вуз стремится выработать собственную стратегию и модель международной деятельности и обучения иностранных студентов в зависимости от региональной и внутривузовской специфики, налаженных связей. Позиции высшего отечественного образования за последние три года значительно укрепились на азиатском рынке. В частности, сейчас в России обучается свыше 67 тыс. студентов из Казахстана, 13,5 тыс. студентов российских вузов приехали из Китая, 6,6 тыс. – из Индии, 3,3 тыс. – из Вьетнама.

В результате реализации проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» количество иностранных студентов, которые обучаются по очной форме в российских вузах, должно вырасти с 220 тыс. человек в 2017 году до 710 тыс. в 2025 году, а количество иностранных слушателей онлайн-курсов российских образовательных организаций – с 1 млн 100 тыс. человек до 3 млн 500 тыс. человек. Количество иностранных школьников, прошедших обучение по программам дополнительного образования, должно вырасти в 2025 году по сравнению с 2016 годом вдвое.

Вопрос интернационализации высшего образования есть не столько вопрос количественный, сколько качественный – вопрос адаптации иностранных студентов в новой (иной) социокультурной среде. Социокультурная

адаптация – это процесс приспособления и взаимодействия представителя иной культуры и среды его настоящего обитания, процесс приобретения необходимых для жизни трудовых навыков и знаний, усвоение студентом основных норм, образцов, ценностей новой окружающей действительности (явление «вхождения» или «включения» в культуру).

Процесс адаптации зависит от множества факторов, описанных в литературе [6–8], возникают барьеры, которые препятствуют вхождению в культуру (языковой, межкультурный, академический) [9–11]. Большинство российских и зарубежных исследований, посвященных иностранным студентам, как правило, носят количественный характер [12–14]. На основании массовых опросов делаются выводы относительно трудностей, с которыми сталкиваются иностранные студенты. Студенты, приезжающие получать образование в России, должны изучать русский язык для освоения будущей профессии. Языковая адаптация – это важная часть, определяющая интеграцию иностранного студента в окружающую социальную среду. Языковые навыки важны, потому что они влияют на качество и количество межкультурных взаимодействий [15].

Языковой барьер является первой из серьезных проблем на пути к интеграции иностранных студентов в иную социокультурную среду. В. Л. Бернштейн определяет языковой барьер «трудными ситуациями общения, возникающими как следствие незнания основных правил и норм межличностного общения; незнания особенностей культуры страны изучаемого языка; неумения неподготовленного речепорождения на иностранном языке; неподготовленности к самому факту существования трудностей межкультурного общения» [16].

Результаты исследования, проведенного А. Л. Арефьевым, Ф. Э. Шереги, свидетельствуют об отсутствии единой унифицированной системы отбора иностранных граждан для обучения в российских вузах, что однозначно сказывается на качественном составе прибывающих на учебу в Россию иностранных граждан. Как отмечают авторы, абсолютное большинство иностранных граждан (не считая выходцев из стран СНГ), прибывающих на учебу в вузы России, не владеют русским языком. Несмотря на то, что эти граждане осваивают русский язык на специальных курсах, но, как показывает опрос, к окончанию курсов на среднем уровне знают русский не более 20 % тех, кто приступает к занятиям по основной специализации в вузе. Данное обстоятельство осложняет дальнейшую учебу, особенно по профильным

предметам. О значимости этого фактора свидетельствует то, что 84,5 % студентов на первое место среди возможных учебных трудностей поставили плохое владение русским языком. Хорошо усваивают русский язык в основном те обучающиеся в России, кого направили российские посольства, а также обучающиеся на факультетах международных отношений и медицинском.

На протяжении нескольких месяцев до поступления на основную программу обучения многие студенты проходят курс по изучению русского языка как иностранного. Однако несколько месяцев – это слишком малый срок для последующего обучения в группах с российскими студентами. Знание языка, полученное за это время, не позволяет в достаточной мере воспринимать и перерабатывать материал, предлагаемый в процессе обучения. Большинство иностранных студентов, не владеющих русским языком, не в состоянии полноценно воспринимать лекции и иной учебный материал, что также затрудняет проведение текущего контроля, достоверной промежуточной и итоговой аттестации. Данная проблема перерастает в еще большую, а именно – качество итоговой подготовленности иностранного гражданина как специалиста. В процессе обучения иностранным студентам не уделяется особое внимание: преподаватели не заинтересованы в том, чтобы проверить, смогли ли иностранцы понять курс, читаемый на новом для них языке. В российских вузах образовательная среда еще не в полной мере адаптирована для обучения иностранцев.

Мигрировав в Россию, иностранцы меняют свое социокультурное окружение. Нарушаются привычные коммуникативные связи с семьей, соотечественниками и друзьями. Успешное приспособление иностранного студента к новой социально-культурной жизни происходит благодаря активному общению с русскими студентами и населением. Не у всех студентов есть интерес к чужой стране. Они противопоставляют свою культуру тому, что видят в России. Многие из российской действительности вызывает у них шок и непонимание [17]. Тем не менее отсутствие упоминаний недоброжелательного отношения подтверждает данные, полученные и в исследовании С. В. Дементьевой: только 0,5 % студентов ощущают беспокойство в отношении данной проблемы [18].

По мнению опрошенных иностранных студентов, у большинства из них контакты со своими одноклассниками-россиянами ограничены. Русские студенты не стремятся заводить дружбу с иностранцами. Поэтому часто студенты-иностранцы возвращаются домой с негативным отношением к обществу,

где проходило обучение [17]. Как отмечает П. П. Лях, русские студенты не проявляют должного уважения и внимания к своим иностранным сокурсникам, не владеют страноведческой информацией, не знают национальных особенностей поведения и общения своих иностранных сокурсников [19]. Как показывают интервью, студенты общаются в рамках своей референтной группы (общежития, в котором они проживают, или землячества). Также называются национально-региональные особенности межкультурного общения.

Следует отметить, что данная проблема присуща не только российским университетам: согласно исследованиям, взаимодействия с местными студентами оказываются не такими интенсивными, какими могли бы быть; напротив, иностранные студенты предпочитают общаться с другими студентами своей страны или с другими иностранными студентами [20]. В качестве барьера для межкультурного взаимодействия выступает тип расселения студентов по общежитиям: существуют общежития для иностранных студентов и отдельно для русских студентов. Студенты из двух разных типов общежитий для иностранцев, как и русские студенты, практически не имеют общих точек пересечения: и обучение, и проживание происходят по различным траекториям. Такое же разделение можно наблюдать и в организации учебных групп: процесс обучения выстроен преимущественно по принципу разделения иностранных и российских студентов. Иностранные студенты в процессе обучения могут как вообще не пересекаться с российскими студентами (программы академического обмена), так и пересекаться, но попадать в группы к российским студентам спустя некоторое время [20].

Успешность обучения иностранных студентов в России, уровень их профессиональной подготовки в значительной степени зависят от их языковой и социокультурной адаптации в стране пребывания. Данный аспект адаптации связан с усвоением иностранными студентами норм и понятий образовательной среды, привыканием к характеру, содержанию и условиям организации учебного процесса, формированию у студентов навыков самостоятельной научной и учебной работы. Важно понимать, что процесс учебной адаптации – это процесс взаимодействия разных культурных моделей обучения, разных философий образования [21]. Имеют место следующие, общие для всех иностранных студентов трудности академической адаптации: низкий общеобразовательный уровень; слабая подготовка по профильным дисциплинам и специальным предметам; отличие форм и методов обучения в российском вузе от форм и методов обучения в высшей школе их родной страны. Образова-

тельные программы не всегда учитывают контекст международного образования.

Данные социологических опросов, проведенных на федеральном уровне среди иностранцев, обучающихся в российских вузах, свидетельствуют о том, что каждый девятый иностранный студент высказывал претензии по качеству получаемой в вузе профессиональной подготовки. При этом претензии распределились следующим образом: 43,3 % иностранных студентов отметили неудовлетворенность обучением с содержательной и организационной точки зрения, неудовлетворительное преподавание, устаревшие методики; 18,4 % респондентов высказали озабоченность отсутствием или нехваткой лабораторий, современного оборудования. Более 70 % из числа иностранных студентов испытывали на себе «дидактический барьер», который вызывал у них дискомфорт в период обучения уже на подготовительных факультетах. Наблюдается относительное разочарование в качестве знаний, организации процесса обучения, уровня профессиональной подготовки преподавателей, а также материальной технической обеспеченности вузов [22].

Важным является обучение языку с параллельным знакомством с культурой, традициями народа принимающей страны, его литературой, историей, менталитетом. Все эти знания помогают иностранным учащимся быстрее адаптироваться в иноязычной среде и рожают предпосылки для мотивационного и осмысленного изучения языка, зарождавая уверенность в своих лингвистических способностях. Однако знание в чистом виде не может обеспечить адаптивного поведения. Кроме знания необходимы навыки, количество и качество межкультурных контактов. Оптимальным инструментом для включения иностранного учащегося в учебный процесс является интеграция, при которой происходит активное освоение иной национальной культуры при сохранении собственной национальной идентичности. Поэтому в процессе обучения иностранных студентов также следует учитывать сильные стороны национально-культурных особенностей этноса, особенности восприятия и усвоения материала.

Необходимо отметить, что формирование коммуникативных умений иностранных студентов будет более успешным, если процесс обучения осуществляется не только на уровне педагогической коммуникации в рамках аудиторных занятий, но и на уровне межкультурной коммуникации с целью более легкого вхождения в иноязычную культуру. Необходим индивидуальный подход, учитывающий национальные и этнокультурные особенности [23].

Положительное влияние на адаптацию оказывает деловая и эмоциональная включенность студента в ученический коллектив, насыщенная общественная жизнь в студенческой среде, активное участие в общих институтских мероприятиях, таких как подготовка совместных праздников, научных конференций, спортивных соревнований, музыкальных фестивалей, посещение музеев, выставок и т. д. [24]. В качестве организационной меры возможно создание на базах университетов аналогов европейских *Student Services*, для устранения межкультурного барьера и обеспечению у иностранных студентов скорейшей адаптации. Консультационные центры (*Student Services*) могут создавать программы для иностранных студентов, чтобы помочь им ближе познакомиться с обычаями, невербальным поведением, сленгом и другими культурными аспектами жизни в России. Это может помочь им чувствовать себя более связанными с принимающей культурой и дать им большие возможности.

Практика в российских университетах показывает, что преодоление адаптации понимается по-разному. В одних вузах организованы студенческие клубы, где российские и иностранные студенты знакомятся с культурами друг друга, а студенты-волонтеры помогают иностранцам решать их бытовые проблемы. В других вузах работа по адаптации сводится к изучению русского языка и проведению национальных праздников. Однако пока нет обширных исследований, позволяющих выработать общие рекомендации для вузов. Общими мерами могут стать: развитие молодежных стажировок, обменов для совершенствования и получения дополнительных практических навыков в освоении русского языка как иностранного; поддержка и продвижение русского языка за рубежом (создание культурных и языковых центров), проведение обучающих и методических семинаров для зарубежных преподавателей русского языка [25].

Приведенные данные и факты выше свидетельствуют о том, что иностранные студенты испытывают трудности, поэтому им необходимо быстро овладеть языком, адаптироваться к чужой системе обучения и вписаться в другую культуру, чтобы успешно учиться. Как считают Misra & Castillo, адаптационный опыт заставляет иностранных студентов испытать больше стресса, чем отечественных студентов, и также больше стресса, чем другие международные группы, такие как иммигранты и беженцы [26].

Для решения указанных проблем социокультурной адаптации в российских университетах необходимо: опираться на лучшие отечественные и зарубежные практики; проводить систематические исследования по преодолению

типичных проблем иностранных студентов; создавать ориентационные программы в формате отечественных дополнительных образовательных программ; организовывать курсы повышения квалификации для преподавателей профильных дисциплин, работающих с иностранными студентами; создавать службы поддержки иностранных студентов, основной задачей которых является помощь в адаптации вновь прибывающим иностранцам в новой стране, проводить дальнейшие исследования, использовать лучшие зарубежные и отечественные практики.

Список литературы

1. Internationalisation of higher education // H. de Wit, F. Hunter, L. Howard, E. Egron-Polake. Brussels: European Parliament, 2015. 283 p.
2. Shifting institutional boundaries through cross-border higher education / A. Amaral, O. Tavares, S. Cardoso, C. Sin // *Journal of Studies in International Education*. 2016. Vol. 20. P. 48–60. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/1028315315587108>.
3. Grigoriev A. N., Korshunov G. V. Internationalization of education as a direction of University activity // *Higher Education in Russia*. 2016. № 6 (202). P. 135–141. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internatsionalizatsiya-obrazovaniya-kak-napravlenie-deyatelnosti-vuza>.
4. Академическая мобильность иностранных студентов в России // *Факты образования*. 2016 (июль). № 7. URL: <https://ioe.hse.ru/data/2016/07/13/1116424276/ФО7.pdf>.
5. В российских вузах обучаются 243 тыс. иностранных студентов. *Regnum*. 15 декабря 2017 г. URL: <https://regnum.ru/news/2345549.html>.
6. Дорожкин Ю. Н., Мазитова Л. Т. Проблемы социальной адаптации иностранных студентов // *Социологические исследования*. 2007. № 3. С. 73–77.
7. Beech E. S. Adapting to change in the higher education system: International student mobility as a migration industry // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2018. Vol. 44, is. 4. P. 610–625. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/1369183X.2017.1315515>.
8. Lee J. Y., Ciftci A. Asian international students' socio-cultural adaptation: Influence of multicultural personality, assertiveness, academic self-efficacy, and social support // *International Journal of Intercultural Relations*. 2014. Vol. 38. P. 97–105. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2013.08.009>.
9. Seo S., Koro-Ljungberg M. A hermeneutical study of older Korean graduate students' experiences in American higher education: From confucianism to Western educational values // *Journal of Studies in International Education*. 2005. № 9 (2). P. 164–187. DOI: [10.1177/1028315305274695](https://doi.org/10.1177/1028315305274695).
10. Misra R., Castillo L. Academic stress among college students: Comparison of American and international students // *International Journal of Stress Management*. 2004. № 11 (2). P. 132–148. DOI: [00042123-200405000-00003](https://doi.org/10.1080/10759800408560003).
11. Аргунова В. Н., Лондаджим Т. Барьеры социокультурной адаптации иностранных студентов, обучающихся в российских вузах // *Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского*. 2018. № 4. С. 10–14.

- чевского. Серия: Социальные науки. 2008. № 4. С. 7–12. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/bariery-sotsiokulturnoy-adaptatsii-inostrannyh-studentov-obuchayuschih-sya-v-rossiyskih-vuzah> (дата обращения: 19.02.2018).
12. Кривцова И. О. Социокультурная адаптация иностранных студентов к образовательной среде российского вуза (на примере Воронежской государственной медицинской академии им. Н. Н. Бурденко) // *Фундаментальные исследования*. 2011. № 8 (1). С. 284–288.
 13. Особенности адаптации иностранных студентов / В. Н. Петров [и др.]. // *Социологические исследования*. 2009. № 2 (2). С. 117–121.
 14. Савченко И. А. Иностраный студент в России: условия и барьеры интеграции // *Вестн. Оренбург. гос. ун-та*. 2010. № 1. С. 25–31.
 15. Ward C. Psychological theories of culture contact and their implications for intercultural training and interventions / D. Landis, J. Bennett, & M. Bennett (Eds.) // *Handbook of Intercultural Training*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2004.
 16. Бернштейн В. Л. Пути формирования межкультурной коммуникативной компетенции на уроке иностранного языка // *Преподавание иностранных языков и культур: проблемы, поиски, решения (Лемпертовские чтения VII): материалы Междунар. науч.-метод. симп. (Пятигорск, 19–20 мая 2005 г.)*. Пятигорск, 2005. С. 48–49.
 17. Дрожжина Д. С. Изучение адаптации иностранных студентов: дискуссия о методологии // *Эмпирические исследования*. Universitas. Т. 1, № 3. С. 41.
 18. Дементьева С. В. Вузы России как механизм адаптации мигрантов (в контексте социологического и философского анализа) // *Изв. Том. политехнич. ун-та*. 2008. № 6 (313). С. 158–164.
 19. Лях П. П. Трудности языковой адаптации иностранных студентов в Тихоокеанском государственном университете // *Ученые заметки ТОГУ: электрон. науч. изд.* 2014. Т. 5, № 3. С. 232–238.
 20. Global migration and social protection rights: The social and economic security of cross-border students in Australia / A. Deumert, S. Marginson, C. Nyland [et al.] // *Global Social Policy*. 2005. Vol. 5, № 3. P. 329–352.
 21. Huu Do, Tam. East meets West: The adaptation of vietnamese international students to California community colleges // *Journal of Southeast Asian American Education and Advancement*. 2007. Vol. 2, Article 1. URL: <http://dx.doi.org/10.7771/2153-8999.1083>.
 22. Рахимов Т. Р. Особенности организации обучения иностранных студентов в российском вузе и направление его развития // *Язык и культура*. 2010. № 4 (12). С. 123–136. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-organizatsii-obucheniya-inostrannyh-studentov-v-rossiyskom-vuze-i-napravlenie-ego-razvitiya>.
 23. Mental health need, awareness, and use of counseling services among international graduate students / J. Hyun, B. Quinn, T. Madon, S. Lustig // *Journal of American College Health*. 2007. № 56 (2). P. 109–118.
 24. Кривцова И. О. Социокультурная адаптация иностранных студентов к образовательной среде российского вуза (на примере Воронежской государственной медицинской академии им. Н. Н. Бурденко) // *Фундаментальные исследования*. 2011. № 8-2. С. 284–288. URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=27948> (дата обращения: 19.02.2018).

25. Beregovaya O. A., Kudashov V. I. The problems of linguistic and academic adaptation of international students in Russia // *Integration of Education*. 2019. № 23 (4). P. 628-640. DOI: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.097.023.201904.628-640>.
26. Misra R., Castillo L. Academic stress among college students: Comparison of American and international students // *International Journal of Stress Management*. 2004. № 11 (2). P. 132–148. DOI: 00042123-200405000-00003.

УДК 316.647.5-054

Г. М. Ниязова

Доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета, Тюмень, Россия

СОВРЕМЕННАЯ ЭТНОЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ КАК КРЕАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ТОЛЕРАНТНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)»

Одному этносу нередко соответствует один язык, но так бывает не всегда. Так, одним и тем же языком могут пользоваться разные народы, а одного народа может быть несколько языков. Кроме того, языки имеют разные наборы социальных функций, причем различия очень велики: от одноаульных языков, обслуживающих одно поселение, до языков международного общения, применяемых в межгосударственном общении, дипломатии, науке. Эти обстоятельства создают условия, при которых языковое пространство оказывается сложным, подвижным феноменом. Любой национальный язык может менять свое географическое и демографическое пространство путем увеличения или уменьшения количества его носителей, путем изменения способов их расселения. Именно этот аспект позволил некоторым тюменским ученым анализировать отдельные аспекты регионального языкового пространства с позиций контактологии [1; 2].

Сложнее обстоит дело с языками, обладающими более широким набором социальных функций, чем национальный язык, например, с языками международного и межгосударственного общения, каковым и является русский язык. Его языковое пространство определяется функционированием в качестве: а) нацио-

нального языка русского народа; б) родного языка для части нерусских народов; в) общего средства межнационального общения в пределах многонационального государства; г) язык международного общения в бывших социалистических странах и странах СНГ; д) языка международного общения в других зарубежных странах.

Совершенно очевидно, что существует связь между языковым пространством и объемом социальных функций того или иного языка. Перестройка начала 90-х годов XX века вызвала значительные изменения в языковом поле страны. Произошло сокращение русскоязычного информационного и коммуникационного пространства в бывших советских республиках, а ныне странах СНГ и в ряде автономных областей России. Прирост населения в полиэтничных регионах России за счет миграционных потоков усиливает позиции многих этнических групп и диаспор. В то же время ускоренное наполнение некоторых диаспор вызывает множество проблем как внутри-, так и внешнедиаспорного характера. Соревнование и жесткая конкуренция между культурно-историческими типами, между «коренными» и «пришлыми» народами – очевидная тенденция в этнолингвогенезе и эволюции национальных процессов и институтов.

Вопросы статуса языка поднимались во многих бывших автономных республиках РСФСР: Башкирии, Якутии, Бурятии, Туве, Чувашии, Марий Эл, Удмуртии и др. В бывших союзных республиках язык титульной национальности получил статус государственного языка, а русский язык был его лишен. Но, например, в законодательных документах Молдавии и Киргизии говорилось о русском языке как языке межнационального общения.

Итак, с точки зрения теории идентичности языковая компетентность и поведение рассматриваются как проявление лояльности своему народу, а поведение других групп в отношении родного языка воспринимается титульными национальностями как выражение отношения к их народу. В языковом функционировании на современном этапе в России можно выделить ряд проблем: снижение уровня преподавания русского языка и литературы в школе; снижение уровня владения русским языком, особенно среди молодого поколения; снижение качества печатных текстов, литературы; смешение стилей речи; искажение звучания родной речи; утрата знаковой целесообразности и эстетического вкуса в наименованиях (в аббревиатурах, собственных именах): избыточное насаждение и неуместное употребление иноязычных слов; резкая активизация жаргона, экспансия просторечно-разговорной стихии; нарушение

языковых норм в связи с использованием информационных и компьютерных технологий; потеря русским языком своей объединяющей роли.

Мир предстает сквозь призму культуры и языка народа, который видит этот мир. Мифотворчество, являясь одним из важнейших явлений культурной истории человечества, становится способом массового и устойчивого выражения мироощущения и миропонимания человека. Итак, русское население Тюменского региона как полиэтничного в течение длительного времени (с конца XVI – начала XVII века, когда началось освоение русскими Сибири), находилось в контакте с коренным населением края – уграми и западносибирскими татарами. В результате тесных экономических и культурных связей, бытовых и семейных отношений с аборигенами русские усвоили значительное количество лексических заимствований обско-угорского и тюркского происхождения.

Рассматривая языковое пространство Тюменского региона как систему, структурными компонентами которого являются языки народов, населяющих эту территорию, можно найти все характерные признаки системной организации. Структурированная связь элементов между собой выражается во взаимодействии и взаимовлиянии национальных языков региона друг на друга. Целенаправленность системы заключается в развитии многообразия через сохранение в регионе уникальных самобытных особенностей национальных языков. Интегрированность системных элементов в единое целое проявляется в существовании на протяжении многих веков различных языков на территории одного языкового поля (западносибирского), где каждый национальный язык своеобразно вписывается в общую лингвокультурную ситуацию. Длительность сосуществования обуславливается поддержанием стабильности и равновесия, что прослеживается с момента заселения Сибири и до настоящего времени. «Отграниченность» от окружающей среды связана с некоторой удаленностью от центральной части России и ряда российских регионов, с которой региональное лингвокультурное сообщество, являясь открытой системой, вступает во взаимодействие.

Во время переходного процесса качественно меняется привычный облик любых социальных явлений, в том числе происходят изменения в языке. Очевидно, что языковая система региона как составляющая общего социокультурного пространства России также подвержена трансформации. Прежние формы языкового взаимодействия и функционирования, наблюдаемые в условиях стабильных социокультурных систем, перестают соответствовать

новым требованиям, возникающим в нестабильных, самоорганизующихся системах. Эти формы не работают, так как разрушена старая идеологическая и духовная основа совместного существования советских народов.

В Тюменском регионе, несмотря на его богатую этническую палитру, именно русский язык как наиболее значимый национально-специфический компонент системы выступает ее основным стабилизирующим и интегрирующим фактором. Являясь ядром системы, взаимодействуя с другими национальными языками, он призван вызывать к жизни центростремительные тенденции. Отсутствие данного связующего элемента в языковом пространстве приведет к «отталкиванию» национальных языков региона от русского и разрушению регионального системного семантического поля.

На взгляд автора, процессы, происходящие при языковых контактах, принципиально не отличаются от процессов, имеющих место при функционировании языка вообще. Однако принципиальное сходство процессов функционирования языка в монолингвальной и билингвальной ситуациях не означает, что билингвальное использование языка не имеет своих отличительных особенностей (как их имеют и другие ситуации языкового использования, например, письменная форма речи и т. п.). При рассмотрении этапов осуществления контактно-языковой деятельности украинской диаспоры в условиях иноэтничного окружения необходимо прежде всего решить вопрос о «границах билингвизма», об отличии вариативности внутри одного кода от использования индивидом двух (или нескольких) разных кодов. Нарастание антропоцентрического подхода в языкознании привело к пониманию того, что представление о диалектах (социальных, практически всегда и территориальных – достаточно часто) как о системах *per se* является не вполне реалистичным, по крайней мере, если говорить о действительном функционировании этих регистров. Это было хорошо показано в работах школы В. Лабова (1975). Модель Лабова использует понятие языковой переменной, под которой понимается вероятность появления того или иного варианта в речи носителя языка. Кроме того, отмечалось, что такая величина напрямую зависит от ситуации, а также от социальной характеристики говорящего. Следовательно, речь идет скорее об одном коде, характеризующемся внутренней вариативностью. Такая модель может представлять собой, как кажется, более или менее адекватное описание ситуации сосуществования в языковой компетенции индивида разных регистров одного и того же языка (в социолингвистическом понимании этого слова).

Вместе с тем нет никаких оснований сомневаться и в адекватности модели, постулирующей возможность наличия в языковой компетенции носителя двух и более кодов и механизма перехода с одного кода на другой при рождении речи. Такая ситуация как будто реалистично описывает ситуацию владения индивидом двумя и более языками [3, с. 12]. Однако провести четкую границу между этими ситуациями довольно трудно, порой даже неясно, существует ли подобная граница вообще, или мы имеем дело со специфическим континуумом. Необходимо разграничение этих двух типов билингвальных ситуаций для решения вопроса о различии и внутреннем единстве явлений переключения и смешения кодов.

Можно предположить, что контактно-языковая деятельность диаспоры осуществляется в виде: 1) социокоммуникативной деятельности и 2) статико-динамической деятельности. Социально-языковая контактная деятельность вырабатывает продукт деятельности – дискурсы говорящих.

Моделирование ее структуры показывает, что она включает в себя ряд компонентов, отличающихся друг от друга набором специфических качеств и выполняемых функций. В качестве обобщенной модели структуры контактно-языковой деятельности диаспоры в полиэтничном окружении представляется возможным распределить ее на три этапа: 1) социальная коммуникация; 2) этап обобществления и узуализации результатов индивидуальных дискурсивных деятельностей; 3) этап отражения следствий конвергентно-дивергентных преобразований в структурах языков говорящих. Социальную коммуникацию в данном контексте следует понимать как социально-коммуникативную деятельность индивидов, обменивающихся знаковой деятельностью и создающих речевые продукты.

Вопрос о взаимоотношении переключения кодов и других контактообусловленных явлений, прежде всего языковой интерференции, долгое время не вставал перед лингвистикой как самостоятельная проблема. Интерференционные явления рассматривались как факт изменения языковой системы под контактным влиянием, а переключение кодов – как способы использования двуязычным индивидом или двуязычным языковым сообществом, примером которого может служить украинская диаспора (как наиболее организованная и многочисленная в регионе) Тюменской области. Впервые проблема взаимоотношения этих двух явлений встала при анализе массового включения в речь на одном языке слов (или относительно устойчивых выражений) другого языка, – феномена, достаточно широко распространенного при интенсивных

контактах. При попытке теоретического осмысления этого явления сразу же встал вопрос, к чему их следует относить: к лексическим заимствованиям (т. е. интерференции), к переключению кодов, или они представляют собой самостоятельный феномен. До сих пор эта проблема по-разному трактуется исследователями [3].

Другой аспект проблемы носит скорее диахронический, а вернее, динамический, характер, заключающийся в том, какую роль явления переключения кодов (и родственных феноменов) играют в контактообусловленных изменениях языка.

В современной лингвистике наблюдаются существенные разночтения. Одни исследователи продолжают вслед за Вайнрайхом понимать под интерференцией любые языковые изменения, обусловленные контактом (например, Thomason & Kaufman, 1998), разделяющие «заимствование при сохранении языка» и «интерференцию вследствие языкового сдвига», но признающие оба явления «подтипами интерференции». Другие противопоставляют интерференцию как структурное и/или семантическое изменение форм одного языка под влиянием другого языка, прямому заимствованию языковых элементов (Heath, 1996). Третьи вообще трактуют интерференцию как понятие, характеризующее исключительно *SLA* (*Second Language Acquisition*), т. е. ограничивают сферой применения речевой деятельности, а контактные заимствования в системе языка предпочитают обозначать термином «заимствование». В нашей статье мы исходили из «вайнрайховского» понимания данного термина в связи с удобным обозначением для любых изменений контактного происхождения в языковой системе речевой деятельности индивида.

Явление интерференции достаточно четко прослеживается и в устной, и в письменной речи представителей, например, украинской диаспоры Тюменской области. Это особенно заметно при чтении некогда издававшейся в регионе украинской ежемесячной общественно-политической газеты «Голос України в Західному Сибіру». Так, например, звательный падеж (или «клична форма») довольно часто отсутствует в материалах газет, вместо него употребляется форма русского обращения. Цитируем вопрос корреспондента: «Звидки Ви родом, шановна Тетяна Павлівна?», и далее: «Шановна Тетяна Павлівна, щиро вдячні Вам за інтерв'ю». Правильный вариант: «Звидки Ви родом, шановна Тетяно Павлівно?» (репортаж о выборах 31 октября 2004 года в Генеральном Консульстве Украины в Тюмени). Встречаются случаи упо-

ребления слова «Тюмень» как несклоняемого существительного: *«постійне проживає місто Тюмень»* вместо *«постійне проживає місто Тюмені»*.

Как видно из наших примеров, в языковой деятельности украинской диаспоры Тюменской области наблюдаются два типа основных интерференционных явлений: 1) заимствование языковых элементов (слов, морфем или устойчивых элементов, больших, чем слово) в целостности их формы и содержания; 2) межязыковое отождествление элементов двух языков и изменение элемента одного из этих языков под воздействием отождествленного с ним элемента другого языка.

Языковая система русского языка не замкнута и «питается потоками информации и энергии», поступающими из внешнего мира. Хотя русский язык обладает надежностью и устойчивостью, ослабление его роли, негативные явления современной действительности, нашедшие отражение в русском языке, вносят деструктивное начало, способствуют разрушению языкового ядра русской культуры. Опираясь на синергетическую парадигму, следует отметить, что случайные флуктуации (возмущения) выводят языковую систему из равновесия, и она теряет стабильность.

Необходимо подчеркнуть, что языковая культура русских старожилов на фоне остальных многочисленных сибирских языковых культур всегда была определяющей. Большую часть старожильского населения составляли крестьяне (хотя небольшая часть старожильского городского населения тоже была представлена). Именно крестьяне (называвшие себя впоследствии старожилами) первыми осваивали Сибирь с момента ее колонизации. С. Я. Капустин, занимающийся изучением сибирского крестьянства, отмечал, что «по типу, языку, верованиям – это тот же русский народ», но это не что иное, как здоровое ядро русского крестьянства. Именно в русском крестьянине заложены потенциальные возможности развития русского человека [4, с. 62].

Черты сибирской старожильской субкультуры проявлялись, в частности, в немногословности, взвешенности в словах, отсутствии словесного «лихачества». Исследователи Сибири отмечали, что дети в крестьянских семьях воспитывались по принципу: «Человек имеет два уха, но один язык». Слово «однако», распространенное в речи сибиряков, выражало крайнюю осторожность и нежелание отвечать определенно. Интересно отметить, что немногословность была присуща также и северным народам Сибири. «Сообщество сибирских народов, включая русских, подчинялось традициям, незримо присутствующим здесь, давно выработанным, обусловленным историко-

географической средой, в том числе и «принципом не истребления соседей, а сосуществования с ними» [5, с. 52–61].

Кроме того, «от мужиков в Сибири вы услышите, – писал также П. А. Ровинский, – множество слов иностранных (европейских), совершенно неизвестных мужику в России, а от господина – самые простонародные слова и выражения, каких у нас не позволил бы себе ни один барин». По мнению П. А. Ровинского, такое проникновение простонародного языка в более высокие сословия объясняется тем, что в Сибири жизнь народной массы «бьет таким сильным, живым ключом», что захватывает и тех, кто к этой массе не принадлежит. «Ни цивилизованная сибирячка, ни заезжий чиновник, ни духовная особа – не устоит против напора этой живой среды: волей-неволей усваивают они – там обычай, там словцо – другое, там манеру, которую, пожалуй, перед тем сами осуждали, и через несколько времени человек осибирячился» [6, с. 230] Это также демонстрировало практическое отсутствие границ между сибирскими сословиями.

Пристальное изучение современной региональной прессы показало, что происходит активизация иностранной, архаической, религиозной и инвективной лексики, что является показателем процесса варваризации русского языка.

Наибольшие изменения произошли в экономической сфере (*ипотека, офшор, ликвидность*). Существенно возросло количество политической (*державник, саммит*) и административной (*мэр, губернатор*) лексики, в основном за счет иностранных заимствований. В социальной сфере слова, описывающие ушедшие реалии, практически перестали употребляться (*дефицит, достать*). Обогатилась новыми словами сфера образования (*грант, тестирование, онлайн-преподавание, офлайн, дистанционное*) и сфера культуры (*шоу-бизнес, ремейк*). Наблюдаются переименования улиц, населенных пунктов, регионов (*Екатеринбург, Санкт-Петербург, Югра*). В наружной рекламе, вывесках часто используются элементы языковой игры, «словесного лихачества», что не всегда этически выдержано (*Отдамся в кредит!* – реклама кондиционера; *Залезть под кожу!* – реклама верхней одежды из кожи). Довольно часто встречается преднамеренное либо, по незнанию, грубое нарушение норм литературного русского языка (так *ВЕЗИТ*; *КрепыЖ* – название магазина; *Фсе атлична! Хатите атличнава?* – реклама магазина электроники «БигМаг»; *Паркет из австрии; Мебельная фурнитура из европы* (выделено нами Г.Н.) – надписи на рекламных щитах в Тюмени).

Огромное распространение в регионе получила вестернизация или англо-американизация языка, которая выражается лавинообразным неконтролируе-

мым процессом заимствований из английского языка. Иностранные заимствования используются для обозначения: новых понятий (*тиар, бренд, тренд*); явлений, которые и ранее присутствовали в жизни общества, но не имели соответствующего названия или их существование замалчивалось (*киллер, ракет*); частичного изменения социальной роли предмета в меняющемся социуме (*офис, департамент*). В регионе, как, впрочем, и во всей России, явственно ощущается влияние иностранной культуры, существует мода на иностранные слова (*Procto Мебель; Utel; фотоцентр Profi; закусочная Free Style; ТЦ Универ&City; Азбука моды; кафе-бар Connect; Блинофф; магазин Караннд*Аш*).

Изучение изданий на национальных языках региона позволило обнаружить проникновение перечисленной лексики через русский язык и в национальные языки Тюменской области.

Основную функцию проводника и быстрого «распространителя» англоамериканизмов в русском языке сыграли именно средства массовой информации. Примером может служить усиленное употребление на страницах газет, в теле- и радиопрограммах избыточных заимствований (мы не берем интернет-издания, так как это отдельная тема обширного изучения). Отражая все изменения в жизни общества и закрепляя их в письменном виде, печатные СМИ используют новые слова и выражения, претендующие на вхождение в общеупотребительный словарный запас языка. Средства массовой информации, в частности телевизионные журналисты, в последнее время играют негативную роль в языковой ситуации. Однако разрушительное влияние прессы в отношении русского языка подчеркивают даже сами журналисты.

Активное использование английского как языка-донора обусловлено исторически сложившейся важной ролью англоязычных стран на мировой геополитической арене и функцией английского языка как языка международного. Заметной причиной заимствования английских слов является также активная американская культурная экспансия. Развитие на российской почве современной демократии, парламентаризма и рыночного либерализма также способствует заимствованию терминов из английского языка вместе с реалиями, ими обозначаемыми.

Заимствований из других мировых языков, по сравнению с английским, нами отмечено немного. Например, из украинского языка широко употребляются слова *мова, самостийность, шинок*. Использование в прессе украинизмов объясняется не только традиционно тесными контактами и общими

корнями русского и украинского языков, но и заинтересованностью российских СМИ современной судьбой русского языка на Украине, где не очень грамотные политики навязывают русскоговорящей части населения новые правила русского языка. Важную роль играет и тот факт, что украинцы составляют значительную часть населения области, они занимают третье место после русских и татар по количеству жителей.

Из тюркских языков заимствуются такие слова, как *Сабантуй*, *мечеть*, *медресе*, *байрам*, что отражает возрождение соответствующих национально-культурных реалий. Встретившиеся нам заимствования из арабского языка являются наименованиями религиозных сект и связаны с находящимися в центре общественного внимания военными конфликтами в России (*ваххабиты* – Чечня) и за рубежом (*талибы* – Афганистан). Особый интерес может представлять для исследователей и слэнг тюменских нефтяников, представляющий собой смесь украинского, турецкого, чеченского языков на базе русского.

Как отмечает Х. Ч. Алишина, в этногенезе сибирских татар значительную роль сыграли представители угорских национальностей, а в языке сибирских татар угорская составляющая отразилась на всех уровнях, поэтому обучение татарскому литературному языку в школе и вузе фактически означает изучение нового языка [7].

Употребление тоболо-иртышскими татарами русского и татарского языков в общении представляет следующую картину в общении:

- с родителями: русский – 22,6 %, татарский – 76,6 %;
- с супругами: русский – 21,0 %, татарский – 70,3 %;
- с детьми: русский – 24,9 %, татарский 70,3 %;
- на производстве: русский – 63,4 %, татарский – 55,7 %;
- с друзьями: русский – 51,6 %, татарский – 79,7 %;
- с родными: русский – 35,3 %, татарский – 56,1 %.

Эти данные показывают реальное соотношение использования языков во внутри- и внесемейном общении респондентов. Даже в такой сфере общения, как общение с детьми, на долю русского языка приходится только около 25 %. В то же время казанско-татарский (поволжский) язык присутствует в реальной речевой практике сибирских татар (56,1 % опрошенных).

В целом 70 % респондентов заявляют о необходимости обучения в средней школе татарскому языку. Кроме того, устойчивый интерес к своему родному языку, важное место, которое он по-прежнему занимает в реальной ре-

чевой деятельности, и желание расширить сферу его применения реализуются через создание своего алфавита и письменности.

На вторую позицию этнической идентификации тоболо-иртышские татары ставят общность происхождения.

Важное место занимают обряды и обычаи, хотя они чаще всего носят религиозную окраску. Мусульманские праздники и обряды выступают, прежде всего, как национальные, как бы в противовес своей интернациональной сущности. В целом религиозная принадлежность является важным этностабилизирующим признаком, который стоит на третьем месте. Наиболее низкий рейтинг имеют элементы материальной культуры. Хотя относительно значимыми идентифицирующими признаками являются пища, одежда, жилище.

Пришлые из Поволжья, Приуралья, Средней Азии тюркские группы чаще всего сохраняли в новой этнической среде свои наименования (*казанлык, палмыш, сарт, башкур* и т. д.) и органично вошли в систему родственных семей местного населения. Многоуровневость этнического самосознания сибирских татар ставит под сомнение монолитность этносамосознания сибиртатар в целом.

Исследователи (В. И. Беликов, И. С. Карабулатова, С. В. Рязанцев и др.) отмечают миграционный рост в Тюменской области, обусловленный различными причинами. Так, около 50 % гагаузов, проживающих в России, обосновались в Тюменской области. Определенную напряженность составляют кавказские миграции, чьи представители либо не владеют, либо плохо владеют русским языком. Кроме того, регион постоянно испытывает «наплывы» из азиатских государств (Таджикистана, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Китая, Монголии), что также создает богатую этническую палитру тюменского края. Таким образом, Тюменская область оказывается между миграционными потоками Востока и Запада, как между Сциллой и Харибдой.

Тюменская область – один из полиэтничных регионов страны: здесь проживают представители 126 этносов и субэтносов. Безусловно доминирующими являются русские – 73,32 % (по данным переписи 2010 г.); значительна доля татарского населения – 7,48 %, а также украинцев – 4,9 % (на 2010 год).

Фактором влияния на состояние межнациональных отношений и общественно-политической стабильности в регионе выступает значительный миграционный приток иностранных граждан, в основном из государств СНГ, прежде всего Средней Азии, Кавказа и Закавказья. В первое десятилетие XXI века в области прошли регистрацию свыше 120 тыс. граждан из этих регионов.

«Репрезентативный опрос тюменцев, проведенный в конце 2015 года, показал, что 93 % опрошенных положительно оценивают межнациональные отношения», – сообщил председатель областного комитета по делам национальностей Евгений Воробьев на пресс-конференции в совместном пресс-центре агентств «Интерфакс-Урал» и «Тюменская линия». Он также добавил, что 91 % опрошенных жителей региона положительно оценивают состояние межконфессиональных отношений. По его словам, ключевые показатели социологического мониторинга, касающегося межнациональных отношений, в Тюменской области остаются стабильными на протяжении последних лет. «Резких колебаний по цифрам нет», – подчеркнул Е.Воробьев.

В целом ситуация в сфере национальных отношений в области характеризуется как стабильная, имеющая позитивные тенденции. Социологи Тюменского индустриального университета озвучили данные мониторинга общественного мнения жителей Тюменской области в сферах межнациональных и межконфессиональных отношений за 2019 год. Материалы исследований были представлены на заседании межведомственной комиссии по вопросам гармонизации межэтнических, межрелигиозных отношений и противодействию экстремизму в Ялуторовске.

Исследования социологи ТИУ проводят по заказу Комитета по делам национальностей Тюменской области под руководством доктора социологических наук, профессора Нурсафы Хайруллиной с 2014 года. За это время в опросах приняли участие жители городов Заводоуковска и Ялуторовска, а также сельских поселений семи районов: Исетского, Упоровского, Уватского, Заводоуковского, Ялуторовского, Тюменского и Юргинского.

Нурсафа Гафуровна представила накануне данные исследования, которое было проведено на территории Ялуторовска в 2019 году. Участникам анкетного опроса было предложено оценить ситуацию в сфере межнациональных отношений в Тюменской области. Большинство респондентов (92,0 и 90,9 %) оценили ситуацию в сфере межнациональных отношений в первом и втором полугодиях 2019 года в Тюменской области как совершенно или относительно спокойную. «Представленные данные позволяют утверждать, что межнациональные отношения остаются стабильными, а в отношениях между людьми различных национальностей отсутствует явная и скрытая напряженность», – отметила Н. Г. Хайруллина.

Ситуацию в сфере религиозных отношений в настоящее время в Тюменской области как стабильную охарактеризовали большинство респондентов

(89,0 %) в первом полугодии 2019 года, во втором полугодии – 90,2 %. Социологи ТИУ выяснили, что лидирующей религией в регионе остается православие (56,2 и 59,3 % респондентов соответственно); второе место занимает ислам – число его приверженцев составило 5,4 и 6,3 % опрошенных. Не считает себя верующим каждый девятый респондент. «Ни один респондент, принявший участие в опросе, не признался, что испытывал враждебные чувства по отношению к людям других вероисповеданий очень часто; в первом полугодии – 6 и 7 %; во втором – редко испытывали враждебные чувства по отношению к людям других вероисповеданий. Никогда не испытывали враждебные чувства 89,0 и 88,1 % соответственно», – так представила результаты исследований Нурсафа Хайруллина.

Согласно данным опроса общественно-религиозные отношения в Тюменской области в целом остаются стабильными, отсутствует явная и скрытая неприязнь к людям других национальностей и вероисповеданий.

Показателем характеристики этнокультурной ситуации является наличие условий для изучения родных (национальных) языков. В связи с тем, что распад Советского Союза привел к значительным изменениям в языковой ситуации, наблюдается оживление интереса к вопросам языкового функционирования. Повышенное внимание к языковым процессам подтверждается принятием законов о языке в новых независимых государствах, появлением теле- и радиопередач о языке и на языке, организацией конференций, симпозиумов и научных семинаров, публикацией проблемных статей, проведением научных исследований и возникновением новых отраслей языкового знания (лингвэкологии, прогностики, геолингвистики и др.) Поэтому изучение языка как одного из главных индикаторов адаптации населения к новым социально-политическим и социально-экономическим реалиям становится в настоящее время актуальной научно-практической задачей.

Как пример можно привести обучающий семинар «Реализация государственной национальной политики в субъектах Российской Федерации», прошедший в Тюмени в июне 2019 года, объединивший участников шести субъектов Уральского федерального округа. Мероприятие было организовано Федеральным агентством по делам национальностей, факультетом государственного управления МГУ при поддержке ИЭА РАН.

Основным докладчиком стал член президиума Совета при президенте РФ по межнациональным отношениям, главный научный сотрудник ИЭА РАН, руководитель центра по научному взаимодействию с общественными организация-

ми, СМИ и органами госвласти Владимир Зорин. Межнациональный климат в Тюменской области компетентный эксперт оценил следующим образом: «То, что Тюмень избрана местом проведения окружного семинара, и то, что мы здесь собрались, обсуждаем и изучаем опыт, свидетельствует о том, что ситуация в Тюмени позитивная: ни страна, ни эксперты не знают о каких-то крупных конфликтах в регионе. Я должен сказать, что здесь очень хорошие взаимоотношения между акторами национальной политики: властями всех уровней, институтами гражданского общества и экспертным сообществом. На окружном семинаре все они представлены, в этих группах идет большая и полезная дискуссия. В Тюмени хороший опыт, сохраняются лучшие традиции, есть ответы на новые вызовы. Здесь хорошая инфраструктура национальной политики: эффективно работают дома национальностей, общественные организации.

Перенесение центров нашей практической работы на уровень местного самоуправления обусловлено тем, что вся реальная этнополитика происходит именно в регионах. Реальные отношения между людьми строятся на почве, конфликты же возникают не на Манежной и не на Красной площади. Они возникают у конкретного клуба, дискотеки, в школе. Значит, здесь их и нужно предотвращать.

Содержание семинаров направлено на то, чтобы на местах обсудить все новации и изменения, которые в 2018 году своим указом президент внес в Стратегию государственной национальной политики РФ до 2025 года, и скорректировать практическую работу. Изменения в основном направлены на обобщение позитивного опыта, который за пять лет накоплен по реализации этих документов. Самые главные новации – необходимость совершенствования и пути совершенствования государственно-правового обеспечения национальной политики, повышение роли институтов гражданского общества, консультативных органов, совершенствование институциональной структуры, ведь управление национальной политике необходимо так же, как социальной политике и образованию.

Принципиально важно еще и то, что новая редакция Стратегии закрепила концепт нашей главной задачи – формирование общероссийского гражданского единства и одновременно этнокультурное развитие многообразия народов, населяющих страну. Впервые мы договорились о едином понимании дефиниций. Например, когда мы говорим о российской нации, то имеем в виду все народы, населяющие нашу страну, наше общегражданское единство. А когда мы говорим о русской нации, мы имеем в виду русский народ, который

составляет хоть и значительную, но часть российской нации, как и аварцы, татары и другие народы. Это очень важно понимать.

Что касается деятельности на местах, то во многих школах проходят занятия, раскрывающие этнокультурное многообразие нашей страны. Кроме учебных занятий у нас есть такие интересные формы, как этнографический диктант, с каждым годом интерес к нему растет, Уральский федеральный округ и Тюмень в нем активно участвуют».

В местах соприкосновения этносов развивались процессы этнокультурной интеграции и ассимиляции. Помимо близости мест проживания на культурное развитие народов влияли многие другие условия: одинаковая конфессиональная принадлежность, единое административное устройство. В условиях полиэтничных контактов человек, обретая этническую идентичность, также обретает и актуализированную культурно-историческую память, глубокие исторические и культурные корни, связь с традицией, ощущение исторической и межпоколенной преемственности, непрерывности и устойчивости.

Список литературы

1. Карелина Л. Ф. Специфика языковой деятельности украинской диаспоры в иноэтничном окружении в аспекте социолингвистической контактологии (на примере Тюменской области): дис. ... канд. филол. наук. Тюмень: ТюмГУ, 2006.
2. Лабунец Н. В. Русская народная географическая терминология в ситуации языкового контакта: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург: УрГУ, 2007.
3. Русаков А. Ю. Интерференция и переключение кодов (севернорусский диалект цыганского языка в контактологической перспективе). СПб, 2004.
4. Капустин С. Я. Очерки порядков поземельной общины в Тобольской губернии (по сведениям, собранным Западно-Сибирским отделом ИРГО) // Литературный сб. СПб., 1885. С. 62.
5. Сверкунова Н. В. Сибирская идентичность и становление сибирской региональной субкультуры // Сибирь. Проблемы сибирской идентичности / под ред. А. О. Бороноева. СПб.: Астерион, 2003. С. 52–60.
6. Ровинский П. А. Очерки Восточной Сибири. Т. 3 // Древняя и новая Россия. 1875. № 11. С. 230.
7. Алишина Х. Ч. Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар. Казань, 1994.
8. Абишева К. М. Социально-языковая контактология. Алматы: Галым, 2001.
9. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1999.
10. Бахтикиреева У. М. Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005.

11. Лингвистическое моделирование ситуации восприятия в региональном и общероссийском дискурсе / Т. А. Демешкина, Н. А. Верхотурова, Л. Б. Крюкова, Н. В. Курикова / под ред. Т. А. Демешкиной. Томск: ТомГУ, 2006.
12. Мустайоки А. Толерантность в государственной языковой политике и коммуникации // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: монография / отв. ред. Н. А. Купина и О. А. Михалова. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2004.
13. Duijker H. C. V., Frejda N. H. National character and national stereotypes. A trend report prep. for Intern // Union of scient. Psychology. Amsterdam: North-Holland publ. Co., 1960.
14. Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis. N. Y.: Ann Arbor, 1985.

УДК 316.35:711.433

Д. О. Тимошкин

Кандидат социологических наук, научный сотрудник Лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета, старший преподаватель кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

СОЦИАЛЬНАЯ МАРГИНАЛЬНОСТЬ И ПРОИЗВОДСТВО ПРОСТРАНСТВА В ПОСТСОВЕТСКОМ ГОРОДЕ*

В статье говорится о том, как маргиналы, люди, которые в силу обстоятельств оказались за пределами институциональных социальных категорий, создают и используют виртуальные и «физические» городские пространства для упрощения доступа к сконцентрированным здесь ресурсам: еде, работе, энергии и безопасности. Рассматриваются два типа пространств: иркутские рынки под открытым небом, занявшие частный сектор в городском центре, «мигрантские» цифровые коммуникационные платформы. Предположительно, и те и другие стали результатом деятельности маргинальных групп, редактирующих и использующих офлайн- и онлайн-пространства для решения основной задачи – снижения издержек, связанных с интеграцией в город. В статье высказывается гипотеза о том, что цифровые коммуникационные платформы, создаваемые маргинальными группами, выполняют функции аналогичных «маргинальных» пространств офлайн.

Ключевые слова: маргинальность, мигранты, город, пространство, рынок, цифровые коммуникационные площадки, частный сектор.

© Тимошкин Д. О., 2021

* Исследование выполнено в рамках проекта № 20-011-00282 «Частный сектор региональных столиц Сибири и Дальнего Востока: структура и практики повседневности "негородских" сообществ».

The article analyzes how marginal people, who have been placed outside of institutional social categories due to circumstances, create and use virtual and "physical" urban spaces to facilitate access to the resources concentrated here: food, work, energy. Two types of spaces are considered: Irkutsk open-air markets and "migrant" digital communication platforms. Presumably, both were the result of marginal groups editing and using offline and online spaces to achieve the main goal: to reduce the costs associated with integration into the city. The article hypothesizes that digital communication platforms created by marginal groups perform the functions of similar "marginal" offline spaces.

Keywords: marginality, migrants, city space, bazaar, digital communication platforms, suburbs.

Введение. В статье рассматриваются практики адаптациями маргинальными группами городских пространств для реализации основной задачи любого маргинального сообщества – снижения неопределенности, накопления социального и финансового капитала и затем – преодоления состояния маргинальности [1]. Цель статьи – сравнив результаты наблюдения за пространствами онлайн и офлайн, установить, есть ли сходства в функционале и практиках использования маргинальных пространств офлайн и онлайн.

Под пространством в данном случае понимаются материальные «декорации» [2] города, здания и улицы, в которых происходит социальное действие, причем первое и второе в равной степени могут влиять друг на друга: особенности декораций могут задавать характер происходящего в их контексте социального действия, и наоборот – социальное действие может формировать декорации [3]. Именно процесс формирования или трансформации уже готовых материальных декораций в ходе социального действия здесь называется производством пространства [4]. Помимо архитектурных сооружений, улиц и площадей, пространство – это также локальные цифровые коммуникационные платформы, объединяющие жителей того или иного города или района. Под маргинальностью подразумевают пограничное социальное состояние, обусловленное выпадением человека или группы из институционализированной системы категорий [5].

Эмпирический материал (около 60 интервью и тысячи комментариев пользователей «мигрантских» площадок в сети) был собран в ходе работы над тремя параллельными проектами – по исследованию: 1) рынков под открытым небом Иркутска и Томска; 2) «мигрантских» площадок в цифровых социальных медиа, прежде всего «ВКонтакте» и YouTube; 3) «городского

фронтира», территорий, на которых разворачиваются конфликты между различными локальными акторами.

В рамках данных проводилось наблюдение на иркутских, томских и красноярских базарах, в частном секторе в центре, здесь же набирались интервью с акторами, включенными в повседневность этих пространств. В ходе работы над проектами по изучению цифровых коммуникационных площадок проводилось наблюдение (при сохранении наблюдателем пассивной роли) за осуществляемой в открытом доступе коммуникацией между пользователями «мигрантских» цифровых платформ.

В статье выдвигается гипотеза, согласно которой цифровые коммуникационные площадки, создаваемые трансграничными мигрантами, и рынки под открытым небом – результат одного и того же процесса по созданию маргинальными группами альтернативных, кустарных интерфейсов, обеспечивающих доступ к ключевым сконцентрированным в городе ресурсам. Для того чтобы подтвердить ее или опровергнуть, сравнивались функции и практики использования «мигрантских» онлайн- и офлайн-пространств, упомянутых респондентами в интервью и пользователями цифровых коммуникационных площадок.

Рынки и частный сектор как неформальный интерфейс для «подключения» к городу. Собранные в ходе реализации проекта интервью с акторами, в разное время так или иначе взаимодействовавших с открытыми рынками Иркутска, можно разделить на три группы. Это трансграничные мигранты, прибывавшие в Иркутск, спасаясь от ситуации социальной нестабильности [6], гражданских войн в бывших советских республиках. Это внутренние мигранты – жители окружавших Иркутск небольших городов и сел,двигающиеся в областной центр в поисках работы и безопасности, а также жители города, внезапно оказавшиеся на обочине жизни в силу непредвиденных обстоятельств – потери работы, длительной невыплаты зарплат на предприятиях и так далее.

Все они имели нечто общее, а именно – удаленность от того, что здесь можно назвать «институциональными интерфейсами», существующими в качестве социальной нормы поведенческими алгоритмами, обеспечивающими доступ к городским ресурсам. Используя метафору города как сложного сетевого узла [7], точки концентрации социальных, логистических, коммуникационных сетей, основная задача которого – сбор и перераспределение базовых, необходимых для выживания человека ресурсов – энергии, еды, безопасно-

сти, – можно сравнить описываемые пространства с интерфейсами, имеющими пространственное и социальное воплощение инструментами, обеспечивающими управление и использование сконцентрированных здесь ресурсов.

Респонденты и пользователи «мигрантских» цифровых площадок схожи в том, что они попадали в маргинальные цифровые или «физические» пространства в тот момент, когда их возможности использования институциональных интерфейсов были в силу разных причин крайне ограничены. Некоторые (например, трансграничные мигранты и беспризорники) не подходили по характеристикам, предусмотренным регулирующей функционирование институциональных алгоритмов социальной нормой (не имели навыков, подходящего образования, возраста, правового статуса в случае мигрантов). Другая причина заключалась в том, что отдельные институциональные интерфейсы перестали в постсоветском городе работать в принципе вследствие краха плановой экономики, дефицита финансирования образовательных учреждений и т. д.

Все это породило колоссальный спрос на альтернативные инструменты подключения к городским ресурсам. Маргинальные группы (не без помощи городских властей, о чьей роли в этой истории несколько позже) удовлетворили этот спрос, создав, так сказать, актом коллективного социального действия [8], уникальную территорию в центре Иркутска, которая практически на два десятилетия стала зоной абсолютно не контролируемого слабым на тот момент государством обмена ресурсами (в том числе и трудовыми).

Городская администрация собрала (примерно в 1994–1995 годы) в центре Иркутска, в точке, которая ранее была логистическим узлом, большинство разрозненных уличных торговцев. Здесь торговали фермерскими товарами, привезенными из Китая, Вьетнама, Турции, предметами повседневного спроса, техникой, затем оружием и наркотиками. Рынок рос взрывными темпами, занимая все большие и большие пространства городского центра.

Быстрый рост рынка был обусловлен, предположительно, следующими причинами [8]. Он был окружен частным сектором – остатками дореволюционных усадеб и «советских слобод», здесь не было канализации и водопровода, многие местные жители старались сдать деревянные усадьбы в аренду, переселившись в другие, более благоустроенные районы города. В оставленные дома «входила» инфраструктура рынка – «мигрантские» общежития, где за копейки без всяких удобств размещались в одной тесной комнате десятки человек, подпольные казино и рестораны. Здесь же могли располагаться шта-

бы неформальных силовых группировок, в том числе и постоянно паразитировавшие на рынке карманники. Благодаря своей относительно неплотной пространственной структуре частный сектор стал одним из необходимых условий распространения рынка далеко за пределы изначально отведенных администрацией территорий.

Сама по себе структура частного сектора (маленькие дома, большие участки, незаметность, удаленность) отлично подходила для редактирования, что называется, на скорую руку. Такие дома было легко снести или перестроить, во дворах можно было размещать склады, небольшие предприятия (пекарни, кафе, мастерские), что способствовало все более обширному проникновению сюда маргинальных сообществ и формируемой ими инфраструктуры.

Данная инфраструктура предоставляла любому желающему самый необходимый товар – возможность получить работу без всяких формальностей: здесь никто не спрашивал откуда ты прибыл, сколько тебе лет и есть ли у тебя документы; человек договаривался с местными силовыми операторами и занимал один из сотен прилавков в обмен на регулярную дань. Рынок давал возможность быстро заработать любому любым способом, например, беспризорники считали его идеальным местом для совершения краж – плотные человеческие толпы стали идеальными охотничьими угодьями для карманников, которые позже вошли в местные городские легенды.

Большинство респондентов, вне зависимости от того, были ли они мигрантами, преподавателями иркутских вузов или беспризорниками, рассказывали примерно одну и ту же историю. Они оказывались на рынке в центре в самый кризисный и сложный момент своей жизни и именно здесь находили шанс на лучшее: мигранты за годы работы на рынке накапливали достаточные суммы для того, чтобы легализоваться и обзавестись жильем, местные переживали здесь постсоветскую разруху и порой уходили с рынка, как только стабилизировалась обстановка, беспризорники переживали здесь голодные и холодные зимы. На рынок приходили мои родители, работавшие в одном из иркутских НИИ, чтобы в самые голодные годы обменять книги или технику на еду.

Можно предположить, что торговцы, беспризорники и многочисленные силовые операторы, впоследствии поставившие территорию рынка под контроль, редактировали пространство городского центра, размещая здесь прилавки, устраивая хаотический торг, выстраивая и обслуживающую все это инфраструктуру, обживая окрестные подвалы, чердаки и коллекторы. И те,

и другие, и третьи выживали (а некоторые даже богатели) за счет стигматизированных в советском городе прошлого практик – карманных краж, грабежей и торга.

Группы беспризорников также активно участвовали в редактировании территорий центра: они занимали подвалы, заброшенные здания и чердаки, превращая их в точки входа в теневую экономику центра. По словам респондентов, в период с конца девяностых до, примерно, 2008 года в центре Иркутска рядом с рынком не было ни одного незаселенного подвала. Беспризорники, торговцы, силовые операторы активно участвовали в создании теневой экономики: помимо воровства на рынке, они занимались грабежами на улицах центра, активно участвовали в торговле наркотиками, взымали ренту с торговцев.

Городские власти потеряли контроль над рынком, судя по всему, через несколько лет после его возникновения. Ни городская администрация, ни местная полиция не имели опыта работы с таким хаотическим конгломератом насилия, больших денег, контрабанды и массовой миграции. При этом бюрократия активно участвовала в повседневности рынка, приходя сюда как один из многочисленных разрозненных силовых операторов, действующих уже не от имени ослабленного государства, а от своего собственного. Так, например, некоторые отделы полиции использовали подвалы, в которых жили беспризорники, как точки распространения наркотиков, отдавая их детям на реализацию.

По словам одного из респондентов-торговцев, рынок в его хаотической форме кормил весь город: чиновников, собиравших дань с контролировавших рынок предпринимателей; бандитов, облагавших данью отдельных торговцев; силовые ведомства – миграционные службы, полицию, обычных людей. Каждый находил здесь то, что искал.

Таким образом, рынок в его хаотической форме выполнял, прежде всего, функцию неформального интерфейса для подключения к городу, и именно поэтому он был столь популярен, именно поэтому здесь крутились сумасшедшие деньги. Сформировавшиеся в прежнем (советском) городе интерфейсы, обеспечивающие доступ к ресурсам, более не работали, и рынок стал самодельной, поделкой. Резюмируя, можно сказать, что социальные практики маргинальных групп переопределили территорию иркутского центра, превратив его один большой кустарный интерфейс, заменявший неработающие институциональные интерфейсы постсоветского города.

Функционал цифровых маргинальных пространств. После массового распространения Интернета аналогичные описанным выше функции берут на себя цифровые площадки, создаваемые маргинальными группами в социальных сетях [9]. По аналогии с тем, как в «девяностых» люди, оказавшиеся в ситуации социальной нестабильности, приходили на рынок под открытым небом в поисках неформальной занятости, единомышленников, социального капитала, сегодня маргинальные группы приходят в группы во «ВКонтакте», каналы на YouTube и в Telegram. Без особого труда, вводя ключевые слова «мигрант» + «топоним» во встроенные поисковые системы социальных сетей, можно обнаружить в сети сотни и тысячи групп, создаваемых внутренними и трансграничными мигрантами, в любом крупном городе России.

Большая часть коммуникации в таких группах происходит в формате «вопрос-ответ» в открытом доступе, на стене группы, когда один из пользователей, столкнувшись с трудностями при интеграции в тот или иной город, описывает ситуацию и запрашивает помощь. На этот призыв могут откликнуться модераторы или пользователи, имеющие релевантный опыт, которые подскажут, как можно решить возникшие трудности.

За довольно короткий срок здесь концентрируется информация, ставшая результатом неформальных контактов множества людей, принадлежащих к разным социальным группам и входящим в разные, возможно, никак до этого не связанные между собой горизонтальные сети. Эта информация оказывается полезной при поиске работы, жилья, способов снижения издержек на легализацию, снижении рисков.

Если присмотреться к этим площадкам, причиной, по которым сюда приходят маргинальные группы, является, как и в случае с рынками, их отстраненность от формализованных механизмов подключения к городским ресурсам. В случае с внутренними мигрантами это может быть, например, требование местной прописки при приеме на работу, в случае с трансграничными – необходимость получать регистрацию и при этом значительные сложности в поисках жилья и многое-многое другое.

Анализируя публикуемые в открытом доступе сообщения, можно выделить несколько ключевых функций подобных площадок. Первая – накопление социального капитала [9; 10], который впоследствии может быть использован для снижения издержек на легализацию. Пользователи обмениваются контактами людей, обладающих необходимыми для этой цели качествами, ресурсами или навыками и готовых этим поделиться с другими. Вторая

функция – формирование неформальной «мигрантской» экономики [9]: рынка поденного труда, рынка трансграничных перевозок, аренды жилья и т. д. Третья функция – обмен информацией об актуальных изменениях в сфере государственного регулирования миграции, практиках взаимодействия с государственными чиновниками, рисках, связанных с использованием тех или иных экстралегальных механизмов интеграции. И, наконец, четвертая – моральная и материальная поддержка попавших в тяжелую ситуацию. Эта функция осуществляется благодаря формируемой на данных цифровых площадках «мигрантской» солидарности, основанной, в отличие от земляческой, на предполагаемой общей проблематике, с которыми сталкиваются городские маргиналы (в частности, мигранты) в РФ.

«Мигрантские» цифровые площадки (и в этом они также схожи с рынками под открытым небом) становятся не только способом накопить капитал, но и облегчить выбор модели поведения в кризисной ситуации. В недавно вышедшей на русском языке книге «Источники власти: как люди принимают решения» приводится модель, объясняющая выбор человеком тактики поведения в ситуации кризиса. По мнению автора, в первую очередь, столкнувшись с неизведанным, человек пытается опознать ситуацию, сравнивая ее с уже пережитыми, чтобы найти в памяти релевантный опыт, позволяющий предпринять адекватные ситуации действия. Далее, выбирается первый подходящий сценарий, который, как человеку подсказывает опыт, может сработать [11].

Практически все выявленные «мигрантские» площадки характеризуются тем, что здесь возникают социальные сети, способные в некотором смысле заменить человеку долговременную память при выборе адекватного алгоритма действий. Оказавшийся в положении маргинала человек, не имеющий релевантного (в нашем случае – миграционного) опыта, позволяющего ему адекватно отреагировать на ту или иную типичную для миграционных процессов ситуацию (конфликт с государственной бюрократией, поиск работы, заполнение сложных документов и др.), может, обратившись за помощью к конструируемым в цифровом пространстве сетям, получить в распоряжение чужой опыт проживания аналогичных ситуаций.

Новичок, только прибывший в город, может здесь получить информацию о том, как правильно разговаривать с миграционными чиновниками, как правильно заполнять документы, как оценить, является ли требование предста-

вителя власти законным, как искать работу в том или ином городе. Аналогичную функцию выполнял и открытый рынок: попав сюда, человек (конечно же, идя на определенный риск) мог получить совет от другого задействованного в экономике рынка человека, узнать о специфике работы на рынке или даже, в некоторых случаях, воспользоваться его связями для того, чтобы получить работу.

Таким образом, существующие в открытом доступе диалоги становятся, по аналогии с маргинальными офлайн-пространствами, узлами, концентрирующими коллективный опыт выполнения различных неформальных алгоритмов доступа к городу, в том числе и экстралегальных алгоритмов, компенсирующих чрезмерную сложность или неэффективность институциональных алгоритмов. В пример такого неформального алгоритма доступа к городу можно привести многочисленные обсуждения так называемых бизнес-браков, которые заключаются для получения гражданства с меньшими затратами времени и денег. Несколько лет назад в группах во «ВКонтакте» можно было без труда найти информацию о людях, предоставляющих подобные услуги, о связанных с ней рисках, эффективности, ценах.

Количество и популярность подобных цифровых площадок свидетельствует о том, что институциональные интерфейсы, предусмотренные для подключения к городам, нередко оказываются слишком сложными. «Мигрантские» цифровые площадки, как и открытые рынки в городе «девятиных», становятся местом концентрации информации, имеющейся в распоряжении множества разрозненных локальных горизонтальных сетей. И эта информация самым непосредственным образом может влиять на судьбы конкретных людей. Площадки могут существовать только при условии доверия, испытываемого пользователями к цифровым площадкам и их посетителем. И такое доверие явно существует, учитывая готовность ряда пользователей воспользоваться полученными от незнакомцев советами, которые могут изменить их жизнь.

Заключение. Проведенное исследование позволяет ответить положительно на вопрос о том, есть ли сходства между существующими городскими офлайн- и онлайн-пространствами, создаваемыми маргинальными группами. Сходства заключаются не только в функционале выявленных маргинальных мест, но и в структуре пространства, которое перерабатывалось, редактировалось городскими маргиналами для адаптации к их первостепенным потребностям.

По аналогии с рынками, постепенно занимавшими частный сектор в центре, «мигрантские» сетевые узлы возникали в относительно незарегулированных цифровых социальных сетях, чья архитектура позволяла с помощью простых манипуляций формировать обособленные (при желании – закрытые) пространства, пригодные для выполнения тех же задач: конструирования горизонтальных сетей, накопление социального и экономического капитала, обмен этого капитала на интеграцию и легализацию в городе, на наиболее важные собранные здесь ресурсы.

Точно так же городские маргиналы «девятидесятых» манипулировали «физическим» пространством частного сектора, размещая здесь инфраструктуру, позволяющую им накопить достаточно денег и связей для «входа» в город и «подключения» к нему. Перестраивались деревянные здания, во дворах размещались контейнеры с товаром, на городских площадях возводились временные (а затем и постоянные) прилавки – все это имело одну и ту же цель: заменить институциональные, существующие как социальная норма для принимающего сообщества интерфейсы.

В результате офлайн- и онлайн-пространства вместили в себя неформальную инфраструктуру, обслуживающую маргинальные сообщества, построенную на личных контактах, объединявших самые разные социальные группы, так или иначе заинтересованные в функционировании миграционных потоков. Специфика структуры постсоветского частного сектора и цифровых коммуникационных площадок использовалась буквально для «производства пространства» городскими маргиналами, предположительно, ко всеобщей выгоде как приезжих, так и представителей принимающего сообщества, которые фактически контактировали между собой и обменивались ресурсами благодаря возникающим в пределах этих «разреженных» пространств горизонтальных сетей.

Список литературы

1. Парк Р. Избранные эссе. М.: ИНИОН РАН, 2011.
2. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Кучково Поле, 2000.
3. Росси А. Архитектура города. М.: Strelka Press, 2015.
4. Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015.
5. Стивенсон. С. Уличные дети и теневые городские сообщества // Социологический журнал. 2000. С. 87–97.
6. Бляхер Л. Нестабильные социальные состояния. М.: РОССПЭН, 2005.
7. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: ВШЭ, 2016.

8. Базар и город: люди, пространства, образы / К. Григоричев, В. Дятлов, Д. Тимошкин, Д. Брызгина. Иркутск: Оттиск, 2019.
9. Тимошкин Д. Доверие VS дезориентация: экономика русскоязычных «мигрантских» групп в социальных сетях // Экономическая социология. 2019. № 20 (5). С. 53–73.
10. Тимошкин Д. Construction of horizontal networks on "Migrant" Russian-language digital platforms // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2020. № 13 (5). P. 688–699.
11. Клайн Г. Источники силы: как люди принимают решения. М.: Дело, 2020.

УДК 37.018.556:159.923.2

Е. А. Жирнова

Кандидат философских наук, доцент Сибирского государственного аэрокосмического университета, Красноярск, Россия

РОЛЬ КОНТРОЛЯ КАЧЕСТВА ПРОЕКТНОГО ОБУЧЕНИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Исследованы вопросы социокультурной адаптации иностранных студентов на основе проектного обучения. Рассмотрены функции контроля качества проектного обучения. Проанализированы преимущества применения методов всеобщего управления качеством в проектном обучении. Обоснован инновационный подход к контролю проектного обучения для успешной адаптации иностранных студентов.

Ключевые слова: компетенции, проектное обучение, социокультурная адаптация, методы всеобщего управления качеством.

The questions of socio-cultural adaptation of foreign students are investigated. The application of project training is justified. The functions of quality control of project training are considered. The advantages of using the methods of total quality management in project training are analyzed. An innovative approach to the control of project learning for the successful adaptation of foreign students is substantiated.

Keywords: competencies, project training, sociocultural adaptation, methods of total quality management.

Процесс обучения иностранных студентов неразрывно связан с социокультурной адаптацией, включающей развитие навыков в области коммуни-

кативного общения, взаимодействия в образовательной среде вуза и профессиональном пространстве, формирование новых качеств личности, приобретение новых ценностей, необходимых для интеграции в общество, осмысление значимости будущей профессиональной деятельности.

Адаптация иностранных студентов к образовательной среде требует применения системного и компетентного подходов при активном и согласованном участии руководства вуза, студентов и преподавателей. Можно выделить учебно-познавательные, социокультурные и психофизические барьеры, препятствующие успешной адаптации иностранных студентов [1].

Эффективный интерактивный метод обучения, направленный на развитие социально-психологических компетенций *soft-skills* студента, способствующий развитию коммуникативных и лидерских качеств личности, его умению самостоятельно ставить и находить решения новых, нестандартных, жизненных проблем – это проектное обучение. В ходе проектного обучения формируются профессиональные, коммуникативные и командно-ролевые компетенции студента [2].

К ключевым компонентам успешной адаптации иностранных студентов на основе проектного обучения относятся: практическая значимость проекта и соответствие профессиональным задачам; развитие навыков самоорганизации и тайм-менеджмента; самостоятельность работы студентов под руководством преподавателя и специалистов организации, в которой проект внедряется; развитие навыков индивидуальной и групповой проектной работы; формирование навыков взаимодействия в профессиональной среде.

Обязательным этапом обеспечения качества проектного обучения является контроль качества проекта. Контроль качества включает управленческую, исследовательскую, педагогическую деятельность по оценке и обеспечению соответствия результатов образования заданным и предполагаемым запросам потребителей, в роли которых выступают обучающиеся, их родители, преподаватели, субъекты вузовского управления, работодатели, государство и общество в целом.

Рассмотрим особенности контроля качества социокультурной адаптации в проектном обучении.

Функции контроля определяют отношения и взаимодействие участников процесса контроля, а также отношения с внешней средой. Анализ результатов педагогических исследований, связанных с описанием и обобщением лучших практик реализации проектного обучения в российских и зарубежных вузах,

с последующей коррекцией процедуры контроля на основе этой информации – исследовательская функция.

Информационно-аналитическая функция предполагает выявление текущего состояния педагогической системы и тенденций ее развития, анализ информации и доведение ее до сведения субъектов образовательной деятельности. Достижение такого состояния контроля качества проектного обучения, при котором обеспечивается реализация требуемых компетенций и целей всех участников проекта – мотивационная функция. Прогностическая функция представляет собой соотнесение целей контроля с основными этапами процесса контроля качества образовательного процесса в вузе.

Контроль качества образовательного процесса – исполнительская функция. Разработка и применение конкретных измерителей качества образовательного процесса – диагностическая функция. Внесение корректив с помощью оперативных способов и средств в процесс проектного обучения для поддержания его в требуемом состоянии выполняет коррекционная функция.

Общепринятым подходом к обеспечению качества подготовки студентов является система менеджмента качества, которая базируется на принципах и методах менеджмента качества [3]. Мировой опыт показывает, что методы всеобщего управления качеством TQM являются универсальными, способствуют повышению конкурентоспособности студента и вуза на рынке образовательных услуг. Методы всеобщего управления качеством охватывают три главных аспекта обучения: изучение проблемы (семь методов контроля качества), выработку решения (семь методов организации творческого процесса) и внедрение решения (семь методов планирования и управления качеством) [4].

Применение данных методов в проектном обучении студентов приобретает особую актуальность. Потенциальные преимущества применения методов всеобщего управления качеством TQM для студентов: освоение методов сбора, анализа и обработки информации; рассмотрение материала в наглядной графической форме; повышение системности восприятия и облегчение усвоения материала; формирования навыков работы в команде и повышения ответственности.

Потенциальные преимущества применения методов всеобщего управления качеством TQM в проектном обучении для преподавателей: упрощение и систематизация сбора, анализа и структурирования учебной информации; визуализация учебных материалов в наглядной графической форме; способствование формированию заинтересованности студентов в учебном

процессе, повышению личной и профессиональной квалификации преподавателя.

Особый интерес представляют методы организации творческого процесса, которые включают структурированный коллективный процесс генерации идей. Они способствуют развитию как творческого мышления студентов, так и умения работать в команде и в коллективе, которые пригодятся им в дальнейшей жизни. При организации проектной работы необходимо добиваться формирования гармоничного сочетания навыков работы как в групповых формах деятельности, так и в индивидуальной, оптимального соотношения между работой отдельного студента и эффективностью работы группы.

Принцип инновационного подхода к контролю проектного обучения заключается в создании системы управления качеством на основе самоорганизации деятельности студента и преподавателя в соответствии с требованиями к формированию профессиональных *hard-skill* и надпрофессиональных *soft-skills* компетенций будущего специалиста, перспективных направлений развития.

Таким образом, контроль качества проектного обучения направлен на формирование образовательного, коммуникационно-развивающего и социально-ориентированного потенциала, способствует успешной социокультурной адаптации за счет максимальной активизации студентов в учебном процессе путем применения методов всеобщего управления качеством, развития у студентов как профессиональных знаний и навыков *hard-skill*, так и надпрофессиональных *soft-skills*.

Список литературы

1. Жирнова Е. А. Проблемы адаптации иностранных студентов к образовательной среде // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы: материалы VI Международной научно-практической конференции. 28–30 ноября 2016 г. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. . 176–179.
2. Жирнова Е. А. Социокультурная адаптация иностранных студентов на основе проектного метода обучения // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции. 29 ноября 2019 г. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. С. 178–183.
3. ГОСТ Р ИСО 9001–2015. Системы менеджмента качества. Требования. М.: Стандартинформ, 2015.
4. Жирнова Е. А. Методы всеобщего управления качеством в образовательном процессе // Вестн. СибГТУ. Декабрь 2015. С. 21–25.

УДК 159.923.2:28

Ф. А. Сметанин

Аспирант исторического факультета Томского государственного университета, Томск, Россия

КОНСТРУИРОВАНИЕ «МУСУЛЬМАНСКОЙ» ИДЕНТИЧНОСТИ: ПРИМЕР СООБЩЕСТВ ТОМСКА*

Представлены результаты изучения практик повседневной деятельности сообществ мусульман. Акцент сделан на этнографических источниках, которые выпускаются или распространяются в Томске и Томском районе. Охвачен период событий с конца 1990-х и до 2019 года. Задача данной работы заключается в выявлении конструирования жизни мусульман через печатные материалы, которые были собраны этнографическим методом. Основными потребителями данной продукции становятся люди старше 40 лет, не владеющие Интернетом и пользовательскими сетями. К печатным изданиям мусульманских организаций и индивидуальных авторов относятся книги, изданные мечетями, а также краеведческие материалы, в которых описывалось и исторически представлялось сообщество мусульман Томска.

Введение. В Томске и в Томском районе татарское население исторически проживает в татарской слободе, а также в селах Тахтамышево, Черная речка и т. д. [1]. В результате «активизации торгово-экономической деятельности томских мусульман в начале XX века» количество жителей, вовлеченных в общественную жизнь, в регионе заметно увеличилось [1, с. 157], что позволило им создать вокруг себя религиозную и национальную инфраструктуру. В татарской этнической группе язык наследия представлен как центральный элемент в становлении личности татарина-мусульманина. Степень религиозности у татар-мусульман совершенно разная и играет различную роль в жизни каждого из них. Красная и Белая мечети, построенные купцами из числа томских татар в начале XX века и отреставрированные в конце XX – начале XXI века, воспринимаются как татарские мечети и религиозные комплексы.

С увеличением доли мигрантов-мусульман из Средней Азии в городских мечетях, возникает потеря комфортного и привычного религиозного пространства у этнической группы томских татар. В процессе постепенной сме-

© Сметанин Ф. А., 2021

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 18-18-00293.

ны одного этнического мусульманского сообщества другим началась подмена дискурса доминирования татар на «исконной территории», которая сопровождается лучшей осведомленностью мигрантов-мусульман в духовных вопросах. Сейчас внутренние мигранты из других регионов России и мусульмане «не татары» приватизируют дискуссии в отношении мусульман и духовных знаний. Несмотря на то, что мечети, построенные на средства татарской купеческой интеллигенции, практики, проводившиеся на других языках, с точки зрения лидеров татарского сообщества, различались между «мигрантами» и татарами. «Некоторые татарские сообщества, потеряв поддержку, были вынуждены создавать собственные мусульманские общины либо приходить к власти в татарских сообществах» [2, с. 330–331].

На примере кейса сообществ татар описывается специфика дискурса в национальных печатных СМИ, который может говорить о конструктивистском характере национальных изданий, поскольку публикуемые тексты влияют на формирование локальных идентичностей. В качестве эмпирического материала были использованы газеты и книги, выпускаемые в Томске как официальными, так и неофициальными издательствами. Материал для научного исследования был собран из всех возможных источников, опубликованных в изучаемом поле. В источниках обсуждаются национальные, религиозные, политические и культурные проблемы этнической группы татар. Методом исследования стал контент-анализ, триангуляция печатных изданий, а также полуструктурированные интервью с татаро-мусульманскими лидерами.

Теоретическая база исследования. Тема этничности татаро-мусульманских сообществ в Сибири недостаточно глубоко изучена. В 2000 году вышел специальный номер журнала *Cahiers du Monde Russe*, практически все статьи которого посвящены исламу в Сибири [3, с. 148]. В национальных сообществах важную роль играют печатные СМИ для создания и распространения своих взглядов, тем самым способствующие общему производству «знаний» об этнической идентичности татар. Существующие исследования показали, что СМИ влияют на доминирующие социальные ценности, идеологии [4, с. 2–3], унифицируют язык печатных текстов [5, с. 125] и т. д. Современные средства массовой информации стали серьезным вызовом традиционным формам исламской власти, главным образом потому, что позволили значительно увеличить количество голосов в публичной сфере [6, с. 1147]. В печатных изданиях, рассматриваемых в данной статье, образ татар-мусульман,

благодаря историческому «бэкграунду», оказывается в достаточной степени мифологизированным. Это способствует обозначению «мусульманина» вне сообществ как «чужого», не вписывающегося в рамки современной цивилизации, существующего по канонам иной культуры [7, с. 76]. По принципу чужеродности и чуждости другой социальной группы «деление общества на этнические группы становится легитимированным в результате таких механизмов, как мифология того или иного народа» [8, с. 300]. В предложенных автором границах, отделяющих социальную группу от других групп, устанавливается «исторически сложившийся "правильный" вариант религиозных и этнических признаков у татар-мусульман». Своими носителями признаки этничности воспринимаются в качестве «единственно верных» в публичной сфере при контакте с другими сообществами [9, с. 149].

На публичную сферу влияет коллективная память сообщества. Религиозная и историческая память «подчиняется тем же законам, что любая коллективная память: она не хранит, а реконструирует прошлое с помощью оставшихся от него материальных следов, обрядов, текстов, традиций, а также социально-психологических данных недавнего происхождения, т. е. «с помощью настоящего» [10, с. 264]. Для Хальбвакса традиция – «это процесс, посредством которого индивидуальные воспоминания интегрируются в структуры коллективной памяти» [11, с. 48]. Однако процессы трансформации традиции идут медленно и остаются, как правило, незаметны современникам. Только историк, рассматривая традицию на большом временном отрезке, может заметить изменения [11, с. 49]. В печатных СМИ этничность определяется с помощью отсылок к исторической памяти, прошлому, традиции, поскольку культурная память «может осуществляться лишь искусственно, в рамках институций» и «функционирует по отношению к социальной коммуникации» [12, с. 23]. Рязанова и Юрганов приводят пример функции исторической памяти, как «ресурса для поддержания своей религиозной и национальной идентичности» [13, с. 132–133]. Публикационная активность необходима, поскольку историческая память формирует особые знания, подкрепленные с помощью «легитимных» источников информации, конструирует вокруг себя первоочередность и значимость этнических и религиозных вопросов. Таким образом, формируется «доминирующий дискурс приобщения к единой нации» [14, с. 154–155].

Однако особую этнографическую и историческую ценность представляют документы административной деятельности Томской татаро-мусульманской

общины конца 1980-х – начала 1990-х годов. В конце 1990-х годов верующим передали в пользование здание томской карандашной фабрики по адресу Московский тракт, дом 35, в котором до 1932 года располагалась мечеть. В выпусках газеты «Халкым Минем» публиковались документы, связанные с этим событием, а также с претензиями татар на другие здания, некогда принадлежавшие татарским купцам и религиозным деятелям. Например, 3 августа 1991 года было опубликовано письмо председателю томского горисполкома В. В. Гончару о предоставлении татарской инициативной группе здания, ранее принадлежавшее купцу Кариму Хамитову: «Мы считаем, что здание так называемого "дома Карим-бая", являясь памятником татарской культуры и архитектуры, должно быть передано представителям татарского народа и никому более. Расположенная во дворце администрация "ПО Томскреставрация" имеет достаточно служебных помещений в других зданиях. Надеемся, что мотивы, которыми руководствовался горисполком, пренебрегая просьбами томских татар, менее важны, чем равноправное культурное и духовное возрождение целого народа». После этого был ответ 23.08.1991 депутатам Томской городской думы о предоставлении помещений на улице М. Горького, 35 (дом купца Карим-бая, ныне это татарский центр), ул. Татарской 22 (ныне это медресе Красной Соборной мечети) и ул. Татарской 16 (дом Мухтарова). Автор письма формулирует важность «духовного возрождения и равноправия» и связывает и то, и другое с конкретным материальным объектом, утверждая, что «духовное возрождение» важнее мотивов горисполкома, т. е. противопоставляет «татарскую духовность» административным решениям. Однако ответ администрации утвердил татар как единственно правильного владельца зданий и просьбы инициативной группы были удовлетворены.

Более ранние экземпляры газеты содержат всего несколько страниц. В них публикуются только мысли автора и поучительные истории на русском и татарском языках. Многие из историй упоминаются в связи с декларируемой автором и другими лидерами татар необходимостью изучения татарского языка. Авторы пытаются доказать важность изучения татарского языка, обращаясь к абстрактному сообществу «приезжих мусульман»: «Необходимость знания русского языка для приезжих мусульман очевидна. А знание языка татар, народа, который тысячу лет хранил Ислам, построил храмы, ими пренебрегается» («Халкым Минем». 29.09.2011). Здесь же публиковались переводы на татарский язык фрагментов Священного Корана («Халкым Минем». № 1 (45). 03.01.2014).

Выпуски газеты «Халкым Минем» за 2010–2011 годы имеют традиционную рубрику на русском и татарском языках «Расскажи мне о вере». В ней рассматриваются основы ислама, специальные термины и положения, включая представления о гендерных ролях. Описывается правильное поведение мужа-мусульманина и женщины-мусульманки. Идеальный муж-мусульманин должен дать хорошее образование детям, обеспечивать семью, не ограничивать жену ни в чем, кроме пунктов, предписанных Аллахом, и т. д. Роль женщины состоит в создании семейного очага, ключевой функцией в ее жизни, по мнению авторов этих текстов, должно стать материнство («Халкым Минем». 29.09.2011).

Для татаро-мусульманского сообщества сегодня печать – это способ конструирования национализма, поиска идентичности. Темы, обсуждаемые в источниках: татарские мечети, построенные в начале XX века; декларирование ключевой роли татар как «коренных» мусульман, сохранявших ислам на протяжении долгого времени; демонстрация связи с Татарстаном как прямым духовным и национально-культурным центром, дающим наставления и указания для сохранения татарского языка [15]. Здесь же встречаются рассказы о национальных традициях, при этом авторами являются не только татары, но и журналисты других национальностей, однако первых все же большинство.

Татарский язык был языком религиозного дискурса, наравне с традиционным для ислама арабским языком. Многие татары, особенно старшее поколение, очень беспокоятся о сохранении основ татарской идентичности (ПМА. 05.09.2020), так как для них сохранение языковой практики означает социальное бессмертие. Для национальных деятелей, этнических и религиозных активистов, национальная история, религия и язык дают смысл существования группе [16]. Включение других этнических групп, например в семью, делает еще более актуальным сохранение в этнической среде татарского языка и татарской культуры. Вот что говорит один из информантов: «Обсуждение этой темы, что язык исчезает, семьи смешанные и родители даже в семье разговаривают по-русски. Даже среди татар, оба отец, и мать – татары – между собой разговаривают по-русски, и дети тем более по-русски начинают, не знают языка, теряется язык, такая проблема. Что греха таить, до избрания муллой я сам плохо говорил, многих слов не знал по-татарски, в основном по-русски. Сейчас многие по-русски, хорошо я сейчас читать умею, научился по-татарски, разговаривать стараюсь по-татарски в мечети проповедей на татарском больше. Например, приходят некоторые из смешанных браков, плохо

понимают по-татарски, и если татарский читают, то я перевожу на русский. Переводить приходится, объяснять, есть ребята, которые по-татарски не понимают, но у них семья татарская именно из этого исходит, что молодое поколение забывает свой язык, не учат, а родители, еще раз повторяю, в семье разговаривают по-русски, в смешанных особенно не говорят. Но я сейчас стараюсь, у меня двое внуков: внук и внучка, им 4 и 5 с половиной лет. По-татарски жена тоже говорит, и они понимают, правда, так иногда (фраза на татарском и следом повторяют по-русски) «пойдем чай пить» автоматически они хорошо, быстро запоминают». (Интервью с Г. 27.10.2019). Данный респондент рассказывает о классической ситуации конструирования идентичности. Обретение символического статуса в небольшой локальной общине заставило его «осознать» свою «татарскость» и важность татарского языка.

Важной темой обсуждения в статьях в начале 1990-х годов является татарская идентичность, когда региональная татарская элита заговорила о «национальном возрождении», а местные власти стали передавать национальным и религиозным организациям здания, имеющие для них символическое значение. В публикациях всех изданий удалось выделить несколько пунктов, которые авторы посчитали значимыми для определения этнической идентичности: этническое самосознание, язык, религия.

Можно предположить, что подобные формулировки «этничности» связаны с процессами ассимиляции и попытками их предотвращения. В одной из статей говорилось: «Чтобы понять, из-за чего происходит этническая ассимиляция, нам нужно установить, какие факторы способствуют потере каждого из вышеупомянутых компонентов и как они могут быть восстановлены». Автор текста статьи как очевидное знание преподносит, во-первых, факт «ассимиляции», хотя тут же признает, что не совсем понимает, в чем именно она заключается. Также он констатирует, что ассимиляция становится результатом потери «языка, религии, или самосознания», а не наоборот, что тоже само по себе важно. Этим он выстраивает негативную коннотацию «ассимиляции», связывая ее с потерей важного фактора национальной идентичности.

Понятие национальной идентичности татар связано с исламской религией, которая для татар является фактором сохранения самобытности и отличия их от русских и других этнических групп [17, с. 109]. Городской администрацией проводятся различные региональные и административные решения по сохранению мусульманской татарской инфраструктуры. Согласно принятой программе «Духовного возрождения Ислама на территории Томской обла-

сти» планировалось до конца 1990 года при поддержке инициативных групп, совместно с главами городских и районных администраций восстановить те мечети, которые воспринимаются властью и лидерами татар-мусульман как «неотъемлемая собственность татар». В газете «Халкым Минем» было опубликовано коллективное прошение: «К сожалению, у нас нет мечетей в городах Томской области: Асино, Колпашево, Стрежевом, Кедровом. Мы обращаемся к мусульманам этих городов проявить инициативу, а поддержка ДУМ (Духовное управление мусульман – прим. авт) Томской области будет для всех. Вы можете обратиться за помощью в ДУМ Томской области (ул. Татарская, 22) и с вами проведут консультацию и окажут помощь. Все зависит только от вашей инициативы».

Также в газете ведется обязательная колонка о сохранении здоровья мусульманина. По сути, здесь даются советы и отсылки к популярным народным и профессиональным медицинским рецептам. Экспертами выступают ученые – как мусульмане, так и светские люди. Значимость информации оценивается по двум критериям. Во-первых, необходима связь с религиозным источником, чтобы подтвердить легитимность практик или их интерпретации. Как правило, это хадисы популярных мусульманских деятелей. Во-вторых, сам автор статьи должен быть маркирован как мусульманин. Это происходит с помощью арабского написания имени и фамилии, а также указанием его мусульманского статуса (Хазрат, доктор исламских наук и т. д.), чтобы читатель смог связать свою религиозную и национальную идентичность с предложенной информацией, оценить ее приемлемость, понять, как она может сказаться на связях с сообществом. Представитель «своего» сообщества в тексте обозначается как «брат», который также следует этой практике («Халкым Минем». 20.04.2015).

В последних выпусках газеты «Халкым Минем» в рубрике «Зеленая мечеть» встречаются публикации, взятые из интернет-источников, в которых можно найти ссылки на популярные мусульманские сайты (Ислам минбарэ и т. д.). В более ранних вариантах подобное не наблюдалось. Это может говорить о постепенном освоении интернет-контента и перехода печатных материалов в киберпространство. В печати все еще встречаются аргументы в пользу отказа от публичной деятельности в Интернете. Подобная критика встречается в одном из опубликованных здесь интервью исламского религиозного лидера татарского происхождения: «Какие выдаются "жареные" репортажи, и какие комментарии к ним звучат, в том числе и на государствен-

ных каналах? Поэтому неудивительно, что у простого, среднестатистического всеядного обывателя, не желающего обдумывать предложенную СМИ картинку, складывается твердое убеждение, что ислам несет в себе некую угрозу, что он априори агрессивен и радикален. Даже была запущена в оборот циничная по своей сути формулировка – "конечно, не все мусульмане – террористы, но все террористы – мусульмане"». Таким образом, ввиду наличия недоверия к новостям в различных СМИ, складывается скептическое отношение к цифровым информационным источникам.

В результате изучения практик конструирования форм повседневной деятельности лидеров татар-мусульман было установлено следующее. Определенные разрозненные группы татар требуют исторические здания, считая их «своими». В мировоззрении татар территория мечетей представляется как особые пространства, или «места памяти», связанные с деятельностью поколений татар-мусульман. В газетах и статьях татарскими лидерами подчеркивается, что «татары имеют тысячелетний опыт духовности, традицию подлинного ислама, которые необходимо сохранять, уметь транслировать в будущее поколения». Это говорит исследователям о конструировании этничности и представлении татар как «особого» народа. Ислам в этой концепции занимает ведущее положение, поскольку у националистов он «обязателен для всех слоев общественной жизни, от бытовой повседневности до интеллектуальной».

Некоторые моменты истории используются в процессе конструирования, поддержания и воспроизводства этничности. Созданные образы не только представляют определенный конструкт, но также используются для построения границ между другими группами и в целом активно обсуждаются внутри группы. Ярким примером использования границ становится татарский язык, являющийся маркером «обязательности» нахождения в группе. Однако, как показало детальное изучение источников и материалов респондентов, выстраивание образа татаро-мусульманского наследия по факту не опирается на сам язык. Многие представители татар не знают языка или до недавних пор не знали, но выучили его и совершенно им не пользовались в общественной жизни.

В проведенном исследовании были сделаны выводы о том, что информационные источники являются следствием отношения конкретных редакторов, аккумулирующих вокруг себя маркеры, определяющие представления об этничности. Выясняется, что существует заинтересованность со стороны лиде-

ров татарских общин и других мусульманских сообществ в продвижении и публикации исторических материалов. Из-за недоверия к интернет-изданиям и социальным медиа татаро-мусульманские лидеры пользуются именно печатным форматом изданий как наиболее правдивой и доверительной формой связи и информации. Полученные материалы позволят всесторонне понять проблему этничности, заполнить пробелы в литературе и расширить существующие направления исследований в области изучения истории татар.

Список литературы

1. Маркова М. Ф. Татары-мусульмане г. Томска в конце XIX – начале XX в. // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. 2009. С. 151–158.
2. Силантьев Р. А. Новейшая история ислама в России. М.: Алгоритм, 2007. 576 с.
3. Селезнев А. Г., Селезнева И. А. Изучение ислама в Сибири: Достижения и разногласия // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы II Всероссийской научной конференции (Курган, 17–18 апреля 2014 г.) / отв. ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татауров. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2014. 148 с.
4. Saifuddin A. Media representation of Muslims and Islam from 2000 to 2015: A meta-analysis // Department of Communication, University of California. Davis, USA, 2017. P. 1–26.
5. Луман Н. Медиакоммуникации. М.: Логос, 2005. 280 с.
6. Sunier T. Domesticating Islam: Exploring academic knowledge production on Islam and Muslims in European societies // Ethnic and Racial Studies. 2014. № 3 (6). P. 1138–1155.
7. Кардинская С. В. Конструирование современного мусульманского дискурса: модели идентичности мусульман Удмуртии // Вестн. Удмурт. ун-та. Серия: Философия, психология, педагогика. 2009. № 1. С. 76.
8. Шарачева Р. М. Конструктивистские концепции социологии в изучении этноса и этничности // Вестн. экономики, права и социологии. 2012. № 3. С. 299–302.
9. Дианина С. Ю., Халиль М. А., Глаголев В. С. «Культурный ислам» в пространстве Северной Европы // Балтийский регион. 2019. № 11 (3). С. 142–160.
10. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.
11. Сафронова Ю. А. Историческая память: введение: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2019. 220 с.
12. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с/
13. Рязанова С. В., Юрганов Ф. А. Миф о коми-пермяках в контексте национальной памяти // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 2 (45). С. 132–133.
14. Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

15. Исхаков Д. М. История и культура сибирских татар (с древнейших времен до начала XXI века). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Изд-во Артефакт, 2014. 440 с.
16. Беккер Э. Отрицание смерти. Лондон пресс, 1973. 315 с.
17. Шерстова Л.И. Тюркоязычное население Томской губернии на рубеже XIX–XX вв.: административное устройство и этноконфессиональные процессы // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 369. с. 108–110.
18. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. 418 с.
19. Пестерева Е.А. Тахтамышцево (1406–2006). Томск: Изд-во «Красное Знамя», 2006. 119 с.
20. Сафаров М. А. Посещение мечети в современной религиозной практике московских татар // Антропологический форум. 2014. № 23. С. 108–122.
21. Сметанин Ф. А. Роль мусульманского духовенства в формировании общинно-территориальных отношений (на примере Томска) // Вестн. Том. гос. ун-та. Серия: История. 2015. № 5 (37). С. 143–149.

УДК 314.151(430)

П. И. Сильвестрова

Магистрант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ КАК ФАКТОР, СПОСОБСТВУЮЩИЙ РАЗВИТИЮ ЭТНИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Интеграция мигрантов – один из ключевых вопросов в политической и общественной повестке дня для множества стран. Для одних проблема заключается в демографическом спаде, вызванном постоянно увеличивающимся оттоком населения, для других – в ставящейся под сомнение не только местным населением, но и сторонними наблюдателями способности принять огромное количество мигрантов из стран третьего мира. Вторая проблема встает главным образом перед самыми развитыми и экономически стабильными регионами планеты, наиболее близкими к «горячим точкам». В первую очередь, перед Европейским Союзом в общем и перед Германией в частности. В статье будет рассмотрено миграционное законодательство этой страны, а также изучена последовательная внутренняя политика, проведение которой привело к утверждению роли Германии как одного из лучших направлений для отъез-

да не только для ближневосточных беженцев, но и для легальных эмигрантов как извне, так и из стран, входящих в ЕС.

Ключевые слова: миграционная политика, Германия, Европейский Союз, этническая мобильность, интеграция, адаптация

The integration of migrants is one of the key issues on the political and public agenda for many countries. For some, the problem is the demographic decline caused by an ever-increasing outflow of population; for others, the ability of third world migrants to receive large numbers of migrants is being questioned not only by local populations, but also by outside observers. The second problem is faced mainly by the most developed and economically stable regions of the planet, which are the closest to the "hot spots". First, the European Union in general and Germany in particular. The article will consider the migration legislation of this country, as well as study the consistent domestic policy, the implementation of which has led to the affirmation of the role of Germany as one of the best destinations for departure not only for Middle Eastern refugees, but also for legal emigrants both from outside and from EU countries.

Keywords: migration policy, Germany, European Union, ethnic mobility, integration, adaptation.

Введение. Регулирование миграционных процессов начало становиться важной темой для обсуждения на государственном уровне в развитых странах после Второй мировой войны, однако своего пика достигло на рубеже тысячелетий. В начале XXI века миграционные потоки стали таких масштабов, что охватили уже всю планету, оказывая все большее влияние на развитие экономики и бизнеса, подрывая внутреннюю политику государств, а также вынуждая правительства пересматривать и собственные концепции национальной безопасности. Миграция в настоящее время является одним из ключевых факторов, который воздействует как на внутривнутриполитические, так и на внешнеполитические процессы. От выбранного курса миграционной политики напрямую зависит, например, электоральная поддержка отдельного кандидата или целой партии на практически любых выборах, отношения страны с ближайшими соседями и на большой международной арене, внутривнутриполитическая стабильность. В связи со сменой педагогических парадигм [6] и переходом от авторитарной к демократической системе образования основными ориентирами в процессе обучения и воспитания становятся следующие:

- формирование «мягких» компетенций (способность работать в команде, коммуникативность, креативность, обучаемость, лидерство и др.);
- формирование гражданственности и гражданской идентичности обучающихся;

- умение регулировать межличностные отношения с представителями различных культур и национальностей;
- активное освоение образовательной социокультурной среды;
- развитие рефлексии собственной и совместной деятельности;
- развитие информационной грамотности и экологичности.

Современное образовательное пространство является поликультурным, в котором возникают конфликты и противоречия между обучающимися, родителями, педагогами, связанные с различиями в культурах, национальностях, религиях, языках, ценностных системах и других особенностях.

Исследователи отмечают возможности поликультурного образовательного пространства как среды обеспечения социально-педагогической безопасности молодежи [7].

Поликультурное образовательное пространство понимается не только как результат деятельности образовательных учреждений в контексте изменений в многокультурном обществе, но и как особое пространство, создаваемое на основе укрепления и углубления связей различных образовательных систем, обеспечивающее условия для подготовки молодежи к жизни в условиях поликультурной среды.

Тема медиации и развития медиативных практик актуальна и востребована различными участниками образовательного процесса на разных уровнях образования: дошкольном, общем, среднем профессиональном, высшем.

Научный руководитель Федерального института медиации Ц. А. Шамликашвили, определив медиацию как междисциплинарную область знаний, наметила возможные направления исследований и круг научных областей, которые могли бы дать адекватное обеспечение дальнейшему развитию медиации как процедуры и применению ее принципов вне процедуры – в рамках «медиативного подхода», в том числе в школьной медиации.

В образовательных учреждениях РФ увеличивается количество детей-мигрантов. Среди обучающихся нередко возникают конфликтные ситуации из-за языкового барьера. Следует отметить, что к традиционным проблемам адаптации обучающихся из семей мигрантов исследователи [12] относят социокультурный барьер в условиях региональной специфики, отражающей в том числе общий уровень толерантности и социальных практик взаимодействия; арене, внутривнутриполитическая стабильность. В связи с этим пример лю-

бой страны, проводящей активную политику в этой области, в первую очередь по адаптации и интеграции мигрантов в общество, является показательным и требующим изучения.

Постоянное увеличение миграционных потоков в Европу сказалось как на внутренней политике отдельных государств, так и на общеевропейской политике. Острота миграционного кризиса поставила ЕС перед необходимостью принятия масштабных решений. Однако существует разница между национальным и муниципальным уровнями. Многие страны ЕС имеют богатый опыт и проводят успешную работу по адаптации и интеграции мигрантов в общество, в то же время на общеевропейском уровне эта система функционирует хуже [1]. Благодаря крупным ресурсообеспеченным программам изучения языка, информированию о принимающих обществах, а также профессиональной ориентации, государства становятся главными акторами в интеграционных процессах в Европе.

Европейский Союз в целом и ФРГ в частности являются центром притяжения для мигрантов из разных регионов мира. Но в первую очередь к ним можно отнести Восточную Европу, Ближний Восток и Северную Африку. Германия столкнулась с проблемой увеличения количества мигрантов довольно давно, еще в 1970-х годы, когда, несмотря на закрытие программ трудовой миграции, число прибывающих в страну только росло. В 1988 году число иностранных граждан в ФРГ достигло 4,5 млн человек, или 7,4 % населения страны [2].

Начало миграционного кризиса в Европе. Острый кризис в миграционных процессах в ЕС начался в 2014 году, когда деятельность ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация) и военные действия на территории Ирака и Сирии вошли в активную фазу развития, что вызвало огромную волну мигрантов, направляющихся в Европу через Средиземное море. В 2015 году было получено 1,3 млн только официальных обращений о предоставлении убежища, главным образом в ФРГ (66 % всех обращений в 2016 году) [3].

Согласно данным ежегодного отчета ООН, количество мигрантов во всем мире составило 272 млн человек. Из них 13 млн

приходится на Германию, давая ей возможность разделить второе и третье места в этом списке, уступая лишь США с 50 млн [4]. По данным Федерального статистического ведомства Германии, в Центральном регистре иностранцев (AZR) было зарегистрировано в общей сложности 11,2 млн ино-

странцев, проживающих в стране в настоящее время. Таким образом, в течение 2019 года численность увеличилась примерно на 313 тыс человек (+2,9 %). Этот рост сопоставим с ростом 2018 года (+2,7 %) [5].

Немецкое законодательство делит мигрантов на семь категорий:

- 1) миграция с целью осуществления трудовой деятельности;
- 2) миграция с целью учебы или получения высшего образования;
- 3) миграция беженцев, в том числе лиц еврейской национальности с территории бывшего СССР;
- 4) миграция с целью объединения с семьей или партнером по браку;
- 5) миграция подданных «третьих стран»¹ по иным причинам;
- 6) миграция поздних переселенцев;
- 7) возвращение граждан, имевших немецкое гражданство.

Таким образом, помимо беженцев из неблагополучных регионов, на легальный переезд в Германию может претендовать большое количество людей. Немецкое законодательство на современном этапе достаточно развито для озвучивания тезиса о том, что страна может предложить мигрантам полноценную систему интеграции и адаптации с курсами по изучению немецкого языка, профессиональной переподготовкой или обучением по новым специальностям, интеграции через спорт или науку.

Немецкое миграционное законодательство, сделавшее страну лидером по приему мигрантов со всего мира. Немецкое миграционное законодательство основано на следующих документах: Законе «Об иммиграции», который включает в себя Закон «О пребывании, занятости и интеграции иностранцев» (das Gesetz über den Aufenthalt, die Erwerbstätigkeit und die Integration von Ausländern im Bundesgebiet (das Aufenthaltsgesetz)) и Закон «О свободе передвижения для граждан Европейского Союза» (das Freizügigkeitsgesetz/EU) [6], Постановлении «О пребывании» (Aufenthaltsverordnung), таком нормативном акте как «Исполнительное распоряжение к Закону "Об иностранцах"» (Verordnung zur Durchführung des Ausländergesetzes) от 18.12.1990, а также на «Положении о налогах, сборах и пошлинах для иностранных граждан» (Ausländergebührenverordnung).

С момента принятия Закона «О Миграции» в 2005 году, который затронул все аспекты миграционных отношений, Германия продолжила свое развитие

¹ «Drittstaatsangehörige» – правовое определение, используемое в европейском миграционном праве, обозначающее граждан государств, не попадающих под действие европейского закона о свободе перемещения.

в качестве открытой к приему иностранцев страны. Так, в 2006 году по инициативе Ангелы Меркель в Берлине был проведен первый саммит, посвященный проблемам интеграции, в 2007 году – разработан интеграционный план, на поддержку которого было выделено около 750 млн евро. 2008 стал Годом интеграции, а через два года, к 2010, количество интеграционных курсов по истории, немецкому и общественным наукам достигло 16 тыс.

В Национальном плане интеграции 2007 года основное внимание уделяется вопросам образования, профессиональной подготовки, занятости и культурной интеграции, а в Национальном плане действий по интеграции 2012 года предусмотрены инструменты, позволяющие оценивать результаты интеграционной политики. Он включает общие цели, сроки, а также показатели для проверки достижения поставленных целей, такие как:

- 1) оптимизация индивидуальной поддержки, оказываемой молодым мигрантам;
- 2) совершенствование системы признания иностранных дипломов;
- 3) увеличение доли мигрантов на государственной службе в федеральных органах власти и органах власти штатов;
- 4) обеспечение медицинского обслуживания и ухода за мигрантами [7].

В Мезебергской декларации об интеграции, принятой Федеральным кабинетом в мае 2016 года, была изложена государственная политика, основанная на принципе двустороннего сотрудничества: предоставление иностранцам поддержки, возможностей для профессиональной подготовки и трудоустройства, но при этом требующая от них усилий и от них самих и подчеркивающая их обязанности. Предоставляемые услуги носят модульный характер, ориентированы на различные группы иммигрантов и охватывают почти все федеральные министерства, занимающиеся вопросами занятости, образования и социальной интеграции.

Германия проводит интеграцию через образование, изучение языка, науку, культуру, спорт, СМИ, через получение свободного доступа к освоению профессии, отдельные интеграционные программы для лиц женского пола, в коммунах и небольших городах, а также специальные программы, направленные на поддержку социально активных мигрантов. Помимо этого, немецкое правительство поддерживает организации национальных меньшинств, занимающиеся образованием и адаптацией. Наиболее крупными и значимыми являются:

- 1) Турецкая община в Германии (Türkische Gemeinde in Deutschland);
- 2) Турецко-немецкий немецкий фонд здравоохранения (Türkisch-Deutsche Gesundheitsstiftung);

3) Союз испанских родительских объединений (Bund der spanischen Elternvereine);

4) Немецко-турецкий форум (Das Deutsche-Türkische Forum Stuttgart);

5) Немецкая молодежь из России (Die Deutsche Jugend aus Russland);

6) Федеральный союз женщин-мигрантов в Германии (Der Bundesverband der Migrantinnen in Deutschland e.V.) [8].

Немецкое общественное мнение о проблемах миграции и формирование позитивного отношения к мигрантам среди граждан. В то же время далеко не все в Германии согласны с миграционным курсом, проводимым правительством страны. Социологическое исследование 2014 года, проведенное Селин Тени и Марком Хэльблингом, изложенное в статье «Элита и население думают о миграции по-разному» [9] показало, что около 85 % немецкой элиты положительно относится к миграционной политике страны, а вот среди населения показатель с трудом достиг 50 %. В связи с этим правительство страны приняло решение о необходимости формирования позитивного и лояльного отношения к прибывающим иностранцам у граждан Германии. Очень функциональной оказалась идея об использовании для достижения этой цели средств массовой информации: для освещения будней мигрантов в новой для них стране, трудностях и успехах адаптации, развитии интеграционной системы на местах.

Для осуществления задуманного правительство Германии обратилось к крупнейшим каналам немецкого телевидения: ARD и ZDF. Это дало свои результаты, и сегодня эти СМИ рассказывают о буднях мигрантов в стране, преподнося это как абсолютно нормальную часть общественной жизни. Стоит отметить, что ARD и ZDF не стремятся идеализировать происходящее и стараются быть максимально объективными и непредвзятыми, уделяя внимание проблемам и рискам в построении многокультурного инклюзивного общества. Свой вклад вносит и медиакомпания DeutscheWelle, участвуя в программе «интеграция на местах» и предоставляя рабочие места для молодого поколения мигрантов. Крупнейший коммерческий телеканал RTL реализует различные образовательные программы, тренинги и конкурсы, целью которых является отражение проблем мигрантов. Победители подобных конкурсов получают возможность пройти практику в компании [8].

Таким образом и немецкое правительство, и бизнес оказывают крупную информационную, а самое главное – финансовую поддержку мигрантам, влияя в эту отрасль экономики миллиарды евро и выделяя специальные квоты

на рабочие места для иностранцев, однако при этом многие приезжающие попросту не хотят интегрироваться в немецкое общество, искать работу, проходить курсы по изучению языка, предпочитая «сидеть» на социальных пособиях, размер которых позволяет жить и не предпринимать никаких усилий к поиску дополнительного заработка.

Логика выплаты пособий со стороны правительства Германии заключается в следующем: «Тот, кто не в состоянии собственными силами обеспечить свое существование или в силу сложившихся особых обстоятельств не может получить помощь от других, имеет право на персональную материальную поддержку, отвечающую его личным потребностям. Эта поддержка должна способствовать преодолению сложившегося положения, служить полноценному участию в общественной жизни и обеспечивать ведение достойного человека существования» [10].

Это положение касается пособий для всех слоев населения, однако существуют несколько положений, применительных только к мигрантам:

1) они могут получать пособие, только если докажут, что действительно не имеют других средств к существованию, в том числе бизнеса или имущества на родине, а также материально успешных близких родственников;

2) размеры пособий мигрантов не должны превышать размеры пособий граждан Германии;

3) мигрант должен стремиться к достижению двух целей: к собственной интеграции в местный социум и к отказу от пособия путем нахождения постоянной работы.

Однако несмотря на все попытки формирования позитивного имиджа мигрантов в обществе, в настоящее время развивается тенденция, исходящая как от правительства, так и от большей части граждан, о необходимости устойчивого возвращения мигрантов на родину. На данный момент возвращение лиц, в чьих ходатайствах о предоставлении убежища было отказано или которые находятся на нелегальном положении, является «ахиллесовой пятой» европейских правительств. В 2015 году число лиц, вернувшихся из стран ЕС, было на 40 % меньше, чем число отданных распоряжений о возвращении, что свидетельствует о том, что большая доля лиц, не имеющих разрешения на пребывание, на самом деле не возвращается. Недавнее парламентское расследование, проведенное в Германии, показало, что по состоянию на июнь 2016 года в стране оставалось более 500 тыс. человек, чьи ходатайства о предоставлении убежища были отклонены [11].

Курс Германии на устойчивое возвращение мигрантов в страны происхождения. Вместе с тем связь между устойчивым возвращением и целостностью системы защиты постепенно признается и становится одним из политических приоритетов. В последние несколько лет европейские страны прикладывают значительные усилия для увеличения числа возвращающихся. В частности, в марте 2016 года Европейский Союз заключил с Турцией соглашение, которое допускает возвращение в Турцию несанкционированных мигрантов и просителей убежища из Греции (хотя эта часть соглашения до сих пор не выполнена в полном объеме из-за нежелания греческих властей делать это).

Германия в 2015 году обозначила Косово, Албанию и Черногорию как «безопасные страны происхождения», что позволило ускорить обработку претензий из этих стран и удвоить число возвращающихся. Германия вместе со Швецией, Финляндией и Европейским Союзом в целом в 2016 году подписали с Афганистаном соглашения, призванные облегчить возвращение большого числа афганских граждан. Эти решения знаменуют собой заметный сдвиг в подходе к проблеме, поскольку миграция пробила себе дорогу на самые высокие уровни немецкой повестки дня и повестки дня ЕС в области внешней политики. В результате давления, оказываемого в целях более эффективного управления миграцией, правительства все чаще готовы инвестировать очень большие суммы денег в страны происхождения и идти на такие политические уступки, как соглашения о выдаче виз или торговые льготы, для достижения своих целей. Многие из этих соглашений также включают значительные инвестиции в улучшение систем управления миграцией и границами в странах происхождения и транзита, т. е. миграционная политика Германии влияет не только на входящую этническую мобильность, но и начинает все больше способствовать мобильности исходящей обратно в страны происхождения.

Заключение и перспективы дальнейшего развития немецкого и общеевропейского миграционных законодательств. Таким образом, основные миграционные потоки и потоки беженцев, начавшиеся в середине 2015 года, столкнули западных политиков и общественность с неудобной новой реальностью: затянувшиеся и разрастающиеся конфликты, жесткий авторитаризм и массовые экономические диспропорции вынуждают большое число людей покидать свои страны. Нигде эта реальность не ощущалась так остро, как в Европе, которая по своему географическому положению является и будет оста-

ваться предпочтительным местом назначения для беженцев и мигрантов из Африки и Ближнего Востока. В Европе самые экономически развитые страны проводят такую миграционную политику, что только больше способствуют увеличению так называемой этнической мобильности в регионе.

В результате от европейских правительств требуется примирить конкурирующие политические императивы контроля границ и управления въездами при одновременном выполнении обязательств по защите и предоставлению убежища. Хаотичность, с которой приезжают новые иммигранты, и их численность, религиозный и культурный состав подпитывают растущую тревогу среди многих граждан и даже приводят к подъему ультраправых настроений, как это сейчас происходит в Германии. Тем временем другие граждане и бизнес организуются, чтобы приветствовать новоприбывших и требовать от своих правительств выполнения их гуманитарных обязательств.

Немецкая интеграционная политика, рассмотренная в статье и сделавшая Германию лидером по приему мигрантов не только в Европе, но и в мире, ее проблемы, опыт и ошибки, стали примером для многих стран так называемого первого убежища: Турция, Эфиопия, Иордания.

Для европейских правительств интеграция остается в центре внимания исключительной политической активности и инноваций. Германия приняла закон об интеграции, позволяющий беженцам и лицам, ищущим убежища, через три месяца после подачи ходатайства о предоставлении убежища записаться на курсы профессиональной подготовки и обучения, а лицам, проходящим обучение, автоматически, хотя и на временной основе, предоставляется легальный вид на жительство. Если рассмотреть примеры других европейских стран, то аналогичным образом ряд ускоренных программ по трудоустройству и выдаче дипломов направлен на то, чтобы быстро обеспечить шведским беженцам, обладающим востребованными навыками, такими как преподавание и уход за больными, соответствующие возможности для трудоустройства. А в австрийском плане по интеграции «50 пунктов действий» изложены долгосрочные цели интеграции в различных областях, начиная с занятости и образования и заканчивая межкультурным диалогом, и излагается межгосударственная стратегия. Тем не менее интеграция новоприбывших в страну – это область, в которой европейские страны, включая, конечно же, Германию, долго не приходили к результатам, несмотря на массивные инвестиции. Особую тревогу в настоящее время вызывают показатели занятости беженцев. Только 13 % беженцев в Германии, прибывших в период

с 2013 по 2016 год, были трудоустроены, по предварительным данным правительства [11].

Помимо общих для всех мигрантов препятствий, таких как трудности с изучением языка или принуждением работодателей к признанию иностранных квалификаций, беженцы часто сталкиваются с дополнительными трудностями: травмы, неспособность предъявить документы об образовании или опыте, а также нестабильность, которая сопровождается неопределенным правовым статусом. Таким образом, немецкий опыт подсказывает, что путь к успешной интеграции для вновь прибывших будет нелегким. Действительно, для того чтобы усилия по интеграции увенчались успехом, в обозримом будущем потребуются значительные инвестиции в политический, финансовый и интеллектуальный капитал, а также самоотверженное и продолжительное внимание со стороны политиков.

Список литературы

1. Воронова М. В. О социальных факторах адаптации мигрантов в зарубежных исследованиях (США и ЕС) // Власть. 2018. № 8. С. 247–253. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sotsialnyh-faktorah-adaptatsii-migrantov-v-zarubezhnyh-issledovaniyah-ssha-i-es/viewer> (дата обращения: 23.10.2020).
2. Statistisches Bundesamt. URL: <https://www.destatis.de> (дата обращения: 23.10.2020).
3. Constant A. F., Zimmermann K. F. Toward a new European refugee policy that works // Maastricht: UNU-MERIT Working Papers. 2016. № 62. 20 p. URL: <https://www.merit.unu.edu/publications/working-papers/abstract/?id=6222> (дата обращения: 20.10.2020).
4. International migration 2019 Wall Chart // United Nations. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/wallchart/docs/MigrationStock2019_Wallchart.pdf (дата обращения: 21.10.2020).
5. Bevölkerung: Migration und Integration // Deutsches Statistisches Bundesamt. URL: https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bevoelkerung/Migration-Integration/_inhalt.html#sprg233648 (дата обращения: 23.10.2020).
6. Informationsverbund Asyl und Migration. URL: <http://www.asyl.net> (дата обращения: 22.10.2020).
7. Governance of migrant integration in Germany // European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/migrant-integration/governance/germany> (дата обращения: 23.10.2020).
8. Нефедова Д. В. Политика Германии в сфере социальной адаптации мигрантов // Идея и идеалы. 2015. № 1 (23), т. 2. С. 102–111. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-germanii-v-sfere-sotsialnoy-adaptatsii-migrantov> (дата обращения: 21.10.2020).
9. Helbling M., Teney C. Elite und Bevölkerung denken unterschiedlich über Migration // Migazin Migration in Germany. URL: <http://www.migazin.de/2014/02/20/wie-elitebevoelkerung-migration> (дата обращения: 24.10.2020).
10. Sozialgesetzbuch. URL: <https://www.sozialgesetzbuch-sgb.de/sgbiii/1.html>.

11. Demetrios G. Papademetriou, Susan Fratzke. Dawn of New Migration Reality Brings Focus on Borders, Returns, and Integration // Migration Policy Institute. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/dawn-new-migration-reality-brings-focus-borders-returns-and-integration> (дата обращения: 24.10.2020).

УДК 316.334.56: 314.151-044.332

А. В. Задорин

Старший преподаватель кафедры истории России Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

МОТИВАЦИЯ И АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ В КРУПНОМ СИБИРСКОМ ГОРОДЕ (НА ПРИМЕРЕ КИРГИЗОВ КРАСНОЯРСКА)

В начале XXI века усилился поток мигрантов из Средней Азии в Красноярский край. В связи с этим научный и практический интерес представляет проблема их адаптации в крупном городе. Типичными представителями таких мигрантов являются киргизы. В Красноярском крае массовые опросы мигрантов из Кыргызстана уже проводились, но результаты не публиковались. Целью данного исследования является анализ мотивации и процесса социальной адаптации мигрантов-киргизов в Красноярске в начале XXI века. Основными методами стали: изучение документов, опрос экспертов, индивидуальное анкетирование. Неполнота информации о генеральной совокупности обусловила выбор разведывательного типа исследования. Было опрошено 106 человек в возрасте от 18 до 65 лет, из них 58 мужчин (54,7 %) и 48 женщин (45,3 %). Из общего числа респондентов 28,3 % составили студенты Сибирского федерального университета (СФУ). Использовались неслучайные (стихийные) виды отбора. В результате исследования охарактеризовано современное состояние киргизской диаспоры в Красноярском крае. Уточнена имевшаяся в специальной литературе информация о сферах занятости киргизов-мигрантов, о соотношении среди них временно и постоянно живущих. Было установлено, что ассимиляция в первом поколении мигрантов не прослеживается; сближение с местным населением наблюдается только по русскому языку, еде, праздникам и музыке.

Ключевые слова: Красноярск, мигранты-киргизы, мотивация, адаптация мигрантов, диаспора, Сибирь.

At the beginning of the XXI century increased the flow of migrants from Central Asia to the Krasnoyarsk Territory. In this regard, the problem of their adaptation in a big city is of scientific and practical interest. Typical representatives of such migrants are Kyrgyz. Mass surveys of migrants from Kyrgyzstan have already been conducted in the Krasnoyarsk Territory, but the results have not been published. The purpose of the study is to analyze the motivation and process of social adaptation of Kyrgyz migrants in Krasnoyarsk at the beginning of the XXI century. The main methods were used: studying documents, interview with experts, individual questionnaire. Incompleteness of information about the total number of Kyrgyz in the Krasnoyarsk Territory led to the choice of a research of intelligence type. 106 people aged 18 to 65 years were interviewed, of which 58 were men (54.7 %) and 48 women (45.3 %). Of the total number of respondents, 28.3 % were students of the Siberian Federal University (SFU). Non-random (spontaneous) types of selection were used. As a result of the study, the current state of the Kyrgyz diaspora in the Krasnoyarsk Territory is described. The information available in the special literature on the areas of employment of Kyrgyz migrants, on the ratio among them temporarily and permanently living has been clarified. It was found that assimilation in the first generation of migrants could not be traced; rapprochement with the local population is observed only in the Russian language, food, holidays and music.

Keywords: Krasnoyarsk, Kyrgyz migrants, motivation, adaptation of migrants, diaspora, Siberia.

Распад СССР коренным образом изменил экономическую ситуацию во многих странах Содружества Независимых Государств (СНГ), бывших ранее союзными республиками. Разрыв хозяйственных связей между предприятиями привел к спаду производства и росту безработицы. Это способствовало выталкиванию избыточного населения за рубеж. В России также сворачивалось производство, росла безработица, однако ситуация в экономике выглядела более благоприятной: выручали огромные запасы природных ресурсов, которые шли на экспорт. Особенно характерно это было для Сибири. Так, в 1992 году на долю Сибири приходилось 99 % российского экспорта газа, 88 – нефти, 85 – алюминия, 73 – меди, 59 – угля, 45 – никеля, 34 – пиломатериалов, 32 – целлюлозы, 27 – азотных удобрений [1, с. 25].

Депопуляция населения привела к нехватке рабочей силы в России, что сделало ее привлекательной для иностранных работников. Менее чем за 20 лет Россия вышла на второе место в мире по числу официально учтенных мигрантов [2, с. 33], а «мигрантский фактор» постепенно стал одним из основных факторов развития российского общества и рынка труда.

В начале XXI века усилился поток мигрантов из Средней Азии в Красноярский край («Справочник мигранта» сообщает, что в край временно приез-

жает более ста тысяч трудовых мигрантов ежегодно [3, с. 2]). Типичными их представителями являются киргизы. Поскольку большинство мигрантов оседает в краевом центре [4], научный и практический интерес представляет проблема их адаптации в крупном городе. Чтобы избежать роста межнациональной напряженности, который в последнее время наблюдается в ряде европейских стран, необходимо изучать этот процесс, а полученные знания использовать при проведении миграционной политики.

В то же время приходится признать разрозненность и недостаточность знаний о современных миграционных процессах. Особенно это касается этнических общин, изучение которых затрудняется обособленным характером их существования, а в ряде случаев проводимой ими жесткой политикой информационной закрытости. Помимо неприязни части местных жителей, замкнутость общин может быть вызвана и «человеческим фактором», ведь «для руководителей общин интеграция будет означать потерю власти и денег» [5, с. 152]. Стремятся ли мигранты к интеграции в принимающее общество? И до какой степени? Вокруг этих и подобных вопросов существует масса предрассудков.

Говоря о современном состоянии киргизской диаспоры в крае, автор статьи исходил из того факта, что почти вся она проживает в городах (95,4 % в 2010 году), поэтому, когда ее параметры сравнивались с русским этносом, в расчет бралось городское население.

Особенности объекта исследования обусловили применение нескольких методов сбора информации. На начальном этапе был использован метод изучения документов. Он позволил получить комплексное представление об объекте исследования, сформулировать цель и задачи, выбрать стратегию осуществления исследовательского поиска, обосновать систему выборки (способа отбора) единиц наблюдения.

Неполнота статистических данных, документальной информации по изучаемой проблеме вызвала необходимость применения метода опроса. В качестве экспертов в области миграций методом свободного (нестандартизированного) интервью были опрошены доктор исторических наук, профессор СФУ В. П. Кривоногов и кандидат социологических наук, доцент СФУ Д. О. Труфанов. Это помогло уточнить некоторые теоретические аспекты проблемы, интерпретировать понятия и выявить основные линии исследования.

В качестве вспомогательного использовался метод экспертных оценок. Через запрос в Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва (Красно-

яркстат) была получена официальная статистическая информация о численности населения киргизов в Красноярском крае по итогам переписей населения 1989, 2002 и 2010 годов.

Опрос мигрантов из Кыргызстана осуществлялся путем индивидуального анкетирования. Опросный лист был разработан автором статьи совместно с профессором В. П. Кривоноговым и включал 31 вопрос. Помимо общей информации (пол, возраст, семейное положение) выяснялась цель приезда, длительность пребывания в России, намерение остаться жить в Красноярске, наличие российского гражданства, место проживания семьи, намерение перевезти семью в Россию.

Однако основная часть вопросов касалась адаптации мигрантов. С помощью этих вопросов предполагалось измерить уровень интегрированности киргизских мигрантов в принимающее общество (социальную среду Красноярска). Изучались социально-экономические аспекты адаптации (проблема трудоустройства, уровень образования, жилищные условия), а также социокультурные аспекты. К ним были отнесены национальность супруга и предков, степень владения русским языком, владение русской письменностью, посещение мечети и местного киргизского землячества, наличие национальной одежды, употребление национальных (киргизских) и местных (русских) блюд, музыкальные предпочтения. Вопрос «Встречали ли вы негативное отношение к себе окружающих на национальной почве?» задавался, чтобы выяснить отношение местного населения к мигрантам.

В нашем случае точную выборку построить было невозможно из-за отсутствия свежих данных о национальном составе населения Красноярского края. Такие сведения формируются только в рамках переписей, а последняя Всероссийская перепись населения прошла 10 лет назад – в октябре 2010 года.

Согласно переписи 2010 года [6], в Красноярском крае проживало 8 423 киргиза, из них 6 274 (74,5 %) в самом Красноярске. Перепись зафиксировала следующую возрастную структуру у киргизов: 30,3 % населения составляли лица младше трудоспособного возраста, 69,1 % – трудоспособного возраста, 0,5 % – старше трудоспособного возраста. При этом мужчины составляли 51,3 % населения, а женщины – 48,7 %.

Данными о возрастном-половом составе киргизов по городскому округу Красноярску мы также не располагали: они опубликованы только по краю в целом. Однако с большой долей вероятности мы допускаем, что он существенно не отличался от региональных показателей.

Таким образом, нам неизвестна нынешняя численность киргизской диаспоры в Красноярском крае, но можно предположить, что ее основные характеристики после 2010 года существенно не изменились.

Исходя из характера исследования, рассматривалось только взрослое население. Лица младше трудоспособного возраста в расчет не принимались, так как они не являются инициаторами миграции, т. е. генеральную совокупность составляли не все киргизы, а только трудоспособное население.

При анализе ряда проблем студенты рассматривались отдельно от работающих мигрантов, что связано с особенностями этой социальной группы: большинство учащихся вузов не работает. Так, например, опрос студентов в 2019 году показал, что только 9 % из них учатся и работают [7, с. 441].

В сложившихся условиях возможно провести только разведывательное исследование. Такая стратегия исследовательского поиска не претендует на репрезентативность, но позволяет углубить знания об изучаемом объекте.

Ограниченность ресурсов исследования (опрос проводился автором исследования в одиночку) и сложности доступа к респондентам (рассредоточены по всему Красноярску) обусловили использование неслучайных (стихийных) видов отбора. При стихийных отборах выборка формируется самими респондентами, оказавшимися в нужное время в нужном месте, она не воспроизводит основных характеристик генеральной совокупности, более того, границы самой генеральной совокупности очертить невозможно [8, с. 98].

Анкетирование проводилось с использованием таких видов стихийного отбора, как отбор «первого встречного» и цепной выборки по методу «снежного кома». В первом случае опрашиваются те, кто попадает исследователю на улице, в учреждении и т. д. (при этом исследователь руководствуется соображениями удобства проведения опроса). В другом случае у респондентов выясняют, кто, по их мнению, мог бы еще принять участие в исследовании, как и где можно найти этих потенциальных респондентов. Таким образом «снежный ком» растет (до тех пор, пока не перестает приносить новую информацию).

Эмпирической основой исследования стали результаты анкетирования киргизов, проживающих в Красноярске [9]. Всего было опрошено 106 человек в возрасте от 18 до 65 лет, из них 58 мужчин (54,7 %) и 48 женщин (45,3 %). Из общего числа респондентов 30 (28,3 %) составили студенты СФУ. Остальные респонденты, объединенные в категорию «работающие», – это лица трудоспособного возраста (70,8 %) и старше трудоспособного возраста (0,9 %).

Они опрашивались на мероприятиях, проводимых красноярской местной общественной организацией «Киргизская национально-культурная автономия», на рынке «Содружество», в общежитиях, магазинах, других местах, на улице.

В студенческой среде было опрошено 19 юношей и 11 девушек, в том числе 7 магистрантов 21–24 лет. Студенчество представляет собой особую социальную группу. Во-первых, из 30 человек только двое учатся и работают. Во-вторых, почти все холостые: лишь одна девушка указала, что замужем (муж – киргиз). В-третьих, детей ни у кого нет.

Больше всего работающих киргизов (17,1 %) оказалось занято в сфере жилищно-коммунального хозяйства – это дворники, уборщицы, электрик, сварщик. 13,2 % работают на стройке, в том числе 5,3 % бригадирами. Столько же (13,2 %) являются продавцами, причем 3,9 % числятся как индивидуальные предприниматели и работают на себя. В сфере общепита трудятся 9,2 %, среди них повара, помощники повара, бармен, судомойка. Столько же респондентов (9,2 %) являются разнорабочими, их профессиональные обязанности не требуют квалификации. В сфере доставки и хранения продукции занято 3,9 % респондентов, среди которых экспедитор, кладовщик и мастер на базе. 2,6 % киргизов работают охранниками и столько же автомойщиками. Также встречались такие профессии как швея и мастер маникюра в салоне красоты (по 1,3 %).

Интеллекцией являются 6,6 % респондентов, причем 3,9 % работают в микрокредитной компании (кредитный менеджер и два консультанта) и выполняют рутинные обязанности. И только 2,6 % респондентов занято действительно высококвалифицированным трудом – это помощник следователя и консультант в киргизской национально-культурной автономии.

17,1 % киргизов находятся на иждивении (все – женщины). 1,3 % являются пенсионерами (женщина 65 лет), 1,3 % – безработными.

Исследование мотивации и адаптации мигрантов-киргизов в Красноярске позволило сделать ряд конкретных выводов (которые с определенной долей условности можно распространить на другие группы мигрантов из Средней Азии в крупных городах России).

Характер расселения киргизов в Красноярском крае не способствует совершенствованию поселенческой структуры региона. Почти вся киргизская диаспора проживает в городах (95,4 % в 2010 году), в том числе в самом Красноярске 74,5 %. В регионе нет сельских населенных пунктов, где компактно проживают киргизы.

При этом численность диаспоры постоянно растет. В 1990-х и 2000-х годах численность киргизов в крае каждый раз удваивалась.

В то же время сокращается доля временно проживающих киргизов (в 1,6 раз за 2002–2010 годы), а постоянно проживающих увеличивается. О тенденции на закрепление киргизских мигрантов говорит и соотношение мужчин и женщин: 953 женщины на 1 000 мужчин в 2010 году. При вахтовом методе работы мужское население должно значительно преобладать, но в данном случае этого не наблюдается.

Косвенно о закреплении мигрантов свидетельствует и высокая доля иждивенцев среди них (47,8 % в 2010 году), а, как известно, на содержании обычно находятся дети и домохозяйки.

Отношения киргизских мигрантов с красноярцами складываются в целом мирно. Лишь 3,3 % студентов и 1,3 % работающих киргизов часто сталкивались с негативным отношением к себе на национальной почве. Причем 3/4 взрослых мигрантов вообще не встречались с фактами расизма/шовинизма к себе.

Больше всего киргизов, проживающих в Красноярске, приехало в Россию в последние 3 года. Практически нет таких, кто приехал более 20 лет назад. Следовательно, есть основания утверждать, что пик миграции киргизов в Красноярский край пришелся на 2010-е годы.

Всех мигрантов можно разделить на две группы: студенты и работающие. Студенты представляют собой однородную группу. Почти все они холостые, детей не имеют, проживают в общежитиях. Приехали в Красноярск, чтобы получить высшее образование, и после завершения обучения основная масса их (2/3) вернется в Кыргызстан. Данное намерение подтверждается и нежеланием получать российское гражданство (2/3 студентов). Только 3,3 % желают остаться жить в Красноярске, а 30 % еще не решили.

Работающие мигранты представляют собой неоднородную социальную группу. Они делятся примерно поровну – на тех, кто здесь временно, и тех, кто уже остался и получил (или собирается) российское гражданство.

Временно проживающие прибыли в Красноярск с целью трудоустройства и заработка. В основном это выходцы из сельской местности и малых городов. Здесь они проживают чаще всего в съемных комнатах, реже – в квартирах (но тоже съемных). Вместе с тем временное пребывание не обязательно означает разрыв с семьей; при первой возможности мужчины стараются перевезти сюда жен и детей. Об этом говорит довольно большая доля женщин

в переселенческом потоке (27 % по данным нашего опроса), которые целью приезда указывали: «к родственникам».

Даже работая здесь временно, мужчины стараются не терять связь со своим сообществом (киргизами, шире – мусульманами). Они более-менее регулярно ходят в мечеть (обычно в пятницу), киргизское землячество посещают реже. Как правило, это мероприятия, организуемые киргизской национально-культурной автономией.

Исследование не подтвердило распространенное мнение о том, что большинство киргизов в Красноярском крае занято в сфере торговли и предпринимательства [10, с. 82]. Таковых оказалось только 17,1 %. Большинство иммигрантов вообще работают не по специальности, причем у многих изменилась не только профессия, но и сфера приложения труда. Среди мужчин преобладают неквалифицированные рабочие (38,5 % респондентов) и квалифицированные (30,8 %). Большинство женщин является домохозяйками – 35,1 % либо занято неквалифицированным трудом (уборщицы и т. д.) – 24,3 %. Столько же (24,3 %) работают продавцами. Такая структура занятости мигрантов связана как с общим экономическим кризисом в стране, так и с ситуацией на рынке труда.

Вышеперечисленные тенденции присущи и группе мигрантов, которые получили российское гражданство или собираются получить. Среди них преобладают рабочие, домохозяйки и продавцы. Жилье тоже преимущественно съемное. Они посещают мечеть и мероприятия киргизской автономии.

Данная группа представляет наибольший интерес, поскольку именно эти киргизы в дальнейшем будут жить среди местного населения. Опрос выявил их хорошую языковую адаптацию. Большинство владеет русским, а на родном языке свободно говорят все взрослые киргизы. Почти 86 % респондентов в возрасте 18–29 лет говорят по-русски свободно или с некоторыми затруднениями. В старших возрастах показатель ниже. 98,3 % мужчин и 87,5 % женщин умеет читать и писать по-русски.

В половине семей (47,9 %) дети говорят на двух языках: киргизском и русском. А в 29,2 % семей дети говорят только по-русски, что говорит о начале ассимиляционных процессов в области языка во втором поколении мигрантов.

Большинство осевших здесь киргизов принимает и местные традиции: едят местные блюда, отмечают российские праздники, слушают российскую музыку. Но на этом сближение с местным населением и заканчивается.

В брачно-семейной сфере никакой адаптации не наблюдается (и ассимиляционных тенденций тоже). Межэтнических браков у киргизов очень мало, особенно среди женщин. Обычно это браки на представителях соседних народов – узбеках и казахах.

В области религии сближения с местным населением тоже нет. Киргизы сохраняют в основном верность исламу: атеистов мало (6,6 %), православных нет вообще. Почти все мужчины (93,1 %) и около половины женщин (47,9 %) ходят в мечеть часто или редко.

Все это дает основание заключить, что данная группа в местное сообщество интегрирована, но не ассимилирована, т. е. ассимиляция в первом поколении мигрантов не прослеживается.

Возможно, во втором поколении (у детей нынешних мигрантов) ситуация будет иной. Однако здесь требуется новое исследование.

Список литературы

1. Власов Г. П., Власова Н. Г., Власов Л. Г. Государственная политика в освоении новых районов Сибири и практика ее реализации: монография. Братск: БрГУ, 2011. 154 с.
2. Аблажей Н. Н. Миграционная безопасность восточных регионов. Новосибирск: НГУ, 2011. 124 с.
3. Что должен знать трудовой мигрант, приезжающий в Красноярский край: справочник мигранта. Красноярск, 2019. 31 с.
4. Задорин А. В. Влияние внешней миграции на экономическую ситуацию в Красноярском крае в 1992–2017 гг.: некоторые аспекты // Экономическая история Сибири XX – начала XXI века: сб. ст. по материалам V Всеросс. науч. конф. (с междунар. участием). Барнаул: Пять Плюс, 2018. С. 321–327.
5. Делягин М. Возмездие на пороге. Революция в России: когда, как, зачем. М.: Новости, 2007. 446 с.
6. Всероссийская перепись населения – 2010. Красноярский край. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/39102>.
7. Задорин А. В. Конфликтный и интеграционный потенциал межэтнических и миграционных отношений в Красноярском крае в настоящее время // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2020. Иркутск: Изд-во БГУ, 2020. С. 433–442.
8. Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Прикладная социология: учеб. пособие. М.: Гардарики, 2004. 176 с.
9. Личный архив автора. Комплект заполненных анкет опроса мигрантов из Кыргызстана.
10. Этноатлас Красноярского края. 3-е изд., перераб. и доп. Красноярск: Платина, 2018. 240 с.

УДК 304.42:39

В. А. Чистова

Студент кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОЯРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «АМОР»)

Статья посвящена анализу деятельности красноярского отделения азербайджанской молодежной организации России и его роли в сохранении азербайджанской культуры на территории Красноярского края. В статье рассмотрена история и культура азербайджанского этноса на территории Красноярского края, а также история создания и основные цели организации «АМОР» и красноярского отделения в частности. В ходе исследования был изучен контент (информационные посты, фото-, видеоматериалы и т. д.) официальных страниц организации в социальных сетях, на основании которого были выявлены основные культурные и социальные практики, осуществляемые организацией, способствующие сохранению и поддержанию традиций азербайджанского этноса. Также в статье представлены итоги интервью с членом «АМОР», подтверждающие результаты, полученные в ходе контент-анализа материалов, опубликованных в социальных сетях. Таким образом, выяснилось, что проводимые красноярским отделением «Азербайджанской молодежной организации России» культурные мероприятия способствуют сохранению культуры и поддержанию традиций азербайджанского этноса на территории Красноярского края. Более того, данная организация также осуществляет важные социальные функции, проводя различные общественные, благотворительные и образовательные мероприятия и сотрудничая с представителями органов местной власти и национально-культурными объединениями региона, с целью поддержания благоприятных отношений между всеми этносами, проживающими на территории Красноярском крае.

Ключевые слова: культура, этническая идентичность, культурные практики, этническая группа, азербайджанцы, Красноярский край.

The article is devoted to the analysis of the activities of the Krasnoyarsk branch of the Azerbaijani youth organization of Russia – "AMOR" and the role of this organization in the preservation of Azerbaijani culture on the territory of the Krasnoyarsk Krai. The article examines the history and culture of the Azerbaijani ethnic group on the territory of the Krasnoyarsk Krai, as well as the history of creation and the main goals of the organization "AMOR" and the Krasnoyarsk branch, in particular. During the research, the content (information posts,

photos, video materials, etc.) of the organization's official pages on social networks was studied, on the basis of which the main cultural and social practices carried out by the organization were identified, which contribute to the preservation and maintenance of the traditions of Azerbaijani culture. Furthermore, the article presents the results of interview with a member of “AMOR”, which confirm the results obtained in the course of content analysis of materials published on social networks. As a result, it turned out that the cultural events held by the Krasnoyarsk branch of the Azerbaijan Youth Organization of Russia contribute to the preservation of culture and the maintenance of the traditions of the Azerbaijani ethnic group in the Krasnoyarsk Krai. Moreover, this organization also performs important social functions, holding various public, charitable and educational events, as well as cooperating with representatives of local authorities and with national-cultural associations of the region, in order to maintain favorable relations between all ethnic groups living in the Krasnoyarsk Krai.

Keywords: culture, ethnic identity, cultural practices, ethnic group, Azerbaijanis, Krasnoyarsk Krai.

Введение. Красноярский край – один из наиболее полиэтнических регионов Российской Федерации, население которого сформировалось во время многочисленных исторических, экономических, миграционных и культурных процессов. На сегодняшний день на территории края проживают представители 159 этнических групп. Одним из самых многочисленных этносов, проживающих на территории Красноярского края, являются азербайджанцы.

В связи с тем, что Красноярский край не является родиной данного этноса, на повестку дня ставится вопрос о сохранении этнической идентичности и культуры азербайджанцев на территории края, в месте, где они сейчас проживают в силу различных причин. В решении данного вопроса активно заинтересована азербайджанская молодежь Красноярского края, которые пытаются сохранить культуру родного народа, являясь членами красноярского отделения азербайджанской молодежной организации «АМОР». Данная организация – одна из самых активных этнических молодежных организаций в крае, поэтому не учитывать ее вклад в развитие региона, формирование и поддержание собственной культуры и межкультурной среды полиэтнического региона невозможно.

Цель данного исследования заключается в выявлении степени эффективности деятельности красноярского отделения «АМОР» по сохранению азербайджанской культуры на территории Красноярского края. Необходимо узнать, как, где и через какие культурные практики происходит процесс сохранения родной культуры среди представителей азербайджанского этноса, проживающих на территории края. В качестве методов исследования были

выбраны метод контент-анализа, с помощью которого были изучены материалы, представленные на официальных страницах «АМОР», и метод интервью, который позволил узнать о деятельности организации от ее непосредственного участника.

История и культура азербайджанского этноса. Азербайджанцы – тюркоязычный народ, составляющий основное население Азербайджана и значительную часть населения Северо-Западного Ирана. Помимо Ирана и Азербайджана также проживают на территории России, Грузии, Турции и других стран. Общая численность азербайджанцев в мире превышает 35 млн человек. Родной язык – азербайджанский. Верующие азербайджанцы – мусульмане, преимущественно шииты, но есть и сунниты.

Культура и быт азербайджанцев имеют долгую историю, которая берет начало со времен формирования азербайджанского этноса. Традиционными занятиями сельского населения являлись хлопководство, виноградарство, шелководство, овцеводство, разведение крупного рогатого скота. В настоящее время население Азербайджана занято в промышленности (особенно в нефтяной, газовой, приборостроительной и др.) и в сельском хозяйстве.

Традиционная кухня азербайджанцев отличается разнообразием молочных, мясных, мучных и овощных блюд. Значительное место в рационе занимает хлеб, лепешки и другие хлебобулочные изделия: гутаб, говурма, долма, чурек, лаваш и т. д. Распространены блюда из риса – насчитывается свыше 50 видов плова. Большим разнообразием отличаются блюда из мяса, особенно из баранины. Широко употребляются в пищу соусы, овощи, зелень, фрукты и сладости.

Азербайджанский фольклор по своему характеру и сюжетам во многом близок к народному творчеству народов Кавказа, Передней и Средней Азии.

Широко распространены сказки: волшебные, бытовые, о животных; любовно-романтические и историко-героические сказания о героях, исполняемые под музыку, – дастаны. Наиболее известные эпосы «Асли и Керем», «Ашуг Гариб», «Кер-оглы», «Шах Ислам», «Китаби Деде Коркуд».

Азербайджанцы отмечают различные государственные, религиозные и народные праздники. Одним из самых любимых и наиболее почитаемых является праздник Новруз-Байрам (21–22 марта), который знаменует приход весны и обновление природы. Еще одним значимым праздником является Праздник граната, который ежегодно отмечается осенью, во время сбора граната. Из общемусульманских праздников особо празднуются Курбан-

Байрам – день жертвоприношений и Рамазан-Байрам – день завершения 30-дневного поста.

Среди современных официальных праздников Азербайджана, которые отмечают азербайджанцы по всему миру, наиболее важными являются: Новый год (1 января), День Республики (28 мая), День национального спасения азербайджанского народа (15 июня), День победы (9 мая), День государственной независимости (18 октября), День государственного флага Азербайджанской Республики (9 ноября), День Конституции (12 ноября), День национального возрождения (17 ноября), День солидарности азербайджанцев всего мира (31 декабря).

В Российской Федерации, согласно переписи 2010 года, численность азербайджанцев составляет 603,1 тыс. человек, из них 16 341 человек проживают на территории Красноярского края.

История азербайджанцев на территории Красноярского края. История азербайджанцев в Красноярском крае началась в предвоенные 1930-е годы, когда на территории края проживало 96 представителей этого этноса. Активное переселение азербайджанцев началось уже после окончания ВОВ и было связано со строительством таких индустриальных объектов, как Саяно-Шушенская ГЭС. В 1980-е годы трудовые мигранты из Азербайджана продолжали прибывать в край на строительство Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса (КАТЭК) и Красноярского экскаваторного завода.

С начала 1990-х годов начался следующий этап притока большого количества азербайджанцев в Красноярский край, что было обусловлено сложной политической и экономической ситуацией в Азербайджане после распада СССР. В Российской Федерации количество азербайджанцев за период 1989–2002 годов увеличилось в 1,9 раза, а в Красноярском крае – в 2,6 раза. По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года в Красноярском крае проживают 16,3 тыс. азербайджанцев, из них св. 10 тыс. человек – мужчины, (63%), а 2059 человек – граждане Азербайджана.

В 1990 году в Красноярске создается Азербайджанское национально-культурное общество «Азери», которое возглавил С. Сулейманов. Председателями этой организации в последующее время были О. Ахмедов, М. Г. Джумшудов, А. Г. Гусейнов, М. Г. Ильясов. В 2004 г. НКО «Азери» преобразуется в Красноярскую местную азербайджанскую национально-культурную автономию (МНКА), ее возглавил Т. С. Махмудов. Помимо краевого центра азербайджанские автономии возникают и в других территориях. Местные НКА

образованы в Ачинском, Шарыповском и Березовском районах. В 2016 году местные автономии создают региональную азербайджанскую НКА Красноярского края. В Норильске с 1999 года работает региональное общественное движение «Азербайджанская диаспора».

Азербайджанская молодежная организация. На территории Красноярского края также осуществляет свою деятельность Азербайджанское молодежное объединение России «АМОР» – одна из самых активных азербайджанских молодежных организаций, которая находится за пределами Азербайджана. «АМОР» была создана по инициативе вице-президента Фонда Гейдара Алиева Лейлы Алиевой. С самого начала своего создания организация следует идеям межкультурного диалога и сотрудничества. Данная организация объединяет азербайджанскую молодежь и помогает ей интегрироваться в российское общество, чтобы достойно представлять свою Родину. Деятельность организации связана с проведением и организацией лекций, выставок, ярмарок, конгрессов для представителей азербайджанского этноса, для создания поликультурного пространства взаимопонимания и сотрудничества между представителями разных этносов.

Основными целями «АМОР» (Азербайджанского молодежного объединения России) являются:

- сохранение азербайджанских национально-культурных ценностей, азербайджанского культурного наследия;
- поддержка социальных, творческих, образовательных инициатив азербайджанской молодежи;
- содействие социальному, нравственному и физическому развитию азербайджанской молодежи;
- создание условий для более полного включения азербайджанской молодежи в культурную жизнь российского общества;
- поддержка воспитания и творчества на азербайджанском языке;
- сохранение и укрепление нравственных, моральных устоев семьи и общества;
- содействие укреплению дружбы, доверия и взаимопонимания между народами;
- пропаганда здорового образа жизни, образования и труда.

В Красноярском крае молодежная организация «АМОР» представлена красноярским отделением, созданным в 2006 году. Данная организация придерживается основных целей и задач «АМОР», осуществляя свою деятельность на территории Красноярского края.

Деятельность красноярского отделения «АМОР». Для исследования деятельности красноярского отделения азербайджанской молодежной организации «АМОР» были использованы методы контент-анализа и интервью.

Метод контент-анализа дает возможность изучить и проанализировать веб-страницы красноярского отделения организации «АМОР», представленные в таких крупных и наиболее популярных социальных сетях, как во «ВКонтакте», Instagram, Facebook. Данный метод позволяет рассмотреть результаты деятельности организации, представленные в виде текстовых, аудио-, фото- и видеоматериалов, проследить активность молодежи Азербайджана в социальных сетях.

В результате анализа информации, представленной на официальных страницах красноярского отделения «АМОР» в социальных сетях, наиболее информативным ресурсом оказалась официальная страница организации во «ВКонтакте». На основании анализа постов можно выделить ключевые культурные практики, которые способствуют сохранению азербайджанской культуры.

В первую очередь культура поддерживается за счет празднования государственных, традиционных и религиозных праздников Азербайджана, а также посредством проведения таких культурных мероприятий, как творческие встречи, мастер-классы, лекции, просмотр фильмов. В то же время для членов «АМОР» также важно отмечать и участвовать в празднованиях государственных праздников Российской Федерации. В этой ситуации прослеживается связь с общим историческим прошлым Азербайджана и России, когда обе страны входили в состав СССР и государственные праздники были общими для обеих стран (некоторые государственные праздники Российской Федерации и сейчас являются государственными в Азербайджане). Более того, это также связано с тем, что сейчас представители азербайджанского этноса проживают на территории Российской Федерации. Следует отметить, что большинство молодых азербайджанцев уже родились на территории Красноярского края и являются потомками мигрантов, или же они иммигрировали с семьей в Россию в раннем возрасте и уже прошли процесс социализации и аккультурации в российское общество.

В любом случае, членам молодежной организации «АМОР» Красноярского края одинаково важны и азербайджанские, и российские праздники. Они помнят и уважают общее историческое прошлое стран и продолжают традиции своих предков.

- традиционные праздники Азербайджана: Новруз (21–23 марта), Праздник граната (26 октября – 10 ноября);
- государственные праздники и памятные даты Азербайджана: День национальной солидарности азербайджанцев мира (31 декабря), Новый год (1–2 января), День всенародной скорби (20 января), Международный женский день (8 марта), День Победы (9 мая), День Республики (28 мая), День независимости (18 октября), День государственного флага (9 ноября), День Конституции (12 ноября);
- религиозные праздники: Курбан-Байрам, Ураза-Байрам;
- государственные праздники Российской Федерации: Новый год (1 января), День защитника Отечества (23 февраля), Международный женский день (8 марта), Праздник Весны и Труда (1 мая), День Победы (9 мая), День народного единства (4 ноября).

На основании этого можно сделать вывод о том, что красноярское отделение «АМОР» вносит большой вклад в сохранение и поддержание азербайджанской культуры на территории Красноярского края, который позволяет представителям этноса сохранить свою этническую идентичность путем реализации различных культурных практик.

Более того, деятельность красноярского отделения «АМОР» не ограничивается только деятельностью, связанной с поддержанием и сохранением родной культуры. Члены организации проводят, организуют и участвуют в образовательных, спортивных, общественных и благотворительных мероприятиях:

- образовательная и культурно-просветительская деятельность: презентация книги «Из Азербайджана на фронт»; круглый стол на тему «Межнациональные конфликты современности. История и пути их решения»; форум межнациональных отношений «Культурный диалог»; заседание «Дискуссионного клуба АМОР» по теме «Проблемы образования и образовательной системы»; просмотры азербайджанского и российского кино («В одном южном городе», «Крик души», «Семеро сыновей моих», «День рождения», «Гагарин»);
- спортивные мероприятия: спортивный праздник «Интерземлячество»; благотворительный футбольный матч «Жизнь есть»; кубок наций по футболу;
- общественные мероприятия: «Содружество на Енисее»; КВН «Азия» и лига наций по КВН (команда «Страна Огней»); дни азербайджанской

культуры в СФУ (2015); Сабантуй; фестиваль «Кухни народов мира»; Всероссийский форум «АМОР» в Москве; праздник, посвященный международному дню толерантности; Межнациональный фестиваль «Студенчество без границ»; День народов Кавказа в Красноярском крае; Международное молодежное форум ТИМ «Бирюса»; межнациональный брейн-ринг «Через культуру к миру и согласию»; XI Международный конкурс красоты и талантов «Азия-Сибирь»; интеллектуальный межнациональный квиз «ЭТНОМИР»; Международный фестиваль «Молодежное содружество» в СФУ;

- благотворительные мероприятия: деятельность добровольческого движения «АМОР» (помощь нуждающимся, больным детям, людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, сбор денежных средств на лечение, сдача крови, посещение детей в больницах, организация праздников для них); благотворительные концерты народного азербайджанского ансамбля песни и танца «Одлар Юрду»; благотворительный футбольный матч «Жизнь есть»; благотворительный футбольный матч «Матч добра».

Таким образом, на основании проведенного анализа официальных страниц красноярского отделения «АМОР» в социальных сетях выяснилось, что члены азербайджанской молодежной организации «АМОР» ведут активную деятельность по сохранению азербайджанской культуры на территории Красноярского края. Помимо культурной сферы деятельности, члены организации также задействованы в участии, организации и проведении различных общественных мероприятий.

Метод интервью, также использовавшийся при проведении исследования, позволил узнать о деятельности красноярского отделения азербайджанской молодежной организации «АМОР» от представителей данной организации, от первого лица. Представленное ниже интервью дает наиболее подробную информацию о деятельности члена в структуре азербайджанской молодежной организации «АМОР» и о самой организации в целом.

В качестве респондента выступил студент Сибирского федерального университета, представитель азербайджанского этноса, живший и в Азербайджане, и в России:

«Я же получается вырос в Азербайджане, а в Россию переехал только в 2015 году. Я родился как бы в Красноярске в 2000 году, до четырех лет я здесь жил, но потом уехал, и с первого по девятый класс учился в Азербай-

джане, в Баку учился. Сначала даже не в Баку, а в деревне учился, а потом мы переехали в Баку».

Респондент является членом красноярского отделения «АМОР» с августа 2017 года и «АМОР СФУ» с апреля 2018 года.

«Впервые я стал членом организации «АМОР» в 2017 году, в августе 2017 года по приглашению бывшего председателя «АМОР» Красноярского края. Вот. А в «АМОР» в СФУ я стал участником, точнее членом в 2018 году, в апреле, так как до этого «АМОР СФУ» не было. «АМОР СФУ» как раз впервые создано, организация имеется в виду, в 2018 году в апреле месяце».

Будучи членом этих организаций, респондент занимал такие позиции, как участник (в красноярском отделении «АМОР» и в «АМОР СФУ»), организатор и председатель (в «АМОР СФУ»).

«Обязанность моя, когда я был председателем... обязанности у меня какие были. Я ходил еженедельно, то есть каждую неделю по понедельникам на собрание в Центр дружбы народов СФУ. Мы там обсуждали все мероприятия, которые у нас ожидалось и планы подготовки, то есть все нюансы обсуждали».

«А в "АМОРе" Красноярского края я всегда был участником, и до сих пор участник там. Обязанности, как распределял председатель "АМОР" Красноярского края, я по его распределениям занимал, так скажем, выполнял точнее, обязанности».

В ходе интервью респондент также рассказал о проводимых красноярским отделением «АМОР» традиционных азербайджанских праздников, которые ежегодно отмечаются уже на протяжении многих лет во Дворце труда и согласия Советского района Красноярска.

«Мы участвовали во многих мероприятиях. Ну, мы в основном, так скажем, отмечаем азербайджанские национальные праздники на территории Красноярского края, и в основном эти праздники мы отмечаем в Дворце труда и согласия Советского района по адресу улица Проспект Metallургов, дом 53, по-моему».

Респондентом были отмечены такие праздники, как Праздник граната, Новруз, 9 мая, День Республики Азербайджана и т. д.

«В Азербайджане ежегодно, если не ошибаюсь, 10 ноября отмечается праздник граната, и мы тоже продолжаем этот праздник здесь каждый год, каждый год отмечаем его во Дворце труда и согласия»; «на данное мероприятие могут

прийти абсолютно все. Начиная от детей до пожилых людей. Мероприятие проходит очень интересно, с конкурсами, с выигрышами, и детям всем каждый год собираются наборы подарков, и все получают по одному. А, ну, в подарках там что, там сок гранатовый, например, немного фруктов, шоколадки всякие. Короче, вот такие вот штучки, которые радуют детей. Вот. Это праздник граната».

«Следующее такое большое мероприятие – это, конечно же, праздник Новруз. Мы обычно проводим детский Новруз. Новруз – это азербайджанский праздник прихода весны. Каждый год очень масштабно даже в самом Азербайджане». «Мы отмечаем его 20 марта. Вот. И там так же. Мы во Дворце труда и согласия отмечаем детский Новруз. Тоже там конкурсы проводим, огромное количество подарков раздаем, сладости и так далее».

«Мы конечно же присоединяемся всегда 9 мая. То есть на парад выходим с героями Великой Отечественной Войны из Азербайджана, с плакатами героев». «Мы всегда на парад идем с ними, со всем Красноярском вместе».

«Потом мы отмечаем 28 мая День республики Азербайджан, мы отмечаем, да, получается тоже во Дворце труда и согласия».

Что касается «АМОР СФУ», то там также проводились различные мероприятия, на основании полученных в ходе интервью ответов можно выделить специфику данных мероприятий. Они направлены на участие национально-культурных объединений СФУ в международных и межнациональных мероприятиях, а также на установление крепкой дружбы между народами Красноярского края, устранение возможности возникновения конфликтных ситуаций между ними.

«Как я стал председателем ["АМОР СФУ"], получается в ноябре 2018 года, сразу же были подготовки к шоу-конкурсу, ежегодно проходит в Конгресс-холле в СФУ. И вот, там участвуют все национальные объединения, которые в СФУ есть. И там каждый год разные номинации. Меняется, конечно же, каждый год структура, но в основном, если обобщить, то каждый народ показывает номер».

«В "АМОР СФУ" я еще участвовал, получается, весной прошлого года в мероприятии, которое было посвящено борьбе с терроризмом. Там нужно было делать площадку каждого народа. "#ЩИТ Антитеррора" [молодежная площадка в рамках Всероссийского форума «Современные системы безопасности – Антитеррор»], вроде, так называется мероприятие».

Вступление в «АМОР» Красноярского края произвело положительное впечатление на респондента и позволило ему получить огромный опыт работы с людьми, организации мероприятий.

«Вообще это [членство в организации "АМОР" и "АМОР СФУ"] на меня повлияло очень хорошо. Я познакомился с разными людьми, у меня есть опыт проведения всяких мероприятий. Я до этого вообще не знал, как можно мероприятие провести».

«Я, конечно же, познакомился с разными людьми. Я познакомился, например, с главой диаспоры азербайджанцев в городе Красноярске, с Талехом Махмудовым. Я с ним познакомился и понял всю структуру всего этого [диаспоры, молодежной организации "АМОР"]».

«Если бы не "АМОР", то я бы с важными азербайджанцами не был бы знаком. У меня сейчас хорошие, тесные связи с ансамблем вот этим, азербайджанским ансамблем, которые до сих пор выступают, которые являются, так скажем, первым за границей Азербайджана государственным ансамблем, это тот самый азербайджанский ансамбль "Одлар Юрду" в Красноярске. Я с этим ансамблем тесно знаком, до сих пор общаюсь, потому что я член "АМОР"».

Более того, респондент отмечает, что членство в «АМОР» позволило ему расширить свои знания о родной азербайджанской культуре, узнать больше традиций и обычаев своего народа.

«Например, если честно, я не знал вообще до этого, до того, как я стал членом "АМОР", я не знал, что есть День граната вообще. Я знал, что есть, но не знал, что его так отмечать надо, вообще какого числа этот День граната проводится и так далее. Вот это первое знание, которое я получил от "АМОР"».

«Я не знал, что есть, например, День народов Кавказа, который проводится ежегодно 5 декабря каждого года, и азербайджанцы тоже входят в кавказские народы. И у каждого народа в каждый год своя очередь получается. И очередь Азербайджана была в 2015 году. Поэтому в тот день прямо из Азербайджана приехал ансамбль, то есть азербайджанский государственный ансамбль приехал, очень знаменитые лица приехали на тот праздник из Азербайджана, чтобы представить Азербайджан на наивысшем уровне».

При этом респондент выразил восхищение тем фактом, что в Красноярском крае большое внимание уделяется всем этническим группам, проживающим на его территории, осуществляется поддержка со стороны властей и общества в сохранении культурного и этнического многообразия.

«Благодаря "АМОР" Красноярского края я узнал, что вообще есть в городе Красноярске, даже нет, в Красноярском крае. Есть Дом дружбы народов Красноярского края. Есть такое место, в котором есть почти все отделения народов Красноярского края, в том числе и азербайджанское есть».

В ответе на последний вопрос респондент отмечает, что для него чрезвычайно важно участвовать в жизни Азербайджана, представлять его интересы и сохранять культурное наследие азербайджанцев на территории Красноярского края.

«Для меня это значит, что я участвую в жизни Азербайджана в далеком Красноярском крае. Я всегда думаю так: я представляю интерес Азербайджана, я представляю культуру Азербайджана. У меня до сих пор связи есть очень хорошие с Баку, то есть с бывшими одноклассниками и т. д. Я им вот это все рассказываю, они все видят по Инстаграму моему, по историям, по постам в Инстаграме. Они это тоже видят, оценивают, спрашивают: "Нифига себе! Даже в пяти тысячах километров от Азербайджана представляют Азербайджан. У вас сувениры есть. Вы не забыли традиции своего народа, свою культуру не забыли там". Вот им тоже это очень приятно, что про Азербайджан не только в Азербайджане знают, даже в далекой Сибири про Азербайджан знают люди. Вот. Я, когда слышу вот такие слова, аргументы, комментарии, мне становится очень приятно, что я делаю что-то».

Таким образом, результаты интервью с членом красноярского отделения «АМОР» и «АМОР СФУ» подтверждают результаты, полученные в ходе анализа официальных страниц красноярского отделения «АМОР» в социальных сетях.

Заключение. На основании полученных в ходе исследования результатов применения методов контент-анализа и интервью выяснилось, что красноярское отделение азербайджанской молодежной организации «АМОР» вносит большой вклад в сохранение азербайджанской культуры на территории Красноярского края. Данная организация содействует продолжению и соблюдению традиций и обычаев азербайджанского народа через реализацию различных культурных практик, которые способствуют сохранению этнической идентичности азербайджанцев Красноярского края. Более того, деятельность красноярского отделения «АМОР» не ограничивается культурной сферой. Они в равной степени уделяют внимание общественной, благотворительной, спортивной и образовательной деятельности, стремятся создать для членов своей организации среду для их всестороннего развития. Также стоит отметить, что красноярское отделение «АМОР» активно сотрудничает с другими организациями, в том числе и с национально-культурными объединениями этносов, проживающих на территории Красноярского края, что показывает их открытость к диалогу с представителями разных культур и стремление к укреплению дружбы, доверия и взаимопонимания между народами.

Таким образом, члены красноярского отделения «Азербайджанской молодежной организации России» не только помнят и сохраняют историческое и культурное наследие азербайджанского народа, но и способствуют развитию и процветанию многонационального и мультикультурного общества Красноярского края, в котором они живут.

Список литературы

1. Авдеева Ю. Н. Культурная память мигрантов Красноярского края и процессы этнической самоидентификации // Журнал Сиб. федер. ун-та. 2018. № 11 (6).
2. Гасанова Ф. А. Формирование этнической идентичности азербайджанской молодежи посредством социальных медиа // Форум молодых ученых. 2018. № 11 (1). С. 437–442.
3. Евдокимов А. И. Этнокультурная идентичность в социокультурном пространстве полиэтничного региона: философско-антропологический анализ // Общество: философия, история, культура. 2019. № 8 (64).
4. Мухлынкина Ю. В. К вопросу формирования этнической идентичности // Научный вестн. МГТУ ГА. 2015. № 215 (5).
5. Оглы Р. К. И. Роль национальных молодежных объединений Красноярского края в деле укрепления единства российской нации // The Newman in Foreign policy. 2017. №. 36 (80).
6. Официальный сайт азербайджанской молодежной организации в России. URL: <http://amor.az/> (дата обращения: 12.08.2020).
7. Проказина Н. В. Этническая толерантность в региональной молодежной среде // Вестн. Поволж. ин-та управления. 2016. № 2 (53).
8. Роговая А. В. Роль национально-культурных автономий и национально-культурных общественных организаций этнических групп в региональном социуме // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость. 2016. С. 2822–2833.
9. Рустамзаде К. И. О. История формирования и деятельность Азербайджанской национально-культурной автономии на территории Западной и Восточной Сибири в 1990–2016 гг. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 90 с.
10. Слаутин Ю. А., Полевщиков И. С. Особенности создания типового веб-портала национально-культурной автономии // Инженерный вестн. Дона. 2015. № 3.
11. Смирнова А. В. Роль молодежных организаций в формировании этнической идентичности (на примере молодежных организаций и движений МО «Завьяловский район») // XLVI итоговая студенческая науч. конф. Удмурт. гос. ун-та. 2018. С. 264–265.
12. Эндрюшко А. А. «Разум в России, душа в Азербайджане»: идентичности азербайджанских иммигрантов в России // Вестн. Ин-та социологии. 2019. Т. 10, № 4.
13. Этноатлас Красноярского края. 3-е изд., перераб. и доп. Красноярск: Изд-во «Полицор», 2018. 240 с.

СЕКЦИЯ 3

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

УДК 021:659.13:004

В. Л. Шуников

Кандидат филологических наук, доцент Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия

ИГРОВАЯ ПОЭТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЕЕ ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В РКИ

Освоение иностранцами русского языка в высших образовательных учреждениях сопряжено с изучением русской литературы. Помимо курсов, посвященных литературному процессу XIX и XX веков, многие студенты выбирают дисциплины, связанные с современной прозой, драмой, лирикой. Интерес иноязычных учащихся к актуальным литературным феноменам и тенденциям определяет качественно новые методические вызовы: как сделать эффективным изучение художественной словесности конца XX – начала XXI века, помочь студентам осмыслить инновационную, во многом экспериментальную поэтику «искусства речи» в наши дни – и одновременно с тем развить их языковые компетенции?

Одним из факторов, определяющих своеобразие новейшей литературы, является влияние на нее цифровых технологий: оно определяет характер взаимодействия читателя с литературным произведением, что может стать дидактическим ресурсом в курсе РКИ.

Говоря о цифровизации, мы в первую очередь думаем о влиянии на литературу мировой информационно-коммуникационной среды Интернет. В 1994 году происходит регистрация домена высшего уровня «RU», благодаря чему возникает «Рунет» (русскоязычный сегмент Интернета), в нем – «РуЛинет» (русскоязычный литературный Интернет).

С одной стороны, в сети начинают размещать созданные ранее литературные произведения, научные и критические тексты, им посвященные, материалы об авторах, архивные документы и пр. Оцифровка литературных текстов идет активно, в настоящее время в сети можно найти собрания сочинений авторов – классиков литературы XIX и XX веков, более ранних эпох, а также наших современников. Один из проектов, популяризирующий литературу в сети, – «Год литературы», работающий с 2015 года (<https://godliterature.ru/>). В том числе на этом портале размещены тексты русской словесности, прочитанные вслух

деятелями искусств. Использование этих ресурсов продуктивно для освоения иностранцами русскоязычной интонации на материале классических текстов.

С другой стороны, тексты создаются сразу в сети. Здесь начинается «постгутенберговская культура и цивилизация» (А. Генис), в которой качественно меняется представление о художественном произведении, его языке, творческой деятельности писателя и читателя. С распространением мессенджеров творческая активность «перекочевала» туда – появились литературные телеграмм-каналы, посвященные как классикам, так и творчеству малоизвестных современных авторов. Представлены не только тексты, но и сами авторы. Оригинальная, игровая форма подачи информации может увлечь самую разную аудиторию: на канале <https://tigrm.ru/channels/%40chekhovpishet> создается иллюзия, что учащиеся стали адресатом писем А. П. Чехова, можно даже видеть писателя (точнее, актера, который играет Чехова), читающим свои послания (<http://telesco.pe/chekhovpishet/1336>).

Вообще, нам в этом пространстве нелегко сориентироваться. Разные ресурсы становятся литературными «навигаторами», помогающими решить эту проблему: литературные газеты и журналы (например, <http://magazines.russ.ru/>), сайты издательств, рекомендации литературных обозревателей, литературные премии. Но сейчас эта опция уходит в сеть: появляются лонгриды (в форме которых представляют и подборки художественных текстов), мастриды – тексты как для повседневного чтения (*book a day*), так и наиболее знаковые (по мнению авторов этих списков). Заметим, что рекомендуют далеко не только литературные произведения, но и их в том числе.

Иностранным учащимся, владеющим русским языком на хорошем уровне (высокий В1 или В2), можно предложить самим составить мастриды, объяснить, почему они рекомендуют эти тексты. Это задание успешно встраивается в изучение самых разных тем – от рассказа о своем круге интересов до представления истории своей страны, ее современного образа жизни и пр. Очевидно, что помимо языковых компетенций такие задания будут способствовать развитию межкультурной коммуникации, они сближают иностранцев и носителей языка.

Еще один зрелищный прием, используемый современной медиаиндустрией, – это создание буктрейлеров. Буктрейлер – короткий видеоролик, который знакомит читателя с произведением. Цель буктрейлера – увлечь аудиторию книгой, для чего в ролик включаются наиболее яркие цитаты из текста, они сопровождаются тематическим видеорядом: фотографией обложки, иллю-

страциями к производству, фрагментами экранизации текста, если таковая есть. Буктрейлеры в изобилии представлены в сети, причем как для современных, так и для классических произведений. Можно начать с работы с теми буктрейлерами, что уже созданы и размещены на различных сайтах (например, на ресурсе <http://www.booktrailers.ru>), используя их как дайджест литературных произведений. Короткие фрагменты оригинального литературного текста удобны для чтения и анализа с группами, владеющими языком на базовом уровне. Визуальный ряд делает содержание текста «наглядным» и вместе с тем мотивирует иностранцев читать русскую литературу.

Тем, кто владеет русским языком на более высоком уровне, можно предложить сделать собственный буктрейлер. Практически всегда такого рода задания выполняются учащимися увлеченно, позволяют получить весьма неожиданные трактовки текстов и увидеть, что особенно значимо в русской литературе для современной молодежи разных стран.

Интернет не только формирует новую среду для существования художественной словесности, но и порождает сетевую литературу – тексты, которые создаются по принципам интернет-коммуникации и могут полноценно функционировать только в мировой паутине. Эти произведения отличает:

- гипертекстовость;
- мультимедийность (активное вкрапление в вербальный текст нетекстуальных элементов: музыки, изображений, видео);
- наличие множества субъектов высказывания (авторов текстов).

Ряд таких проектов включает в творческий процесс и читателя, делая литературную игру тотальной: любой из нас может принять участие в создании того или иного корпуса текстов (на выбор предложен широкий спектр жанров, в основном поэтических – буриме, сонет, хокку, новый жанр танкетка по аналогии с танка, лимерик и пр.).

Иностранцы учащиеся, как и российские студенты, в случае достаточной филологической подготовки «играют» в литературу, создавая тексты разных жанров на соответствующих ресурсах. Пусть это не носит массовый характер, но становится еще одним способом освоения языка.

По распространенности в сети на первом месте – блог-литература – жанр личного дневника, который понимается весьма широко. Исходной его формой были записи в «Живом Журнале», затем добавились площадки: «Фейсбук» и «Твиттер», «Одноклассники» и «ВКонтакте», наконец, иконические образы из «Инстаграма». В частности, один из авторов подобного рода сочи-

нений, Дмитрий Бавильский, использует разные платформы, что определяет его литературную технику. При создании романа-травелога «Музей воды. Венецианский дневник эпохи Твиттера» он действовал так: в начале дня размещал посты в «Инстаграме» и твиты, в которых делился образами и наблюдениями (сколько стоят билеты в музей или чек из продуктового магазина), далее появлялись ФБ-посты – экспресс-рецензии, а замыкали ту или иную часть поездки тексты в «Живом Журнале».

Блог делает проницаемой среду литературных творцов: происходит обращение авторов бумажной литературы к этому жанру, и вместе с тем издания известных блогеров в книжном формате представляются как романы.

Предлагать студентам читать такие тексты стоит, если они владеют русским языком в объеме В2 и/или готовятся к сдаче экзамена на первый сертификационный уровень. Можно поставить перед студентами задачу создать свой собственный блог: опираясь на описанный выше алгоритм, рассказать о прошедшем дне, о своем путешествии, о том, как провели каникулы.

Иной жанр, актуализируемый блогом, – письма своим интернет-собеседникам – «друзьям» («френдам»). Можно предложить студентам объединиться в пары/тройки, выбрать темы для обмена сообщениями, организовать такого рода переписку.

При этом нужно отметить особенности блог-сообщения, отличающие его от классического письма. Записи в Интернете чаще всего лаконичны, посвященные либо биографии, либо жизненным наблюдениям, либо медитативным размышлениям. Они рассчитаны на реакцию читателей, но она для них необязательна; каждое высказывание воспринимается как самоценное, не требующее для понимания контекста.

Важный аспект в стилевом плане является то, что в блогах размываются границы между устной и письменной речью. Данная тенденция в языке оценивается далеко не однозначно, но может быть использована для освоения иностранцами современной русской разговорной речи, в том числе идиоматики.

В силу того, что блоги преимущественно связаны с личной историей пишущего, его рефлексией себя и мира, можно смоделировать такого рода сюжеты. Студентам можно предложить карточки с описанием черт личности, образа мысли и жизни разных людей, разделив их характеристику в прошлом и настоящем. Рассказывая друг другу о своем герое, студенты должны найти свою пару. После того, как все пары выявлены, учащиеся могут обсудить, ка-

кие перемены произошли в жизни их персонажа. Это может быть представлено как в форме устного рассказа или диалога, так и в письменном тексте.

В сети сочетаются авторское и чужое слово: например, в записях Линор Горалик в «Твиттере» и на «Фейсбуке» соединяются новостные сообщения и комментарии писательницы, идущие под хештегом «#Даже ... Постыдился Бы». Вот пара примеров.

В Хакасии пенсионеру на голову упал мертвый бык. Машина сбила быка, бык отлетел на обочину, по обочине шел пенсионер. Пенсионер, к счастью, отделался мелкими травмами...

#Даже_Хармс_Постыдился_Бы

чешские грибники нашли в лесу огромную игуану.

#Даже_Пелевин_Постыдился_Бы, Причем Ранний

В первой части этих сообщений мы видим изложение факта, тяготеющее по своей стилистике к анекдоту: представлен казусный случай из жизни, при этом художественность данного текста под вопросом. Ее придает высказыванию вторая часть, в которой данный случай Горалик соотносит с поэтикой того или иного автора, вписывает в литературную традицию. Вместе с тем ироничность этого комментария представляет некий универсальный принцип – эстетический и оценочный.

Такого рода тексты знакомят иностранцев с современными авторами, упоминаемыми в хештегах, позволяют эмблемно представить особенности их индивидуального стиля. Естественно, что подобного рода наблюдения интересны весьма ограниченному кругу иностранных студентов, в основном тем, кто изучает филологию, культурологию.

Более широко востребованным может быть иной методический прием: на данных или иных примерах можно обсудить соотношение текста и хештега. Последний может указывать на тематику сообщения, выражать его оценку автором, отношение к сказанному.

В силу этого можно подобрать тексты самой разной тематики и лексического наполнения, необходимые преподавателю, и предложить студентам придумать для них хештеги. Учащиеся и сами могут создать те или иные тексты и хештеги для них или же предложить своим одноклассникам подобрать для этих текстов «надписи с #».

Помимо сетевых экспериментов на литературу оказывают влияние и иные цифровые феномены: Интернет порождает виртуальный мир, который генерирует индустрия компьютерных игр. Возможность не только вообразить

альтернативную реальность, прочитав о ней, а увидеть ее на экране, погрузиться в нее в процессе игры, едва ли не оказаться внутри благодаря технологиям 3D, 5D и иным становится еще одним мощным фактором, влияющим на литературу и иные искусства. При этом, как можно заметить, идет активное взаимодействие компьютерной игры, визуальных искусств и литературы: как на основе книги могут быть сняты фильмы и возникнуть шутеры, «ходилки», стратегии (спектр жанров весьма разнообразен), так и наоборот.

Технологию создания литературного произведения в соответствии с компьютерной игрой эксплицирует Б. Акунин в его романе «Квест», который входит в серию этого автора «Жанры». Текст романа существует в двух вариантах – бумажном и электронном.

Композиция текста указывает на то, что это вербализация компьютерной игры: произведение открывается главой «Правила игры», где объяснены принципы взаимодействия с этим произведением читателя. Далее текст поделен в соответствии с композицией компьютерной игры жанра «квест»: *profile* – презентация главного героя, *tutorial* – обучающий этап игры, *levels* – уровни прохождения игры. При этом при каждом переходе с уровня на уровень читателя-игрока ждет испытание, и в случае неудачи игра будет проиграна (*game over*).

Новеллизация игр меняет и образ литературного персонажа: герой как виртуальное *alter ego* игрока может быть наделен набором автономных характеристик: силой, интеллектом, ловкостью, шармом/харизмой, выносливостью и т. д. Разные персонажи имеют разную степень разработанности характеристик, поэтому тот или иной выбор игрока определяет его тактику в игровом процессе.

В рамках курса РКИ можно смоделировать вымышленный мир, в котором учащиеся выберут интересные для себя роли, виртуальные маски. На этой основе могут быть поставлены самые разные методические задачи:

- описать образ жизни персонажа, его историю, цели, стремления, то, что он любит/не любит делать и т. д.,
- угадать по описанию, о каком из персонажей идет речь (при работе в группе),
- смоделировать поисковую игру – где был персонаж, как и почему он передвигался по миру, кто из других героев и когда, при каких обстоятельствах с ним взаимодействовал.

Нет только геймификация, но и визуализация литературы – еще один тренд последних десятилетий, который обуславливают в том числе цифровые

технологии. В начале XX века Ю. Н. Тынянов в статье «Иллюстрации» обозначил принципиальную границу между образом вербальным и визуальным. Однако современная словесность активно соединяет их в одном пространстве интернет-страницы или на бумаге, равно как стремится соединить словесный образ и звучащий.

Цифровизация ведет к пересмотру того, что может стать языком литературы. Слово может соседствовать с иконическими знаками, так называемыми эмодзи. В частности, Субхат Афлатуни вводит в свой рассказ «Проснуться в Ташкенте» смайлики, имитируя современный дискурс электронных сообщений.

Язык эмодзи весьма продуктивен для изучения русского языка иностранцами: можно предложить иностранным студентам записать вербальный текст значками этого языка, что может стать хорошим мнемоническим приемом – способствовать запоминанию новых слов и конструкций, – либо же прочитать текст, составленный из смайликов, по-русски. Помимо актуализации и расширения словарного запаса данные виды заданий способствуют развитию языковой «догадки», проявлению креативных способностей учащихся.

Бесконечность литературного текста в сети рождает еще один интересный феномен – сочинения тех, кто увлечен тем или иным произведением, созданные с использованием образов героев и мира, мотивов этого текста. В литературоведении появился целый набор терминов, описывающих данный феномен: его именуют фан-фикшн, сочинителей таких текстов – фикрайтерами, корпус произведений – фандомом, а его художественные принципы – фаномом. Тематика этих произведений определяется стремлением создать предысторию (приквел), придумать продолжение понравившегося сюжета (сиквел), прописать какие-либо сюжетные подробности, недостаточно ясно обозначенные в художественном «первоисточнике», или представить их альтернативную версию. Формируются весьма масштабные корпуса текстов, естественно, что они возникают по популярным произведениям, причем не только литературного, но и кино-, телеискусства (на сайте <http://ficbook.net> представлены фандомы по популярным текстам и сериалам).

Возможно, среди студентов-иностранцев вашей группы окажутся авторы подобного рода сочинений. Но в любом случае при изучении литературных текстов можно предложить обучающимся придумать продолжение или предысторию того или иного литературного сюжета, написать альтернативный вариант развития событий. Можно также поразмышлять над тем, как это изменит образ героя и мира, его восприятие читателем.

Приведенные в статье рекомендации носят сопутствующий характер, позволяя совместить изучение новейшей литературы с развитием языковых компетенций. Типы заданий позволяют развивать все виды речевой деятельности, расширяют словарный запас, могут быть совмещены с освоением разных лексико-грамматических тем. Все это обеспечивает комплексную подготовку учащихся-иностранцев – постижение русского языка в процессе знакомства с новейшей российской литературой.

Список литературы

1. Epstein M. N. Textonics: An introduction to electronic philology // Slovo.ru: Baltic accent. 2019. Vol. 10, № 4. P. 59–71.
2. Абашева М. П., Катаев Ф. А. Русская проза в эпоху Интернета: трансформации в поэтике и авторская идентичность. Пермь, 2013.
3. Абашева М. П. Новые стратегии письма и чтения в эпоху социальных сетей // Филологический 44 класс. 2018. № 2 (52). С. 43–48.
4. Ахренова Н. А. Основные способы классификации жанров интернет-дискурса // Вестн. ЧПГУ. 2009. № 9. С. 166–174.
5. Федорова М. А., Чурилова И. Н. Игровые методы как средство оптимизации образовательного процесса при обучении РКИ во взрослой аудитории // Ученые записки ЗабГУ. 2017. Т. 12, № 6. С. 110–114.

УДК 81.161.1

О. А. Гаврилюк¹, Е. Ю. Андрюшкина², Ю. В. Попова²

¹ Кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой латинского и иностранных языков Красноярского государственного медицинского университета имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого, Красноярск, Россия

² Преподаватель кафедры латинского и иностранных языков Красноярского государственного медицинского университета имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого, Красноярск, Россия

ОРГАНИЗАЦИЯ АДАПТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА

В современных условиях интернационализации высшего образования и развития экспорта образовательных услуг перед российскими университетами стоит задача поиска оптимальных путей адаптации и интеграции иностранных студентов в культурно-

образовательное пространство вуза и региона, в котором он находится. В статье рассмотрены особенности организации интенсивного адаптационного курса русского языка как иностранного на примере КрасГМУ им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого. В основу разработанной модели адаптивного обучения иностранных студентов в медицинском вузе лег ряд подходов к организации обучения русскому языку как иностранному: контекстный, межкультурный, деятельностный, междисциплинарный, автономно-ориентированный и герменевтический. Цель предложенной модели – адаптация иностранных студентов к обучению в медицинском вузе. Модель подразумевает комплекс теоретических и практических занятий, а также внеурочную работу студентов. В качестве промежуточной оценки эффективности работы по данной модели использован метод самооценки студентов, метод экспертной оценки, формы обратной связи с обучающимися, а также промежуточное контрольное тестирование по русскому языку как иностранному. Результатом применения предложенной модели является формирование как речевых навыков, так и универсальных компетенций, необходимых для дальнейшей учебы в российском вузе.

Ключевые слова: адаптивное обучение, медицинское образование, русский язык как иностранный, иностранные студенты, адаптация.

Within the framework of globalization processes in higher education and development of international student programs, Russian universities are looking for optimal ways to adjust and integrate international students into the cultural and educational environment of the university and the region of its location. The article considers the details of the implementation of an intensive adaptive course of Russian as a foreign language for international medical students using the example of the Prof. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University. The developed model of adaptive teaching Russian for international medical students is based on a set of approaches underlying teaching Russian as a foreign language (contextual, intercultural, activity-based, interdisciplinary, autonomy-oriented, and hermeneutical). The purpose of the proposed model implementation is to facilitate international students' adjustment to university environment. The model suggests the combination of theoretical and practical classes, as well as extracurricular activities. Intermediate evaluation of this model performance included students' self-assessment, expert assessment method, as well as analysis of students' feedback forms and mid-term tests in Russian as a foreign language. The implementation of the proposed model allows for the development of both language skills and universal competences necessary for international students' further study at a Russian university.

Keywords: adaptive teaching, medical training, Russian as a foreign language, international students, adjustment.

Введение. Процессы глобализации в современном мире обуславливают немаловажную роль получения высшего образования за рубежом. Выгодное геополитическое положение, научный и экономический потенциал России,

а также высокий рейтинг отечественных университетов привлекают иностранных студентов. Факторами, способствующими академической мобильности из дальнего и ближнего зарубежья, выступают также интерес к культуре и языку, стремление к новому опыту, а также «экзотический» суровый климат (характерный, в частности, для Сибирского региона).

Ключевым звеном в адаптации новоприбывших студентов к жизни в новой стране является университет. Студентам необходимо адаптироваться к новым климатическим условиям, к новой культурной и социальной среде и условиям проживания, научиться самостоятельно решать бытовые вопросы. Помимо этого, обучающиеся сталкиваются с трудностями учебно-профессионального характера: многим из них приходится развивать недостающие навыки самостоятельной работы, дисциплины и самоконтроля.

Одним из важнейших моментов, связанных с адаптацией иностранных студентов, является преодоление языкового барьера. Ввиду географических и культурных факторов языковая адаптация обучающихся из стран СНГ происходит сравнительно легко. Намного больше трудностей испытывают студенты из дальнего зарубежья. Среди них можно выделить трудности восприятия повседневной русской речи на слух, а также проблемы адаптации к незнакомой системе языковых знаков (кириллице) и многоуровневому грамматическому строю. В повседневной речи студенты могут испытывать психологический барьер в виде страха совершить ошибку и оказаться неправильно понятыми. В учебной среде медицинского университета языковой барьер выражается, прежде всего, в отсутствии лексического запаса на русском языке в области общей и, тем более, узкопрофессиональной терминологии. Помимо этого, у иностранных студентов недостаточно фоновых общекультурных знаний для легкого освоения тех или иных предметных областей. Так, если русскому студенту понятна этимология словосочетания «веретенообразная кость», то для иностранца, не знакомого с понятием «веретено», понимание и запоминание данного термина вызовет определенные трудности.

Работая с иностранными студентами, преподаватели, в свою очередь, сталкиваются с рядом трудностей. Эти трудности можно разделить на четыре группы.

Первая группа – это трудности психолого-педагогического характера, связанные с необходимостью овладения целым рядом новых компетенций. Речь идет не только об этнической толерантности и компетенции межкультурного взаимодействия, но и о профессиональной автономности, которая

обеспечивает готовность преподавателя к работе в принципиально новых для отечественной системы высшего образования условиях необходимости выхода за пределы существующих опыта и знаний, преодоления стереотипов мышления, поведенческих штампов [1].

Вторая группа – это организационные трудности, которые связаны с высокой трудоемкостью персонификации обучения.

Третья группа – это методические трудности, связанные с выбором адекватных методов и средств организации обучения в межкультурной группе с обучающимися, для которых русский язык является иностранным. Выбирая для иноязычных студентов те же самые стратегии обучения, которые используются для работы с носителями русского языка, педагог может допустить ряд ошибок, которые негативным образом скажутся на качестве полученных знаний. Среди таких ошибок различают:

- преимущественное использование устных форм работы с применением сложных синтаксических конструкций, научных терминов без их дополнительного объяснения;
- преимущественное использование противоречащих культурным особенностям ряда студентов дискуссии и иных активных методов, требующих открытого высказывания своего мнения перед всей группой и преподавателем;
- отсутствие наглядности;
- планирование учебного времени без учета более низкого темпа работы данной категории обучающихся;
- запрет на использование иностранными студентами дополнительной, справочной литературы на занятии (учебники на иностранном языке, словари и т. п.);
- непонимание того, что освоение языка является сложным и длительным процессом, а языковые ошибки – его неотъемлемой частью.

Таким образом, целесообразно выбирать иные, адаптивные методы обучения для данной категории студентов. В узком смысле под адаптивным методом понимается разновидность технологии разноуровневого обучения. В широком понимании адаптивное обучение может быть рассмотрено как стратегия персонификации образования на основе повышения гибкости системы организации учебных занятий.

Методы. В качестве базы для исследования результативности организации адаптивного обучения русскому языку иностранных студентов выступил Красноярский государственный медицинский университет имени профессора

В. Ф. Войно-Ясенецкого. На кафедре латинского и иностранных языков с сентября по ноябрь 2020 года был организован интенсивный адаптационный курс для двух групп иностранных студентов Египта, Палестины и Ирака, приступивших к обучению в университете с использованием языка-посредника. Данный курс стал одним из основных компонентов разработанной на основе комплекса педагогических подходов модели адаптивного обучения иностранных студентов в медицинском вузе и включал цикл занятий по русскому языку как иностранному (РКИ) с элементами обучения культуре России и основам межкультурной коммуникации, а также серию культурных адаптационных мероприятий, организованных силами кураторов групп иностранных студентов и студентов-волонтеров. В рамках данного исследования была проведена промежуточная оценка эффективности работы по данной модели, для которой нами были использованы метод самооценки студентов, метод экспертной оценки (беседы с кураторами студентов), формы обратной связи с обучающимися, а также промежуточное контрольное тестирование по русскому языку как иностранному.

Результаты. Изучение психолого-педагогической литературы по проблемам адаптации иностранных обучающихся позволило нам выявить основные подходы и принципы построения модели адаптивного обучения иностранных студентов в медицинском вузе.

В качестве методологических оснований для построения модели адаптивного обучения иностранных студентов в медицинском вузе мы отобрали те подходы, которые характеризуются усилением профессионализации, повышением внимания к роли межкультурной коммуникации и ориентацией на личностную активность обучающихся. Такими основаниями выступили контекстный, межкультурный, деятельностный, междисциплинарный, автономно-ориентированный и герменевтический подходы.

Контекстный подход в первую очередь предполагает создание ситуации обучения, в которой иноязычная речевая деятельность будущих врачей выступала бы для них «средством решения профессионально-предметных задач» [2]. Кроме того, этот подход подразумевает и максимальную контекстуализацию языка с помощью использования всевозможных визуальных материалов для иллюстрации терминов, явлений, процессов, и т. д. [3, 4].

Межкультурный подход подразумевает предоставление обучающимся возможности выхода за пределы собственной культуры при условии сохранения их собственной культурной идентичности [5]. Он диктует необходимость

применения специально разработанных двуязычных учебных пособий, русско-английских тезаурусов по темам занятий дисциплины в самостоятельной работе студентов [6; 7], интернациональной терминологии, примеров на английском языке. Особо перспективной в этом отношении видится работа иностранных студентов в сотрудничестве с группой русскоязычных обучающихся, организация их взаимообучения и обмена информацией [8].

Деятельностный, или проектный подход предполагает погружение студентов в такие условия, при которых им необходимо принимать самостоятельные решения и делать обоснованные выводы, связанные с их будущей профессиональной деятельностью [6; 7]. Формами реализации деятельностного подхода могут выступать решение ситуационных задач, ролевые игры, выполнение проектов.

Автономно-ориентированный подход представляет собой создание такой образовательной среды, которая бы предоставляла возможности для самостоятельной, ответственной деятельности и осуществления выбора каждому обучающемуся с учетом его профессиональных интересов, опыта и возможностей, комфортных для него методов обучения и контроля знаний, а также темпа освоения необходимых профессиональных знаний и навыков [7; 9].

Междисциплинарный подход основан на применении группы методов, при которых отработка материала по теме дисциплины выходит за рамки одного предмета [10]. Подход предполагает отработку лексики по неязыковым дисциплинам на занятиях по русскому языку как иностранному, составление лексического минимума как организационного и управляющего компонента системы обучения тому или иному предмету в иноязычной аудитории.

Герменевтический подход позволяет понять смыслы изучаемых понятий, процессов и явлений с учетом преобладающего в той или иной культуре способа постижения мира [11; 12]. Такой подход особенно эффективен при работе с гуманитарными дисциплинами, однако существуют исследования, которые описывают применение герменевтической педагогики на занятиях по точным дисциплинам [13]. К данному подходу можно отнести создание герменевтических ситуаций на занятиях, которые способствуют пониманию студентами на уровне смыслов явлений русской культуры и профессиональной культуры медицинских работников; с помощью таких ситуаций студенты определяют общезначимые и профессиональные ценности через выявление раскрывающих их содержание смыслов. Данный

подход также предполагает многоступенчатую интерпретацию текстов по теме занятия.

С учетом характеристик рассмотренных подходов особенностями адаптационного курса для иностранных студентов КрасГМУ в рамках разработанной модели выступили: во-первых, связь между содержанием изучаемого в рамках занятий по РКИ материала, контекстом учебной деятельности в медицинском университете и тематикой культурных мероприятий; во-вторых, межкультурная направленность курса (изучение культуры и языка России через призму культуры и языка своей страны); в-третьих, акцент на личностную вовлеченность студентов в процесс организации обучения. В этом отношении наиболее эффективными стали индивидуальные и коллективные практико-ориентированные проектные задания (такие как, например, работа по созданию трехязычных (английский, русский и родной язык студента) глоссариев по основным дисциплинам учебного плана медицинского вуза (рисунок)). Также обучающиеся активно проводили свободное время, посетив культурные (музеи, библиотеки, театры), природные (национальные заповедники, парки), спортивные объекты и достопримечательности города вместе с кураторами. Египтяне приняли участие в Спартакиаде первокурсников КрасГМУ, вошли в сборную по футболу, а также будут защищать честь вуза на соревнованиях по шахматам.

В качестве промежуточной оценки эффективности работы по данной модели мы использовали метод самооценки, метод экспертной оценки (беседы с кураторами студентов), формы обратной связи с обучающимися, а также промежуточное контрольное тестирования по русскому языку как иностранному.

Контрольное тестирование включало 12 заданий в форме закрытых и открытых вопросов на знание и понимание грамматических правил и лексических единиц русского языка в рамках пройденного в первом модуле программы материала. Тест состоял из нескольких частей: аудирование, задания по грамматике и лексике и информативное чтение. По итогам теста конструктивный уровень освоения первого модуля программы РКИ продемонстрировали 26 % студентов, продуктивный – 66 %. Не справились с тестом 8 % студентов. Эти результаты были в целом по группе значимо выше тех, что студенты продемонстрировали при входном тестировании. Причиной низкого уровня овладения Модулем 1 курса РКИ мы считаем пропуски студентами занятий по болезни и уклонение от участия в адаптационных мероприятиях.

И наоборот, наиболее высокие показатели продемонстрировали студенты, принявшие активное участие в большинстве реализованных за период работы по данной модели учебных и внеучебных событий.

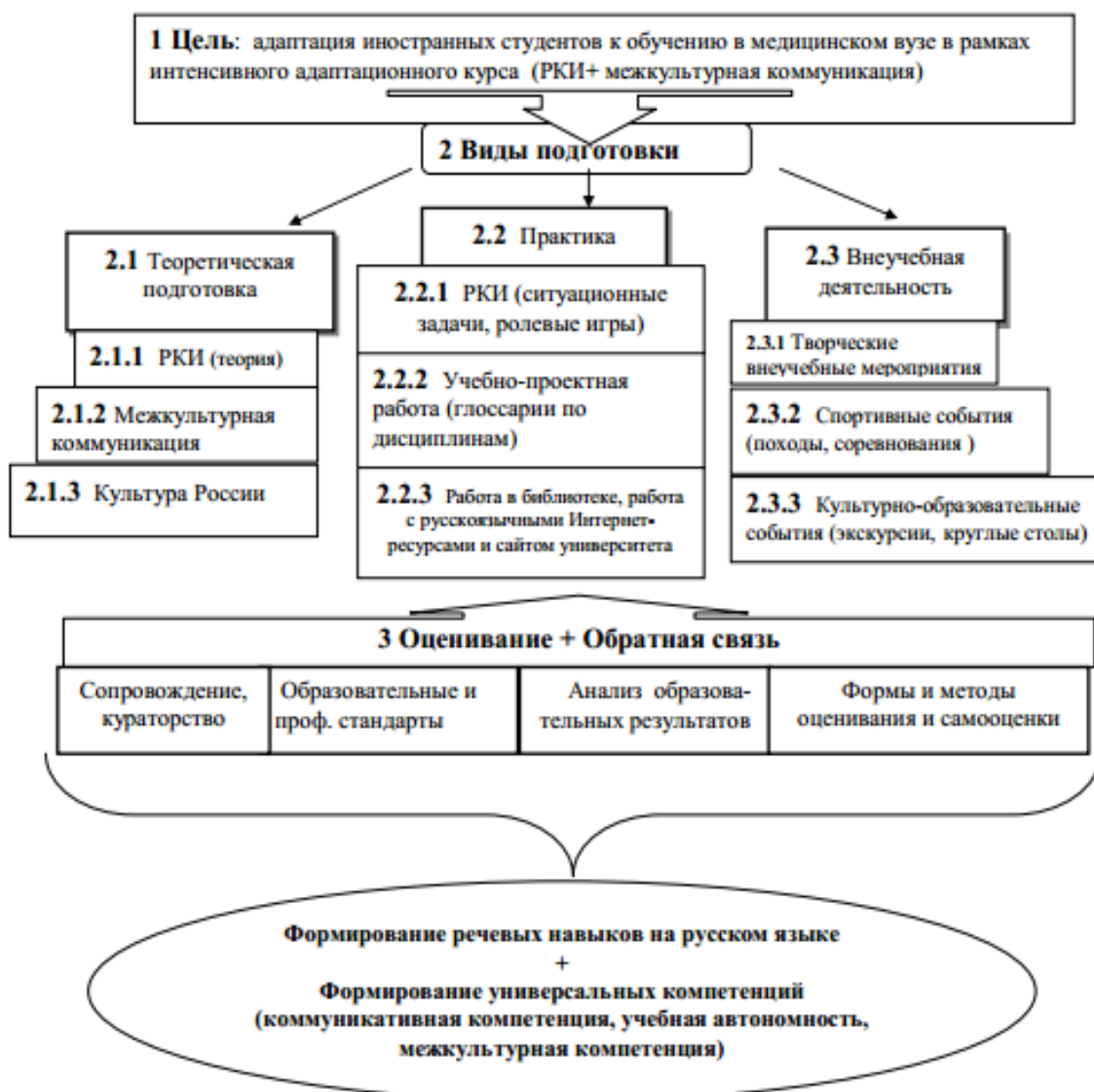

Рисунок. Модель адаптивного обучения иностранных студентов в медицинском вузе

На основе информации, полученной из форм обратной связи с обучающимися, мы оценили уровень удовлетворенности студентами качеством проведенных учебных и культурно-образовательных мероприятий как «высокий». Оценка навыков говорения была проведена в беседе с кураторами студенческих групп, которые обозначили результаты студентов с наиболее и наименее развитыми навыками говорения на русском языке.

Выводы. В современных условиях интернационализации высшего образования и развития экспорта образовательных услуг перед российскими университетами стоит задача поиска оптимальных путей адаптации и интеграции иностранных студентов в культурно-образовательное пространство вуза и региона, в котором он находится. В решении данной задачи участвуют кураторы групп иностранных студентов, студенты-волонтеры, сотрудники различных отделов и кафедр университета.

Системообразующей составляющей процесса подготовки иностранных студентов в медицинском вузе является применение комплекса адаптивных методов обучения в рамках организации их подготовки по русскому языку как иностранному.

Предварительные результаты работы по модели адаптивного обучения в Красноярском государственном медицинском университете свидетельствуют об актуальности включения студентов из-за рубежа в практико-ориентированную проектную и другие виды активной и интерактивной учебной деятельности в рамках обучения РКИ, изучения культуры России и основ межкультурной коммуникации, а также во внеучебную деятельность (участие в культурных и спортивных мероприятиях, занятия в кружках и секциях университета).

В свою очередь, эти компетенции формируются как на занятиях, так и вне аудиторий в социальном пространстве – для иностранцев очень важно постоянное присутствие в языковой среде. Сплочение группы, общение студентов между собой и студентов с преподавателем, куратором, волонтерами из числа русских студентов происходит в том числе онлайн с использованием мессенджеров и социальных сетей.

Таким образом, разработанная модель обеспечивает:

- поддержание внимания иностранных студентов к культуре и языку России;
- регулярность погружения иностранных обучающихся в культурно-языковую среду;
- своевременный и персонифицированный контроль уровня овладения студентами русским языком;
- мотивацию студентов к коммуникации на русском языке как средству личностно-профессионального развития;
- атмосферу гуманного, личностно-ориентированного общения и продуктивного сотрудничества.

Безусловно, наряду с формальной учебной и внеучебной работой, высокие результаты достигаются и через продуктивные формы неформального

образования (использование различных онлайн-ресурсов, внеучебное общение с кураторами, другими студентами и преподавателями университета), основы которого закладываются в рамках адаптационного курса через формирование универсальных компетенций (коммуникативная компетенция, учебная автономность, компетенция межкультурного взаимодействия).

Список литературы

1. Гребенникова И. А. Адаптация иностранных студентов: механизм и факторы // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-inostrannyh-studentov-mehanizm-i-factory>.
2. Вербицкий А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. М.: Высш. шк., 1991. 256 с.
3. Чистяков М. В., Снегирева Л. В. Способы активизации обучения физике иностранных студентов медицинского университета // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Социология. Педагогика. 2016. № URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-aktivizatsii-obucheniya-fizike-inostrannyh-studentov-meditsinskogo-universiteta>.
4. Сатива Гамбоа С., Добряева И. С. Методы адаптивной интеграции иностранных студентов, обучающихся на неязыковых специальностях, в образовательной среде Сибирского федерального университета // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы: материалы Междунар. науч. конф. Красноярск. 28 ноября 2019. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. 296 с.
5. Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам. СПб: КАРО, 2005. 352 с.
6. Новикова Л. Н., Курилов И. И., Ашуйко В. А. Организация процесса обучения химии иностранных студентов // Высшее техническое образование. 2014. № 8. 172 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-protsesta-obucheniya-himii-inostrannyh-studentov>.
7. Крылов Е. Г. Особенности обучения иностранных студентов инженерным дисциплинам // Высшее образование в России. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-obucheniya-inostrannyh-studentov-inzhenernym-distiplinam>.
8. Горшков Е. А., Атрощенко С. А., Первушкина Е. А. Особенности организации обучения иностранных студентов в смешанных группах // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2. 75 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-organizatsii-obucheniya-inostrannyh-studentov-v-smeshannyh-gruppah>.
9. Гаврилюк В. В., Трикоз Н. А. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации (поколенный подход) // Социологические исследования. 2017. Т. 21, № 3 (88). С. 360–370.
10. Лизунова И. И. Некоторые аспекты обучения иностранных студентов биологии // Полилингвальность и транскультурные практики. 2007. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-obucheniya-inostrannyh-studentov-biologii>.
11. Терещенко Т. М., Овсянникова И. Г. Особенности применения герменевтических методов в процессе преподавания русского языка как иностранного // Изв. ВГПУ. 2018.

- № 1 (124). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-primeneniya-germenevticheskikh-metodov-v-protssesse-prepodavaniya-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo/>
12. Закирова А. Ф. Концептуальные основы герменевтической интерпретации педагогического знания // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2005. № 3. С. 8–18.
13. Гоца Н. И. Методические рекомендации для построения международного курса по математике в условиях реализации герменевтического подхода // Вестн. Север. (Арктического) федер. ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskie-rekomendatsii-dlya-postroeniya-mezhdunarodnogo-kursa-po-matematike-v-usloviyah-realizatsii-germenevticheskogo-podhoda>.

УДК 303.446.23:82.0

М. Г. Смолина

Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и искусствознания Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

ОСВОЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В РАМКАХ ИЗУЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КРИТИКА»

Предмет данной статьи – освоение элементов межкультурной коммуникации будущих специалистов в области истории искусства в процессе изучения предмета «Художественная критика». В курсе автор опирается на методологию визуального мышления (В. И. Жуковский), теорию изобразительного искусства урало-сибирской школы искусствознания (Н. П. Копцева, В. И. Жуковский), а также на представления о культуре как идеалообразующей стороне жизнедеятельности людей (Д. В. Пивоваров), в статье осуществляется опора на теорию символической интеракции (Д. Мид), культурной антропологии (Ф. Клакхон и Ф. Стродбек). Межкультурная коммуникация понимается как взаимообмен сообщениями участников с ярко выраженными культурно обусловленными ценностными очертаниями посредством определенных символов. От освоения основ межкультурной коммуникации зависит успех многих событий, в том числе событий в деятельности ученого-гуманитария, профессионала в области искусства. Курс «Художественная критика» преподается в магистратуре и предназначен как раз для работающих в сфере искусства и культуры. Так, магистранты направления «Истории искусств» являются потенциальными или действительными сотрудниками галерей, музеев, художественных школ и т. д. В рамках курса действуют практические и лабораторные занятия, которые предполагают работу по организации интервью художника, и на практике интервью студенты сталкиваются с яркими представителями

разных культурных сообществ. Более того, следует отметить необходимость писать в разных жанрах художественной критики приобщает их к письменным традициям коммуникации и развитию дискурсивных стратегий, языковой вариативности. Материал искусства открыт для исследований в русле кросс-культурной коммуникации: дает возможность размышлять об одном феномене в разных культурах.

Ключевые слова: арт-критика, образование, искусствоведение, искусство, культура, андрогогика, высшее образование, магистратура, межкультурная коммуникация.

The subject of this article is the development of elements of intercultural communication of future specialists in the field of art history in the process of studying the subject "Art criticism". In the course, the author relies on the methodology of visual thinking (V. I. Zhukovsky), the theory of visual arts of the Ural-Siberian school of art history (N. P. Koptseva, V. I. Zhukovsky), as well as on the idea of culture as an ideal-forming side of people's life (D. V. Pivovarov), in the article the author founds on the theory of symbolic interaction (D. Mead), cultural anthropology (F. R. Kluckhohn, F. L. Strodbeck). Intercultural communication is understood as the interchange of messages between participants with pronounced culturally determined value outlines through certain symbols. The success of many events depends on mastering the foundations of intercultural communication, including events in the activities of a humanities scientist, a professional in the field of art. The course "Art Criticism" is taught in the magistracy and is intended just for those working in the field of art and culture, so the master's students in the direction of "Art History" are potential or actual employees of galleries, museums, art schools, etc. Within the framework of the course, there are practical and laboratory classes that involve the work of organizing an interview with an artist, and in practice, interviews students encounter prominent representatives of different cultural communities. Moreover, it should be noted the need to write in different genres of art criticism introduces them to the written traditions of communication and the development of discursive strategies, linguistic variability. The material of art is open for research in the mainstream of cross-cultural communication: it makes it possible to reflect on the same phenomenon in different cultures.

Keywords: art criticism, education, art history, art, culture, androgogy, higher education, master's degree, intercultural communication.

Введение. Предмет исследования – освоение элементов межкультурной коммуникации будущих специалистов в области истории искусства посредством навыка художественной критики. Под межкультурной коммуникацией понимается в данном случае взаимодействие представителей разных культур через обмен культурными ценностями, информацией, сообщениями, что всегда приводит к неожиданным и ярким ситуациям, связанным с открытиями нового для себя каждой из сторон. В курсе автор опирается на методологию визуального мышления (В. И. Жуковский) [1], теорию изобразительного ис-

куства урало-сибирской школы искусствоведения (Н. П. Копцева, В. И. Жуковский [2]).

Отношение человека и мира. Американские культурные антропологи Флоренс Клакхон и Фред Стродбек [3] предложили методологию изучения культур разных народов. Основные различия культур, по их мнению, можно установить по таким параметрам, как оценка человеческой природы, отношение человека к природе, отношение к концепту времени, оценка активности и пассивности. Автором статьи были попытки использовать это при исследовании творчества Д. И. Каратанова (публикация на сайте «Сибирская заимка»), где анализировалось отношение зрителя и художественного пространства в его работах, далее в других статьях разрабатывалось отношение художника к северным инородцам, представление об их культуре, а также со студентами-магистрантами на курсе «Художественная критика» мы анализировали пейзажи, рассматривая их по этим параметрам согласия человека с природой, рассогласования его с природой. В коллективной статье, соавторами которой были студенты, проходящие курс по художественной критике, анализируется отношение человека и мира в живописном творчестве красноярского пейзажиста Б. Я. Ряузова. Авторы показывают две основные мировоззренческие проблемы, отраженные в творчестве сибирского художника: 1) конфликт «натуры» (первой природы) и «культуры» (второй природы, созданной человеком), 2) идиллия отношения человека и мира [4]. Данные параметры оказываются очень интересными критериями, по которым можно анализировать творчество художника и выявлять его культурно-ценностную ориентацию.

Вербальное и невербальное общение. Одна из важных с точки зрения развития межкультурной коммуникации практик дисциплины – это интервью художника как носителя эксклюзивной информации о его собственном творчестве. В практике магистрантов СФУ были интервью художников, которые в своем творчестве являются ярко выраженными представителями определенных культур. Для интервью в нашей многонациональной Сибири нередко выбираются художники – носители разных национально-культурных идентичностей. Например, интервью художника из Тувы Шоя Чурука, эвенкийской мастерицы Седип-Оол, графиков Г. Паштова и А. Пашт-Хана родом из Кабардино-Балкарии и Надежды Ивановой из Якутии. Данные интервью опубликованы на сайте «Содружество просветителей Красноярья» и газете «Новая университетская жизнь» (СФУ). Конечно, есть интервью, которые заостряют вни-

мание не на репрезентации национального в творчестве, а вообще на судьбах художников в условиях глобального мира. Очень часто художники несут традиции какого-то культурного пространства, определенного региона – Сибири или конкретного сибирского города. Все представители художественного мира, так или иначе, могут быть источниками для изучения культурных традиций и ценностей, вопроса идентичности, связанного с субкультурными группами, проблемой ассимиляции, межкультурного взаимодействия.

Базовыми элементами межкультурной коммуникации являются два встречных процесса – это демонстрация собственной культурной традиции, ценности, и понимание традиций и ценностей партнера. Символический интеракционист Д. Мид говорит о жесте как символе и основе успешного взаимодействия. При подготовке к интервью студенты проходят инструктаж, связанный с особенностями межкультурного диалога, которые скорее всего могут проявиться в процессе. К ним относятся разница в отношении к договоренностям, особенности восприятия времени, специфика невербальной коммуникации (коммуникации взглядом, жестами), которые важны для успешного взаимодействия. К важным ментальным особенностям представителей культур относится культурная специфика отношений между старшими и младшими поколениями, что может служить основой для церемониального взаимодействия, стать культурным шоком для студентов, если интервьюируемый является представителем иного (например, старшего) поколения. Они могут столкнуться с тем, что вместо того, чтобы по их ожиданию отвечать на их вопросы, интервьюер берет все в свои руки как авторитетная персона и представитель старшего поколения. Такие моменты следует оговаривать со студентом, чтобы он осознавал, кого собирается интервьюировать и какие культурные особенности могут стать помехой в достижении его целей. Большую помощь оказывают видеоматериалы – записи предыдущих интервью или мастер-классов, из которых становится более понятны предсказываемые моменты невербального общения – темп, громкость речи, жестикуляция и мимика будущего интервьюируемого.

Общие правила договоренности о цели, месте и времени встречи способствуют успешной коммуникации. Следует выбирать либо нейтральные пространства для встречи, либо же профессиональные – пространства мастерских. Но выбор места и его вид (степень наполненности предметами или же людьми) очень важен для атмосферы интервью или беседы. Следует учитывать, что есть представители монохронной или полихронной культур, высококонтекстуальной или низкоконтекстуальной культур (по классификации

Э. Холла). Восприятие времени у представителей разных культур может оказаться разным, как и отношение к опозданиям (степень пунктуальности). Поэтому договоренность о приемлемости опозданий и гибкости условий также важное условие хорошей коммуникации. Важно договариваться обо многих вещах «на берегу». Также важно продумать мотивацию участника интервью – для чего ему самому важно поучаствовать в этом. Низкая степень мотивации, конечно, скажется на качестве интервью, поэтому это также является моментом подготовки студента к проведению интервью.

Интервью может служить поддержкой для исследования магистранта, быть самостоятельным произведением для публикации или же одновременно являться и первым, и вторым. При выборе интервьюируемого студент может исходить из собственных предпочтений, но преподаватель рекомендует выбирать художника, творчество которого входит в научно-исследовательские интересы магистранта. Конечно, можно руководствоваться психологическим комфортом обучающегося, которому будет легче общаться с человеком, который ближе ему по возрасту, поколению. Однако это не всегда возможно, и в случаях, когда студент интервьюирует человека другого поколения, ему приносит это отличный опыт на уровне диалога микрокультур. Несомненно, богатыми на элементы межкультурной коммуникации становятся опыты взаимодействия с художниками-представителями разных национальностей.

В творчестве многих художников Красноярска и Сибири в целом наблюдается интерес к разным культурам и национальностям, в том числе коренным народам Сибири. Многие из художников являются активными путешественниками по разным регионам и странам, поэтому они также могут служить посредниками в передаче культурных установок представителей разных культур. И так как изучение антропологии, этнографии и национально-культурной идентичности является магистральным для кафедры культурологии и искусствоведения, то это часто является важным подспорьем для работ магистрантов над их диссертациями. Для подготовки к интервью в курсе используются рекомендации по успешной интеракции, основанной на символическом интеракционизме. Интервью, которое происходит как личное общение, строится на вербальной, невербальной и паравербальных уровнях. Способы договора о встрече, месте, формате и времени интервью здесь становятся не менее важны, чем содержание вопросов, а также аспекты упорядочивания частей беседы, способы управления временем во время интервью, психологические аспекты проведения встречи. Уделяется внимание изу-

чению творчества интервьюируемого художника в подготовительной части, а также различных аспектов его личности, которые важны для межкультурной коммуникации, – таких как его особенности и манера общения, декларируемые культурные ценности (в творчестве и различных публичных высказываниях). Возможное волнение студента перед интервью во многом снимается мотивацией необходимости добыть таким образом эксклюзивный материал для исследования и тем, что произошла подготовка, присутствует деловой и научный подход в организации.

Информация о творчестве художника, данная им самим в процессе интервью, оказывается блестящим материалом, который помог критикам лучше понять его произведения. Возьмем, к примеру, два интервью художника Алима Пашт-Хана, в 2012 и 2016 годах, участвовали разные студенты-магистранты. Художник в юном возрасте приехал со своим отцом-художником из Кабардино-Балкарии в Сибирь, в Красноярск, на данный момент проживает в Германии. Его творчество сформировано на пересечении культур – русской, кавказкой, европейской, в его творчестве очень причудливо и интригующе слились эти составляющие. Для примера можно сослаться на видеоинсталляцию «Приспособляемость» (2005) как на художественную модель аккультурации, в которой визуально постигаем проблему бикультуральной личности, восприятие условий ее существования.

«Установка обобщенного другого». Художественная критика – это часть, отрасль искусствознания, наряду с историей и теорией искусства. Разделение на эти три отрасли искусствознания известно с XVIII века. Выражается арт-критика не только в вынесении суждения о произведении искусства, но и в способности адресовать это суждение читателю письменного текста. Диалог с читателем – одно из проявлений межкультурной коммуникации, так как, адресуя свое сочинение, художественный критик должен понимать и своего читателя, его образ мысли. То, что Джордж Герберт Мид называет «установкой обобщенного другого» является весьма важным для сочинителя письменного текста, и выработка этой установки происходит благодаря достаточно богатому опыту межкультурной коммуникации. Критик должен уметь идентифицировать себя с адресатом своего письма, чтобы его понять и передать ему сообщение на языке его культуры и в категориях его ценностей.

Арт-критика – это посредник между обществом и искусством, а также между обществом и наукой об искусстве. Овладение дискурсивными практи-

ками академической и публицистической письменной речи является основой для развития навыков межкультурной коммуникации.

Магистранты, обучающиеся по направлениям, связанным с искусством, могут быть различными по культурно-ценностной ориентации, национально-культурной идентичности студентами, важен и разный их статус профессионального становления на данный момент: это и работники культурных учреждений, и студенты, получившие образование первой ступени по другому профилю. Это приводит к тому, что в процессе получения образования они погружены в коммуникативные практики, которые можно обозначить как диалог культур, диалог разных поколений и сфер деятельности.

Вопросы о статусе произведения искусства, искусство маргиналов, связь китча с народным искусством, специфика национальных и региональных школ искусства, – аналогичные вопросы поднимаются в практике написания эссе по дисциплине «Художественная критика» магистрантами. В практике написания эссе и очерков возможно освоение кросс-культурных методов.

Макро- и микрокультуры. В системе культур выделяются макрокультуры (по континентальному признаку) и микрокультуры (субкультуры). При этом нередко в литературе макрокультура называется «материнской» по отношению к входящим в нее микрокультурам. Культурных сообществ, которые затрагиваются в курсе по художественной критике, чрезвычайно много – это социальные и профессиональные группы: «критики», «художники», «менеджеры», «галеристы», «зрители», – и все они разных поколений, национальностей, субкультур и т. д. Изучение художественной критики помогает увидеть широкий круг вопросов, связанных с социальными аспектами искусства, структуры художественной культуры, культурными особенностями определенных школ и стилей искусства, в немалой степени обусловленными этнокультурной уникальностью, географическим положением, языком. Но сама межкультурная коммуникация отражена в историях личных столкновений критиков и художников разных поколений, представителей противоположных эстетических лагерей. Например, интересен в этом отношении конфликт Владимира Стасова и Сергея Дягилева, которые были полярными противоположностями по своим ценностным ориентирам – так, В. Стасов стоял на защите «русского» искусства как передвижничеству и реализму, а С. Дягилев чаял синтеза русской и европейской культур. Акцент на примерах словесных баталий художественной критики, безусловно, концентрирует внимание студентов на сложном характере коммуникаций относительно эстетических

идеалов и вкусов. Вероятно, это дает карту возможных полярных точек зрения, столкновение которых рождает дискуссию, что способствует потенциально грамотному участию в дискуссии. Однако это еще не дает им умения поставить себя на место другого человека, т. е. проявить эмпатию, что является залогом успешного общения и определенно способствует качественному интервью.

Диалог с художником не менее важен для художественного критика, и прежде всего он должен исходить из следующих теоретических позиций. Художник во взаимодействии с художественным материалом рассматривается критикой как игровое пространство, в котором под воздействием индивидуальности игроков сформированы особые отношения, особые правила. Художественный критик должен проявить эмпатию, играя роль «зеркала», «отражения», «рефлексии» этих отношений, помогая «игрокам» постигнуть сущность друг друга, освоить собственные принципы творческой игры, чтобы получить эталонный результат взаимодействия. Игровое отношение художника и художественного материала прокладывает дорогу для взаимообусловленного выбора эталонного качества результата их отношений – произведения искусства. Взаиморефлексия художника и художественного материала образует эталонную схему их взаимодействия по выявлению сущности и ведет к самопознанию обеих сторон через экстраполяцию этого принципа отношения «своего» с «иным» на особенности устройства жизненного мира.

Идеалообразование осуществляется в процессе творчества художником и художественным материалом, когда каждый шаг их взаимодействия, по сути, является выбором эталона мастера, эталонной схемы отношения мастера с материалом, а также эталонного результата этого отношения в виде произведения искусства [5].

Культурный шок (на уровне «медовый месяц»). Привлекательна концепция механизма развития культурного шока, которым часто сопровождается встреча с иной культурой. Данный феномен активно изучается представителями теории межкультурной коммуникации, и первым этапом развития механизма культурного шока называется «медовый месяц», т. е. состояние влюбленности в новую страну.

В курсе «Художественная критика» есть тема, посвященная путевому очерку, жанру путешествия, который также часто затрагивает и искусствоведческие аспекты, использует культурологический подход к характеристике атмосферы города или страны. На курсе мы рассматриваем иное прочтение

текста культуры иностранным реципиентом. Например, как французский путешественник видит российское искусство, архитектуру, живопись, – это мы разбираем при чтении «Путешествия в Россию» Теофиля Готье, как представителя советской творческой интеллигенции удивляет отношение к культурным ценностям зарубежом и т. д., существует множество интересных историй, и здесь мы со студентами стремимся акцентировать именно культурное происхождение эстетических оценок, которые выносятся авторами путевых очерков. Например, восприятие Готье сопровождалось немалым удивлением при созерцании сочетания классицистической архитектуры Санкт-Петербурга в контексте климата и природных условий России. Ордера Древней Греции и Древнего Рима были созданы для средиземноморского климата, но сочетание Исакиевского собора с зимней снежной ночью все же вскружило голову критику. Рецепция русского искусства Готье отличается от привычных нам сегодня стереотипов, продиктованных хрестоматийной историей искусства, из искусства ему явно импонирует то, что сопоставимо с французскими традициями. Малоизвестный художник для истории русского искусства оказывается для Готье ближе и роднее в соответствии с его критериями.

Путевой очерк всегда является в сущности восприятием реципиентом культуры, новой и чужой для него. Посвятив свое исследование конкретному феномену, например, архитектуре христианских храмов, он может сравнивать с теми сооружениями, которые являются ценными с точки зрения его ментальности. Во время сопоставления эффект «культурного шока» создает необходимый эмоциональный заряд и энергию письменному тексту критика. В качестве примера можно указать на культурный шок, испытанный Ф. И. Буслевым при встрече с католическим искусством, которое он был склонен сопоставлять с православным. Действительно, начиная с XIX века жанр путешествия актуален как жанр, исследующий культуру других стран. Сегодня он актуализирован под названием трэвэлога.

Искусствоведческие установки на произведение искусства как микромир помогают интуитивно постигать отдельную культуру как мир в миниатюре. Поиск сопоставлений и закономерностей, однако, здесь может продолжаться бесконечно, так как система культуры постоянно развивается и не является однозначной.

Магистранты, обучающиеся по направлениям, связанным с искусством, могут быть различными по происхождению студентами: и работники культурных учреждений, и студенты, получившие образование первой ступени по

другому профилю. Это приводит к тому, что в процессе получения образования они погружены в коммуникативные практики, которые можно обозначить как диалог культур разных поколений и сфер деятельности.

Выводы. Художественная критика как дисциплина образовательной программы является инструментом развития навыков межкультурной коммуникации у обучающегося и работающего в сфере искусства благодаря настроенности на оформление компетенции – умения взаимодействовать с представителями художественной среды и осуществлять адресную коммуникацию в тексте.

Список литературы

1. Zhukovsky V. I. D. V. Pivovarov's concept of the ideal as the basis of modern theory of fine arts // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2020. № 13 (8). P. 1416–1423. DOI: 10.17516/1997-1370-0175.
2. Жуковский В. И., Копцева Н. П. Пропозиции теории изобразительного искусства. Красноярск, 2004. 265 с.
3. Kluckhohn F. R., Strodtbeck F. L. Variations in value orientations. N. Y.: Row and Peterson, 1960.
4. Man-world relationship in the landscapes of B. Ia. Riauzov / M. G. Smolina, A. N. Tamarskaya, D. V. Smirnova [et al.] // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2015. № 4 (8). P. 722–734.
5. Пивоваров Д. В. Культура и религия: три модели базиса // *Религиоведение*. 2011. № 2. С. 137–148.
6. Сульберекова М. Г. Критика как орган саморефлексии художественной культуры: дис. ... канд. Филос. наук. Красноярск, 2006. 166 с.
7. Могилевич Б. Р. Структура межкультурной коммуникации: методологический аспект // *Изв. Саратов. ун-та. Новая серия: Социология. Политология*. 2013. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-mezhkulturnoy-kommunikatsii-metodologicheskii-aspekt> (дата обращения: 06.11.2020).

УДК 378.063(37.016.3)

Ю. В. Шнайдер

Студент Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

МУЗЫКАЛЬНЫЙ КЛУБ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ УМЕНИЙ БЕСКОНФЛИКТНОГО ОБЩЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

В статье рассматривается понятие бесконфликтного общения как коммуникативная способность и выделены компоненты бесконфликтного общения. Разработаны и описаны занятия, которые проводились в музыкальном клубе для развития умений бесконфликтного общения.

Ключевые слова: бесконфликтное общение, музыкальный клуб, внеурочная деятельность, коммуникативные способности, младшие школьники.

The article considers the concept of conflict-free communication as a communicative ability and highlights the components of conflict-free communication. Developed and described classes that were held in the music club for the development of conflict-free communication skills.

Keywords: conflict-free communication, music club, extracurricular activities, communication skills, primary school children.

В ключевых нормативно-правовых документах системы общего образования, в том числе ФГОС НОО, указано, что необходимо развивать у обучающихся начальной ступени умения бесконфликтного общения. Данные умения относятся к коммуникативным, но они тесно взаимодействуют с творческими.

Концепция духовно-нравственного воспитания российских школьников направляет на развитие умений бесконфликтного общения через: организацию и осуществление сотрудничества с педагогами, сверстниками, родителями, старшими детьми в решении общих проблем; развитие доброжелательности и эмоциональной отзывчивости; становление гуманистических и демократических ценностных ориентаций.

У обучающихся младшего школьного возраста опыт позитивного общения незначительный. В силу возраста у них недостаточно сформированы и развиты умения бесконфликтного общения, которые могли бы способствовать урегули-

рованию конфликтных ситуаций, так как большая часть конфликтов у детей возникает на эмоциональном уровне, нежели на содержательном.

Представление о бесконфликтном общении с научной точки зрения дают ученые: В. И. Сафьянов, А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов и др.

Понятие «бесконфликтное общение» в науке не распространено, более часто встречается смежное понятие «бесконфликтное взаимодействие», которое понимается в широком смысле. По мнению Г. М. Андреевой, «взаимодействие – это процесс непосредственного или опосредованного воздействия объектов (субъектов) друг на друга, порождающий их взаимную обусловленность и связь. Именно причинная обусловленность составляет главную особенность взаимодействия, когда каждая из взаимодействующих сторон выступает как причина другой и как следствие одновременного обратного влияния противоположной стороны, что определяет развитие объектов и их структур» [1].

Затрагивая процесс развития коммуникативных способностей как умений бесконфликтного общения у младших школьников, стоит отметить, что он основан на успешном усвоении языковых средств, таких как умение выражать свои мысли в свободной форме с помощью различных речевых средств и, соответственно, в правильной логической последовательности для того, чтобы собеседнику было понятна та информация, которую доносит обучающийся начальной школы [2].

Требования к определенному уровню коммуникативного развития в младшем школьном возрасте предъявляют коммуникативные универсальные учебные действия.

В образовательном стандарте начального общего образования коммуникативные универсальные учебные действия рассматриваются как смысловой структурный компонент социального взаимодействия. Составляющие данного компонента включают в себя: «установление контакта (умение вступать в диалог); налаживание межличностных взаимоотношений (умение слушать собеседника и учитывать его позицию); сложные виды кооперации (умение работать в группе)» [3].

Содержание КУУД представлено в концепции универсальных учебных действий, в рамках которой отражена проблема развития коммуникативных универсальных учебных действий младших школьников (А. Г. Асмолов, Г. В. Бурменская, И. А. Володарская, О. А. Карабанова, Н. Г. Салмина и С. В. Молчанов)» [2].

Коммуникативная деятельность тесно связана с бесконфликтным общением и основана на уважительном отношении и общении, которое можно развивать на внеурочном музыкальном клубе, где будут созданы педагогические условия, в которых младший школьник апробирует различные варианты поведения, приобретает опыт самоконтроля, умения слушать и слышать собеседника, взаимодействовать с коллективом через формат хорового пения.

Также в научной литературе раскрываются аспекты коммуникативной деятельности через коммуникативные действия младших школьников.

1. Коммуникативная деятельность как взаимодействие охватывает коммуникативные действия, которые направлены на понимание мнения участника коммуникации. Например, в процессе конфликтных ситуаций младшие школьники, находя совместно определенные пути решения, начинают осознанно прояснять для себя наличие другого взгляда на одну и ту же проблему.

2. Коммуникативная деятельность как кооперация включает действия, которые способствуют сотрудничеству. Для развития данного аспекта необходима работа в команде, коллективе, группе. Таким образом, младшие школьники учатся умению «трудиться» вместе, договариваться, достигать в деятельности общей цели.

3. Коммуникативная деятельность как интериоризация включает действия, помогающие формированию оперировать образами предметов, представления о которых нет на данный момент, а также те действия, которые «служат средством передачи информации другим людям и становлению рефлексии» [2].

Психологи Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин, В. В. Давыдов определяют коммуникативные способности у младших школьников как «комплекс индивидуально-психологических качеств личности младшего школьника социальной направленности (контактность, эмпатичность, доброжелательность); уровень знаний, умений и навыков социально-коммуникативной деятельности (знание законов бесконфликтного общения с окружающими, навыки культуры поведения, умение быстро ориентироваться в знакомой и незнакомой ситуации и др.); желание и потребность вступать в социально-коммуникативную деятельность; умение анализировать и адекватно оценивать социально-коммуникативные ситуации и отслеживать свое состояние в деловых и личностных контактах с окружающими» [4].

Основываясь на научных трудах Е. Н. Емельяновой, мы выделим структуру бесконфликтного общения и составляющие ее компоненты:

- когнитивный – понимание сущности бесконфликтного взаимодействия;

- ценностный – осознание значимости бесконфликтного взаимодействия как основной ценности при общении;
- волевой – способность владеть собой, инициативность, обязательность, самоорганизованность;
- поведенческий – умение и опыт планирования и организации бесконфликтного пространства;
- рефлексивный – осознание бесконфликтного взаимодействия, расширяющего возможности предвидения и реагирования на возникновение противоречий, инцидентов, конфликтов студентов между собой и другими субъектами образовательного процесса)» [5].

Бесконфликтное общение предполагает «снижение напряжения в социальных контактах и включает в себя следующие параметры [6]:

1. В общении присутствуют общекультурные ценности, к ним можно отнести милосердие, любовь, равенство, справедливость, правду, свободу; данные ценности обнаруживают себя в этике общения.

2. Бесконфликтное общение опирается на такие личностные качества, как отзывчивость, деликатность, толерантность, вежливость, тактичность, учтивость, корректность. Важной составляющей в общении является уважение своего собеседника, независимо от его качеств, недостатков, социальных ролей, которыми он владеет.

3. Бесконфликтное общения регулируется такими нравственно-психологическими чувствами, как чувство вины, стыда, доброжелательности, раскаяния, товарищества, солидарности, сопереживания» [6].

Развитие умений бесконфликтного общения младших школьников необходимо не только потому, что этого требуют нормативно-правовые акты, но потому, что данные умения могут способствовать урегулированию конфликтных ситуаций, так как большая часть конфликтов у детей возникает на эмоциональном уровне.

С целью развития умений бесконфликтного общения младших школьников был создан музыкальный клуб на базе муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Средняя школа № 34» города Красноярск. В музыкальном клубе будут применены технологии, направленные на самоконтроль, умение слушать и слышать, взаимодействовать в формате хорового пения.

Базой научного исследования явилась начальная ступень муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Средняя школа № 34» города Красноярск.

В исследовании и реализации программы музыкального клуба приняла участие параллель обучающихся третьих классов, состоящая из 22 человек, которая была выбрана для диагностирования из общих участников клуба.

Нами был выбран формат клуба, так как клубная деятельность для младшего школьника играет связующую роль в удовлетворении потребностей социокультурной сферы. Клуб достаточно доступен для младших школьников на базе образовательной организации и многофункционален как форма организации внеурочной деятельности.

В нашем исследовании музыкальный клуб рассматривается как форма организации внеурочной деятельности, в котором занятия направлены на работу над самоконтролем, умением слушать и слышать, взаимодействовать в коллективе при хоровом пении.

Рассмотрим содержание организации музыкального клуба.

1. Подготовительный этап:

- оформление идеи создания музыкального клуба;
- обоснование актуальность создания музыкального клуба для МБОУ СШ № 34;
- определение цели;
- постановка задач в соответствии с определенной целью в музыкальном клубе;
- установка необходимости музыкального клуба для младших школьников МБОУ СШ №34;
- анализ реализованных программ музыкального клуба;
- подготовка диагностического материала для измерения уровня компонентов бесконфликтного общения младших школьников;
- корректировка подготовленных материалов.

2. Реализационный этап:

- составление необходимой документации для функционирования клуба (подготовка положения и программы клуба, в которую входит пояснительная записка, цель, задачи, принципы и формы взаимодействия, используемые методы, содержание тем, формы и виды контроля; предполагаемые результаты; тематическое планирование);
- создание презентации и буклетов для рекламы музыкального клуба на родительских комитетах, собраниях, днях представления деятельности дополнительного образования;
- формирование планирования музыкального клуба для каждой параллели класса в соответствии с расписанием;

- проведение диагностических методик на постоянном составе музыкального клуба (параллели третьих классов) до начала реализации программы клуба (апрель – май 2020 года) и обработка результатов;
- создание эмблемы, устава и иной атрибутики всеми участниками музыкального клуба (сентябрь);
- реализация тематического плана музыкального клуба в практической деятельности (сентябрь – декабрь);
- мониторинг содержания каждого занятия музыкального клуба и его корректировка в связи с возникающими сложностями в процессе проведения занятий;
- проведение диагностических методик на постоянном составе музыкального клуба (параллели третьих классов) после реализации программы клуба (декабрь 2020 – январь 2021) и обработка результатов.

3. Заключительный этап:

- сравнение результатов диагностических методик до реализации программы музыкального клуба и после;
- мониторинг оценки качества содержания реализуемой деятельности музыкального клуба в соответствии с целью, поставленными задачами, проведенными занятиями и полученными результатами;
- корректировка содержания музыкального клуба с учетом исправлений в процессе занятий.

Ключевые функции музыкального клуба, которые способствуют развития умений бесконфликтного общения младших школьников, можно выделить следующие:

- образовательная – музыкальный клуб реализуется на базе муниципального бюджетного образовательного учреждения «Средняя школа № 34» города Красноярск, где на занятиях используются различные формы проведения занятий, такие как семинары, лекции-беседы, круглый стол, творческие задания, исполнение песен, решение кейсовых заданий, игр «Сто к одному», «Угадай мелодию» и т. п.;
- досуговая – приобретение младшими школьниками позитивного опыта организации внеурочной деятельности формата музыкального клуба, в процессе дополнительного образования;
- коммуникативная – создание педагогических и организационных условий для индивидуального и группового обсуждения и анализа занятий, собственного результата занятия и других итераций, происходящих на занятии.

Деятельность в музыкальном клубе реализуется преподавателем музыки, педагогом-организатором, который проводит формальный набор в музыкальный клуб в виде прослушивания, посредством которого понимает мотив каждого участника клуба и почему ему необходимо попасть в этот клуб, чему он хочет научиться и что получить от занятий в музыкальном клубе.

Все участники музыкального клуба при наборе говорят о том, что хотят исполнять произведения как классические, так и современные, заниматься музыкой, общаться друг с другом и петь в хоре. На вопрос о конфликтах в классе и школе, участники отвечают, что конфликты в их жизни происходят довольно часто, и они хотели бы научиться слышать мнение своего товарища, одноклассника или учителя, понимать, о чем говорит твой собеседник, чтобы далее не разгорался конфликт.

В музыкальном клубе в соответствии с планированием организуются встречи с профессиональными и школьными медиаторами, психологами, социальными педагогами и другими учителями музыки.

Занятия в музыкальном клубе по тематическому планированию происходят 1 раз в неделю. Данный формат занятий может производиться в очной и заочной форме с помощью телекоммуникационных и цифровых средств.

Нами в процессе занятий в музыкальном клубе были выбраны следующие online-платформы с условиями удаленной конференц-связи – *Zoom*, *WhatsApp*, *Viber*, «ВКонтакте». Данные платформы имеют коммуникационное программное обеспечение, которое объединяет в себе видеоконференции, онлайн-беседы, чат и мобильную совместную работу на бесплатной основе. Занятия в заочной форме могут проводиться только с разрешения и включения родителей в процесс.

На платформе *Zoom* проводятся видеоконференции, если занятие проводится в заочной форме. Так как участниками музыкального клуба являются младшие школьники, организовать онлайн-календарь сложно, поэтому данная функция будет в электронном журнале («ЭлЖуре»), а также для неформального общения организована беседа, которая создана организатором музыкального клуба в социальной сети «ВКонтакте».

В социальных сетях происходит информирование и напоминание о времени, месте, тематике будущего занятия и необходимом выполненном домашнем задании, для участников музыкального клуба – во «ВКонтакте», это же дублируется в беседы *WhatsApp* – для родителей, в *Viber* – для учителей.

Занятия в музыкальном клубе проходят в соответствии с понедельным календарно-тематическим планированием, место встречи очного формата – МБОУ «Средняя школа № 34» города Красноярск.

Каждое занятие в календарно-тематическом плане будет понедельным, т. е. пишутся даты начала и окончания недели, на которой проводится занятие.

Длительность занятия – 1 академический час.

На половине занятия происходит физическая минутка (по времени – примерно 5 минут), где дети под музыку (ритмичную классику в современной обработке) сами проводят физическое упражнение или мини-игры на самоконтроль своего тела.

На основании примерных исследовательских, профилактических музыкальных программ по развитию формированию бесконфликтного поведения младших школьников была создана программа музыкального клуба МБОУ СШ № 34.

Приведем примерный репертуар для исполнения в хоре для музыкального клуба на основе дополнительной общеразвивающей образовательной программы в области музыкального искусства «Хоровое пение».

Русские народные песни:

1. «Как у наших у ворот», обр. Ю. Тихоновой.
2. «Дрема», обр. Е. Комальковой.
3. «Колыбельная», обр. Ю. Слонова.

Народные песни разных стран:

1. «Сел комарик на дубочек» (белорусская).
2. «Журавель» (украинская).
3. «Чудо-ярмарка» (болгарская).

Песни современных композиторов:

1. «Осень» В. Иванников.
2. «Утро в деревне» А. Лепин.
3. «Божьи коровки» Ю. Тихонова.

Произведения зарубежных композиторов-классиков:

1. «У колыбели я стою» И. С. Бах.
2. «Детские игры» В. А. Моцарт.
3. «Мотылек» Р. Шуман.

Произведения русских композиторов-классиков:

1. «Детская песня» П. Чайковский.
2. «Белка» Ц. Кюи.
3. «Золотая рыбка» Н. Поголовский.

Далее кратко, в формате плана-конспекта, описаны занятия музыкального клуба авторской программы.

1. Презентация музыкального клуба на линейках (в школе № 34 их две – делятся на четные и нечетные классы). Презентация включает в себя: музыкальную зарисовку на мотив «Ооо, объявляется набор...» и рекламу в виде картинки.

2. Неделя прослушивания. Участники клуба в течение недели приходят и поют свои самые любимые и лучшие произведения.

Первое занятие – знакомство

1. Короткая игра на знакомство, так как есть новенькие в классах, и участниками клуба являются дети из разных классов.

2. Рассказ с презентацией о нашем клубе, чем будем заниматься и раздачей буклетиков.

3. Музыкальная игра «Мы встречаем друзей вот так».

4. Планирование на следующее занятие деятельности и некоторых мыслей.

Второе занятие

1. Обсуждение атрибутики клуба и формирование устава по заготовленному организатором плану, формирование общих традиций, правил клуба и т. д.

2. Создание собственной эмблемы музыкального клуба МБОУ СШ №34.

3. Чайная церемония и анализ того, что сделали на сегодняшнее занятие.

Третье занятие

1. Упражнение на самоконтроль «Очищающее дыхание».

2. Изучение и исполнение хоровых песен (из репертуара музыкального клуба).

3. Игра «Многоликость чувств».

Четвертое занятие

1. Изучение и исполнение хоровых песен (из репертуара музыкального клуба).

2. Упражнение «Броуновское движение».

3. Анализ занятия (в виде смайлов).

Пятое занятие

1. Упражнение «Добрый гном».

2. В гостях музыкального клуба школьный психолог А. А., которая проводила с ребятами арт-терапию под классическую музыку.

3. Исполнение гостю изученные произведения.

Шестое занятие

1. Упражнение «Статуя».

2. Игра «Угадай и пропой», сформированная из репертуара музыкального клуба.

3. Оценивание и обсуждение занятия с помощью карточек «Спидометр».

Седьмое занятие (в Zoom)

1. Домашнее задание в виде просмотра фильма «Мой лучший враг».

2. Обсуждение фильма с помощью основных вопросов: «Какие чувства вы испытывали?», «Какие конфликтные ситуации были вами замечены в фильме?», «Как бы вы поступили на месте главного героя – мальчика Альфа?», «Почему произошла такая ситуация?», «Могло ли произойти по-другому?».

3. Упражнение «Импульс по кругу».

Восьмое занятие

1. Исполнение хоровых песен (из репертуара музыкального клуба) на закрепление и повторение.

2. Тренинг «Ссоры не для нас!» (Упражнение 1 «Комплимент»; Упражнение 2 «Ужасный слушатель»; Упражнение 3 «Работа в команде»).

3. Обсуждение с обратной связью.

Девятое занятие

1. Упражнение «Значимый человек».

2. Изучение и исполнение хоровых песен (из репертуара музыкального клуба).

3. Игра-викторина «Своя-игра».

Десятое занятие

1. В гостях у музыкального клуба – школьный медиатор Н. Г., которая рассказывает участникам клуба о том, как важно разрешать конфликты, используя умения бесконфликтного общения и работает с эмоционально-волевым компонентом ребят.

2. Исполнение хоровых песен (из репертуара музыкального клуба) школьному медиатору.

3. Обсуждение встречи.

Одиннадцатое занятие

1. Решение кейсовых ситуаций посредством музыки (предложенные ситуации – реальные жизненные случаи самих участников клуба).

2. Игра «Слушать хорошо и слушать плохо».

Двенадцатое занятие

1. Упражнения «Отгадай, кто я».

2. Проигрывание «Мини-круга сообществ».

3. Анализ занятия.

Тринадцатое занятие

1. «Битва хоров» – исполнение изученных песен.

2. Итоговый анализ всех занятий.

Описаны занятия, которые проводились в музыкальном клубе, где младшие школьники развивают умения бесконфликтного общения, учиться слушать и слышать собеседника, понимать, принимать и поддерживать самобытность другого человека, а также исполняя в хоре произведения, снимать эмоциональное напряжение и контролировать свои голосовые возможности.

Таким образом, в развитии умений бесконфликтного общения младших школьников может помочь музыкальный клуб.

Список литературы

1. Карпова Г. С. Основные результаты реализации программы развития профессиональной компетентности сотрудников исправительных учреждений // Вестн. Моск. гос. лингвистич. ун-та. Образование и педагогические науки. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-rezultaty-realizatsii-programmy-razvitiya-professionalnoy-kompetentnosti-sotrudnikov-ispravitelnyh-uchrezhdeniy>.
2. Дроздова О. А., Смирнова Т. А. Формирование коммуникативных универсальных учебных действий младших школьников как ведущий результат обучения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-kommunikativnyh-universalnyh-uchebnyh-deystviy-mladshih-shkolnikov-kak-veduschiy-rezultat-obucheniya>.
3. Демидова В. В. Изучение уровня развития коммуникативных универсальных учебных действий младших школьников // Инновационная наука. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-urovnya-razvitiya-kommunikativnyh-universalnyh-uchebnyh-deystviy-mladshih-shkolnikov>.
4. Зайцева К. П. К вопросу об особенностях формирования коммуникативных способностей младших школьников в учебно-воспитательной деятельности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-osobennostyah-formirovaniya-kommunikativnyh-sposobnostey-mladshih-shkolnikov-v-uchebno-vospitatelnoy-deyatelnosti>.
5. Емельянова Е. Н. Формирование бесконфликтного взаимодействия студентов вуза: дис. канд. пед. наук: 13.00.01. Казань, 2018. 221 с. URL: <http://www.dslib.net/obw-pedagogika/formirovanie-beskonfliktного-vzaimodejstviya-studentov-vuza.html>.
6. Исакова Т. Г. Развитие духовной культуры младшего школьника в процессе взаимодействия общего и дополнительного образования: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01/ Магнитогорск, 2000. 172 с. URL: <http://www.dslib.net/obw-pedagogika/razvitie-duhovnoj-kultury-mladshego-shkolnika-v-processe-vzaimodejstviya-obwego-i.html>.

УДК 821.161.11.0011.76

А. Т. Хамитова

Студент направления «Специальное (дефектологическое) образование» Института психологии и образования Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Россия

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ СТУДЕНТАМ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Цель исследования состоит в определении методов, средств, форм и содержания занятий по русскому языку как иностранному с использованием инновационных технологий. Методы исследования: теоретический анализ и синтез литературных источников по теме исследования. В статье рассмотрена специфика использования информационно-коммуникативных технологий, их преимущества: повышение мотивации студентов, качества преподавания, многофункциональность современных технологий, дистанционная доступность. Также уделяется внимание их недостаткам: ограниченное количество времени использования компьютерных технологий с целью снижения вреда для здоровья студентов, обязательное наличие мультимедийного оборудования, которое требует больших материальных затрат. Описано, какие бывают информационно-коммуникационные технологии и как их можно использовать со студентами, которые изучают русский язык как иностранный в индивидуальной работе или в группе. Проанализированы особенности использования таких нетрадиционных методов обучения русскому языку, как кейсовая технология, «Перевернутый класс», метод проектов, формат «Печа-куча 20×20», кластер, nano-эссе, синквейн, интеллект-карта, прием Инсерт, прием вопросов Блума. Рассмотрена роль педагога в обучении русскому языку иностранными студентами. Сделаны выводы о том, что инновационные технологии помогают рассмотреть языковую ситуацию с разных сторон, помогая студентам погрузиться в языковую среду.

Ключевые слова: инновационные технологии, русский как иностранный, студенты.

The purpose of the research is to determine the methods, means, forms and content of classes in Russian as a foreign language using innovative technologies. Research methods: theoretical analysis and synthesis of literature sources on the research topic. The article considers the specifics of using innovative technologies, their advantages: increasing student's motivation, quality of teaching, multi-functionality of modern technologies, remote accessibility. Attention is also paid to their disadvantages: a limited amount of time to use computer technologies, in order to reduce harm to the health of students, the mandatory availability of multimedia equipment, which requires a lot of money. It describes what information and communication technologies are and how they can be used with students who study Russian as a foreign language in individual work or in a group. The paper analyzes the features of us-

ing such non-traditional methods of teaching the Russian language as case technology, «Flipped Class», project method, «Pecha-Kucha 20×20» format, cluster, nano-essay, cin-quain, intelligence map, Insert method, and Bloom's questions. The role of a teacher in teaching Russian to foreign students is considered. It is concluded that innovative technologies help to consider the language situation from different angles, helping students to immerse themselves in the language environment.

Keywords: innovative technology, Russian as a foreign language, students.

Использование инновационных технологий в обучении является неотъемлемой частью образовательного процесса в современном мире. Стремительное развитие цифровых, телекоммуникационных технологий испытывает потребность в ряде качественных изменений, которые основаны на инновационных педагогических процессах образования.

Сочетание традиционных методов с инновационными образовательными технологиями делает обучение более эффективным. Поэтому, помимо традиционных занятий по русскому языку необходимо внедрять и нетрадиционные методы, которые базируются на интерактивности, тем самым повышая мотивацию студентов и качество преподавания. Разнообразие инновационных технологий показывает, что данные средства могут использоваться на всех этапах образовательного процесса. Студенты могут по-новому организовать как самостоятельную работу, так и обучение на занятиях с преподавателем [1; 2].

Информационные технологии дают возможность менять формы и методы учебной работы, обогащать образовательные парадигмы. На уроках русского языка как иностранного с помощью инновационных технологий можно формировать и совершенствовать языковые умения, навыки чтения, письма, аудирования, говорения, расширять пассивный и активный словарь, а также приобретать культурологические и страноведческие знания [3].

Обучение русскому языку как иностранному должно быть понятно и доступно представителям разных культур. В целях повышения мотивации студентов, нужно сформировать учебные материалы таким образом, чтобы ими было удобно пользоваться. Обучение должно быть разбито на короткие блоки, которые будут привлекать студентов в качестве интересного времяпровождения [4].

Электронные средства обучения обладают таким рядом преимуществ, как интерактивность, многофункциональность, дистанционная доступность, мультимедийность. Однако с целью снижения вреда для здоровья студентов нужно ввести ограничения по времени, проводимого в информационном пространстве [4; 5].

Недавно современное общество столкнулось с дистанционным форматом обучения, которое предполагает использование новых форм организации информации, обеспечивающие ее восприятие на занятиях. Среди них можно выделить средства «мультимедиа» [6].

Применение мультимедиа-технологий в обучении русского языка как иностранного помогает решать такие задачи современной методики, как организация успешного коммуникативно-направленного обучения, вовлечение в процесс коммуникации всех студентов, создание искусственной учебной языковой среды. Но для успешного внедрения таких технологий необходимо техническое обеспечение: компьютер, аудиопроигрыватель, интерактивная доска, проектор [5].

Мультимедийные системы, аудио- и видеопрограммы помогают студентам, изучающим русский язык, воспринимать информацию на слух, повторять произношение, тем самым отработывая его, подражать интонациям диктора. Аудиолингвальный метод является методом обучения языку, который предусматривает многократное прослушивание аудиозаписи и впоследствии проговаривание речевых образцов и языковых структур, доводя их до автоматизации. При использовании данного метода необходимо следовать определенным условиям. Любая часть материала, которая изучается, должна быть усвоена устно. Изучение языка совершается по моделям, т. е. студенты учатся конструировать фразу по образцу. Обучение направлено на формирование навыков в разных аспектах речевой деятельности, и навыки вырабатываются в процессе многократного повторения выражений. Обучение должно строиться с учетом особенностей родного языка студентов. Обучение русскому языку как иностранному с помощью аудиолингвального метода подразумевает использование на занятиях технических средств обучения. Преимуществом данного метода является четкое формулирование целей обучения, определение путей достижения цели с помощью различных упражнений, овладение лексикой и грамматикой через модели и речевые образцы. Однако при использовании аудиолингвального метода необходимо избегать однообразных упражнений, бессмысленного запоминания языковых структур и механических приемов обучения. Данный метод будет хорошим дополнением к общей методологии преподавания русского языка [7].

Использование мультимедийных презентаций на занятиях – это отличный способ повышения наглядности при изучении темы, а также способ формирования языковых умений и навыков студентов в процессе обучения и контроля

знаний. Делая презентации самостоятельно, студенты учатся анализировать информацию, выделяя ключевые детали и моменты, а после тренируются выступать с презентациями перед аудиторией [6].

В сети Интернет есть множество образовательных ресурсов, которые можно использовать на занятии по обучению русскому языку как иностранному. Например, с помощью вебсайта *Voki.com* студенты могут создавать «говорящих аватаров» и использовать это для того, чтобы рассказать о себе, своей семье, об известном человеке или выразить свое мнение на определенную тему. При создании своего «аватара» учащиеся могут записать свой голос или написать текст для его озвучивания. После этого созданный студентом «аватар» вставляется в презентацию [3].

С помощью сайта *Prezi.com* студенты могут подготовить красочные презентации. Преимуществом создания презентаций через этот сайт является то, что несколько студентов могут работать над презентацией одновременно, используя разные компьютеры и находясь в разных местах. Данная форма будет удобна для выполнения групповых домашних заданий. Сайт *Photoreach.com* помогает создавать красочные музыкальные слайд-шоу. Для этого необходимо загрузить фотографию и напечатать текст. В дальнейшем эти фотозарисовки можно вставлять в презентацию. Также для создания ярких интерактивных постеров, которые в дальнейшем можно будет вставить в презентацию, пригодится сайт *Glogster.com*. Учащиеся вставляют текст, картинки и добавляют специальные эффекты на постере. Таким образом данный сайт можно использовать для проектной деятельности [3].

Еще одним образовательным процессом, который вовлечет студентов в обучение русского языка, является создание комиксов. Студенты могут создавать комиксы как индивидуально, так и в групповой работе. Формируя ситуации, в которые попадают их персонажи, студенты сочиняют и моделируют разные жизненные ситуации на русском языке. Комиксы можно использовать для решения проблем на разные темы, чтение текстов. Для этого на занятиях и дома, при выполнении работ можно воспользоваться сервисом *Toondoo.com* [3].

Также эффективным способом изучения языка является создание субтитров и перевод видео. Этот метод можно использовать для повторения и закрепления уже пройденного материала. Преподаватель может дать студентам задание подготовить субтитры к короткому видео по пройденной теме с целью повторения лексического материала. Для создания субтитров удобно будет пользоваться сайтом *Amara.org*. Студенты могут использовать в работе

над созданием субтитров словари, записывать слова, перевод которых они не знали, и в дальнейшем повторять их [3].

При обучении русскому языку как иностранному применяются различные электронные пособия. Это могут быть электронные словари, справочники, грамматические и лексические тренажеры, задания, тесты, которые эффективно использовать не только при проверке знаний, но главным образом при закреплении и повторении пройденного материала. В сети Интернет пользуются популярностью дистанционные диктанты на портале «Грамота.ру», где участники могут получить обратную связь. Издательства «Дрофа», *Easy Russian* создали специальные электронные пособия, которые предназначены для обучения русскому языку как иностранного – *Russian for Beginners* – это специальное электронное пособие, созданное для обучения русскому языку для иностранцев [5].

Кроме информационных средств можно отметить облачные технологии, например, *Google*-форма, *Яндекс.Диск*, *Mail*-облако. Они позволяют организовать удаленный доступ к информации, сделать ее более простой в использовании, а также использовать ресурсы для обработки информации в текстовых, графических и в видеоредакторах онлайн. При обучении русскому как иностранному можно воспользоваться программами *Skype*, *Microsoft Teams*, *Zoom* для просмотра лекций и вебинаров, независимо от местонахождения студента, тем самым стирая территориальные границы и обеспечивая общедоступность и неразрывность образовательного процесса [5].

Кроме компьютерных технологий при обучении студентам русского языка как иностранному на сегодняшний день активно используются кейсовая технология, «Перевернутый класс», метод проектов, формат «Печа-куча 20×20», кластер, нано-эссе, синквейн, интеллект-карта, прием Инсерт, прием вопросов Блума. Рассмотрим особенности данных приемов более подробно.

Для обучения русскому языку иностранным студентам используется кейсовая технология. Особенностью данного метода является то, что формирование знаний и умений является самостоятельной деятельностью студентов по разрешению противоречий. Анализируя заданную ситуацию, студенты овладевают профессиональными знаниями и навыками. Кейс – это описание конкретной ситуации, которое предназначено для обучения студентов анализу информации, формулированию проблемы и определению возможных вариантов решения данной проблемы. Данный метод направлен не только на развитие интеллектуальных способностей студентов, но и на совершенство-

вание коммуникативного потенциала. Сначала преподаватель вводит студентов в определенную ситуацию, далее происходит деление студентов на группы. Внутри каждой группы происходит изучение, обсуждение ситуации и распределение ролей. Ситуация анализируется и принимаются решения. После подведения итогов студентами происходит разбор оптимального варианта и общая дискуссия. Проблемно-ситуативное обучение с использованием кейсов является новым и эффективным способом преподавания русского языка как иностранного [8].

Организовать индивидуальную работу студентов по изучению русского языка можно с помощью методики «Перевернутый класс» (*Flipped Class*). Это модель смешанного обучения, при котором преподаватель дает материал для самостоятельного изучения темы, а потом на занятии студенты практически закрепляют полученные знания. При проверке материала акцент делается на тех частях, которые вызвали наибольшие затруднения в процессе подготовки. Учитывая возможные трудности, преподаватель строит дальнейшую работу со студентами, корректирует практические задания для отработки теории. Также преподаватель готовит *Podcast*, т. е. звуковые файлы или аудиолекции по изучаемой теме, и *Vodcast* – видеофрагменты, видеофайлы, которые отражают какие-либо моменты изучаемой темы. Данная методика способствует индивидуализации обучения благодаря тому, что дает студентам возможность работать в своем темпе и неограниченное количество раз вернуться к непонятному моменту [9].

Еще одной педагогической технологией, которая стимулирует интерес студентов к познавательной деятельности и изучению русского языка посредством решения проблемных задач, является метод проектов. При использовании данной педагогической технологии студентами осуществляется поиск определенных ситуаций, событий или фактов, которые в дальнейшем анализируются, интерпретируются или оцениваются, а также делаются выводы по ситуациям. Это развивает критическое мышление студентов. Кроме того, развивается аналитическое мышление, которое направлено на способность выделять в исследуемой ситуации детали, находить причинно-следственные связи, логически рассуждать [10].

Использование метода проектов помогает не только развитию мышления и творческих способностей, но и повышает мотивацию в изучении русского языка иностранными студентами. Данная технология способствует повышению коммуникативных качеств речи. Организация работы над проектом бы-

вают разной по количеству студентов. Это могут быть индивидуальные, парные и групповые работы. Также проекты отличаются по виду деятельности: игровые, исследовательские, информационные, поисковые, практико-ориентированные, творческие, издательские. Помимо этого, они могут отличаться по предметно-содержательной области, т. е. в рамках одной предметной области или двух, трех предметов. По длительности проекты бывают в рамках одного занятия, семестра, одного года [10].

Вид проекта выбирается в зависимости от уровня владения русским языком и темой. На начальном этапе можно вводить информационные проекты. Они предполагают выполнение более легких задач и позволяют в дальнейшем превращать их в сложные исследовательские работы, с которыми учащиеся могут выступить на конференциях. Студенты собирают, описывают и анализируют информацию по выбранной теме на русском языке. В конечном итоге проект представляется в виде презентации на занятии [10].

Организовать процесс обучения русскому языку как иностранному можно с помощью формата «Печа-куча 20×20». Данный формат предполагает использование коротких презентаций, которые выделяют главную мысль и суть определенной темы. Единственное правило, которому необходимо придерживаться, это использование 20 слайдов в презентации по 20 секунд каждый. На начальном уровне можно использовать 5–6 слайдов и со временем увеличить количество до 20, но не больше. Формат «печа-куча» хорошо подходит для развития навыков монологической речи и при обучении пересказу, повышая эффективность процесса обучения. На слайдах выводятся картинки, изображающие основные моменты сюжетной линии, и, опираясь на них, студенты готовят пересказ текста, который прочитал учитель. На более продвинутых уровнях владения языком можно предложить формат «печа-куча» для продуцирования спонтанной речи. Это является более эффективным вариантом, так как студенты импровизируют и используют язык творчески, как в реальной жизни. Список тем, которые можно обсудить, используя формат печат-куча: «Рассказ о себе и своей семье», «Лучший друг», «Режим дня», «Родной город», «Летние каникулы», «Мое хобби», «Любимая музыка», «Описание картины» [6].

Преимуществом данного метода является то, что данный формат сохраняет интерес слушателей и дает шансы выступить на занятии большему количеству студентов. Данный способ формирует у учащихся умение находить нужную информацию, самостоятельно обрабатывать ее и представить в конечном

итоге только самое необходимое, так как информация на слайдах представляется в кратком виде. А ограничение по времени дисциплинирует студентов, которые выступают, и помогает поддержать заданный ритм говорящему. После выступления студент отвечает на вопросы слушателей по теме своего выступления. Так отрабатывается навык выступления перед аудиторией, а диалоги со слушателями способствуют совершенствованию навыков спонтанного общения [6].

Современным методом обучения также является кластер. Кластер представляет собой языковой материал, который включает ключевое слово-тему и связанные с ней слова. Иностранному студенту дается коммуникативное задание «Расскажите о ..., используя составленный вами кластер». После этого студенты определяют тему и важные слова, представляют мысленный образ, фразу, которую в дальнейшем должны будут выразить в словесной форме. Таким образом, кластер является скелетом, на котором будут строиться фраза или монолог и помогает иностранному студенту самостоятельно рассказать про определенную тему на русском языке. Кластер можно превратить в интеллект-карту, если добавить в него картинки и схемы [11].

Интеллект-карты – графический способ представления информации по определенной теме, способствующий наилучшему запоминанию. Данный способ можно использовать при фиксации материала, который объяснил преподаватель на занятии. В интеллект-картах информация упорядочена и систематизирована. В их основе лежит главная идея или образ, детализация которых осуществляется с помощью отходящих из центра ветвей. С помощью этого приема студентам можно объяснить значения слов на русском языке, ветвями указывая на переносное значение или схематично изобразить значение падежа, использовать, когда студенты строят высказывание или в качестве подготовки к пересказу. Преимуществом интеллект-карт является то, что их можно использовать на всех уровнях знания языка. На начальных этапах преподаватель дает студентам готовые интеллект-карты для повторения материала. А уже на более поздних этапах обучения учащиеся самостоятельно готовят их, выделяя основные идеи и детали темы. Графический способ передачи информации прекрасно списывается в работу на занятии по русскому языку благодаря тому, что такой способ подачи материала усваивается быстрее из-за четкой организации, небольшого объема и красочности [9].

Нано-эссе является методом, который помогает студентам резюмировать свои знания по определенной теме в письменной форме. При выполнении на-

но-эссе от студентов требуется за 5 минут написать две фразы о том, что они узнали об изученной теме, и задать один вопрос, на который студенты не получили ответа. С помощью этого метода у студентов запускаются процессы рефлексии и осмысления изученной темы, настраивается канал коммуникации с преподавателем. А для преподавателя это хорошая возможность получить обратную связь от студентов [2].

Синквейн – метод, который помогает запоминать лексические единицы и их сочетания на русском языке. Кроме того, данный метод способствует развитию у студентов ассоциативного мышления. Учащимся дается задание составить синквейн, при этом студенты должны записать на первой строке слово-тему, на следующей строке – два прилагательных, под ними – три глагола, которые связаны со словом-темой, на четвертой строке – предложения, которые будут передавать отношение к теме, а на последней строке – слова-резюме, которые выражают личное отношение учащихся к теме. Например: 1) текст; 2) интересный, короткий; 3) прочитать, перевести, написать; 4) текст поможет изучить русский язык; 5) труд. После составления синквейна происходит обсуждение темы, выясняется отношение студента к определенной теме на русском языке [11].

Технологией эффективного чтения является прием Инсерт, который используется на занятиях при работе с текстами. Суть его заключается в том, что студенты при прочтении текста обозначают его специальными знаками. Знак «V» обозначает, что студент знает данную информацию, «+» – данная информация для студента новая, «–» – студент думал по-другому или это противоречит тому, что он знал, «?» – информация непонятна студенту и требуется объяснение, уточнение. После этого происходит занесение результатов в таблицу и обсуждение того, что понятно, что дополнительно требуется повторить или разъяснить. Данный метод характеризуется самостоятельным анализом информации и интерактивным обсуждением внутри группы с преподавателем [2].

При итоговой работе с текстом используется прием вопросов Блума. Студенты, начиная с первого языкового уровня, знают значение всех типов вопросов и могут привести свои примеры, сформулировать ответы. Данный метод может использоваться в разных формах, например, кубик Блума или ромашка Блума. Но принцип использования данного приема один – формируются вопросы с шестью установками: назови, почему, объясни, предложи, придумай и поделись. И таким образом вопросы разделяются

на простые, объясняющие, уточняющие, практические, творческие и оценочные. Прием вопросов Блума мотивирует иностранных студентов на активную работу по изучению русского языка, помогает развивать критическое мышление, формировать коммуникативные компетенции [2].

В современных условиях педагог-русист должен не только уметь пользоваться разработанными инновационными средствами обучения, но и сам внедрять новые разработки, а также изменять их в соответствии с изменяющимися условиями, особенностями и потребностями студентов. Компьютерная и методологическая грамотность преподавателя позволит заинтересовать и привлечь иностранных студентов к изучению русского языка, сделать обучение интересным и доступным [4].

Таким образом, сочетание традиционных методов обучения с инновационными технологиями помогает заинтересовать студентов в обучении русскому языку как иностранному. Современные методы дают возможность рассмотреть языковую ситуацию с разных сторон, выразить свои мысли об определенной теме. Тем самым студенты погружаются в языковую среду и начинают думать и изъясняться на русском языке.

Список литературы

1. Резникова А. В., Внуковская А. В. К вопросу о роли интерактивных инновационных образовательных технологий при обучении русскому языку как иностранному в неязыковом вузе // Опыт создания и реализации технологических инноваций в образовании. Чебоксары. 2017. С. 237–240.
2. Горбунова И. В. К вопросу о применении инновационного подхода в преподавании русского языка как иностранного // Бизнес-образование в экономике знаний. 2020. № 1 (15). С. 15–19.
3. Таирова М. Р. Инновационные технологии в обучении русскому языку как иностранному // Изв. Юж. Федер. ун-та. Серия: Педагогические науки. 2014. № 8. С. 121–126.
4. Анзорова С. П. Методика реализации возможностей электронной лингводидактики в обучении русскому языку // Перспективы науки. 2020. № 1 (124). С. 137–139.
5. Таранова Т. Н. Современные и инновационные технологии в обучении иностранных студентов русскому языку // Наука и образование сегодня. 2017. № 10 (21). С. 59–62.
6. Буторина Н. Ф., Будаева Л. Н. Применение формата печат-куча в процессе обучения РКИ // Современный ученый. 2020. № 4. С. 13–16.
7. Анипкина Л. Н. Аудиолингвальный метод преподавания русского языка как иностранного // Педагогический журнал. 2018, Т. 8, № 1А. С. 174–181.
8. Ухова Л. В. Использование инновационных методов и технологий в практике преподавания русского языка как иностранного // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2016. № 5. С. 2101–2016.

9. Ванюшина Н. А. Инновационные методы в работе преподавателя русского языка как иностранного // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся. Воронеж. 2020. С. 30–36.
10. Григорян А. А. Проектная деятельность как одна из эффективных технологий обучения студентов-иностранцев в условиях цифровизации высшего образования // Проблемы современного педагогического образования. Ялта. 2019. № 65-3. С. 10–14.
11. Нефедьева В. С., Сваричевская Т. В., Люзикова С. Н. К вопросу об инновационных методах преподавания русского языка как иностранного // Инновационные проекты и программы в психологии, педагогике и образовании. Уфа, 2017. С. 137–140.

УДК 37.091.26:0043737

А. А. Смолянинов

Магистрант направления «Управление человеческими ресурсами» Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

ЭЛЕКТРОННЫЙ ПОРТФОЛИО И ЦИФРОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО МЕДИАТОРА

Статья посвящена исследованию проблемы формирования и развития цифровой идентичности поликультурных медиаторов посредством технологии электронного портфолио. Стремительное проникновение виртуальных технологий в социальные процессы способствовало развитию онлайн-медиативных практик. Целью исследования является определение перспектив становления цифровой идентичности медиаторов в условиях неопределенности и множественности идентичностей (Я-образа). Самоидентификации медиатора в межкультурном межконфессиональном интернет-пространстве мы связываем с формированием профессиональной цифровой идентичности и признания в профессиональных виртуальных сообществах. Электронный портфолио выступает, с одной стороны, как инновационная технология аутентичного оценивания, а с другой – как средство для презентации профессиональных компетенций – средство «осмысления созданной нарративной идентичности» [1].

Ключевые слова: цифровая идентичность, профессиональная идентичность, поликультурная медиация, онлайн-медиация.

Введение. Стремительное проникновение цифровых технологий во все сферы человеческой жизнедеятельности, развитие виртуальных коммуникаций диктует новые требования к презентации профессиональных компетен-

ций в пространстве виртуальных коммуникаций и дистанционного рекрутинга. Для демонстрации конкурентных преимуществ на профессиональных рынках в глобальной сети Интернет широко используется технология электронного портфолио (е-портфолио). Электронный портфолио применяется в двух направлениях: как аутентичная оценка профессиональных компетенций и как рефлексивная история в контексте исследования цифровой идентичности. По мнению зарубежных коллег, по мере распространения электронного рекрутинга различные государственные органы и бизнес-компании модернизируют процедуры электронного оценивания квалификаций посредством электронных портфолио, позволяющих кандидатам продемонстрировать свои способности [2]. Р. Рісоеиr рассматривает электронный портфолио в контексте нарративной идентичности в аспекте «виртуальной занятости» и как средство осмысления и развития профессиональной идентичности [3].

Результаты. Следует отметить, что профессия медиатора относится к новым профессиям XXI века и включена в Атлас профессий будущего от Сколково. Несмотря на большое количество исследований по цифровой идентичности и е-портфолио (S. Rave, Don, Darren Cambridge, Jürgen Friedrich, Lourdes Guàrdia и др.), ресурсный потенциал электронного портфолио для развития цифровой идентичности и выстраивания карьеры будущих медиаторов не систематизирован и мало изучен.

Были выделены противоречия на социально-педагогическом уровне: между потребностью демонстрации компетенций и конкурентных преимуществ будущих медиаторов потенциальным работодателям в виртуальном пространстве и недостаточной разработанностью моделей развития цифровой идентичности для построения карьеры выпускника вуза. На научно-методическом уровне: между ресурсными возможностями использования технологии электронного портфолио для развития карьеры и недостаточным уровнем методических разработок по формированию цифровой идентичности будущих медиаторов с ориентацией на конкурентный рынок труда в условиях цифровизации. Противоречия позволили сформулировать проблему: как сформировать цифровую идентичность поликультурного медиатора для выстраивания профессиональной карьеры?

Портфолио могут стать мощным катализатором интегративного обучения и целостного развития, а также инструментом для самобрендинга и профессионального развития. В Европе существует сеть экспертов и практиков электронного портфолио, которая поддерживает различные проекты. Один из са-

мых известных – проект EPOS (с 2011 года) Бременского университета, который используется многими университетами и другими учебными заведениями Германии, а также других европейских стран. EPOS используется для сопровождения очных курсов, поддержки тандемных групп, подготовки к обучению по обмену в зарубежных странах или для сбора открытых бейджей *Open Badges* – дипломов открытого признания достижений, полученных в неформальных системах обучения. Таким образом, электронный портфолио – цифровая идентичность медиатора через формирование и развитие профессиональной идентичности в виртуальном пространстве – является актуальной проблемой исследования.

Целью исследования было прояснение смыслов цифровой идентичности медиатора и экспериментально проверить значимость формирования профессиональной идентичности в виртуальном пространстве посредством электронного портфолио.

Задачи исследования:

- определить сущность понятия «цифровая профессиональная идентичность медиатора»;
- разработать структуру электронного портфолио поликультурного медиатора для презентации профессиональных компетенций в контексте проектирования карьеры;
- проанализировать отношение медиаторов к возможности формирования цифровой профессиональной идентичности

Методы исследования: теоретические (теоретико-методологический анализ научной литературы); эмпирические (анкетирование, прямое и включенное наблюдение, педагогический эксперимент). На основе проведенного анализа было уточнено понятие профессиональной идентичности будущего медиатора, которую мы понимаем как реализацию личностной и социальной идентичности в цифровой среде, посредством конструирования образа «Я» для профессионального самоопределения магистранта и презентации себя в сетевых профессиональных сообществах медиаторов. Электронный портфолио является нарративной средством формирования и развития цифровой идентичности через процессы накопления и презентации артефактов в виртуальной среде, рефлексии, обратной связи и объединения сюжетов прошлого, настоящего и будущего. У поликультурного медиатора доминирующей цифровой идентичностью, формирующей ценностные установки при проектировании карьеры, является цифровая профессиональная идентичность. Экспе-

риментальное исследование проводилось среди студентов-магистрантов 2-го курса, обучающихся на магистерских программах психолого-педагогического и педагогического направлений Института педагогики, психологии и социологии СФУ. Респонденты освоили курс «Е-портфолио в презентации и признании достижений», целью которого было рефлексии и презентации личностных и профессиональных достижений для самопрезентации в виртуальном пространстве и построения карьеры. В исследовании участвовали 46 респондентов (37 % мужчин и 63 % женщин). Абсолютное большинство – 98 % – отметили значимость разработки индивидуального е-портфолио в формировании цифровой идентичности. 95 % респондентов считают, что данный курс способствует формированию профессиональной идентичности и выстраиванию карьеры. При определении значимых разделов портфолио для построения карьеры и самопрезентации в виртуальном пространстве на первое место респонденты поставили раздел «Профессиональные достижения» (93,5 %), на втором месте – «Профессиональное резюме» (82,7 %), на третьем – «Образовательные достижения» (80,4 %), «Научные достижения» (80,4 %) и *soft*-компетенции (79,8 %). Таким образом, магистранты, будущие медиаторы продемонстрировали позитивное отношение и отметили значимость построения цифровой идентичности для построения профессиональной карьеры посредством технологии электронного портфолио.

Выводы. Научную новизну исследования мы связываем с разработкой и обоснованием модели формирования профессиональной идентичности будущих медиаторов и определением сущности и содержания их цифровой профессиональной идентичности, с определением отношения медиаторов к структуре электронного портфолио для самопрезентации профессиональных компетенций. Практическая значимость исследования заключается в разработке структуры и содержания электронного портфолио магистров – будущих медиаторов, разработкой диагностического инструментария для проверки эффективности курса по созданию электронного портфолио будущими медиаторами для формирования цифровой идентичности и выстраивания профессиональной карьеры.

Список литературы

1. Mhairi Mcalpin. E-portfolio and digital identity: Some issue and discussion // E-Learning. 2005. Vol. 2, № 4.

2. Smith E., Grant P. From evidence to e-moderation – the centre and providers perspectives, paper presented at the challenge of the electronic portfolio conference, museum of science and industry. Manchester. 21 October 2004.
3. Ricoeur P. Oneself as another. Chicago: University of Chicago Press, 1195.
4. «Форсайт компетенций» и «Атлас новых профессий». URL: <https://sedec.skolkovo.ru/ru/sedec/research/new-jobs/>.

УДК 378.183-048.93

А. С. Бывшенко¹, Н. В. Власова¹, Т. В. Седых²

¹ Медиатор Центра медиации в образовании, магистрант программы «Медиация в образовании» Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

² Кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационных технологий обучения и непрерывного образования Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

МЕДИАТИВНАЯ ВОССТАНОВИТЕЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ «КРУГ СООБЩЕСТВА» КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОФИЛАКТИКИ КОНФЛИКТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СТУДЕНЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ

Современные стремительные темпы развития и технократизации общества приводят к росту напряжения и количества конфликтов, требующих оперативного разрешения. Особенно актуальной данная проблема в системе высшего образования стала в условиях пандемии и перехода на дистанционное обучение, участились случаи проявления конфликтного поведения студентами. Соответственно, перед педагогическим сообществом наиболее остро встал вопрос поиска инструментов профилактики конфликтного поведения в студенческом сообществе. По мнению авторов статьи, восстановительная медиация обладает необходимым потенциалом для разрешения и профилактики деструктивных действий студентов в условиях конфликта, а также специфическими практическими инструментами. В статье кратко описана технология восстановительной медиации «Круг сообщества». Рассмотрены особенности применения данной технологии в онлайн-режиме, принципы, правила, специфика использования «символа слова». Приведены этапы проведения процедуры с детализацией действий ведущего на каждом из этапов. Описан опыт применения технологии «Круг сообщества» на базе Сибирского федерального университета со студентами бакалавриата Института педагогики, психологии и социологии.

Ключевые слова: конфликт, конфликтное поведение, медиация, медиативные технологии, круг сообщества, высшее образование.

The current rapid pace of development and technocratization of society leads to an increase in tension and the number of conflicts that require prompt resolution. This problem has become particularly relevant in the higher education system in the context of the pandemic and the transition to distance learning, and cases of conflict behavior by students have become more frequent. Accordingly, the pedagogical community is most acutely faced with the issue of finding tools to prevent conflict behavior in the student community. According to the authors of the article, restorative mediation has the necessary potential for resolving and preventing destructive actions of students in conflict situations, as well as specific practical tools. The article briefly describes the technology of restorative mediation "community Circle". The features of using this technology in online mode, principles, rules, and specifics of using the "word symbol" are considered. The stages of the procedure are described with.

Keywords: conflict, conflict behavior, mediation, mediation technologies, community circle, higher education.

В условиях пандемии и перехода системы высшего образования на дистанционное обучение зафиксирован рост напряжения в студенческой среде, увеличилось количество конфликтов между студентами. Становится актуальным поиск инструментов профилактики конфликтного поведения студентов в условиях дистанционного взаимодействия, позволяющих преодолеть непонимание между участниками конфликтной ситуации, восстановить отношения после разрешения конфликта, сплотить студенческую группу и создать благоприятную социально-психологическую атмосферу. На наш взгляд, именно восстановительная медиация обладает необходимым потенциалом для разрешения и профилактики деструктивных действий студентов в условиях конфликта, включает комплекс специфичных практических инструментов по восстановлению продуктивного взаимодействия между студентами.

«Круг сообщества» является одной из наиболее востребованных технологий восстановительной медиации, которая проводится в случаях, когда в конфликте или ссоре принимают участие более четырех человек или когда в группе присутствуют аутсайдеры. Суть данной технологии сводится к тому, что участники конфликта и заинтересованные лица (сообщество) садятся в круг и совместно обсуждают возникшую ситуацию, способы ее разрешения и возможный вклад каждого из присутствующих в ее разрешение.

Данная технология основывается на опыте общин по укреплению и сохранению эмоциональной близости их членов [1]. Традиция обсуждать про-

блемы сообща существовала и существует у многих народов. Американские индейцы Северной Америки решали свои проблемы, садясь в круг для равной беседы. Скифы передавали по кругу братину, которой обычно была чаша, от старшего к младшему, выражая пожелания и благодарности друг другу. Особенностью проведения круга среди казаков было то, что обсуждение в нем длилось, пока общество не приходило к решению, которое удовлетворяло бы всех членов данного круга. Круги заключаются не в представлении или указывании на правильное либо неправильное, или в постановке отличного спектакля. Их роль не в том, чтобы выдать «нужный ответ» и уж точно не заставить других принять нашу точку зрения. Круги стремятся дойти до сути нашего существования, исследуя наши сердца, душу и наше представление о правде, и вновь открыть наши жизненные ценности, которые помогают нам понять, какими мы хотим быть [2].

Ключевыми особенностями данной технологии являются:

- технологичность, подразумевающая наличие правил и принципов программы, этапов и их соответствие заданной цели;
- добровольность участия в «Кругах сообщества», как и в процедуре медиации. Участникам в самом начале озвучивается принцип добровольности не только участия, но и возможности высказаться;
- принятие на себя ответственности каждым членом «Круга сообщества» за выдвинутое им самим предложение по изменению сложившейся ситуации в лучшую сторону;
- вовлечение в работу «Круга сообщества» всех заинтересованных лиц в сложившейся ситуации, что обеспечивает их активное участие не только в принятии решения, но и в разделении ответственности за его выполнение.

«Круги сообществ» можно проводить с разными целями, и от них будет зависеть глубина проработки вопроса: принятие совместного решения по какому-либо вопросу; поддержка и исцеление пострадавшего; профилактика деструктивного и конфликтного поведения и др.

«Круг поддержки сообщества» проводят по проблемной ситуации, которую признают важной для себя все участники этого сообщества. Заявить проблему может как один из участников сообщества, так и группа в целом. И на обсуждение этой проблемы приглашаются все заинтересованные в ее решении люди.

Основным принципом организации «Круга сообщества» становится опора на ценности. Практика показывает, что в независимости от ситуации, страны,

времени и эпохи участники называют схожие ценности: доверие, взаимоуважение, любовь, ответственность и прочее. Это те универсальные общечеловеческие ценности, которые остаются незыблемыми веками. «Круг сообщества» дает возможность не только услышать ценности своего ровесника, но задуматься и озвучить свои. Приходит осознание того, что именно эти ценности лежат в основе и определяют нормы взаимоотношений между людьми.

Одним из условий успешности и эффективности «Круга сообщества» является личность ведущего – хранителя круга. От того, насколько он будет искренне транслировать свои ценности, и объяснять, почему это важно, какие слова подберет, как проведет церемонии открытия и закрытия, сформулирует вопросы – будет зависеть искренность участников «Круга сообщества», их готовность открыться, сотрудничать.

К правилам проведения «Круга сообщества» относят:

- говорить от чистого сердца;
- говорить и слушать с уважением;
- оставаться в «Круге» до его завершения;
- соблюдать конфиденциальность;
- уважать «символ слова».

«Символ слова» – это не просто предмет, который передается по часовой стрелке, чтобы обозначить говорящего. «Символ слова» призван защищать говорящего от вмешательства других членов «Круга» (так как только имеющий в руках «символ слова» может говорить). Более того, функция «символа слова» в том, что он призван успокоить говорящего (в случае необходимости) через тактильный контакт с ним. Помимо прочего, «символ слова» несет в себе и идею темы «круга» и является символом ценностей, именно поэтому рекомендовано ведущему иметь несколько «символов», которые бы подходили под разные темы, а соответственно и цели проведения «Кругов сообщества».

Описание основных этапов проведения «Круга сообщества» приведено в таблице.

Вторая волна пандемии не была столь неожиданна, как первая, но все же внесла свои коррективы в жизнь людей. Переход на дистанционный формат обучения явился дополнительным стрессовым фактором в адаптации студентов. Эта ситуация позволила инициировать серию «Кругов поддержки» со студентами бакалавриата СФУ с темой: «Как эффективно учиться в режиме онлайн». Далее приведено описание полученного нами опыта.

Этапы проведения «Круга сообщества»

№ п/п	Этап	Раунд	Действие
1	Создание основы для диалога	Раунд ценностей	<ul style="list-style-type: none"> ▪ приветствие участников ▪ правила работы ▪ церемония открытия ▪ раунд знакомства ▪ раунд личных историй
2	Обсуждение ситуации, намерений участников, их интересов	Раунд актуализации проблемы	<ul style="list-style-type: none"> ▪ рассказы о переживаниях, связанных с ситуацией, о самой ситуации ▪ определение проблем, интересов, намерений, надежд участников
3	Рассмотрение возможных вариантов решения проблемы или выхода из ситуации	Раунд поиска решений	<ul style="list-style-type: none"> ▪ обсуждение возможных путей решения проблемы или выхода из сложившейся ситуации (может быть несколько раундов, хранитель создает условия для достижения консенсуса)
4	Достижение взаимопонимания и договоренности	Раунд принятия ответственности	<ul style="list-style-type: none"> ▪ определение следующих шагов в нормализации отношений или ситуации, общей точки зрения, пунктов соглашения
5	Закрытие «Круга»	Обратная связь	<ul style="list-style-type: none"> ▪ подведение итогов «Круга» ▪ завершающий обмен мыслями о встрече ▪ церемония закрытия

В раунде ценностей наиболее популярными среди бакалавров 1–2-х курсов были такие ценности, как терпение, усидчивость, оптимизм и ответственность.

В раунде актуализации проблемы на первое место вышел физиологический аспект (дефицит движений, ухудшение зрения – 43,02 % участников), дефицит живого общения отметили 27,16 % участников, сложности с самоорганизацией и волевой сферой – 20,08 % участников. Помимо этого, бакалавры указывали на увеличение учебной нагрузки и объема заданий для самостоятельного изучения, технические сложности (слабая техника, перебои с интернет-соединением), отсутствие «студенческой атмосферы» – совместное времяпрепровождение, репетиции и подготовка к студенческим мероприятиям.

Предлагаемые варианты решения проблем, связанных с переходом на дистанционное обучение, а также готовность взять на себя ответственность за выполнение принятого решения, были систематизированы в следующие группы:

- восстановить режим дня (с четким расписанием), некоторые задания делать совместно с одноклассниками с целью распределения нагрузки;
- подобрать упражнения для укрепления мышц спины, составить комплекс и делать его систематически (утром и в течение дня при необходимости);
- подобрать гимнастику для глаз, разместить образец упражнений рядом с рабочей зоной (возле компьютера) и выполнять между занятиями, организовать рабочее место, убрать все отвлекающие предметы, на время занятий отключать приложения в гаджетах;
- организовать ежедневные прогулки на свежем воздухе, с целью повышения позитивной эмоциональной атмосферы в группе было принято решение проводить встречи онлайн, чаепития, игры.

Большинство студентов отметили для себя участие в «Круге» как полезное и продуктивное. Также они зафиксировали схожесть своих проблем, связанных с переходом на дистанционный формат обучения, с проблемами одноклассников: физиология, самоорганизация и самодисциплина, непосредственное общение – те точки соприкосновения сверстников в студенческом сообществе, которые оказались актуальны для всех участников «Круга сообщества».

Единство ценностей, которое лежит в основе технологии «Круги сообщества» позволяет убедиться, что эта программа медиативного восстановительного подхода работает. «Круг сообщества» помогает студентам услышать друг друга, дает возможность высказаться о своем заболевании, принять участие и взять на себя ответственность за изменение сложившейся ситуации. А это значит – позволяет ощутить себя услышанным, сопричастным, значимым.

Список литературы

1. Смолянинова О. Г., Коршунова В. В., Андронникова О. О. Формирование медиативной компетентности участников образовательного пространства (на примере Сибирского федерального университета) // Перспективы науки и образования. 2020. № 5 (47). С. 413–428. DOI: 10.32744/pse.2020.5.29.
2. Круги примирения: от преступления к сообществу / К. Прайнис, Б. Стюарт, У. Уэйдж. М.: Р. Валент, 2009. 240 с.

СЕКЦИЯ 4

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ, РЕГИОНАЛЬНЫЙ И МУНИЦИПАЛЬНЫЙ УРОВНИ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 323.28(47+57)

С. Н. Рубцов¹, И. С. Стерхова²

¹ *Доктор исторических наук, профессор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия*

² *Старший инспектор Главного управления МВД России по Иркутской области, Иркутск, Россия*

СТРАТЕГИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДО 2025 ГОДА: НАМЕРЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ

Одним из средств противодействия экстремистским проявлениям государство считает воспитательную работу в образовательных организациях. Однако использовать его в настоящее время невозможно из-за отсутствия в Российской Федерации государственной идеологии. Это показали авторы доклада, опираясь на системный метод исследования. В настоящее время нет ни общего понимания воспитательной работы с обучающимися, ни ее методики. Но главное – нет государственной идеологии, без которой воспитание не имеет ни цели, ни смысла. Восполнить недостающее должны исполнители. Но им не по силам решить ключевую задачу предстоящих преобразований – разработать государственную идеологию. Государственная идеология формируется и осуществляется на основе и в пределах определенной геополитической и геостратегической концепции. Такой концепции у Российской Федерации сейчас нет.

Ключевые слова: экстремизм, государственная идеология, образовательная организация.

The state considers educational work in educational organizations to be one of the means of countering extremist manifestations. However, it is currently impossible to use it due to the lack of state ideology in the Russian Federation. This was shown by the authors of the report, relying on a systematic research method. Currently, there is neither a common understanding of educational work in educational institutions, nor its methodology. But the main thing is that there is no state ideology, without which education has neither purpose nor meaning. Executors must fill the gap. But they are unable to solve the key task of the upcoming reforms – to develop a state ideology. The state ideology is formed and implemented on the basis and within the limits of a certain geopolitical and geostrategic concept. At present, the Russian Federation does not have such a concept.

Keywords: extremism, state ideology, educational organization.

По сведениям Министерства внутренних дел, в текущем году резко (на 43,4 %) увеличилось количество преступлений экстремистской направленности, совершенных на территории страны [1]. Неудивительно в связи с этим решение Президента России от 29.05.2020 утвердить Стратегию противодействия экстремизму, рассчитанную до 2025 года. Квалифицировав экстремизм как одну из наиболее сложных проблем современности, законодатель неоднократно указал на необходимость организации соответствующей воспитательной работы, особенно с молодежью [2]. Через два месяца это указание было конкретизировано в Федеральном законе от 31.07.2020 № 304-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся» [3]. Глава государства еще 6 сентября 2001 года, выступая перед преподавателями в Кабардино-Балкарском государственном университете, акцентировал внимание собравшихся на том, что в нашей стране и в школе, и в высшей школе воспитанию всегда уделялось первостепенное значение. Для нас сегодня, говорил он, это тоже крайне важно [4]. Судя по содержанию названных документов, крайне важно это и сейчас.

Намерение государства очевидно: для противодействия усиливающемуся экстремизму использовать в том числе воспитательный потенциал образовательных организаций. Каковы же возможности осуществления этого намерения? Согласно закону, не позднее 1 сентября 2021 года в образовательных организациях общего и профессионального образования нужно приступить к воспитательной работе с обучаемыми на основе соответствующих рабочих программ и календарных планов.

При этом впервые за постсоветское время законодатель объяснил свое понимание воспитания. Согласно ему, это деятельность, формирующая у обучающихся следующие качества: патриотизм, гражданственность, уважение (взаимное, к памяти защитников Родины, их подвигам, закону и правопорядку, человеку труда, старшему поколению), бережное отношение к наследию культуры и народным традициям, природе и окружающей среде. Целью воспитания является развитие личности через ее самоопределение и социализацию. Основываться воспитание должно на ценностях, правилах и нормах российского общества [3].

Объяснение получилось настолько широким, что федеральный министр науки и высшего образования на заседании Круглого стола, состоявшегося 28 сентября 2020 года в Государственной думе, заявил о том, что одной из первых задач является выработка общего понимания воспитательной работы в образовательных организациях высшего образования [5]. Значит, общего

понимания воспитательной работы в образовательных организациях высшего образования у нас нет. Но нет у нас и общего понимания воспитательной работы в образовательных организациях общего образования. Это следует из выступления министра просвещения С. С. Кравцова, который на заседании профильного комитета Государственной думы 16 июня 2020 года говорил о том, что еще только предстоит законодательное закрепление соответствующих требований к организации воспитательной работы со школьниками [6].

Кроме того, у нас нет и соответствующей методики воспитательной работы. Во время названного заседания Валерий Николаевич Фальков отметил, что разработкой методической базы и выделением ключевых направлений организации воспитательной работы займется рабочая группа, формируемая в Минобрнауки России. По мнению министра, воспитательную работу следует строить на основе активного взаимодействия с молодыми людьми. Формы или, как выразился глава ведомства, форматы такого взаимодействия еще нужно установить, или, как он сказал, понять. И к этой деятельности, полагает Валерий Николаевич, необходимо привлечь не только ректорат, организаторов и участников воспитательной работы, но и самих студентов.

Формы или форматы той основы, на которой предстоит осуществлять воспитательную деятельность, не установлены. Их предстоит найти. Причем поиском предложено заниматься самим исполнителям – участникам и организаторам воспитательной работы на местах вместе с подопечными – студентами. Видимо, в интересах организации такого поиска и изучения его итогов глава ведомства, по сообщению комментаторов, поддержал идею создания коллегиального и межотраслевого органа, который объединит специалистов и организаторов воспитательной работы [5].

И это еще не все. Воспитание, как известно, в широком смысле является процессом передачи из поколения в поколение системы определенных ценностей. Его разрушение в современном российском обществе привело к известному результату. Как отмечает писатель и лауреат правительственной премии в области культуры за 2014 год Сергей Стефанович Сухинов, не осталось уже аморальных и антиобщественных проявлений, которые бы не расцвели пышным цветом среди нашего юношества. Проявляется это настолько сильно, что не заметить невозможно [7].

Система же определенных ценностей – это идеология. Без идеологии у воспитания нет ни цели, ни смысла. Однако статья 13 нашей Конституции декларирует, во-первых, идеологическое многообразие, во-вторых, запрет на

государственную или обязательную идеологию [8]. Очень показательно, что, как отмечают специалисты, в мировом сообществе от государственной идеологии, как правило, не отказываются. Лидеры мирового экономического развития (США, Китай, другие страны) имеют ярко выраженную государственную идеологию [9].

По мнению В. В. Путина, идеологией для Российской Федерации должен являться патриотизм. Так он полагал в начале века, когда 17 июля 2003 года, выступая в Старой Ладогe при обсуждении вопросов жизнедеятельности малых городов, называл общероссийский патриотизм объединяющей идеологией, сильнейшим объединяющим фактором Российской Федерации, указывая на сложность ее государственного устройства, многонациональность и поликонфессиональность [10]. Та же он полагает и сейчас, отметив на состоявшейся 19 декабря 2019 года большой пресс-конференции, что патриотизм сегодня – это единственно возможная идеология для любого демократического общества. Будучи деполитизированным, патриотизм укрепляет основы национальной государственности [11].

Министр науки и высшего образования выражается осторожнее. По его мнению, которое он сформулировал на упоминавшемся заседании Круглого стола, в воспитательной работе необходимо выделить патриотический компонент. А для проработки вопроса реализации задач патриотического воспитания в отношении целевой группы – российской студенческой молодежи – в Минобрнауки России формируется еще одна рабочая группа [5].

В основе патриотического воспитания, как известно, лежит историческое знание. Неудивительно поэтому слова Президента о том, что патриотизм должен основываться на нашей истории [12]. А преподавание истории Владимир Владимирович считает чрезвычайно важным и просто необходимым, без которого не построишь страну. Однако, оценивая его состояние, он еще в ноябре 2014 года, беседуя с историками в Музее современной истории, сказал о том, что это такой провал в работе государства, который ни с чем сравнить невозможно, что это очень опасно. Надо признать, утверждал Президент, что зарубежные оппоненты значительно превзошли нас. И прямо заявил о том, что государство в этом виновато. Более того, он призвал собеседников исправлять сложившееся положение дел [13]. Прошло шесть лет, но никаких решений по кардинальному исправлению этого провала в работе государства так и не принято.

Заявив о намерении использовать воспитательный потенциал образовательных организаций, государство действует в соответствии с многовековой

русской традицией: после осознания необходимости преобразований принимается решение о начале соответствующих действий и лишь затем начинается поиск путей их выполнения. При этом основная тяжесть такого поиска ложится на исполнителей. Однако в нашем случае ключевую задачу предстоящего преобразования – разработку государственной идеологии – исполнители не выполняют. Государственная идеология формируется и осуществляется на основе и в пределах определенной геополитической и геостратегической концепции. Такой концепции у Российской Федерации сейчас нет.

Список литературы

1. Состояние преступности в России за январь – сентябрь 2020 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/21551069/> (дата обращения: 01.11.2020).
2. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2020 № 344. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45555> (дата обращения: 01.11.2020).
3. О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся: федер. закон от 31.07.2020 № 304-ФЗ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45788> (дата обращения: 01.11.2020).
4. Вступительное слово на встрече с профессорско-преподавательским составом Кабардино-Балкарского государственного университета. 06.09.2001. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21322> (дата обращения: 01.11.2020).
5. В Минобрнауки России обсудили вопросы патриотического воспитания в вузах. URL: https://minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=3123 (дата обращения: 01.11.2020).
6. Сергей Кравцов: Воспитание рассматривается как стратегический национальный приоритет. URL: <https://edu.gov.ru/press/2603/sergey-kravcov-vozpitanie-rassmatrivaetsya-kak-strategicheskiy-nacionalnyu-prioritet/> (дата обращения: 01.11.2020).
7. Сухинов С. С. Воспитание подрастающего поколения как главный стратегический приоритет России в XXI веке. URL: <http://sec.chgik.ru/vozpitanie-podrastayushhego-pokoleniya-kak-glavnyiy-strategicheskiy-prioritet-rossii-v-xxi-veke/> (дата обращения: 01.11.2020).
8. Новый текст Конституции РФ с поправками 2020. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения: 01.11.2020).
9. Гурова Т. Нужна ли современной России идеология? URL: <https://rg.ru/2020/02/27/nuzhna-li-sovremennoj-rossii-ideologiiia.html> (дата обращения: 01.11.2020).
10. Путин В. В. Заключительное слово на совещании по проблемам развития малых городов. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22059> (дата обращения: 01.11.2020).
11. Президент РФ рассказал о единственной возможной при демократии идеологии. URL: <https://www.interfax.ru/russia/688614> (дата обращения: 01.11.2020).
12. Патриотизм должен стать объединяющей идеологией России – Владимир Путин. URL: <https://ria.ru/20030717/408317.html> (дата обращения: 01.11.2020).
13. Встреча с молодыми учеными и преподавателями истории 5 ноября 2014 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46951> (дата обращения: 01.11.2020).

УДК 304.4

В. С. Лузан

Доктор культурологии, доцент Гуманитарного института, директор Красноярского художественного музея имени В. И. Сурикова, Красноярск, Россия

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В ВЫСТРАИВАНИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Роль государственной культурной политики в выстраивании межнациональных отношений, очевидно, является одной из определяющих. В то же время краткий анализ действующих отраслевых нормативных правовых актов не всегда свидетельствует о наличии достаточных полномочий и компетенций у основных субъектов культурной политики (органы исполнительной власти на федеральном и региональном уровнях, государственные учреждения культуры) в данной сфере.

В первую очередь сложившаяся ситуация является следствием отсутствия необходимого уровня межведомственного взаимодействия и логической взаимосвязанности отдельных нормативных актов в сфере культурной и межнациональной политики. В отраслевом отношении каждый из указанных видов государственной политики решает собственные цели и задачи посредством самостоятельных концептуальных документов и законодательной базы, отдельного аппарата управления, сети учреждений.

В этом плане является естественным разработка и внедрение в практику двух независимых в отраслевом плане документов – Основ государственной культурной политики Российской Федерации, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 (далее – Основы культурной политики) и Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666.

С позиции культурологии является очевидным, что именно культурная политика играет определяющую роль в выстраивании межнациональных отношений, так как данная сфера выступает как основной держатель материального и нематериального культурного наследия в качестве фундамента процесса нациестроительства, а также культура в отраслевом отношении обладает развитой

инфраструктурой. В частности, культурная политика как самостоятельная отрасль социально-культурной сферы обладает одной из наиболее развитых сетей государственных и муниципальных учреждений, которые охватывают своей деятельностью практически все городские и сельские поселения Российской Федерации – порядка 100 тысяч учреждений культуры всех видов и типов (музейные, библиотечные, культурно-досуговые, театральные-зрелищные, цирковые, образовательные учреждения, парки культуры и отдыха и т. д.).

В то же время анализ концептов, содержащих в себе корень «нац» и имеющих в смысловом выражении прямое отношение к выстраиванию межнациональных отношений (например, межнациональные, этнонациональные, национальные и другие производные), показывает их минимальное присутствие в отраслевых концептуальных и нормативных правовых документах, определяющих реализацию культурной политики на всех уровнях.

Так, в Основах культурной политики данные концепты встречаются только в двух разделах. В разделе II «Основания для выработки государственной культурной политики» фиксируется, что «государственная культурная политика России охватывает такие сферы государственной и общественной жизни, как все виды культурной деятельности, гуманитарные науки, образование, межнациональные отношения, поддержка русской культуры за рубежом, международное гуманитарное и культурное сотрудничество, а также воспитание и самовоспитание граждан, просвещение, развитие детского и молодежного движения, формирование информационного пространства страны» (Основы культурной политики, 2014).

В разделе VI «Задачи государственной культурной политики» в качестве релевантных задач обозначены:

1) создание условий для развития творческой самодеятельности граждан, поддержка общественных инициатив в этой сфере с учетом этнонациональных традиций, особенностей регионов и местных сообществ;

2) создание условий для сохранения и развития всех языков народов Российской Федерации, для сохранения двуязычия граждан, проживающих в национальных республиках и регионах, для использования национальных языков в печатных и электронных средствах массовой информации.

Следующим фундаментальным документом является Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 № 326-р (далее – Стратегия культурной политики). В данном документе концепт, содер-

жащих в себе корень «нац», и его производные встречаются существенно чаще, чем в Основах культурной политики. В то же время большинство употреблений данного концепта имеет иной контекст – «национальный» в широком смысле, тождественный с российским народом в целом и государственностью, а не с конкретными, отдельными народами и нациями.

В частности, в Стратегии культурной политики отмечено, что она «основывается на Конституции Российской Федерации, международных договорах, соглашениях и конвенциях, участницей которых является Российская Федерация, Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, Основах государственной культурной политики, других документах стратегического планирования, разработанных в рамках целеполагания» (Стратегия культурной политики, 2016).

Немаловажным является наличие в рассматриваемом документе отсылки к Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года в качестве еще одного из фундаментальных оснований, хотя в тексте Стратегии культурной политики отсутствует описание конкретных шагов государства по воплощению в практике деятельности государственных и муниципальных субъектов культурной политики положений данного документа.

Отмечается, что «Стратегия является документом стратегического планирования, разработанным в рамках целеполагания по межотраслевому принципу. Такой подход базируется на положениях Основ государственной культурной политики, согласно которым государственная культурная политика понимается как широкое межотраслевое явление, охватывающее такие сферы государственной и общественной жизни, как все виды культурной деятельности, гуманитарные науки, образование, межнациональные отношения, поддержка русской культуры за рубежом, международное гуманитарное и культурное сотрудничество, а также как воспитание и самовоспитание граждан, просвещение, развитие детского и молодежного движения, формирование информационного пространства страны» (Стратегия культурной политики, 2016). Как видно, данный пункт практически полностью взят из Основ культурной политики, что является абсолютно логичным.

В Стратегии культурной политики фиксируется, что «в Российской Федерации действуют государственные и федеральные целевые программы, направленные на обеспечение всех видов культурной деятельности и развитие

туристской сферы, укрепление единства российской нации и гармонизацию межнациональных отношений, поддержку русской культуры за рубежом, международное гуманитарное и культурное сотрудничество, развитие образования и гуманитарных наук, просвещение, воспитание и самовоспитание граждан, развитие детского и молодежного движения, формирование медийного и информационного пространства страны, патриотическое воспитание молодежи и поддержку русского языка» (Стратегия культурной политики, 2016).

Особо стоит отметить, что «к угрозам национальной безопасности в области культуры отнесены размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа Российской Федерации путем внешней культурной и информационной экспансии (включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры), пропаганды вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости, а также снижение роли русского языка в мире, качества его преподавания в Российской Федерации и за рубежом, попытки фальсификации российской и мировой истории, противоправные посягательства на объекты культуры» (Стратегия культурной политики, 2016). Данный факт подтверждает понимание государством включения культурной политики в процесс выстраивания межнациональных отношений, однако дальнейшей конкретизации действий в данном направлении не фиксируется.

В связи с этим становится логичным, что в разделе IV Стратегии культурной политики, где обозначены целевые показатели ее реализации, есть только один показатель, непосредственно связанный с результатами выстраивания межнациональных отношений, а именно «доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений» (Стратегия культурной политики, 2016).

Для рассмотрения регионального аспекта выстраивания межнациональных отношений средствами культурной политики репрезентативным является, например, Положение о министерстве культуры Красноярского края, утвержденное Постановлением Правительства Красноярского края от 07.08.2008 № 32-п (далее – Положение о министерстве культуры). Это обусловлено рядом факторов. Во-первых, Красноярский край является одним из самых многонациональных регионов, на территории которого проживают представители в том числе коренных малочисленных народов. Во-вторых, край обладает одной из самых многочисленных в России сетей учреждений культуры всех видов и типов. В-третьих, регион давно является привлекательным для мигран-

тов и имеет перспективу увеличения миграционного притока в силу реализации крупных инфраструктурных проектов.

Так, в Положении о министерстве культуры концепты, содержащие в себе корень «нац» и его производные, встречаются в двух разделах (задачи и компетенции), однако в отличие от рассмотренных выше документов, в данном документе содержатся конкретные действия органа исполнительной власти по выстраиванию межнациональных отношений. При этом стоит отметить, что данные действия направлены в первую очередь на сохранение и развитие локальных культур, а не на их взаимодействие.

Так, к задачам министерства культуры Красноярского края относятся (Положение о министерстве культуры, 2008):

- обеспечение создания условий для сохранения и развития культур наций и народностей, населяющих территорию Красноярского края;
- оказание содействия национально-культурным автономиям в создании негосударственных (общественных) учреждений национальной культуры, открытии частных образовательных организаций по подготовке творческих работников и иных специалистов, проведении различных массовых мероприятий в области национальной культуры.

Если же говорить о компетенциях в данной сфере, то министерство культуры Красноярского края осуществляет «поддержку краевых и местных национально-культурных автономий, поддержку изучения в образовательных организациях национальных языков и иных предметов этнокультурной направленности, осуществление иных мероприятий по созданию условий для сохранения, возрождения и развития национальной культуры, реализации национально-культурных прав граждан, проживающих на территории края и относящих себя к определенным этническим общностям» (Положение о министерстве культуры, 2008).

Таким образом, краткий анализ ряда документов, содержащих в себе концепты с корнем «нац» и имеющих в смысловом выражении прямое отношение к выстраиванию межнациональных отношений, показывает их минимальное присутствие в отраслевых концептуальных и нормативных правовых документах, определяющих реализацию культурной политики на всех уровнях. Сложившаяся ситуация вызвана в том числе существующими проблемами в межведомственном взаимодействии и отсутствием новой редакции федерального закона о культуре, проект которой рассматривается на протяжении последних 15 лет, но так и не принимается.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
2. Лузан В. С. Культурная политика Российской Федерации в период с 1991 по 2017 год: культурологический анализ: автореф. дис. ... д-ра. культурологии. Красноярск, 2018. 56 с.
3. Лузан В. С. Социально-философский анализ динамики государственной культурной политики Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2011. 24 с.
4. Министерства культуры Красноярского края: офиц. сайт. URL: <http://krascult.ru/>.
5. Министерство культуры Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://www.mkrf.ru/press/current/kontseptsiya_proekta_federalnogo_zakona_o_kulture/.
6. О стратегическом планировании в Российской Федерации: федер. закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
7. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
8. Основы государственной культурной политики Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
9. Основы законодательства Российской Федерации о культуре: Закон Российской Федерации от 09.10.1992 № 3612-1 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
10. Российская академия наук: офиц. сайт. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=62ea3b4e-421b-4822-80c2-cc43c877db5c#content>.
11. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 № 326-р // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

УДК 343.851

А. Д. Требух

Магистрант по направлению «Американские исследования» факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА ПОЧВЕ НЕНАВИСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОПЫТА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

Предпосылками для написания данной статьи стал рост трудовой миграции в Российскую Федерацию, возгорание конфликтов низкой интенсивности в граничащих с Россией странах и пандемия COVID-19, способствующих в обозримом будущем стать поводом для роста преступлений на почве ненависти по отношению к лицам других национальностей и этносов. В статье анализируется опыт гражданского общества Соединенных Штатов Америки в области противодействия и профилактики преступлений на почве ненависти. Новизна исследования заключается в компиляции ряда зарубежных источников и изложении основных тезисов в опыте профилактики расизма в Соединенных Штатах Америки с последующей возможной адаптацией зарубежного опыта при построении государственной национальной политики в Российской Федерации. При проведении исследования использовался ряд методов, наиболее важными из которых являются анализ документов и метод оценки экспертного мнения. Данная статья написана с применением концепции неокантианства в неолиберальной парадигме международных отношений. Особое внимание уделено негосударственным организациям и гражданским объединениям, участвующим в работе по профилактике расизма и ксенофобии. В статье предлагается имплементация методов работы данных организаций для Российской Федерации, что будет способствовать минимизации рисков роста различных видов нетерпимости на почве национальности и этнической принадлежности. Подводя итог, автор подчеркивает, что крайне важно использовать зарубежный опыт в области профилактики экстремизма в сфере межэтнических преступлений как на государственном уровне, так и на уровне гражданского общества.

Ключевые слова: преступления на почве ненависти, Россия, США, ксенофобия, профилактика.

The growth of labor traffic to the Russian Federation, the ignition of low-intense conflicts in the bordering countries of Russia and the COVID-19 pandemic might be the reasons for the growth of hate crimes in Russia in a foreseeable future. The article analyzes the experience of the civil society of the USA in countering hate crimes. The novelty of the research lies in the compilation of foreign sources and the presentation of the main theses of this practice

with the possible adaptation of foreign experience in the construction of national policy in Russia. During the research, a number of methods are used, particularly the document analysis and the expert opinion method. The research is based on the concept of neo-Kantianism in the neoliberal paradigm of international relations. Special attention is paid to NGO's and civil associations involved in the prevention of xenophobia. Results of this article suggesting implementation the foreign methods in Russia, contributing the risks of growth hate crimes minimization. Summing up, the author emphasizes that it is extremely important to use foreign experience in the prevention of extremism in the field of interethnic crimes both at the state level and at the level of civil society.

Keywords: hate crime, the USA, Russia, xenophobia, prophylaxis.

Введение. Российская Федерация, как и Соединенные Штаты Америки, является многонациональной страной. И, к сожалению, как в США, в России регистрируются преступления на почве ненависти, связанные с проявлением нетерпимости, в первую очередь по национальному признаку. Для необходимости предотвращения и профилактики таких преступлений в Российской Федерации предусмотрен целый комплекс мероприятий, в той или иной степени позволяющих снижать конфликты на почве национальной и этнической принадлежности. Тем не менее в условиях динамики роста трудовой иммиграции в Россию, пандемии COVID-19, военных конфликтов в ближнем зарубежье РФ возможно прямо пропорциональное увеличение преступлений на почве ненависти, в первую очередь по отношению к лицам азиатского происхождения. Каким образом опыт гражданского общества Соединенных Штатов Америки в области профилактики подобных преступлений может помочь минимизировать риски возможных конфликтов на территории Российской Федерации? В данной статье автор пытается ответить на данный вопрос.

Роль диаспор в профилактике преступлений на почве ненависти в США. Говоря об опыте профилактики преступлений на почве ненависти среди гражданского общества США ярко выделяется деятельность диаспоральных организаций данного государства. Так как Соединенные Штаты Америки являются мультикультурным и полиэтническим государством, то вопросы межэтнического взаимодействия там, как и в Российской Федерации, стоят на повестке дня. Всю деятельность диаспоральных организаций в данном вопросе можно разделить на два важных аспекта: работа непосредственно внутри диаспоры для ее членов и работа с общественностью.

Первый аспект включает в себя необходимость диаспоральных организаций объяснить в первую очередь своим членам суть вопроса о расизме и межэтнических и межконфессиональных противоречиях, которые имеют место быть в нынешних США. Такого рода «ликбез» проявляется в разработке методических пособий, в которых с помощью доступных и четких формулировок объясняется вся пагубность такого явления как расизм и объясняются способы противодействия и профилактики преступлениям на почве ненависти. Немаловажным является факт быстрого реагирования диаспоральных организаций в вопросе публикации новых материалов при возникающих новых угрозах, способных обострить межэтнические противоречия. Одним из ярких примеров такого методического пособия можно считать документ, разработанный некоммерческой организацией «Институт еврейской народной политики», под названием «Кризис COVID-19 и евреи: последствия, дилеммы и рекомендации», в котором еврейское сообщество предупреждает о необходимости осознавать вероятность увеличения антисемитских настроений ввиду радикализации отдельных групп американского населения на фоне ухудшающейся экономической ситуации в стране. В данном документе для минимизации рисков преступлений на почве ненависти по отношению к еврейскому населению предлагается в первую очередь осознать возможность данной угрозы, не реагировать остро на провокации, а также соблюдать все необходимые правила по ношению масок и соблюдению социальной дистанции с целью не допустить тезисов со стороны других диаспор о том, что «евреи виноваты в росте числа заболевших» [1]. Другим проявлением помощи, направленной «вовнутрь» диаспор, по предотвращению преступлений на почве ненависти стало открытие организацией «Китайцы за позитивные действия» горячей линии для американцев азиатского происхождения, с помощью которой они могут оставлять жалобы на лиц, инициировавших вербальное или физическое насилие по отношению к ним на почве расовой нетерпимости [2]. Таким образом, можно говорить о том, что диаспоры в США не являются мертворожденными и осуществляют активную деятельность, в том числе во взаимодействии со своими членами.

Другим немаловажным аспектом является привлечение общественного внимания к проблеме расизма и преступлениям на почве дискриминаций, с которыми сталкиваются представители разных этнических групп. Заключается это, опять же, в публикации брошюр и листовок, направленных на массового читателя, в которых все также объясняются проблемы, связанные с межэтническими

и расовыми конфликтами. Одной из таких брошюр стала выпущенная в 2003 году гражданской лигой японских американцев «Когда ненависть накрывает тебя: ответное руководство американцев азиатского происхождения по предотвращению преступлений на почве ненависти», в которой не только описываются причины такого явления как расизм, но и рассказывается история ненависти и дискриминации по отношению к американцам-азиатам, а также даются рекомендации по более толерантному поведению [3].

Более заметным видом деятельности являются митинги. Они позволяют привлечь внимание СМИ, известных политиков, звезд шоу-бизнеса и политики с целью изменить общественный дискурс и уведомить население США о данной проблеме вновь. Одними из самых ярких акций стали митинги движения «*Black Lives Matter*» и выступления азиатского сообщества совместно с ассоциацией азиатско-американских писателей, которые призывали весной 2020 года положить конец преступлениям на почве ненависти и разжиганию межнациональной розни [4].

Все вышеупомянутое говорит о том, что диаспоральные организации в США и их опыт по профилактике и противодействию расизму и преступлениям на почве ненависти является действенным и продуктивным, так как оказывает влияние на политический дискурс и объединяет разные диаспоры в данном вопросе. Но, пожалуй, самым важным является факт давления на политическое руководство страны, которое под влиянием СМИ и организованных диаспорами митингов не забывает об этой проблеме и в моменты кризисов объединяет усилия для решения данных проблем [5].

Профилактика расизма в стенах высших учебных заведений США. Проблема межэтнических отношений в стенах высших учебных заведений Соединенных Штатах Америки имеет давние исторические корни и носит на данный момент системный характер, который заключается как в критикуемой гражданским обществом недостаточной степени расового разнообразия студентов, проблеме принятия исторического наследия университетов, которое достаточно часто связано с именами работорговцев или политикой расовой сегрегации, а также проблеме, связанной с расистскими высказываниями и взглядами отдельных кадров профессорско-преподавательского состава. Какую же работу ведет студенчество во взаимодействии с руководством университетов по минимизации конфликтов на межэтнической и расовой почве?

Прежде всего, ключевую роль играет само студенчество, которое, не являясь однородным и организованным во многих других вопросах, достаточно

остро реагирует на любые проявления расизма и расовой сегрегации как по отношению к руководству университетов, так и по отношению к своим сокурсникам. Так, например, Натан Панза, студент Корнелльского университета, который входит в Лигу Плюща, подвергся критике со стороны сокурсников после того, как позволил себе сказать несколько раз слово, означающее оскорбительное обозначение афроамериканцев, записав пару видеороликов в социальной сети *Snapchat* [6]. Сокурсники и студенчество распространили эти видеоролики в социальной сети *Twitter*, отмечая аккаунт университета в данной социальной сети и спрашивая руководство университета: «Вот таких студентов вы принимаете в свое заведение?», с требованием принять меры и разобраться в данной ситуации. На следующий день директор университета Питер Колдуэлл и президент попечительского совета Джон Фэй опубликовали заявление, в котором признали данные видеоролики «оскорбительными и обидными», добавив, что «университетская политика не терпит расизма и дискриминации любого рода, а университет оставляет за собой право отозвать согласие о зачислении при определенных обстоятельствах и в любое время». Таким образом, Натан Панза был отчислен из данного университета.

Другой подобной ситуацией стал скандал, связанный со студентом Шоном Глейзом, который оскорбил участников движения «*Black Lives Matter*», используя так называемое *N*-слово и назвав протестующих «головорезами» [7]. В результате самоорганизации студенчество с помощью соцсетей провело такую же кампанию по уведомлению о данных высказываниях руководства университета Ксавьера, что повлекло за собой отчисление Шона Глейза и заявление президента университета Майкла Грема: «Кем бы мы ни были и каким бы традициям мы ни следовали, давайте удвоим наши усилия по построению мира справедливости, любви, милосердия. Мир, в котором дети Бога, все и каждый, могут свободно и глубоко дышать».

Но студенчество способно не только добиваться отчисления своих сокурсников. В начале 2020 года с ростом популярности движения «*Black Lives Matter*» американские студенты стихийно организовали несколько кампаний, направленных на борьбу с расистским прошлым некоторых американских университетов. Одной из таких кампаний стала «*#CancelYale*», связанная с требованием студентов заставить руководство Йельского университета отказаться от своего названия [8] ввиду того, что основатель университета Элиху Йель являлся президентом Восточно-Индийской компании, которая занималась покупкой и продажей рабов. Успеха данная кампания не принесла,

но стала ярким проявлением антирасистских убеждений американских студентов, готовых бороться даже с историческим наследием своей страны в надежде искоренить из американского общества эту давнюю проблему межрасовых и межэтнических противоречий. Успешной стала другая кампания под названием *#MakeRacistAfraidAgain*, организованная также через соцсети, преимущественно через Twitter, которая увенчалась тем, что руководство Принстонского университета решило отказаться от имени президента Вудро Вильсона, которое носил университет более пятидесяти лет, и назвать Принстонский университет в честь чернокожей предпринимательницы Меллоди Хобсон [9]. Критика в адрес Принстона звучала в первую очередь по той причине, что Вудро Вильсон был расистом, поддерживавшим Ку-Клукс Клан. Президент Принстона Кристофер Л. Эйсгрубер заявил, что «расистское мышление и политика Вильсона делают его имя неуместным для обозначения университета, ученые, студенты и выпускники которого должны твердо противостоять расизму во всех его формах» [10].

Но если студенчество так активно выступает против любых проявлений расизма, можно ли утверждать то же самое и о руководстве университетов Соединенных Штатов Америки? Безусловно, профессорско-преподавательский состав и руководство университетов ревностно и бдительно следят за тем, чтобы проявлений на почве ненависти в стенах их университетов было как можно меньше. Связано это, помимо высокоморальных и естественных причин, еще и с необходимостью поддерживать имидж и статус учебного заведения, что порой доходит до достаточно абсурдных ситуаций. Одним из таких случаев догматической защиты межрасового равенства стало отстранение профессора деловой коммуникации бизнес-школы Маршалла Университета Южной Калифорнии Грега Паттона, который на занятии сказал китайское слово «那个», звучащее как «Nei ge» и переводящееся как «вроде» или «типа». После жалоб студентов комитет по этике пришел к выводу, что слово созвучно с оскорбительным расистским N-словом, что повлекло за собой отстранение преподавателя от чтения данного курса и предложение ему от руководства «сделать паузу» [11].

Тем не менее несмотря на подобные случаи догматического поведения в области профилактики расизма, руководства многих университетов со всей ответственностью подходят к проблеме противодействия преступлений на почве ненависти. В первую очередь необходимо говорить о том, что достаточно большое количество университетов организывает так называемые горячие линии,

с помощью которых студент может уведомить о преступлениях на почве ненависти или расовой нетерпимости. Такая линия есть, например, в Колорадском университете, коммуникация через которую производится полностью на анонимной основе, а любые жалобы остаются конфиденциальными [12]. Другие университеты, ярким примером которых является Гарвард, выпускают целые документы, связанные с политикой противодействия дискриминации на любой почве, в том числе и расовой [13]. В данных документах прописываются принципы равенства, на которые опирается университет в области политики равного отношения и возможностей, а также описывается механизм подачи и рассмотрения жалоб, связанных с преступлениями на почве ненависти.

И, пожалуй, последним штрихом, говорящим о том, что университетское сообщество является одним из самых прогрессивных в области противодействия и профилактики преступлениям на почве ненависти в США, является тот факт, что профсоюзы преподавателей выпускают свои методические рекомендации в области профилактики расизма. Одним из новейших стало выпущенное профсоюзом «Калифорнийская ассоциация преподавателей» на волне антиазиатских преступлений и пандемии COVID-19 руководство «Борьба с антиазиатским расизмом в эпоху коронавируса», в котором выдвигаются тезисы о необходимости постоянной профилактики расизма на территории штата Калифорния путем самоорганизации и противодействия расизму «снизу вверх» [14]. Руководство также свидетельствует о необходимости сотрудничества с «цветными» сообществами, взаимодействие с которыми позволит определить наиболее эффективную стратегию в области противодействия преступлениям на почве ненависти. Данное руководство говорит о стратегически важном использовании социальных сетей и хештегов по образцу кампаний *#Washthehate* и *#Racismisavirus*.

Таким образом, университетское сообщество остается самым прогрессивным и эффективным в области противодействия преступлениям на почве ненависти с использованием различных тактик и методик по профилактике расизма.

Взаимодействие некоммерческих организаций с органами правопорядка. Другим немаловажным актором гражданского общества, ответственным за профилактику преступлений на почве ненависти в американском обществе, являются правозащитные некоммерческие организации, ведущие свою деятельность совместно друг с другом и во взаимодействии с органами государственной власти. Основными задачами подобных правозащитных организаций явля-

ются: работа по повышению уровня осведомленности о проблеме и истории расизма в США; пропаганда толерантного и терпимого отношения к людям вне зависимости от их цвета кожи и этнической или национальной принадлежности; распространение знаний о различиях культур и поведенческих особенностях людей из разных стран. Немаловажной задачей является и контроль за деятельностью правоохранительных органов в области предотвращения развития расовых предрасположений, а также контроль за соблюдением расового правосудия.

Так, например, национальная правозащитная организация «Спонсоры за правосудие» приводит список подобных правозащитных организаций, которые совместными усилиями осуществляют контроль за правоохранительными органами в области ответственности полиции в случаях, связанных с «цветным» населением Соединенных Штатов Америки [15]. В данном списке значится 168 национальных и локальных организаций, среди которых можно выделить такие авторитетные организации, как «*Black Lives Matter*», «*Amnesty International*», «*ColorOfChange*».

Говоря о влиянии данных правозащитных организаций на органы правопорядка, можно упомянуть один из самых резонансных случаев 2020 года, когда офицер полиции Дерек Шовен непреднамеренно убил при задержании афроамериканца Джорджа Флойда. Благодаря широкой кампании вышеуказанных правозащитных организаций, ведущую роль в которой сыграли «*Black Lives Matter*» и «*ColorOfChange*», ситуация получила огласку, а к уголовному делу привлекли еще трех офицеров полиции, которые не остановили Шовена [16].

Работа с полицией и правоохранительными органами в области профилактики преступлений на почве ненависти заключается в поддержании постоянного диалога и попытках убедить самых консервативно настроенных полицейских в том, что проблема дискриминации по расовому признаку существует в Соединенных Штатах Америки повсеместно и касается поведения сотрудников правоохранительных органов в том числе. В данном случае представляет собой интерес личная инициатива президента организации «*ColorOfChange*» Рашада Робинсона по работе с правоохранительной организацией «Братский Орден Полиции», члены которой являются сторонниками грубых и силовых методов в области противодействия преступлениям. Рашад Робинсон во время президентства Барака Обамы проводил регулярные переговоры в Белом Доме с представителями данной организации [17]. Таким образом, постоянный диалог правозащитных организаций и правоохранительных органов в США позитивным образом сказывается на вопросе минимизации

ции преступлений на почве ненависти по расовому и этническому признаку, несмотря на то, что между полицейскими и правозащитниками остается немало непримиримых противоречий.

Немаловажным является также и другая сторона сотрудничества некоммерческих организаций и правоохранительных органов США в области противодействия преступлениям на почве ненависти. Так, например, некоммерческая организация, занимающаяся улучшением образования и вопросами расовой справедливости «Центр развития образования», совместно с министерством правосудия США опубликовала методическую рекомендацию под названием «Отвечая на преступления на почве ненависти: междисциплинарный учебный план» [18], разработанный специально для правоохранительных органов и специалистов, оказывающих помощь пострадавшим от насилия на почве ненависти. Данный двухсотстраничный учебный план позволяет научиться разбираться в видах насилия на почве ненависти, способах профилактики данных преступлений и возможностях по оказанию психологической или иной помощи пострадавшим от подобного рода преступлений. Этот учебный план является самым наглядным и успешным результатом совместной деятельности гражданского общества США и исполнительной власти в области профилактики экстремизма на межэтнической почве.

Проблемы имплементации американского опыта в российских реалиях. Внедрение опыта гражданского общества США в области профилактики преступлений на почве ненависти в Российской Федерации имеет под собой ряд трудностей, связанных с несколькими причинами, среди которых можно выделить проблемы современного российского гражданского общества и ксенофобские настроения существенной части российских граждан. Что же не так?

Во-первых, необходимо обозначить тот факт, что инициатива в области создания гражданского общества в истории России, как правило, принадлежала государству, что повлияло на своеобразное и отличное от западноевропейского понимания сути гражданского общества среди российских граждан вкуче с политическими и культурными особенностями сознания российской нации [19]. Отсутствие правозащитных организаций, способных оказывать такое же заметное воздействие на общество в вопросе профилактики межэтнических преступлений, а также апатичность большинства россиян в этом вопросе связана с рядом причин. Прежде всего стоит упомянуть о достаточно высоком уровне отчуждения российских граждан от общества и друг друга.

Так, например, в докладе международного дискуссионного клуба «Валдай» «Национальная идентичность и будущее России» указываются данные социопроса, в котором 32 %, отвечая на вопрос «Представьте себя частью одной или нескольких групп, наиболее близких вам по духу. Какие это будут группы?», заявили, что не относят себя ни к одной группе [20]. Крайняя степень индивидуализации российских граждан подтверждается и словами декана факультета социальных наук МВШСН Виктора Вахштайна: «Мы вошли в ситуацию пандемии с сильными доверительными контактами друг с другом и очень низким уровнем доверия к власти и системе здравоохранения, но происходящее сейчас в России точнее всего описывает сценарий атомизации – это распад социальных связей, на которых много держалось, начиная от экономических стратегий и трудоустройства, заканчивая инфляцией и политической мобилизацией» [21]. Подтверждают это также и исследования социологов ВШЭ, по результатам которых доверять большинству людей готовы только 17% россиян [22]. Таким образом, это говорит о том, что гражданам России куда сложнее самоорганизоваться на низовом уровне, чем американцам.

Усугубляют проблему и ксенофобские настроения части россиян, а также снижение уровня толерантности по отношению к лицам иных национальностей в современной Российской Федерации. В исследовании, проведенном российскими учеными Львом Гудковым и Кариной Пипия, указываются факт эрозии с распадом СССР значимой группы россиян, выступающих против любых форм этнонациональной дискриминации, а также рост ксенофобских настроений, в которых радикалов поддерживает молчаливая пассивная среда сочувствующих, а сама ситуация в российском обществе в межнациональном вопросе может быть охарактеризована как «спящая агрессивность» [23].

Тем не менее позитивным моментом, связанным с возможностью имплементации американских практик, является существование достаточно большого количества этнокультурных организаций в России, в задачи которых с помощью государственных организаций может быть внесена деятельность по профилактике преступлений на почве ненависти и дискриминации по этническому признаку. Проблема, которая может возникнуть при работе с данными организациями заключается в том, что организации национально-культурных автономий часто пытаются представлять интересы всего народа, что может вызвать конфликтные ситуации с серьезными последствиями для полиэтнических регионов [24].

Таким образом, на современном этапе работа по имплементации американских практик возможна, но может быть затруднена и замедлена в силу ряда обстоятельств, проблем и особенностей гражданского общества Российской Федерации, которые не являются непреодолимыми, но требуют постоянного мониторинга и вовлеченности ответственных лиц в работу над данным процессом.

Заключение и перспективы противодействия экстремизму в сфере межэтнических преступлений. Принимая вышеизложенное во внимание, можно сделать ряд выводов и дать некоторые рекомендации.

1. Опыт гражданского общества Соединенных Штатов Америки свидетельствует о том, что вопросы профилактики расизма должны оперативно решаться на низовом уровне путем самоорганизации отдельных микрогрупп, социальных страт или сообществ по типу студенческих объединений или диаспоральных организаций.

2. Проведенный анализ деятельности диаспоральных организаций в области профилактики преступлений на почве ненависти в США показал необходимость повышения сознательности и осведомленности руководства диаспоральных организаций на территории Российской Федерации по данному вопросу, в том числе с использованием публичного пространства, а также с помощью увеличения научных публикаций по данной тематике.

3. Изученный опыт профилактики преступлений на почве ненависти в США показывает, что в ходе имплементации данных практик в качестве инструментов национальной политики Российской Федерации необходима так называемая «смычка» между органами правопорядка и гражданским обществом, в рамках которой установился бы доверительный и постоянный диалог с возможностью той или иной стороны осуществлять мониторинг ситуации в режиме реального времени и оперативно принимать решения на местах в масштабах микрорайонов, районов и муниципалитетов без перекладывания ответственности в области разрешения подобных вопросов на вышестоящие инстанции, что могло бы вызвать их излишнюю перегруженность.

4. Опыт профилактики преступлений на почве ненависти в университетах США показывает, что внедрение данных практик в университетских сообществах Российской Федерации необходимо и возможно в той же полной мере и с той же решимостью при принятии решений для противодействия расизму. Университетским сообществам в России также необходимо сформировать комиссии по этике и внедрять горячие линии для анонимных жалоб студен-

тов, сталкивающихся с дискриминацией по тому или иному признаку в стенах университетов.

5. Принимая во внимание рост ксенофобских настроений среди граждан Российской Федерации представляет крайнюю необходимость форсирование уже сформированных практик в области противодействия преступлениям на почве ненависти, а также ускорение внедрения новых практик в области американского опыта купирования межэтнических конфликтов, описанных в данной статье.

Список литературы

1. Covid-19 crisis and the Jewish people: Implications, dilemmas, and recommendations URL: http://jppi.org.il/wp-content/uploads/2020/JPPI_covid19E.pdf (дата обращения: 24.10.2020)
2. Nonprofits launch site for Asian Americans to report coronavirus-related racism // NBC News. 21.03.2020. URL: <https://www.nbcnews.com/news/asian-america/nonprofits-launch-site-asian-americans-report-coronavirus-related-racism-n11640911> (дата обращения 23.09.2020)
3. Responding to hate crime: A multidisciplinary curriculum for law enforcement and victim assistance professionals // National Center for Hate Crime Prevention. Education Development Center, Inc. URL: https://www.ncjrs.gov/ovc_archives/reports/responding/files/ncj182290.pdf (дата обращения: 24.10.2020).
4. "Turn back this wave of hate": 100 writers call for an end to anti-Asian hostility // The Guardian. 25.05.2020. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/may/25/asian-american-writers-trump-coronavirus> (дата обращения: 23.09.2020).
5. 150 members of Congress demand Justice Department action against anti-Asian, COVID-19 racism // NBC News. 23.07.2020. URL: <https://www.nbcnews.com/news/asian-america/150-members-congress-demand-justice-department-action-against-anti-asian-n1234658> (дата обращения: 23.09.2020).
6. Morristown student who used racial slur in Snapchat video loses spot on Cornell football team // Morris Daily Voice. 23.06.2020. URL: <https://dailyvoice.com/new-jersey/morris/news/morristown-student-who-used-racial-slur-in-snapchat-video-loses-spot-on-cornell-football-team/789796/> (дата обращения: 24.10.2020).
7. Xavier revokes student athlete's admission after racist social media posts. 04.06.2020. Local 12. URL: <https://local12.com/news/local/xavier-revokes-student-athletes-admission-after-racist-social-media-posts-cincinnati> (дата обращения: 24.10.2020).
8. "Cancel Yale?" Not likely. Yale News. 28.06.2020. URL: <https://yaledailynews.com/blog/2020/06/28/cancel-yale-not-likely/> (дата обращения: 24.10.2020).
9. Ivy League universities wrestle with deep-rooted ties to slavery, racism // The Daily Pennsylvanian. 01.07.2020. URL: <https://www.thedp.com/article/2020/07/ivy-league-slavery-racist-past-princeton-yale-penn-woodrow-wilson> (дата обращения: 24.10.2020).
10. Princeton to name residential college after Black Alumna // NY Times. 10.10.2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/10/10/us/mellody-hobson-woodrow-wilson-princeton.html> (дата обращения: 24.10.2020).

11. USC professor under fire after using Chinese expression students allege sounds like English slur // CNN. 11.09.2020. URL: <https://edition.cnn.com/2020/09/10/us/usc-chinese-professor-racism-intl-hnk-scli/index.html> (дата обращения: 24.10.2020).
12. MCDB ANNOUNCES Racism Hotline. University of Colorado. 15.06.2020. URL: <https://www.colorado.edu/mcdb/2020/06/15/mcdb-announces-racism-hotline> (дата обращения: 24.10.2020).
13. Discrimination policy and review procedure // Harvard Information for Employees. URL: <https://hr.harvard.edu/staff-personnel-manual/general-employment-policies/discrimination-policy-and-review-procedure> (дата обращения: 24.10.2020).
14. Combating anti-Asian racism in the age of coronavirus. California Faculty Association. 2020. URL: https://www.calfac.org/sites/main/files/file-attachments/curriculum_guide_combatting_anti-asian_racism_in_the_age_of_coronavirus.pdf?1589395997 (дата обращения: 24.10.2020).
15. Organizations addressing police accountability and racial justice. Funders for Justice. URL: <https://fundersforjustice.org/organizations/> (дата обращения: 24.10.2020).
16. JusticeforFloyd: Demand the officers who killed George Floyd are charged with murder. ColorOfChange. URL: https://act.colorofchange.org/sign/justiceforfloyd_george_floyd_mineapolis/ (дата обращения: 24.10.2020).
17. How nonprofit color of change applies pressure to fight racial inequality // CNBC News. 19.07.2020. URL: <https://www.cnbc.com/2020/07/19/how-color-of-change-applies-pressure-to-fight-racial-inequality.html> (дата обращения: 24.10.2020).
18. Responding to hate crime: A multidisciplinary curriculum // Newton MA, Education Development Center Inc., 2000. URL: https://www.ncjrs.gov/ovc_archives/reports/responding/files/ncj182290.pdf (дата обращения: 24.10.2020).
19. Krivcov A. O. Problemy sovremennogo grazhdanskogo obshhestva Rossii // Razvitie Obshhestvennyh Nauk Rossijskimi Studentami. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sovremennogo-grazhdanskogo-obschestva-rossii> (дата обращения: 24.10.2020).
20. Nacional'naja identichnost' i budushhee Rossii. Doklad mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj». Klub «Valdaj». 2014. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/22574/> (дата обращения: 24.10.2020).
21. Viktor Vahstajjn: «My v pervye stolknulis' s situaciej raspada social'nyh svyazej». Zhurnal vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii. 27.05.2020. URL: <http://freeconomy.ru/mneniya/viktor-vahstajjn-my-v-pervye-stolknulis-s-situatsiej-raspada-sotsialnyh-svyazej.html> (дата обращения: 24.10.2020).
22. Kuflina E. D., Roshhina Ja. M. Differenciacija social'nogo kapitala rossijan i ee factory // Vestnik Rossijskogo monitoringa jekonomicheskogo polozhenija i zdorov'ja naselenija NIU VShJe. № 8. URL: <https://www.hse.ru/rfms/vestnik> (дата обращения: 24.10.2020).
23. Gudkov L., Pipija K. Parametry ksenofobii, rasizma i antisemitizma v sovremennoj Rossii // Vestnik obshhestvennogo mneniija. Dannye. Analiz. Diskussija. № 3. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/parametry-ksenofobii-rasizma-i-antisemitizma-v-sovremennoj-rossii> (дата обращения: 24.10.2020).
24. Tishkov V. A. Jetnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie – osnova stabil'nosti i razvitija rossijskogo obshhestva: Stat'i i interv'ju. M.: Moskovskoe bjuro po pravam cheloveka, «Academia», 2008. 84 s.

УДК 378.183-048.93

Ю. В. Попова¹, Н. Г. Шилина²

¹ Аспирант кафедры информационных технологий обучения и непрерывного образования Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

² Кандидат педагогических наук, доцент кафедры медицинской и биологической физики Красноярского государственного медицинского университета имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого, Красноярск, Россия

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО И РОССИЙСКОГО ОПЫТА)

В статье сопоставлены данные об отношении студентов педагогического направления и сотрудников педагогических вузов в Испании и России к межкультурным конфликтам и медиации в образовании для их предотвращения. Для получения эмпирических данных опрошено более 200 студентов и 70 педагогов в Университете Сантьяго-де-Компостела, Испания, и Сибирском федеральном университете, РФ. Выявлены некоторые особенности восприятия предпосылок конфликтов в образовательной среде университета. Сделан вывод, что медиативный подход в разрешении конфликтов в высшей школе обеспечивает благоприятную обстановку и успешные межэтнические и межкультурные контакты между субъектами образования.

Ключевые слова: медиация, конфликты в образовании, межкультурное взаимодействие, педагогическое образование.

The article deals with comparative data on the attitudes to intercultural conflicts and mediation in education to prevent them. The target audience groups were students majoring in Education and pedagogical universities staff in Spain and Russia. To obtain empirical data, more than 200 students and 70 teachers were interviewed at University of Santiago de Compostela, Spain and Siberian Federal University, Russia. Some peculiarities of perception of conflict roots in the University environment were revealed. It is concluded that the mediation approach to conflict resolution in higher education provides a peaceful coexistence and successful interethnic and intercultural contacts between the actors of education process.

Keywords: mediation, conflicts in education, intercultural interaction, teacher training.

Введение. Миграция рабочей силы из дальнего и ближнего зарубежья является ключевым источником восполнения численности населения и преодоления дефицита трудовых ресурсов как в Европе, так и в Российской Федерации. В условиях глобализации и роста темпов миграционных процессов в Краснояр-

ском крае проблема интеграции иммигрантов и адаптации принимающего общества никогда не перестанет быть актуальной. В табл. 1 представлены данные Управления Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва на 24.09.2020.

Таблица 1

Сравнительные данные темпов миграции населения по Красноярскому краю за 2019–2020 годы, человек

	Январь – июль 2020 г.			Справочно январь – июль 2019 года		
	число прибывших	число выбывших	миграционный прирост, снижение (-)	число прибывших	число выбывших	миграционный прирост, снижение (-)
Миграция, в том числе:	57 619	59 309	-1 690	64 904	67 624	-2 720
в пределах России, в том числе:	49 248	52 021	-2 773	55 474	60 381	-4 907
внутрикраевая	33 193	33 193	–	38 020	38 020	–
межрегиональная	16 055	18 828	-2 773	17 454	22 361	-4 907
международная миграция, в том числе:	8 371	7 288	1 083	9 430	7 243	2 187
с государствами-участниками СНГ	7 755	6 465	1 290	8 496	6 570	1 926
со странами вне СНГ	616	823	-207	934	673	261
Из общего итога – внешняя (для края) миграция	24 426	26 116	-1 690	26 884	29 604	-2 720

Официальная статистика гласит, что в Красноярском крае происходит миграционный отток населения в пределах России, но при этом наблюдается прирост международной миграции, в том числе в условиях ограничений мобильности граждан, связанных с пандемией COVID-19. В Сантьяго-де-Компостела, столице региона Галиция в Испании, приток иммигрантов из-за рубежа за отчетный период составил 26 932 человек в сравнении с 9 075 эмигрантов из региона в другие страны. Это говорит об актуальности новых подходов к мерам социокультурной адаптации и интеграции мигрантов в Испанском и Сибирском регионах.

Важная роль в формировании культуры взаимодействия принадлежит образовательным учреждениям всех уровней, от дошкольного до высшего и профессионального. Мы сфокусировали свое внимание на системе высшего образования и провели сравнительные исследования в Сибири и в одном из регионов

Испании, Галиции. Нас интересовали предпосылки, а также современные практики урегулирования конфликтов, в том числе межкультурных и межэтнических, в отдельно взятых испанском и российском университетах. Мы ставили целью выявить и проанализировать актуальность и отношение студентов – будущих педагогов, а также сотрудников университетов к государственной национальной политике и мерах внутреннего регулирования в университетах, принимаемых для мирного сосуществования участников образовательного процесса.

Методы и материалы. Метод исследования: анкетирование целевых аудиторий, обработка результатов статистическими методами, контент-анализ. Сравнительные исследования были проведены среди студентов, а также педагогов, административных и научных сотрудников кафедры педагогики и дидактики и в исследовательской группе ESCULCA Университета Сантьяго-де-Компостела (USC) в Галисии, Испания, и Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия посредством онлайн-опросника. Выборка в СФУ была репрезентативной по отношению к испанской по полу, возрасту, научному званию, должности, опыту работы для сотрудников, а также по области обучения и других характеристик – для студентов. Опросники для двух целевых групп отличались по количеству разделов, по соотношению открытых и закрытых вопросов и их формулировкам. Для сотрудников вузов он состоял из четырех разделов, двадцати вопросов с выбором вариантов ответа и трех вопросов, требующих пояснения. Опросник для студентов включал шесть разделов, 27 вопросов, восемь из которых предполагали развернутый ответ. Результаты обрабатывались методами непараметрической статистики. Для сравнения данных в двух группах (пара вопросов) использовался критерий Манна-Уитни и результаты дисперсионного анализа. Различия принимались статистически значимыми при $P \leq 0,05$.

Результаты. Один из вопросов анкеты звучал так: «Считаете ли вы, что медиация в образовании позволяет разрешать и предотвращать конфликты в процессе обучения?» Отвечая на него, только 10 % испанских и 18 % российских студентов затруднились с ответом, что может быть результатом неосведомленности. Большинство респондентов (студенты – 85 % в Испании и 73 % в России; педагоги – 94 % в Испании и 92 % в России) согласились с тем, что медиация позволяет студентам разрешать и предотвращать конфликты в образовательном процессе.

Таким образом, можно сделать вывод, что будущие работники образования в обеих странах считают медиацию достаточным инструментом разреше-

ния конфликтов в учебной среде. Мы надеемся, что для студентов, которые не составили своего мнения об эффективности медиации в образовании, наше исследование послужит направлением для возможного применения в их будущей работе для разрешения споров.

Следующие вопросы онлайн-анкеты касались мер, принимаемых органами власти, а также университетами в управлении конфликтами. Интересно, что большинство педагогов и в Испании, и в России считают эти меры недостаточными как на национальном, так и на институциональном уровнях (в равной степени около 70 %).

Для выявления причин возникновения конфликтных ситуаций, особенно для выяснения наличия межкультурных проблем в вопросник для обеих целевых групп в двух странах были включены следующие вопросы:

- Были ли вы вовлечены или наблюдали конфликт в образовании во время своей работы?
- Были ли возникшие конфликтные ситуации связаны с различием в культурах?

Согласно публикаций в СМИ, а также в научных журналах, периодике и открытых источниках, в последние несколько лет в целом наблюдается рост конфликтов и насильственного поведения среди молодежи в Испании (Ж. Гаскес Линарес, А. Кангас Диас, М. Перес Фуэнтес, Ф. Лукас Асьен и др.) и РФ (Е. А. Ямбург, О. Г. Смолянинова, Е. М. Бабосов, М. Вебер и др.). Несмотря на это, наши исследования показали достаточно серьезные различия в восприятии опыта участия в конфликтах.

Принято считать, что ситуации непонимания, напряжения, обиды, споров или даже травли в образовательной среде неизбежны для каждого обучающегося. Парадоксально, но в ходе опроса только 26 % испанских студентов вспомнили о негативном опыте конфликтов в начальной школе и 28 % – в средней. Эти результаты коррелируют с результатами российского опроса: 22 % студентов ответили, что они были вовлечены в конфликтные ситуации в начальной школе и 30 % – в средней школе.

Опросив преподавателей и другие категории сотрудников университета в USC и в СФУ, мы выяснили, что сотрудники со средним стажем преподавания 12–20 лет сталкивались с конфликтами в университете менее чем в половине случаев (40 %).

Удивительно, но только половина респондентов из числа сотрудников в Испании сообщили, что у них есть поликультурные студенческие группы

с представителями других наций, этносов, культур. Остальные 49 % ответили отрицательно, и этот результат был несколько нелогичным. Известно, что в наши дни академическая мобильность широко распространена, и мы можем полагаться на данные Отдела международных отношений Университета Сантьяго-де-Компостела (USC). По официальным данным, в 2018–2019 учебном году в программах мобильности университета приняли участие 1 840 студентов из разных государств. Было подписано 1 142 соглашения об обмене с 453 университетами из 31 европейской страны. Двусторонние программы со странами, не входящими в Европейский Союз, позволили 419 студентам поступить в USC. Это означает, что он является поликультурным университетом с высокоразвитой политикой в области межкультурной политики.

Согласно полученным данным, поликультурные студенческие группы в России составляют около 80 %. Этот показатель вполне обоснован с учетом международной политики и потоков мобильности в СФУ. Кроме того, сотрудники могли учитывать разнообразие не только этнических групп и национальностей, но и субкультур, представленных студентами.

На вопрос, были ли конфликты, наблюдаемые сотрудниками университета, связаны с культурными различиями, был получен определенный ответ, что это не так. Только один человек в Испании ответил положительно. По данным опрошенных, в России многообразие культур вызывает образовательные конфликты в 20 % случаев.

Что касается мнения студентов, в Испании 64 % опрошенных сообщили, что у них есть поликультурные студенческие группы с представителями других наций и культур. Остальные 36 % ответили отрицательно. На вопрос, связаны ли конфликты в образовании с культурными различиями, 60 % ответили «нет», а 13 % не смогли дать определенного ответа. Только 27 % испанских студентов предположили, что школьные конфликты имели межкультурные причины.

В России доля студентов, обучающихся в поликультурных студенческих группах, составила 57 %, при этом культурное многообразие вызывало образовательные конфликты в 22 % случаев. Как и их европейские сверстники, российские студенты (63 %) полагают, что конфронтации не связаны с проблемами межкультурной коммуникации (значимых различий нет, $P > 0,07$), а 15 % затруднились с ответом. Однако, несмотря на кажущуюся похожесть результатов, значимые различия выявлены в ответе на вопрос о межкультур-

ных образовательных конфликтах в студенческой среде испанских и российских педагогов, а главное – в определении причин этих конфликтов ($F = 2,63$; $p < 0,05$). Сводные данные опроса представлены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты опросов в целевых группах в Испании и РФ, %

Категория	Студенты		Педагоги	
	Испания	Россия	Испания	Россия
Поликультурные группы	36	43	51	80
Однородные группы	64	57	49	20
Межкультурные конфликты	27	22	10	22
Неопределенные причины конфликтов	13	15	3	–
Корни конфликтов вне различия культур	60	63	87	78

Выводы. Для нас стало неожиданным результатом, что и в Испании, и в России большинство студентов сообщили, что они не пострадали от конфликтных ситуаций в процессе обучения, а педагоги – что не участвовали и не наблюдали их в вузе в течение своей работы. Результаты опроса вызывают вопросы относительно характера и степени понимания термина «конфликт» респондентами, а также того факта, что конфликты в школах могут иметь различные формы и степени эскалации. Мы считаем, что существуют стадии конфликта, которые сложно выявить и описать, и некоторые из них не принимаются во внимание, воспринимаясь как субъективные и неочевидные. Отвечая на открытые вопросы, большинство учащихся вспоминали, что они не были вовлечены в насильственные ситуации, часть делилась негативным опытом об обидах в школе, в то время как небольшая часть студентов описала опыт, когда непосредственно выступали агрессорами на предыдущем этапе своего обучения.

Мы рады сделать вывод, что мирное сосуществование разнородных культур в образовательной среде происходит в силу целого ряда причин, таких как этническая толерантность, навыки межкультурного диалога, взаимоуважение в гуманистической и индивидуально-ориентированной парадигме обучения. Безусловно, это способствует профилактике напряженности в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений. Хочется отметить, что в Красноярском крае сближению участников различных этнических групп студентов в Красноярском крае, по нашему мнению, способствует ежегодный

региональный студенческий фестиваль национальных культур «Мы дружбой едины!»

Необходим дальнейший сбор данных для того, чтобы точно определить, каким образом медиация в образовании может быть использована для формирования безопасной образовательной среды высших учебных заведений.

Список литературы

1. Official website of Federal State Statistics Service for the Krasnoyarsk territory, Republic of Khakassia and Republic of Tyva. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/32970>.
2. European agenda for the integration of non-EU migrants. URL: <https://ec.europa.eu/home-affairs/what-we-do/policies/european-agenda-migration>.
3. IGE – Instituto Galego de Estatística: official data on population and society. URL: https://www.ige.eu/igebdt/esq.jsp?paxina=000&c=-1&idioma=gl&ruta=fichas%2Fbdcomarcal_tablas.jsp%3FESP%3D12.
4. University of Santiago de Compostela in numbers: students in mobility programs. URL: <https://www.usc.gal/es/usc/en-cifras/movilidad>.
5. Youth policy of the Krasnoyarsk territory. URL: <http://красноярскийкрай.рф/press/news/molodezh>.

УДК 314.151.3

О. С. Ситяева, В. Н. Краснопеева

Студент Института управления бизнес-процессами и экономики Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье на основе действующего законодательства рассмотрены особенности обеспечения прав и свобод коренных малочисленных народов Севера и проведен обзор положений нормативно-правовых актов, регулирующих данный вопрос. В результате были определены недостатки существующей правовой системы и обозначены меры по их устранению.

Ключевые слова: национальная политика, нормативно-правовое обеспечение, коренные малочисленные народы Севера.

The article, based on the legal enforcement, examines the original features of ensuring the rights and liberties of the small indigenous minorities of the North and reviews the provisions of the legal and regulatory instruments governing this matter. As a result, deficiencies in the existing legal system and remedial measures are identified.

Keywords: national policy, legal enforcement, small indigenous peoples of the North.

Россия, являясь одной из крупнейших многонациональных стран мира, ставит перед собой задачу обеспечения прав и свобод человека и гражданина при сочетании интересов государства и многочисленных народов России. Для достижения данной цели принимается национальная политика, определяемая как система стратегических приоритетов и мер органов государственной власти и местного самоуправления с участием институтов гражданского общества по обеспечению поддержки этнокультурного и языкового многообразия граждан, недопущению дискриминации, в том числе по признаку национальной принадлежности, а также предупреждение конфликтов на национальной и религиозной почве как условия обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития Российской Федерации [1].

При этом особое внимание следует уделить коренным малочисленным народам Севера как группе населения, нуждающейся в государственной защите и поддержке, так как в данный момент в законодательстве присутствуют пробелы, вследствие чего возникают вопросы о правовом регулировании их прав и свобод. В качестве основной причины вышеуказанной проблемы следует обозначить отсутствие единой системы нормативно-правовых актов, позволивших бы обеспечить защиту прав коренного населения Российского Севера, для чего предлагается рассмотреть существующие в соответствующем законодательстве недостатки (таблица).

Таким образом, можно отметить, что нормативно-правовой аспект обеспечения прав и свобод коренных малочисленных народов в Российской Федерации все еще требует дальнейшей проработки:

- создание унифицированного понятийного аппарата в данной сфере, что позволило бы избежать многозначности трактовки и правовых коллизий в законодательстве;
- предоставление преимущественного права в решении вопросов, связанных с осуществлением ими традиционных видов хозяйственной деятельности;
- расширение существующих льгот, так как образ жизни, который ведут указанные народы, не способствует получению доходов, достаточных для представления своих интересов наравне с другими гражданами страны;

- повышение уровня информированности в вопросах обеспечения собственных прав и свобод.

Таблица

Нормативно-правовое регулирование вопросов, непосредственно связанных с обеспечением прав коренных малочисленных народов Севера [2–9]

Нормативно-правовой акт	Регулирование в области обеспечения прав коренных народов Севера	Существующие недостатки
Указ Президента РФ «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»	Определены основные направления деятельности государства, касающиеся обеспечения социально-экономических интересов коренных народов, проживающих преимущественно на территориях Арктической зоны	Несмотря на наличие в полной мере гарантий осуществления права коренных малочисленных народов на обращение в суд, все еще существуют трудности, связанные со следующими факторами:
ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»	Закреплено право коренных малочисленных народов на судебную защиту исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов	<ul style="list-style-type: none"> ▪ удаленность места проживания коренного населения от органов судебной власти; ▪ отсутствие финансовых средств для оплаты судебных расходов;
ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»	Предусмотрена возможность для обжалования действий органов государственной власти и местного самоуправления в случае ущемления ими прав этнических общин, а также уделено внимание вопросам, связанным с возмещением убытков, причиненных общине в результате нанесения вреда окружающей среде	<ul style="list-style-type: none"> ▪ недостаточный уровень информированности о собственных правах и возможностях и, как следствие, нежелание представителей коренных народов решать вопросы о нарушении своих прав через обращение в суд
Земельный кодекс РФ	Предусмотрена возможность установления особого правового режима использования земель в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации	Отсутствие трактовки таких понятий, как места традиционного проживания и традиционная хозяйственная деятельность, в связи с чем наблюдается высокий риск возникновения правовой коллизии в законодательстве различных уровней
Налоговый кодекс РФ	Внесены в разряд доходов, не подлежащих налогообложению и обложению страховыми взносами, доходов, получаемых членами зарегистрированных в установленном порядке родовых, семейных общин малочисленных народов Севера, занимающихся традиционными отраслями хозяйствования	Отсутствие четко прописанной системы лимитов использования ресурсов для личных нужд представителями коренных народов, что создает возможность уклонения от уплаты положенных платежей в бюджет лицами, недобросовестно относящимися к исполнению взятых на себя обязательств

Окончание таблицы

Закон РФ «О недрах»	Закреплены права коренных малочисленных народов на защиту собственных интересов и разрешение споров по вопросам пользования недрами	Отсутствие правовой регламентации интересов малочисленных коренных народов, на чьих территориях осуществляется недропользование
Региональные законы «О северном оленеводстве», «Об оленеводстве»	Определены формы государственной поддержки и регулирования оленеводства, гарантии и компенсации оленеводам и оленеводческим хозяйствам	Правовое регулирование данной области осуществляется только в рамках региональных нормативно-правовых актов, так как закон, регулирующий соответствующие правовые отношения на федеральном уровне, отсутствует
Водный кодекс РФ	Регламентированы вопросы об использовании водных объектов в местах традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера и создании бассейновых советов для обеспечения рационального использования и охраны водных объектов	Указанные вопросы регулируются органами государственной власти разных уровней. Участие представителей общин коренных малочисленных народов Севера проявляется только в форме составления рекомендаций
ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ»	Определен порядок образования территорий традиционного природопользования и пользования природными ресурсами в их пределах, а также закреплена возможность изъятия описанных земельных участков в пользу государства	Отсутствие четкой трактовки понятия территорий традиционного природопользования, в связи с чем наблюдается высокий риск возникновения правовой коллизии в законодательстве различных уровней
ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»	Предусмотрена возможность передачи в аренду территорий, которые находятся в государственной или муниципальной собственности, из земель сельскохозяйственного назначения общинам коренных малочисленных народов в целях сельскохозяйственного производства, а также сохранения их традиционного жизненного уклада	Получение земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности, возможно только в рамках договора аренды на определенный срок с необходимостью его продления

Тем не менее органы государственной власти уже предпринимают шаги в данном направлении: в частности, ведется разработка программ поддержки хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера посредством реализации финансовых и нефинансовых мер. Однако большая

часть вопросов в области национальной политики Российской Федерации все еще остается неурегулированной, что повышает вероятность возникновения угроз ее национальной безопасности.

Список литературы

1. О Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года: указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 // Гарант: информ.-правовая система. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70184810/>.
2. О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ: федер. закон РФ от 30.04.1999 № 82 // Гарант: информ.-правовая система. URL: <https://base.garant.ru/180406/>.
3. Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ: федер. закон РФ от 20.07.2000 № 104 // Гарант: информ.-правовая система. URL: <https://base.garant.ru/182356/>.
4. Земельный кодекс РФ: федер. закон РФ от 25.10.2001 № 136 // Гарант: информ.-правовая система. URL: <https://base.garant.ru/12124624/>.
5. Налоговый кодекс РФ: федер. закон РФ от 31.07.1998 №146 // Гарант: информ.-правовая система. URL: <https://base.garant.ru/10900200/>.
6. О недрах: закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 // Гарант: информ.-правовая система. URL: <https://base.garant.ru/10104313/>.
7. Водный кодекс РФ: федер. закон РФ от 03.06.2006 № 74 // Гарант: информ.-правовая система. URL: <https://base.garant.ru/12147594/>.
8. О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ: федеральный закон от 07.05.2001 № 49 // Гарант: информ.-правовая система. URL: <https://base.garant.ru/12122856/>.
9. Об обороте земель сельскохозяйственного назначения: Федер. закон от 24.06.2002 № 101 // Гарант: информ.-правовая система. URL: <https://base.garant.ru/12127542/>.
10. Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики: офиц. сайт. URL: <https://minvr.gov.ru/>.

УДК 303.425.6:17.022.1

М. Я. Хребтов

Исследователь по направлению «Теория и история культуры (культурология)» Сибирского федерального университета, Красноярского государственного медицинского университета имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого, Красноярск, Россия

МОДЕЛИРОВАНИЕ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РЕГИОНАХ СИБИРИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА ONLINE-ОПРОСА НАСЕЛЕНИЯ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)*

В данной статье представлены основные результаты проведенного полевого исследования в рамках диссертационной работы «Трансформация ценностей в постсоветский период (на материале исследований населения регионов Сибирского федерального округа)». Полевое исследование проводилось в виде online-анкетирования населения регионов Сибирского федерального округа. Респондентами данного социологического опроса выступили жители регионов Сибирского федерального округа в количестве 504 человека. К опросу были привлечены жители таких регионов Сибирского федерального округа, как Красноярский край, Республика Тува, Томская область, Иркутская область, Республика Хакасия, Новосибирская область, Омская область, Алтайский край. Опрос посвящен основным сферам и тенденциям формирования, развития и изменения ценностей жителей регионов Сибирского федерального округа. Эти данные отображают состояние ценностных тенденций и сфер населения регионов Сибирского федерального округа на первый квартал 2020 года. Также в конце статьи, используя данные опроса и результаты ученых, которые изучали ценностный вопрос данного федерального округа, сделана попытка смоделировать аксиологическую ситуацию в регионах Сибири с момента официального появления Российской Федерации. Для этого были рассмотрены научно-исследовательские работы ученых 1990-х, 2000-х, 2010-х годов.

Ключевые слова: научное моделирование, Сибирский федеральный округ, аксиологическая ситуация, online-опрос, социологическое исследование.

This article describes the main results of the field research carried out in the framework of the dissertation "Transformation of values in the post-Soviet period (based on the research of the population of the regions of the Siberian Federal District)". The field study was carried out in the form of an online survey of the population of the regions of the Siberian Federal District. The respondents of this sociological survey were residents of the regions of the Siberian Federal District in the amount of 504 people. The survey involved residents of such regions of the Siberian Federal District as Krasnoyarsk Territory, Republic of Tuva, Tomsk Re-

© Хребтов М. Я., 2021

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-90017.

gion, Irkutsk Region, Republic of Khakassia, Novosibirsk Region, Omsk Region, Altai Territory. The survey is devoted to the main spheres and the tendency of formation, development and change of values of the inhabitants of the regions of the Siberian Federal District. These data reflect the state of value trends and spheres of the population of the regions of the Siberian Federal District for the first quarter of 2020. Also at the end of the article, using survey data and the results of scientists who studied the value issue of this federal district, an attempt was made to simulate the axiological situation in the regions of Siberia since the official the emergence of the Russian Federation. For this, the research works of scientists of the 1990s, 2000s, 2010s were considered.

Keywords: scientific modeling, Siberian Federal District, axiological situation, online survey, sociological research.

В исследования был проведен опрос. Была использована такая разновидность этого метода, как online-опрос, который проходил в виде online-анкетирования. Этот исследовательский способ позволил получить в короткие сроки нужное количество необходимых данных, которые данные отображают состояние ценностных тенденций и сфер населения регионов Сибирского федерального округа на первый квартал 2020 года.

Респондентами выступили жители регионов Сибирского федерального округа. В опросе участвовали респонденты – представители разных полов (мужская часть респондентов составила 45,8 %, а женская – 53,4 %). Менее 1 % от всего количества респондентов не определили свою гендерную принадлежность. В опросе участвовало 504 человека (планируемая выборка – 500 человек). К опросу были привлечены жители таких регионов Сибирского федерального округа, как Красноярский край, Республика Тува, Томская область, Иркутская область, Республика Хакасия, Новосибирская область, Омская область, Алтайский край.

Возраст респондентов в основном – от 17 лет до 31 года. В опросе принимали участие и люди, выходящие за рамки данного возраста, но остальные возрастные категории несущественны, и были представлены несколькими респондентами, суммарное количество которых не превышает 3 % от всего количества респондентов опроса. Таким образом, основу респондентов составила молодежь.

В опросе участвовали люди с разным уровнем образования, а именно: со средним; среднеспециальным; незаконченным высшим; законченным высшим; высшим магистерским; те, кто имеют ученую степень или ученое звание.

В опросе участвовали люди разнообразных профессий в различных направлениях и сферах трудовой деятельности, а также представители разного рода занятий. Большее количество респондентов называют себя представителями русской национальности (около 92 %). По своему вероисповеданию 59,3 % респондентов являются приверженцами различных религиозных учений. 52,1 % участников опроса придерживаются разнообразных христианских течений, из них 15,7 % от числа всех респондентов четко выделили, что они являются представителями православного христианства; около 10 % – представители протестантских течений христианской религии. Количество тех, кто не определил свою религиозную принадлежность, – около 39 %. Приблизительно 5 % респондентов отметили, что они приверженцы идей агностицизма.

Для проведения online-опроса в исследовании была использована интерактивная интернет-платформа *Google*-формы. На этой платформе была размещена online-анкета: <https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSeIvRzTTmUq2C02fBprkfEY0F6Y0vEUNQlzmjBZQOUPYQzPA/viewform>. После данная анкета отправлена предполагаемым респондентам. Респондентам предложено пройти online-анкету анонимно. Анонимность online-анкеты обусловлена возможностью получить более или менее свободные ответы на задаваемые вопросы.

Вопросник имел несколько видов вопросов:

- закрытые вопросы с одним вариантом ответа;
- закрытые вопросы с несколькими вариантами ответа;

(данные типы вопросов могут содержать ответ «другое» – это позволит респондентам дать свой ответ или выразить свое мнение)

- закрытые вопросы с вариантами ответа «да» или «нет»;
- открытые вопросы, где необходимо кратко выразить свое мнение.

После опроса данная интернет-платформа позволила скачать полученные результаты в формате *Microsoft Excel*. Данный формат использован для дальнейшей обработки полученных исследовательских данных опроса с помощью компьютерных программ.

Для обработки и анализа полученных результатов опроса применяли лицензированное программное обеспечение *IBM SSPS*. *IBM SPSS* – это современный технический метод анализа данных, который позволяет легко использовать моделирование структурными уравнениями для проверки гипотез и получения новых знаний. *SPSS* обеспечивает поддержку исследований и теорий за счет расширения стандартных методов многомерного анализа,

включая регрессию, факторный анализ, корреляцию и дисперсионный анализ. Данное программное обеспечение помогает разрабатывать оценочные и поведенческие модели, отражающие сложные взаимосвязи, более точно по сравнению со стандартными методами многомерной статистики с использованием интуитивно понятного графического или программного интерфейса пользователя. Поэтому для анализа статистических данных исследования была использована программа IBM SPSS. Благодаря данной программе переработаны материалы опроса и получены первичные результаты в виде таблиц, диаграмм, графиков и т. д.

Вопросник анкеты касается значимых сфер и тенденций формирования, развития и изменения ценностей у представителей населений регионов Сибири. Данный выбор ценностных сфер и тенденций основывается на классификации мотиваций людей Ш. Шварца и на теории динамических отношений между ведущими типами человеческих мотиваций У. Билски. Исходя из этого, к основным сферам ценностной динамики относятся ценности общения и взаимодействия; ценности семьи, брака, детей; ценности здоровья, здорового образа жизни, спорта и физической культуры; ценности отдыха и развлечений; ценности интеллектуального времяпровождения; ценность использования современных информационных технологий; ценность патриотизма, любви к малой и большой Родине; материальные ценности и ряд других.

Результаты online-опроса населения регионов СФО. Рассмотрев основные сферы формирования, развития и изменения ценностей населения возраста от 17 лет до 31 года, проживающих в регионах Сибирского федерального округа, можно смоделировать следующую обстановку аксиологических тенденций и сфер.

Для современного человека, рожденного или жившего преимущественно в данный временной период, характерно находится в состоянии постоянного взаимодействия или общения с окружающими людьми или миром в целом. Современное поколение практически не строит планы, чтобы находится в состоянии полного одиночества. Технические новации позволяют населению Сибири иметь как непосредственное, так и общение online. Для женщин актуальнее возможность общение online, для мужчин – непосредственное. Мужчины более устремлены к общению с противоположным полом, чем женщины, которые относятся к этому без определенной цели. Самый общительный регион Сибири – это Республика Хакассия, жители которой наряду с жителями Красноярского края более остальных предпочитают возможность online-

общения. Что касается общения с противоположным полом, то здесь необходимо выделить Красноярский край как регион, где проявляется большее стремление к данному виду общению.

Рассмотрение ценностей семьи, брака, детей, показывает, что в возрасте от 17 лет до 31 года каждый 5–6-й является супругом или супругой. Большинство, не состоявших в браке, поддерживают идею официальной регистрации, хотя многие придерживаются позиции необходимости совместного сожительства перед браком. Жители Иркутской области в большей своей массе придерживаются позиции необходимости официальной регистрации. Для мужчин менее важна регистрация, чем для женщин. Примерно 7–8-й житель Сибири является родителем. По отношению детей в большинстве случаев поддерживается позиция осознанности и ответственности в вопросе становления отцом или матерью. Данная позиция более выражена среди тувинцев. В целом, говоря о детях, респонденты выделили момент зрелости и достатка по этому вопросу. Поэтому к детям как ценностной сфере жители регионов относятся положительно, но на практике эта ценность не столь популярна. Аналогичное понимание ценности брака, где есть понимание важности, но слабо популярно на практике. Но при этом для жителей регионов Сибири важна ценность семьи, в которой человек родился и сам является ребенком.

По поводу политических взглядов можно выделить, что данная ценность не актуальна для женского пола. Мужчины более политизированы. В основном современный постсоветский человек, проживающий в регионах Сибири, не имеет каких-то конкретных политических взглядов.

Путешествия и туризм очень популярны среди населения данного округа. Данное времяпровождение популярно в виде отпуска или каникул. Самые путешествующие регионы – Хакассия, Томская область. Основные страны для путешествий – это экзотические, восточные или места, которые имеют останки городов древних цивилизаций.

Не менее важна ценностная сфера патриотизма, любви к малой и большой Родине. Данная сфера была рассмотрена через вопросы миграции внутри страны и эмиграции зарубеж. Касаясь желания переехать в другие регионы России и в другие страны, мнения респондентов разделились примерно поровну. Жители Красноярского края и Республики Хакассия более предрасположены к переезду в другие регионы России или в страны. Можно выделить Иркутскую область, для населения которой менее актуальна возможность ми-

грации внутри РФ. К возможности эмиграции зарубеж иркутяне относятся так же положительно, как и население других регионов. Самые приоритетные страны для эмиграции – любая европейская страна (желательно англоговорящая), США и Канада, т. е. это страны, которые, по мнению респондентов, самые развитые в экономическом и социальном плане.

В основном сибирские люди имеют свое хобби или небольшое увлечение, что особенно характерно для женщин. Среди регионов менее кропотливо к своему хобби относятся в Туве, более кропотливо – в Томской области. Если смотреть на основные способы отдыха и развлечения, то для жителей Сибири актуально активное проведение свободного времени. Людям неважны модность и популярность места, наличие или неналичие алкогольных напитков, возможность или невозможность потратить огромное количество денежных средств. Большая поддержка наличию алкогольных напитков во время отдыха была оказана в Иркутской области; меньшую – оказали в Томской. Для представителей Хакасии более выражена возможность провести время в хорошем модном месте; для людей из Иркутской области это не имеет значения. И мужчины, и женщины выражают позицию, что алкоголь неважен. У женщин выражен интерес посещения хорошего заведения. Обычно жители регионов проводят свободное время среди людей, которые связаны с ними их личными похожими интересами. Больше всего на отдыхе в кругу интересов делают акцент в Томской области; меньше всего обращают на это внимание в Туве и Красноярском крае.

В момент интеллектуального времяпровождения большая часть респондентов отметили, что в данное время могут читать книги, но при этом для них непопулярно посещать библиотеки и читать книги там. Так или иначе, жители Сибири уделяют время для чтения книг, причем для них непопулярно читать книги, скаченные из Интернета, и слушать аудиокниги. Самый читающий регион – Тува, причем для удовольствия чаще читают в Иркутской области. Для населения Иркутской области и Республики Тува характерно часто посещать театры и концерты. Посещение музеев и художественных выставок более актуально для Красноярского края и Иркутской области.

В Сибири ценность здоровья, здорового образа жизни и спорта, исходя из мнений респондентов, популярно у чуть больше половины населения. Примерно в таком же количестве проявляется данная ценность, если смотреть по гендерному признаку, с небольшим перевесом у мужчин. Причем мужчины чаще занимаются физической активностью для поддержания физической

формы, а женщины – ради возможности «переключиться» и снять психологическое напряжение. Самые спортивные регионы – это Республика Хакассия и Иркутская области; самый неспортивный регион – Республика Тува.

Самой актуальной ценностью для современного населения регионов Сибири, которая становится своего рода тем, что показывает специфику любого общества XXI века, является ценность цифровизации или использования информационных технологий. Данная ценность практически актуальна для всего населения Сибири за исключением малого незначительного процента людей. Современные информационные новации помимо того, что совмещают в себе достижения прошлых лет, они связаны большим, необходимым для жизни, количеством благ, которые жители Сибири используют как на работе, так и в бытовых условиях. Жители Сибири используют информационные и компьютерные новации для работы, учебы, прослушивания музыки, поиска информации, создание и печати текстов, посещение развлекательных сайтов и т. д. Причем женщины чаще используют компьютерные технологии для работы, мужчины – для развлечения и отдыха. Самые играющие в компьютерные игры люди проживают в Туве и Томской области. В Красноярске увлекаются различными развлекательными сайтами, также для этого региона более остальных характерно использовать компьютер для поиска информации в Интернете. Для жителей Томской области более характерно использовать современные технологии для работы и учебы. Общаться с помощью данных технологий актуальнее в Республике Хакассия.

В современном постсоветском обществе Сибири, как и в остальной России, присутствует феномен социальных сетей. В основном данное явление популярнее среди женской части населения, кроме видеохостинга *YouTube*, который чаще используется мужчинами. В регионах социальные сети в основном имеют высокую популярность. Можно выделить Республику Туву, где самый высокий процент популярности использования социальных сетей. В Томской области данное явление информационного общества области менее популярно, но для этого региона более актуален самый непопулярный мессенджер *Viber*.

Главным акцент в выборе профессии или работы, по мнению респондентов, является материально-денежная составляющая. Помимо этого, у жителей сибирских регионов есть желание заниматься делом, которое им нравится. Для мужчин деньги являются более важной причиной выбора работы, также для них важна статусность места работы. Для женской части населения акту-

альнее возможность заниматься любимым делом, карьерные перспективы, уважения начальства и коллектив. Томская область – это регион, население которого больше выделяет деньги при выборе работы, а также более акцентировано на том, чтобы заниматься любимым делом. Карьерные перспективы важнее для представителей Тувы, также для них характерно желать уважения от начальства и зависимость место работы от географического положения их дома. Рабочий коллектив важнее в Красноярском крае. В Томской области идентично относятся к возможности карьерных перспектив и важности рабочего коллектива.

Таким образом, данное моделирование показывает актуальность формирования, развития, изменения различных аксиологических тенденций и сфер в жизни населения регионов в постсоветской Сибири в целом. С помощью сравнительного подхода была определена важность тех или иных ценностных явлений для жителей некоторых регионов в отдельности, а также сделано сравнение актуальности ценностей по половому признаку.

Научное моделирование процесса трансформации ценностей жителей регионов Сибирского федерального округа. Для обобщенного представления результатов научного моделирования трансформации ценностей были выделены четыре временных периода: 1990-е, 2000-е, 2010-е годы; начало 2020-х годов. В каждом из данных периодов указывается степень актуальности (высокая, средняя, низкая или, если есть, – специфическая формулировка актуальности) той или иной ценностной сферы или тенденции формирования, развития и изменения ценностей для среднестатистического представителя населения сибирских регионов. Первые три периода основываются на работах ученых-исследователей, которые ранее проводили ценностные исследования.

Так, в 1990-х годах, анализируя работы Б. В. Кимейши, А. А. Голова, Р. М. Тухватуллина, Л. И. Баева, С. Г. Климова, О. Д. Воробьева, И. И. Климина, В. И. Пантина, В. В. Лапкина, В. А. Артемова, В. С. Магуна, можно сделать вывод, что наиболее были распространены такие ценности, как богатство, достаток, дружба, коммуникация с близкими людьми или друзьями, свободное времяпровождение или досуг, принадлежность к своей этнокультурной группе, хорошая работа, путешествие и миграция по стране или миру.

В 2000-х годах, рассматривая исследования таких ученых, как М. И. Гаскова, В. К. Пельменев, Е. В. Памфилова, М. Розенова, А. Л. Кудряшова, Ю. А. Григорьев, С. В. Соболева, О. И. Баран, Н. П. Воробьева, А. И. Орехов-

ский, Т. А. Хагуров, Г. С. Гончарова, А. В. Репринцев, Б. Б. Батуева, А. О. Бороньев, А. Б. Федосов, С. В. Захаров, Б. Б. Батуева, Ю. М. Стаховская, И. И. Золотарев, Н. П. Воробьева, А. И. Ореховский, можно выделить следующие актуальные для данного периода ценностные сферы и тенденции этого временного промежутка: стремление к личному успеху в ущерб ценностям альтруизма; спорт и физическая активность; высшие чувства (любовь, сострадание, забота), дружба; хорошая работа; общение с друзьями или близкими; отсутствие контроля, свобода; принадлежность к этнокультурной группе; путешествие; свободное время и досуг; акцент на «личной инициативе», «лидерстве», «конкурентоспособности».

К изучению социальных ценностей 2010-х годов обращались исследователи О. В. Ионова, П. К. Кузнецов, А. Л. Кудряшова, А. В. Бабело, М. А. Томашевская, А. М. Васильев, Н. А. Васильева, Ю. Н. Авдеева, А. С. Пыркина, ученые научно-исследовательского отдела АНО Левада-Центра, Р. Н. Шматков, А. Р. Ягудина, А. М. Акчурина, А. Ю. Васильев, В. Г. Немировский, А. В. Немировская. Основываясь на исследованиях данных ученых, можно предположить, что в 2010-е годы для жителей регионов Сибири актуальны и значимы следующие ценности: активный отдых, хорошая работа, достижение материального достатка, богатство, власть, массовый спорт, дружба, здоровье, общение с окружающими, бесконтрольность, семья, свобода, культурная идентичность, миграция и путешествие, досуг, влияние Интернета на мировоззрение, карьерные перспективы, хорошее образование.

Относительно показателей «начала 2020-х годов» можно заметить, что в ней демонстрируется актуальность ценностей, исходя из выводов online-опроса, полученных в результате полевого исследования, описанного выше. Основываясь на результатах, полученных с помощью online-опроса, выявлено, что актуальными ценностями на начало 2020-х годов являются: активный отдых, материальный достаток как причина выбора работы, любовь, сострадание, забота, дружба, здоровье, общение, неприемлемость контроля, комфорт, удобство, важность семьи (где был рожден), интеллектуальное времяпровождение, досуг, путешествие и миграция, этнокультурная идентичность, важность применения современных технологий Интернета, образование, хорошая работа.

Соединив эти данные динамики ценностей, можно понять, что на протяжении постсоветского периода для населения регионов Сибирского федерального округа неизменными остаются ценности материального достатка,

дружбы, общения с близкими, досуга и свободного времяпровождения, социокультурной идентичности, путешествия и миграции, хорошей работы. Подверглись некоторым изменения по степени актуальности и приоритетов для жителей регионов этого федерального округа такие ценности, как здоровье, здоровый образ жизни, наличие четких политических взглядов, патриотизм, семья, брак, рождение детей, использование интернет-технологий, труд, образование.

Таким образом, такие ценности, как здоровье, использование интернет-технологий для современных коммуникаций, важность семьи (где был рожден и вырос), личные профессиональные интересы к началу 2020-х годов переместились в разряд самых актуальных для жителей регионов Сибирского федерального округа. Одновременно снизили свою актуальность следующие ценности: свободного времяпровождения, патриотизма, устойчивой политической позиции, брака, наличия детей, трудолюбия, спорта. Скорость ценностной динамики жителей регионов Сибирского федерального округа достаточно медленная, но все же она имеется. Следовательно, для населения регионов Сибирского федерального округа можно зафиксировать наличие набора относительно неизменных ценностей и набора ценностей, которые претерпевают определенные изменения. В итоге были выделены основные ценности, которые имеют наибольшую динамику среди населения регионов Сибирского федерального округа в период 1990-х – начала 2020-х годов, и ценности, которые проявляют относительную стабильность.

Список литературы

1. Авдеева Ю. Н. Значение культурной памяти мигрантов для этнической самоидентификации (на материале Красноярского края): дис. ... канд. культурологии. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2019. 168 с.
2. АНО Левада-Центр. URL: <http://www.levada.ru> (дата обращения: 10.12.2013).
3. Артемов В. А. Село 90-х годов: тенденции повседневной деятельности сельского населения // Социологические исследования. 2002. № 2. С. 126–133.
4. Бабело А. В. Историко-сопоставительный метод в социологических исследованиях ценностей // Соционауки.АНИ: педагогика и психология. 2016. Т. 5, № 2. С. 275–279.
5. Баева Л. И. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории: монография. Астрахань: Астрахан. гос. ун-т, 2004. 254 с.
6. Батуева Б. Б. Свободное время и культура досуга: теоретический аспект // Вестн. Бурят. гос. ун-та, 2009. № 14. С. 268–271.
7. Бороноев А. О. Проблемы динамики сибирской идентичности // СПб: Общество. Среда. Развитие. Центр науч-информационных технологий «Астерион» 2010. С. 81–85.

8. Букова М. И. Северовед и антрополог Владимир Германович Тан-Богораз: «Всероссийский художественный репортер» // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1, № 1. С. 35–42.
9. Букова М. И., Порхачев И. И. Стигма и норма: три дискурса «лица кавказской национальности» // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI вв.: опыт и перспективы. 2016. С. 176–181.
10. Васильев А. М., Васильева Н. А. Современные особенности модернизации России в контексте свободы-несвободы // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. 2015. № 1. С. 288–289.
11. Воробьева Н. П., Ореховский А. И. Моральные ценности, сознание и общение в парадигме современного времени // Философия образования. 2010. № 4. С. 182–191.
12. Воробьева О. Д. Методологические основы разработки миграционной политики // Миграция населения. Вып. 6: Миграционная политика. Приложение к журналу «Миграция в России». 2005. № 4 (31). С. 85–102.
13. Гаськова М. И. Трансформация ценностного сознания населения современной России в постсоветское время в контексте постнеклассической науки // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XV, № 3. С. 69–85. 2011 (1).
14. Голов А. А. Ценность и реальность дружбы у россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1995. № 5. С. 41–44.
15. Гончарова Г. С. Рождаемость и семейные ценности населения национальных регионов Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. СО РАН (Новосибирск). 2006. № 3. С. 77–82.
16. Городское пространство красноярска: как трансформировался город в 1990 гг XX века / В. С. Лузан, Н. Н. Пименова, М. Я. Хребтов [и др.] // Сибирский антропологический журнал. 2019. Т. 3, № 3. С. 64–76.
17. Григорьев Ю. А., Соболева С. В., Баран О. И. Продолжительность жизни населения регионов Сибири: особенности современной фазы роста // Фундаментальные и прикладные исследования в профилактической медицине: материалы 50-й науч.-практ. конф. с междунар. участием «Гигиена, организация здравоохранения и профпатология» и семинара «Актуальные вопросы современной профпатологии». Новокузнецк: ГУ НИИ КППЗ СО РАМН: КузГПА, 2005. 174 с.
18. Динамика и структура сферы образования в России в 90-е гг. / О. Н. Болдов, В. Н. Иванов, А. В. Суворов, Т. К. Широкова // Проблемы прогнозирования. 2002. № 1. С. 122–133.
19. Замараева Ю. С. Сложные формы этнической идентичности // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4, № 2. С. 75–89.
20. Захаров С. В. Население России 2016. Двадцать четвертый ежегодный демографический доклад. М., 2018. 448 с.
21. Золотарев И. И. Качество жизни сибиряков. Т. 1: Геодезия, картография, геоинформатика, экология, экономика. Ч. 2. Новосибирск, 2005. С. 82–88.
22. Ионова О.В. Ценности досуговой сферы студенческой молодежи // Изв. высш. учеб. заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 2. С. 153–159.
23. Кимейша Б. В. Физкультурно-спортивное движение в Западной Сибири: история, опыт, проблемы: 1981–2000: дис. ... д-ра историч. наук: 07.00.02 / Ом. гос. ун-т. Омск, 2004. 404 с.

24. Кистова А. В. Культура как фактор социальной динамики // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4, № 2. С. 100–111.
25. Климин И. И. Нарастание кризисных тенденций в российской семье в 1990-е годы // Альманах: «Россия в глобальном мире». 2015. № 7 (30). С. 171–179.
26. Климова С. Г. Изменения ценностных оснований идентификации // Социологические исследования. 1996. № 1. С. 3–23.
27. Колесник М. А. Философские аспекты понятия «культурная идентичность» // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 2. С. 22–33.
28. Копцева Н. П., Либакова Н. М. Формирование российской культурной идентичности в образовательной деятельности современного университета посредством изучения истории русского изобразительного искусства // Педагогика искусства. 2012. № 4. С. 7–29.
29. Копцева Н. П., Пименова Н. Н. Культурные трансформации: возможности изучения // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 3. С. 36–44.
30. Копцева Н. П., Сертакова Е. А. Социокультурное пространство современного российского города (на материале анализа города Красноярска). Красноярск, 2015. 128 с.
31. Кудряшова А. Л. Роль ценностей здорового образа жизни в современном обществе // Молодой ученый. 2014. № 21 (80). С. 644–646.
32. Кузнецов П. К. Массовый спорт в современной России: социальные факторы воспроизводства и развития: автореф. дис. ... канд. социологич. наук: 22.00.04. СПб., 2013. 29 с.
33. Либакова Н. М. Социально-психологические особенности формирования гендерных образов в среде российского студенчества // ВВ: Проблемы общества и политики. 2014. № 10. С. 101–134.
34. Магун В. С. Динамика трудовых ценностей российского населения (1991–2007) // Социально-трудовые отношения: проблемы и перспективы: материалы Первого германороссийского форума «Формирование социальной политики». Москва, 7–18 ноября 2008. М., 2009. С. 88–101.
35. Методы изучения культуры. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. 184 с.
36. Немировский В. Г., Немировская А. В. Социальная конкурентоспособность: шансы на успех у молодежи и взрослых // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 2. С. 135–149. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.2.5848.
37. Никитина М. А., Пименова Н. Н. Образ жизни России в начале XXI века на материале анимации студии «Мельница» // Культура и образование. 2014. № 2 (6). С. 49.
38. Новиченко О. В. Основные тенденции трансформации политических ценностей молодежи современной России // Теория и практика общественного развития. 2013. № 9.
39. Общая характеристика основных составляющих городской среды Красноярска / Ю. С. Замараева, А. В. Кистова, М. А. Колесник [и др.] // Сибирский антропологический журнал. 2019. Т. 3, № 3. С. 43–56.
40. Пантин В. И., Лапкин В. В. Ценностные ориентации россиян в 90-е годы // Pro et Contra. 1999. Т. 4, № 2. СПб.: Владимир Даль, 2002. 102 с.
41. Панфилова Е. В. Ценности культуры досуга студенческой молодежи: результаты исследования // Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2012. № 8 (43). С. 278–283.
42. Пельменев В. К. Социальные ценности физической культуры в жизни человека // Вестн. РГУ им. И. Канта. Вып. 5. Педагогические и психологические науки. 2006. С. 25–29.

43. Попова О. В. Политические поколения: различия и устойчивость политических взглядов // Политический анализ. 2007. №. 8. С. 92–101.
44. Пчелкина Д. С. Метод интерпретации в социальном и гуманитарном познании // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4, № 2. С. 143–152.
45. Пыркина А. С. Миграционные процессы в России в постсоветский период // Молодой ученый. 2019. № 51. С. 313–316.
46. Религиозные воззрения народов Таймыра / А. В. Кистова, Н. Н. Пименова, А. А. Ситникова [и др.] // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3, № 3. С. 48–62.
47. Репринцев А. В. Патриотизм и гражданственность как базовые ценности самосознания русского этноса // Психолого-педагогический поиск. 2009. № 10. С. 6–17.
48. Символическая экология как инструмент исследования трансформаций городского пространства / Ю. Н. Авдеева, К. А. Дегтяренко, Н. П. Копцева [и др.] // Сибирский антропологический журнал. 2019. Т. 3, № 3. С. 8–23.
49. Стаховская Ю. М. Ценностные ориентации социомедийного общества. М., 2011. 294 с.
50. Томашевская М. А. Представления о семейных ценностях у современных сибиряков // Педагогическое мастерство: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2015 г.). М.: Буки-Веди, 2015. С. 193–197.
51. Трансформация городской среды Красноярска в 1991–2017 годы / Е. А. Сертакова, К. А. Крупкина, А. В. Кистова [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2019. 76 с.
52. Тухватуллин Р. М. Язык как национальная ценность // Социологические исследования. 1997. № 8. С. 47–49.
53. Федосов А. Б. Кризис патриотического воспитания в России в конце XX века // Вестн. КГУ им. Некрасова. 2008. Т. 14. С. 243–247.
54. Хагуров Т. А. Девиации, социальный контроль и риск и взросления в современной России // Вестн. ин-та социологии. 2013. № 7. С. 152–181.
55. Хархордин О. В. Дружба: классическая теория и современные заботы // Дружба: очерки по теории практик. СПб., 2009. С. 11–47.
56. Хребтов М. Я. Основные концептуальные и методологические подходы к исследованию трансформации ценностей // Сибирский антропологический журнал. 2020. № 2. С. 175–190.
57. Шматков Р. Н. Антикризисное управление экономикой путем формирования интеллектуального капитала работников // Вестн. Сиб. гос. ун-та путей сообщения. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2012. Вып. 27. С. 127–131.
58. Шпак А. А. Научные подходы к изучению сложной идентичности // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 2. С. 191–203.
59. Ягудина А. Р., Акчурина А. М., Васильев А. Ю. Оценка значимости ценностей профессионального образования у молодежи // Междунар. журн. прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 1–4. С. 586–590.
60. Bilsky W. Toward a theory of the universal content and structure of values: Extensions and cross-cultural replica-tions // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. Vol. 58. P. 878–891.
61. Ethnocultural space of Krasnoyarsk krai: the current state / K. V. Reznikova, N. N. Pimeno-va, A. V. Kistova [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2019. Vol. 12, № 8. P. 1552–1567.

62. Krasnoyarsk urban environment: main characteristics / Yu. S. Zamaraeva, A. V. Kistova, M. A. Kolesnik [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2019. Vol. 12, № 6. P. 1106–1123.
63. Schwartz S. H. Basic human values: Their content and structure across countries // A. Tamayo, J. B. Porto (eds). Valores e comportamento nas organizações [Values and behavior in organizations]. Petrópolis, Brazil: Vozes, 2005a. P. 21–55.
64. Shpak A. A., Pchelkina D. S. Methodology for the study of complex identity // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2020. Vol. 13, № 5. С. 752–761.
65. Transformation of the Krasnoyarsk urban space in the 90s of the 20th century / V. S. Lusan, N. N. Pimenova, M. Ya. Khrebtov [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2019. Vol. 12, № 6. P. 1017–1034.

УДК 791.43

Ю. А. Дмитриева, А. В. Козак

Аспирант по направлению «Культурология (теория и история культуры)» Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

АНТРОПОЛОГИЯ ЛЮБИТЕЛЬСКОГО КИНО И ВИДЕО В КУЛЬТУРЕ МЕТАМОДЕРНА

Объектом данного исследования является антропология любительского кино и видео. Авторы статьи анализируют историю исследований любительского кино и видео, начиная с работы «*Snapshot. Versions of Life*» Ричарда Чалфена (1987) и заканчивая современными статьями, среди которых статья Адама Фиша «*Drones in Visual Anthropology*» (2020), посвященная современным технологиям в любительских видео. В статье обозначено, что каждый автор данных исследований дает собственное определение феномену любительства в контексте кино и видео, что, в свою очередь, влияет на функции любительского кино и видео в контексте антропологии в понимании каждого рассмотренного автора. Для того чтобы обозначить специфические черты антропологии любительского кино и видео в эпоху метамодернизма, авторы данной статьи выявляют трансформацию взглядов на антропологический потенциал любительского кино и видео, а также функции любительского кино и видео в антропологическом исследовании. Авторы данной статьи отмечают, что наибольший интерес антропологов к любительскому кино и видео произошел после 2010-х годов, когда в значительной степени увеличилось количество антропологических исследований, посвященных любительскому кино и видео. Авторы делают вывод, что культура метамодерна способствовала

расцвету феномена любительства в кино и видео, поскольку в центре визуального высказывания оказывается индивидуальный опыт каждого человека, фокус смещается с профессиональных умений и навыков к одному из основополагающих понятий метамодернизма – «новой искренности». Культура метамодерна предоставляет все возможности для творческой активности субъекта и социализация в ходе производства собственного интеллектуального продукта, которым может являться любительская съемка.

Ключевые слова: антропология кино, любительское кино, любительские видео, культура метамодерна.

The object of this research is the anthropology of amateur cinema and video. The authors of the article analyze the history of amateur film and video research, starting with the work "Snapshot. Versions of life" by Richard Chalfen in 1987, and ending with contemporary articles such as Adam Fish's 2020 "Drones in Visual Anthropology" on modern technology in amateur video. The article indicates that each author of these studies gives his own definition of the phenomenon of amateurism in the context of cinema and video, which, in turn, affects the functions of amateur cinema and video in the context of anthropology in the understanding of each reviewed author. In order to identify the specific features of the anthropology of amateur film and video in the era of metamodernism, the authors of this article reveal the transformation of views on the anthropological potential of amateur cinema and video, as well as the functions of amateur cinema and video in anthropological research. The authors of this article note that the greatest interest of anthropologists in amateur cinema and video occurred after the 2010s, when the amount of anthropological research on amateur cinema and video increased significantly. The authors conclude that the culture of metamodernism contributed to the flourishing of the phenomenon of amateurism in cinema and video, since the individual experience of each person is at the center of visual expression, the focus shifts from professional skills to one of the fundamental concepts of metamodernism – "new sincerity". The culture of the metamodern provides all the possibilities for the subject's creative activity and socialization in the course of the production of his own intellectual product, which can be amateur photography.

Keywords: anthropology of cinema, amateur cinema, amateur video, metamodern culture.

Целью данной работы является анализ исследований, посвященных антропологической функции различных аспектов любительского кино и видео.

Интерес антропологов к любительскому кино и видео проявился уже в 1980-е годы и был связан с повсеместным распространением и популярностью ручных видеокамер. Первые ручные камеры появились уже в 1965 году в компании «Сони» и первоначально использовались художникам, операторами репортажей. В частности, в 1970-е годы появилась знаменитая видеоскульптура художника Нам Джун Пайка «Тв Будда». В 1980-е годы уже практически каждая Американская семья имела ручную видеокамеру «Сони»

и пленочную камеру «Кодак». В 1987 году специалист в области визуальной антропологии и визуальной коммуникации пионер исследований любительских фото и видео Ричард Чалфен в работе «*Snapshot. Versions of life*» отождествляет любительское кино (которое он понимает в первую очередь как домашние фильмы: термин «снэпшот» изначально использовался охотниками для обозначения интуитивной стрельбы без прицела, а позже перешел в любительскую моментальную фотографию, и впоследствии видео как описание дилетантской интуитивной съемки) с этнографией семейной жизни, а также интересуется коммуникативной функцией домашних фильмов. Чалфен делает вывод, что в основе, казалось бы, спонтанной деятельности любительской съемки лежит культурно структурированное поведение. Кроме того, ученый исследует коммуникативную функцию любительских видео. В работе Чалфена используются понятия «домашний режим общения» и «культура *Kodak*». Он обращает внимание на то, что люди обмениваются изображениями и видеоматериалами на традиционные темы, такие как дни рождения и семейные праздники. Чалфен пишет, что нарративность часто выносится за пределы экрана или фотоальбома и для понимания всегда необходим рассказчик. Повествование, по мнению Чалфена, остается в головах создателей снимков и видео для устного рассказа, в полной мере история не появляется ни в альбоме, ни на экране. Чалфен рассматривает фото- и видеоматериалы как подтверждение культурных и структурных ценностей.

В 1995 году было проведено еще одно серьезное академическое исследование любительского кино, в частности домашнего кино, с новаторской работой Патрисии Циммерман «*Reel Families: Социальная история любительского кино*» (1995). С момента публикации этой работы в академических кругах появилась тенденция к восприятию любительских фильмов в качестве сокровенных свидетельств повседневной жизни и важных документов культурологии и антропологии.

Тем не менее это все еще единичные исследования, направленные в основном на то, чтобы показать насколько значимыми для антропологов являются любительские кино и видео.

Только в XXI веке антропологи в полной мере стали проявлять повсеместный исследовательский интерес к любительскому кинематографу. Появляется целый ряд монографий, сборников и статей, связывающих визуальную антропологию с любительскими кино и видео. В данном исследовании были выделены наиболее значимые.

В 2007 году появилась книга «*Mining the Home Movie: Excavations in Histories and Memories*» Карен Л. Ишизуки в соавторстве с Патрисией Циммерман. В данном исследовании домашнее кино названо жизненно важным методом визуального сохранения истории.

Растущий интерес к любительским фильмам как предмету для различных дисциплин можно проследить и в книге «*Amateur Filmmaking: The Home Movie, the Archive, the Web Reel Families: a Social History of Amateur Film*» (2014). Книга разделена на пять глав, в которых анализируются и рассматриваются различные аспекты любительского кинопроизводства и домашнего кино, такие как:

- «Переосмысление домашнего кино» (в данной главе рассмотрены различные аспекты эстетики и качества домашних фильмов);
- «Частные ролики, историографические проблемы» (раскрывается историческая ценность домашних фильмов и любительского кинопроизводства в качестве документов);
- «Реконтекстуализация документальной литературы» (где автор анализирует любительские архивные кадры, используемые в качестве макроисторических документов разными режиссерами, такими как Эррол Моррис и Алан Гилсенан);
- «Автор-любитель» (где авторство любительских съемок исследуется с помощью методов кинопроизводства Петера Форгака и Джозефа Мордера);
- «Новые направления: эпоха цифровых технологий» (где переоценены возможности любительского кинопроизводства в эпоху Интернета и мобильных записывающих устройств).

Данная книга является результатом широкого участия таких ученых, как Роджер Один, Сьюзан Аасман, Доминик Блюхер, Патрисия Циммерман и Марк Нойман, из различных дисциплин, в частности этнографии и культурологии, что свидетельствует о важной роли любительского видео в современных исследованиях.

Чальз Эдвин Тепперман исследует значение феномена «любительский», рассматривая кино как часть визуальной культуры в диссертации 2007 года «*Communicating a New form of Knowledge: Tracing the Amateur Cinema League and its Films (1926–1954)*». В понимании данного исследователя феномен любительства в кинематографе рассматривается как способ описания эстетической несовместимости с профессиональной и коммерческой практикой. Любительскими фильмами, по мнению Теппермана, являются фильмы, созданные вне академического художественного вкуса, свободные от требований

коммерческих СМИ, приносящих прибыль. Ученый исследует любительский кинематограф на стыке массовой культуры, модернизма и технологий.

Существует еще одно направление исследований любительского кино и видео в визуальной антропологии. Оно связано с бурным ростом визуальных медиа, в последние годы породившем широкий спектр визуальных и цифровых технологий, которые изменили визуальные исследования и анализ. Тесная связь визуальной антропологии с этнографическим фильмом, которая характеризовала ее положение на протяжении большей части второй половины XX века, уменьшается. Ученые вышли за рамки наблюдательного кино и перешли к использованию более широкого диапазона визуальных СМИ и технологий. Результатом является новый захватывающий междисциплинарный подход, имеющий большое потенциальное влияние в академических кругах и за их пределами. Визуальные и цифровые технологии и средства массовой информации становятся более доступными с экономической точки зрения и удобными для пользователя и в связи с этим более широко используются.

Так появляются исследования, посвященные возможности любительского кино и видео выступать в качестве метода исследования, а не в качестве объекта.

В статье Адама Фиша «*Drones in Visual Anthropology*» 2020 года рассматривается возможность и преимущества съемки фильма во время антропологического исследования. Дроны в данной статье предстают в качестве культурных объектов, а также инструментов для антропологов, ученых и активистов. Дроны, используемые учеными, просты в освоении и относительно доступны по цене, их можно приобрести за 300–1 500 долларов. Большинство этих внебиржевых гражданских дронов оснащены видеокамерами HD и 4K. В качестве материала для справочника по этнографическому видео полезно рассматривать дрон не только как средство для визуального изображения культурной деятельности, но и как объект, вокруг которого происходит культурная деятельность. Дроны, привязанные либо к рукам археологов, либо к активистам, изучаемым антропологами, представляют собой уникальные трансформирующие технологии, способные расширять человеческую реальность и повседневность и вовлекать их в пространство Интернета.

Как уже было отмечено, повсеместное обращение антропологов к любительскому кино и видео произошло в XXI веке, в частности после 2010 года. Очевидно, что это связано с распространением любительских кино и видео.

Прежде всего, это происходит за счет связи антропологии и массовой культуры социальных медиа. Сегодня каждая научная дисциплина занимается

социальными медиа. Один из самых продуктивных подходов предложили да-на бойд и Николь Эллисон в статье 2007 года «Социальные сети: определение, история и изучение» («*Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship*»). Часть их исследования была посвящена тому, как меняется аудитория в социальных медиа. Исследовательницы предложили термин «сетевые публики» (*networked publics*), а также исследовали то, что обычно называют «аффордансы» – возможности, которые платформа предоставляет пользователям, – такие как устойчивость, видимость, возможность распространения или возможность поиска. Одними из популярнейших социальных сетей на сегодняшний день являются *TikTok*, *Instagram*, *YouTube*, в которых фото и видео заменяют текстовые сообщения. А поскольку в современном обществе практически у каждого есть мобильные телефоны с камерой, каждый может снять видео, то в большинстве случаев это любительские видеоролики.

Еще одним объяснением распространения и значимости любительского кино и видео в современной культуре является глобальный культурный процесс – метамодерн.

Впервые термин «метамодернизм» был использован ученым Масудом Заварзадом в 1970-е годы, но популяризован он был благодаря исследователям Тимотеусу Вермюлену и Робину ван ден Аккеру. В своем эссе 2010 года «Записки о метамодернизме» они описали усиление в обществе чувствительности, которая «может быть воспринята как своего рода информированная наивность, прагматический идеализм». Они утверждали, что метамодернизм – общекультурный стиль эпохи, выразивший решительность нового поколения интеллектуалов в преодолении кризиса современности.

Кризис был результатом краха ценностей постмодернизма, «роковыми датами» для которого, по мнению таких исследователей, как критик Кристиан Морару, американские культурологи Нейл Брукси, Джош Тот, стали: падение берлинской стены в 1989 году, миллениум, катастрофа 9 сентября 2011 года, а также многие другие драматические события последних десятилетий.

В противоположность постмодернизму, пропагандировавшему

- отказ от ценностей,
- жестокую иронию,
- откровенный сарказм,
- цинизм,
- деконструкцию,

искусство метамодернизма стремится

- к реконструкции,
- повторному рассмотрению религиозных концепций,
- поиску глубины и духовности в условиях современного мира с его экологической катастрофой, восстаниями, усталостью от поверхностности и потребления.

Важно, что метамодернизм не является философией, движением, программой или термином искусства. Одно из его главных понятий – «структура чувства». Это чувство, с одной стороны, репрезентирует человеку его психические состояния, с другой – создает образ окружающей действительности. В итоге в процессе формирования образа появились различные формы культурного производства: в изобразительном искусстве, кино, театре, архитектуре, эстетике массовой культуры, рекламе. Основными характеристиками этого образа стали:

- «новый романтизм» (поиск духовного начала в природе);
- «новая искренность» (отход от принципов постмодернистской иронии и цинизма с выдвиганием искренности в качестве основного мотива поведения);
- виртуальность;
- интерактивность;
- дигитальность (цифровизация);
- приоритет ценностей самовыражения;
- экофутуризм (гармоничное сосуществование техники и природы).

Изменилась также структура текста, в том числе визуального и киноязыка. Постмодернизму был свойственен лингвистический детерминизм, провозглашавший власть языка. Метамодернизм же стремится сфокусироваться на рассказчике. Об этом пишет в своей статье Вероника Сербинская, осмысляя разграничение понятий и черт метамодернизма и постмодернизма в современной литературе. Но это разграничение коснулось не только литературы – об этом, в частности, говорит Алан Кирби в статье, посвященной дигимодернизму (цифровому модернизму). По мнению исследователя, дигимодернизм сделал акцент на роли Интернета в трансформациях современности, воздействии на мир человека цифровой среды.

По мнению исследователя, информационные технологии:

- радикально трансформировали субъективность;
- сознание;
- деятельность;

- представления об авторе и читателе;
- тексты (одно из их основных характеристик стал лаконичный формат, выраженный в твитах, sms, подписях к фото в видео);
- практики взаимодействия с текстом.

Информационные технологии, по его мнению, привели к активности зрителя, который теперь желает воздействовать на произведение искусства, участвовать в конструировании реальности.

Таким образом, допустимо предположить, что расцвет любительского кино и видео, которое мы наблюдаем сейчас, является результатом дигимодернизма, а шире – модернизма. Любительское видео – одна из форм преодоления общекультурного кризиса, форма культурного производства. Суть любительского видео – в повороте к человеку (субъекту), создающему видео и с его помощью конструирующего ту реальность, которую он бы хотел представить миру.

Любительское видео представляет собой образец тесного сосуществования техники и природы. С помощью видео фокус смещается с профессиональных умений и навыков к «новой искренности», находясь в парадигме которой человек цифровой среды воздействует на мир и репрезентирует в нем себя и свое окружение. Тексты, как правило, лаконичны, потому что именно с помощью видео осуществляется конструирование реальности

В центре визуального высказывания оказываются характер и опыт индивидуума – он сам конструирует и воплощает его. Постмодернисты подавляли индивидуальность и обесценивали личностное переживание, но сейчас мы наблюдаем поворот к человеку, централизацию субъекта, его попытку передать собственную неподдельную сущность. При этом важен сам опыт и практика любительской съемки, т. е. съемки непрофессиональной. Целью авторов видео становится попытка передать неподдельную сущность и свой субъективный опыт, они не ставят своей целью обогащение, как крупные корпорации или коммерческие институции. Большая часть людей, выкладывающих видео и сторис своей повседневной жизни, даже не предполагают когда-либо монетизировать их – с их помощью они утверждают себя в мире.

Немаловажно, что любительские фото и видео во многом ориентированы на эстетику 1980-х годов. Именно в 1980-е годы началось активное распространение портативных камер, позволяющих осуществлять как домашнюю съемку, так и в буквальном смысле снимать фильмы на заднем дворе – с данного факта началась впечатляющая карьера многих именитых режиссеров.

1980-е годы стали одновременно рубежом постмодернизма и временем рождения метамодернизма. Интерес к этому периоду может быть также проявлением ностальгических колебаний, являющихся частью метамодернизма, одновременно обращенного как к прошлому, что выражается в пристрастии к эстетике ретро, так и к будущему, что выражается в теории эофутуризма. При этом креативность, творчество, благодаря которому уникальный опыт человека, его индивидуальность оказываются в центре визуального высказывания, является способом ослабить его перманентно-сомневающееся состояние. Метамодернизм предоставляет все возможности для творческой активности субъекта и социализация в ходе производства собственного интеллектуального продукта, которым может является любительская съемка.

Креативность, способность к синтезу разнородных идей становится требованием к компетентностям человека в описываемой метамодернизмом современности. В творчестве, по мнению модернистов, заключен мощный позитивный адаптивный смысл. В связи с тем, что нельзя запланировать неожиданность, регламентировать спонтанность и творчество. Эпицентры внимания должны быть перенесены в настоящее – это здоровая реакция психики человека на трансформации современности стремительно изменяющейся и непредсказуемой жизни.

Список литературы

1. Pink S. The future of visual anthropology // Routledge is an Imprint of the Taylor & Francis Group: N.Y., 2006. 149 p.
2. Ishizuka K. L., Zimmerman P. Mining the home movie: Excavations in histories and memories // University of California Press. 2008. 333 p.
3. Rascaroli L., Monahan B., Young G. Amateur filmmaking: the home movie, the archive, the web reel families: a social history of amateur film // Bloomsbury Academic. 2014. 392 p.
4. Tepperman C. E. Communicating a New Form of Knowledge: Tracing the Amateur Cinema League and Its Films (1926–1954). PhD diss. University of Chicago, 2007. 98 p.
5. Zimmerman P. R. Reel families: A social history of amateur film // Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 1995. 208 p.
6. Chalfen R. Snapshot Versions of Life. Michigan: Bowling Green State University Popular Press, 1987. 213 p.
7. Fish, Adam Drons in Visual Antropology. URL: https://www.academia.edu/41888045/Drones_in_Visual_Anthropology (дата обращения: 15.10.2020).
8. Metamodern. URL: available at <http://metamodernizm.ru/literature-metamodernism/> 1. (дата обращения: 15.10.2020).
9. Danah M. Boyd, Nicole B. Ellison. Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship. URL: available at <https://academic.oup.com/jcmc/article/13/1/210/4583062> (дата обращения: 15.10.2020).

УДК 398.8-485.5(571.1/.5)

С. В. Березюк

Исследователь по направлению «Теория и история культуры (культурология)» Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ КАК СПОСОБ САМОВЫРАЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ*

В данной статье рассмотрены некоторые особенности музыкальной фольклорной культуры малочисленных народов, проживающих на территории Красноярского края, исследованы жанровые особенности традиционного и современного музыкального фольклора, а также их интонационная составляющая. На материалах полевого исследования в Дудинке проведен музыковедческий анализ архаичных песен, а также дан сравнительный анализ с современной музыкальной фольклорной культурой. Основная тема статьи раскрыта на примере долганского, энецкого, ненецкого музыкального творчества. В результате исследования представленных песенных образцов выявлено следующее: во-первых, мелодическое и ритмическое зерно произрастает из архаичных образцов; во-вторых, песенные жанры исследуемых народностей перекликаются между собой. В представленных песенных примерах особое внимание сосредоточено на мелодическом и поэтическом, композиционном компоненте долганского, энецкого, ненецкого музыкального фольклора. Одна из главных задач в данном исследовании – это проработка жанровой составляющей песенной культуры исследуемых народностей. Также для наибольшего понимания языкового своеобразия и мелодических особенностей песен исследуемых малых групп в статье приведена традиционная терминология, отражающая этнические представления о архаической и современной музыкальной культуры. Методологическим основанием в написании данной работы служит комплекс идей, сформировавшийся в культурологии, этнографии, музыковедении и фольклористике.

Ключевые слова: музыкальная фольклорная культура, малочисленные народы, мелодия, ритмическая организация, жанровое своеобразие.

This article examines some features of the musical folklore culture of small-numbered peoples living in the territory of the Krasnoyarsk territory, examines the genre features of traditional and modern musical folklore, and also considers their intonation component. Based on the materials of a field study in Dudinka, a musicological analysis of archaic songs is car-

© Березюк С. В., 2021

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90016.

ried out, as well as a comparative analysis with modern musical folklore culture. The main topic of the article is revealed on the example of Dolgan, Enets, and Nenets musical creativity. As a result of the study of the presented song samples, the following was revealed: first, the melodic and rhythmic grain grows from archaic samples; second, the song genres of the studied nationalities overlap with each other. In the presented song examples, special attention is focused on the melodic and poetic, compositional components of Dolgan, Enets, and Nenets musical folklore. One of the main tasks in this study is to study the genre component of the song culture of the studied nationalities. Also, for the best understanding of the linguistic originality and melodic features of the songs of the studied small groups. The article presents traditional terminology that reflects ethnic ideas about archaic and modern musical culture. The methodological basis for writing this work is a set of ideas formed in cultural studies, Ethnography, musicology and folklore.

Keywords: musical folklore culture, small peoples, melody, rhythmic organization, genre originality.

Музыкальный фольклор малочисленных народов Сибири богат и многообразен. На протяжении долгого времени народом создавались произведения традиционной музыкальной фольклорной культуры, в которых восхваляется красота местности, в которой они живут, любовь к Родине, к родителям, к любимому человеку. Как правило, они являются неким отражением истории и культуры своего народа.

Огромное значение для распространения и популяризации музыкального творчества малочисленных народов Сибири оказали советские этнографы и музыковеды, благодаря которым сохранились лучшие образцы народного музыкального искусства.

Так, исследования в области музыкального фольклора отражены в трудах ученых XIX–XX века Г. М. Василевич, Б. В. Добровольского, А. Н. Веселовского, А. В. Анохина, Н. Ф. Катанова, В. А. Ватина и др., а также в работах современных ученых Ю. И. Шейкина, Т. Д. Булгаковой, Е. Т. Пушкаревой, Н. П. Копцевой, М. М. Чихачевой и др.

Музыкальное искусство является одним из главных аспектов традиционной культуры малочисленных народов. Особое значение приобретает песенный жанр, так как в нем соединяется два направления одновременно – поэтическая и музыкально-интонационная культура. Песня напрямую связана с жизнедеятельностью народа: с помощью нее исполнитель выражает свое душевное состояние, рассказывает о своих переживаниях, радостных или грустных событиях, а также в ней заключен сакральный смысл – исполняется в обрядовой практике (похороны, свадьба, ритуальное действие и т. д.).

Музыкальная фольклорная культура малочисленных народов Сибири сформировалась в результате культурного взаимодействия проживающих рядом народностей, влияния природно-климатических условий, их хозяйственной и промысловой деятельности.

Данное исследование строится на сравнительной характеристике современного и традиционного музыкального фольклора долган, энцев и ненцев, проживающих на территории Долгано-Ненецкого муниципального района Красноярского края.

Долган можно назвать одним из титульных народов, проживающих в Таймырском Долгано-Ненецком округе. Это самая молодая по времени образования народность, так как формировалась в течение XVIII–XIX веков, а также наиболее многочисленная из всех коренных народов Таймыра. К традиционным занятиям относятся оленеводство, охота на пушного зверя и дикого оленя, рыболовство.

Культура долган отражает их сложное происхождение, так как в ней ограничено вплелись лучшие образцы материальной и духовной культуры эвенков, якутов и русских затундренных крестьян.

Исследование фольклора долган связано с именем А. А. Попова. Ученым создан труд «Долганский фольклор», который до сих пор является путеводителем для тех, кто хочет прикоснуться к долганской музыкальной культуре. Кроме того, большое значение для изучения данной народности имела исследовательская деятельность Б. О. Долгих, М. С. Струлева, Е. И. Коркина, А. А. Билюкина, Н. В. Емельянова и др.

Фольклор долган можно разделить на следующие жанры: 1) олонко (эпические, крупные произведения); 2) рассказы-были, предания; 3) сказки; 4) песни; 5) загадки; 6) народные приметы; 7) пословицы и поговорки [10, 3].

Одним из наиболее популярных жанров является олонко, который можно разделить на две группы: сказание с пением и сказание-повествование. Как правило, олонко состоит из трех частей: вступление – зачин, основная часть и заключение. Во вступлении исполнитель знакомит слушателя с главным героем, его материальным положением и т. д. Далее следует завязка действия – основная часть, в которой рассказывается о подвигах главного героя, и в заключении звучит итог минувших событий.

Одним из современных певцов-сказителей является Константин Николаевич Укусников, проживающий в Дудинке. Константин Николаевич является ярким исполнителем аутентичного музыкального фольклора. Сам исполни-

тель родом из поселка Попигай. Его родители были оленеводами и кочевниками. Песенные традиции Константин Николаевич перенял у старшего поколения. Как отмечает исполнитель, песни он запоминал во время празднования традиционного праздника – Дня встречи солнца, – на котором было настоящее народное гуляние – различные состязания (бросание маута, бег и др.), пение песен друг другу.

Таким образом, в качестве рассматриваемого жанра можно привести пример олонко, записанного от К. Н. Укусникова, «Два старика»: *«Давным-давно жили были два старика. Жили они в одиночестве, так как не имели семьи. В начале у них не складывается жизнь. Жили они недалеко друг от друга в своих чумах. Одного называли старик с тросточкой ("Таертах"), а другого – старик-бабочка («Ляре»). Летом они запасы еды делали каждый для себя – промышляли на дикого оленя и ловили рыбу. Как-то у старика-бабочки закончились все запасы и пришел он к старику с тросточкой. Старик с тросточкой, увидев его, не открывал дверь до тех пор, пока старик-бабочка не спел ему песню с просьбой поделиться запасами (поет на долганском). После этого старик с тросточкой открыл ему и дал, что он просил. В следующий раз пошел к старику-бабочке старик с тросточкой с такой же просьбой. Старик-бабочка промышлял зайцами и также поделился с ним. В другой раз старик с тросточкой добыл оленей, и старик-бабочка вновь пришел к нему за едой – спел песню. Открыл тогда двери старик с тросточкой и сказал, что надо вместе жить. Так и сделали, стали вместе жить. Запрягали оленей и по озерам добывали рыбу, охотились вдвоем. С тех пор вдвоем они жили и не имели нужды».*

Рассматривая интонационную природу музыкальных вставок в долганском олонко, можно выделить следующее: во-первых, диапазон мелодий варьируется от терции до квинты; во-вторых, мелодическая линия имеет повторную структуру.

Как уже отмечалось ранее, одним из важных разделов долганского фольклора принадлежит песням. В. С. Никифорова отмечает, что из всех жанров именно песни сохранились в полном виде и бытуют на всей территории расселения долган [1, с. 8].

Наиболее часто песни исполняются сольно – «песня юноши» («уол ырыата»), «песня девушки» («кыыс ырыата»), «песня восхваления любимого человека» («туойсуу ырыа»). Такие песни представляют собой любовную лирику и служат неким средством сближения молодых людей.

В качестве примера, можно привести текст современной песни, записанную от К. Н. Укусникова (собственное сочинение), «Песня о Таймыре»:

*«Над Таймыром беснуется вьюга, замечает тропинки пурга,
Дай мне руку родная подруга, мне с тобой так легко шагать.
Тундра нас породнила навеки, в каждом слове и в каждом доме,
Приглашают у нас человека, человеку трудно одному.
Дай мне руку, родная подруга, и покрепче держись за нее,
Для тебя, для любимого друга эту песню сердцем я спою».*

Достаточно большой пласт в музыкальной фольклорной культуре принадлежит песням, воспевающих красоту родной земли, оленей, стойбища и т. д. Примером служит песня, записанная от А. А. Аксенова, поселок Волочанка:

*«Еду по тундре родной.
Аргишим. Отец мой везет маленький балок» [1, с. 8].*

Еще один пласт в музыкальной фольклорной культуре отводится песням-благопожеланиям. Как правило, в таких песнях поются различные наставления младшего поколения старшими, а также пожелания крепкого здоровья, благополучия и благословения во всех делах и т. п. В качестве примера представлено смысловое значение песни, записанное от К. Н. Укусникова: «*Мама и папа состарились и дают наставление сыну в виде песни, чтобы семьей земли свои берегли. В земле своей родной жили, после них оставаясь, оленей имели, детей имели, друзей хороших имели. В общем на этой земле жили счастливо».*

С большой теплотой и трепетом долгане относятся к родителям, ведь благодаря им мы живем на этой земле. Примером служит песня, записанная /от К. Н. Укусникова, «О матери»:

*«От мамы рождаются и герои, и гении.
Всем сердцем нужно любить и беречь маму».*

Особое значение в музыкальной фольклорной культуре долган приобретает народный танец «Хейро», исполняемый во время традиционного праздника «Встречи солнца». Большую исследовательскую работу в изучении интонационных и стилевых особенностей кругового танца провела Г. Г. Алексе-

ева [2, с. 46]. Согласно мнению исследователя, данный танец представляет собой некую имитацию брачного танца стерхов. Танцующие, взявшись за руки движутся по кругу крестовыми шагами, при этом издавая возгласы «хейро, хейра». Как правило, в данном танце есть запевала и остальная группа хора, отвечающая ему. Пение при этом безостановочное, с постепенным ускорением. Примером служит напев, записанный от Е. П. Портнягиной. Отличительной особенностью напева является его композиционное построение. Первая интонация, состоящая из двух слогов, представляет собой некий зачин, из которого затем и вырастает основная мелодическая линия.

Исследуя современную песенную культуру долган, можно говорить о том, что в ней отражаются основные черты, свойственные для архаичного музыкального фольклора: ритмическая организация песен, напевы, поэтический текст, различные звукоизобразительные вставки.

В основном все песни исполняются сольно, что характерно и для других народностей, проживающих в Сибири. Совместная исполнительская деятельность воплощена в национальном танце «Хейро» и обрядовой практике.

Энцы – представители одного из наиболее малочисленных народов Севера. В отличие от долган, численность которых на Таймыре составляет шесть тысяч человек, представителей данной группы осталось чуть более двухсот человек.

Энецкий язык входит в самодийскую группу уральской языковой семьи, наиболее близок ненецкому, отличаясь фонетическим строением и лексикой. По звуковому же составу близок нганасанскому языку. До середины XX века энецкий язык считался диалектом ненецкого, поэтому энцы долгое время не выделялись как отдельный этнос, часто их записывали ненцами и нганасанами.

Исследуя фольклор данной этнической группы, необходимо отметить, что все произведения устного народного творчества делятся на две большие группы – «сюдобичу» и «деречу» [3, с. 3]. К первой категории относятся эпические произведения, повествующие о оленеводах-богатырях, участвующих в сражениях за женщин или богатства. Год за годом проводят они в сражениях, умирают и воскресают. Бытует мнение о том, что данный жанровый пласт заимствован у ненцев. Вторая категория энецкого фольклора «деречу» представляет собой рассказы о событиях, произошедших в далекие времена. В данную группу входят сказки, мифы, бессюжетные рассказы, повествующие о об охоте, рыбалке, социальной жизни, кочевом образе жизни.

Исследуя музыкальную фольклорную культуру энцев, необходимо отметить, что основным песенным жанром данного народа являются личные песни. Их исполняли преимущественно для себя, в которых шло повествование о прожитой жизни, событиях, мечтах и т. д. Они были вроде монолога человека с самим собой.

Личные песни сочинялись в семье. Их могла сочинять мама, когда играла с ребенком или его кормила, и близкие родственники, его сестры или братья.

Болина Зоя Николаевна, проживающая в Дудинке – одна из представителей своего народа. Работая в Таймырском доме народного творчества, является исполнительницей народных аутентичных песен. Со слов Зои Николаевны, личные песни представляют собой песни-пожелания. Такие пожелания сочинялись в младенчестве, при этом песня росла вместе с ребенком. Со временем менялись слова и мелодия. Интересно, что пока ребенок маленький, мелодия была легкой, но затем постепенно изменялась. Кроме того, личную песню человек мог изменить сам. Подобные песни исполнялись во время работы, поездки, чтобы занять мысли. Но не допускалось, чтобы личные песни исполнял кто-то другой. В личных песнях повествуется о том, что получилось, что не получилось, какие радости от жизни ждет человек. Таким образом, в этих песнях выражалась человеческая душа. В связи с этим песни были не всегда радостные, а по настроению.

Примером данного жанра служит сочиненная З. Н. Болиной личная песня для своей сестры: *«Ниночка-девочка, маленькая девочка, такая хорошенькая, миленькая. Вырастет, в школу пойдет, все будет хорошо, будет удачливая».*

Еще один пласт в песенной культуре энцев принадлежит песням о родной стороне. Как правило, они исполнялись во время различных поездок. В качестве примера представлена современная песня «Моя земля» («Моддйя») братьев Пальчиных, обработанная З. Н. Болиной:

*«Вниз по Енисею страна моя просторная
Вверх по Енисею земля моя лесистая.
Взглядом не окинуть, на упряжке не объехать.
Такие просторы широкие, это вся моя страна,
Это вся моя земля!»*

Главная задача, которая сегодня стоит перед энецкими исполнителями, – это сохранение своего языка через песенное творчество. Работая в разных

сферах, энцы всячески пытаются прививать культуру своего народа молодому поколению, например, через детский фольклор – песни и сказки.

Ненцы – народность, расселенная на территориях Архангельской и Мурманской областей, Ненецкого, Ямало-Ненецкого, Таймырского, Долгано-Ненецкого муниципальных районов Красноярского края.

Язык ненцев относится к самодийской группе уральско-юкогирской семье языков. Самоназвание «ненэць» в переводе на русский язык означает «настоящий человек». Официальное его употребление датируется 1930 годом. Также первое упоминание о данном народе имеется в древней русской летописи «Повесть временных лет».

Фольклор ненцев разнообразен и богат по содержанию. В нем выделяются такие жанры, как мифологические сказания, жертвенные молитвы-заговоры, шаманские песни и сказки, эпические песни, лирические песни, а также сказки и загадки [4, с. 3].

В мифах отражается представление народа о создании Земли и различных природных явлениях. Также к мифам относятся сказки и рассказы о происхождении духов. Жанр эпической песни представляет собой песни бытового и героического содержания, повествующие о прошлой жизни народа, его родовой и межплеменной борьбе.

Все песни ненцев можно разделить на две группы – «сюдбац» и «ярабц». К первой группе относятся песни о великанах и героях. Как правило, в них развивается две темы – тема поиска жены и тема кровной мести [4, с. 4]. Во второй группе песен «ярабц» повествуется о скитаниях и страданиях героев, по воле злых духов или случайно попавших в экстремальные ситуации. Как правило, героями таких песен являются обычные люди, мужчины и женщины. В данной группе песен нет сражений и борьбы, каких-то подвигов, чаще всего в них рассказывается о различных страданиях.

Еще один важный пласт в музыкальной фольклорной культуре ненцев принадлежит лирическим песням. В своем большинстве они представляют собой песни-импровизации, в которых поется о том, что в данное время волнует человека, о чем его размышления, какие переживания.

Как и у других малочисленных народностей, у ненцев бытуют личные песни. При рождении ребенка для него сочинялась личная песня. Этот жанр подразделяется на детские личные песни и взрослые личные песни. Как правило, детские песни имели незамысловатую структуру, в которых сочинитель пытался передать и предугадать черты характера ребенка и его будущее. Смысло-

вое значение таких песен заключалось в следующем: мальчикам желали стать хозяином большого стада или опытным следопытом, девочкам же – умелой мастерицей, многодетной матерью и т. п. Также в детских личных песнях в шуточной форме отражалась внешность ребенка. По рассказам Виолетты Сергеевны Яр (исполнительница ненецких песен, проживает в Дудинке), в их семье личные песни придумывал отец. Так, например, у ее сестры была в детстве фигура неказистой формы. Отец ей придумал песню «плечистая женщина» («марчинее»). Для Виолетты Сергеевны отец придумал песню под названием «косая женщина» («панкуйе»), так как в детстве были проблемы со здоровьем.

Во взрослых личных песнях воспевалось разное: тайная любовь, семья, удачи и неудачи и т. д.

Огромное значение в музыкальной фольклорной культуре отводится любовной лирике. Песни данной категории могли как лирико-созерцательного характера, так и шуточного. В качестве примера приводится песня, записанная от В. С. Яр:

*«Ехали с тобой на лыжах, всю дорогу ты молчал.
То смотрел влюбленным взглядом, то отчаянно вздыхал.
Почему ты молчаливый, только лыжами скрипишь,
У меня замерзли губы, оттого что ты молчишь.
Холодно, холодно, холодно на морозе песни петь.
Если милый не сумеет лаской губы обогреть».*

Примером песни лирико-созерцательного характера служит произведение, записанное от В. С. Яр:

*«Рано утром я встаю с именем твоим.
Я так счастлива, потому что рядом ты.
Куда бы я не ушла, вижу тебя, вижу тебя.
И поэтому я счастлива».*

Жанр шуточных песен также занимает одно из важных мест в музыкальном фольклоре ненцев. В них высмеивается лень, трусость и т. п. Примером данного жанра служит песня, записанная от В. С. Яр (песня строится в виде диалога)»:

*«Встает дед, а в чуме холодно (поет на ненецком) – Невестка, невестка,
солнце взошло, печку топил.*

А она нежится (поет на ненецком) – Я не могу, я хочу спать».

Песни о родной стороне, как и у других народностей, имеют большое значение для ненецкого фольклора. Такие песни часто были импровизационными, так как пелось про то, что видел исполнитель в данный момент. Как правило, в них повествуется о красоте мест, в которых живешь, о любви к своей Родине и стране.

Еще один жанр, который встречается в ненецком музыкальном фольклоре, — это дорожные песни. Такие песни исполнялись преимущественно в пути для того, чтобы занять мысли, ведь иногда путь занимал большое количество времени и таил в себе разные опасности. Примером служит современная песня «Ехал ненец на оленях», записанная от А. Ф. Ашляпкина, село Потапово:

*«Ехал ненец на оленях,
Был на санях на просторе.
Небо было в звездах – знаках,
Ехал ненец и смеялся.
Страхи чудились в тени,
Тесно нарту окружали,
Зыбкой былью шелестели,
А олени все бежали.
И чтоб меньше было страха,
Он запел "Уезан Картана".
Нарта прыгала, качалась,
Его песня не кончалась,
Ехал ненец на просторе».*

Таким образом, исследовав некоторые особенности современной музыкальной культуры долган, энцев и ненцев можно сделать следующие выводы: во-первых, практически у всех народностей схожи между собой песенные жанры; во-вторых, основной смысл всех песен — доброе отношение друг к другу, умение восхищаться тем, что имеешь; в-третьих, основная цель современной музыкальной фольклорной культуры — это сохранение своего языка, своей идентичности.

В настоящее время в Красноярском крае существует большое количество фестивалей, конкурсов и этнических концертов, направленных на развитие традиционной народной песни. Среди фестивалей можно выделить, такие как «Мир Сибири», «Полярная звезда», «Большой Аргиш», «Притяжение».

В настоящее время очень малое количество ведет кочевой образ жизни, многие переезжают в поселки и города, но при этом стараются сохранить свою культуру – встречаются, занимаются совместной деятельностью, поэтому творчество современных исполнителей полностью направлено на популяризацию песенного искусства своего народа и сохранение своих традиций.

Список литературы

1. Фольклор народов Таймыра: долганские песни. Вып. 4. // Фольклор народов Таймыра: Долганские песни. Вып. 4., Дудинка, 1992. 92 с.
2. Алексеева Г. Г. Народно-песенное творчество в системе традиционной музыкальной культуры Долга. Якутск: СО РАН, 2005. 439 с.
3. Фольклор народов Таймыра: энецкий фольклор. Вып. 1 // Фольклор народов Таймыра: Энецкий фольклор. Вып. 1. Дудинка, 1992.
4. Фольклор народов Таймыра: ненецкий фольклор. вып. 2 // Фольклор народов Таймыра: Ненецкий фольклор. Вып. 2. Дудинка, 1992. 54 с.
5. Арановский М. Г. Синтаксическая структура мелодии. М.: Музыка, 1991. 320 с.
6. Богатырев П. Г. Народная песня с точки зрения ее функции // Вопросы литературы и фольклора. Воронеж, 1973. 235 с.
7. Васильев В. И. Энцы // Вопросы истории. 1972. Вып. 7.
8. Долгих Б. О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970.
9. Ефремов П. Е. Фольклор долган. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2000.
10. Ненян Л. Слово о фольклоре таймырских ненцев // Полярная Звезда, 1978.
11. Попов А. А. Долганский фольклор // М.: Советский писатель, 1937.

СЕКЦИЯ 5

СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ СИБИРИ

УДК 005.32

К. В. Резникова

*PhD, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и искусствоведения
Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия*

АРТ-МЕНЕДЖМЕНТ КАК ПРЕДМЕТ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Статья посвящена анализу философской, культурно-антропологической и социально-исторической литературы по проблемам происхождения, существования и трансформации этнических культурных популяций. Со второй половины XX века теории этноса и этничности переходят в пространство культурной антропологии и социально-исторических наук, аналитический обзор которых представлен в данной статье. Основными для проведения исследования являются методы анализа научных и научно-методических публикаций, выделения концептуальных и модельных единиц философского и научного знания, герменевтический и лингвофилософский методы анализа философских и культурно-антропологических базовых понятий, категорий, терминов, дефиниций.

Ключевые слова: этнос, культурная антропология, эволюционизм, диффузионизм, биологизаторское направление, структурный функционализм, психоаналитический подход, когнитивная антропология, структурная антропология, школа «Культура-и-личность», психоаналитическая антропология.

The article is devoted to the analysis of philosophical, cultural-anthropological and socio-historical literature on the problems of the genesis, existence and transformation of ethnic cultural populations. Since the second half of the XX century theories of ethnos and ethnicity are moving into the space of cultural anthropology and socio-historical sciences, an analytical review of which is presented in this article. The main research methods are the methods of analysis of scientific and scientific-methodical publications, the allocation of conceptual and model units of philosophical and scientific knowledge, hermeneutic and linguo-philosophical methods of analysis of philosophical and cultural-anthropological basic concepts, categories, terms, definitions.

Keywords: Ethnicity, cultural anthropology, evolutionism, diffusionism, biologization direction, structural functionalism, psychoanalytic approach, cognitive anthropology, structural anthropology, "Culture-and-personality" school, psychoanalytic anthropology.

Введение. Обратившись к генезису культурной антропологии, можно обнаружить, что большинство ученых занималось довольно узким спектром тем, в который входили брачно-родственные отношения, религия, мышление человека и т. п. Возникает вопрос, по какому принципу ими определены эти немногочисленные темы? Как связаны они между собой? До сих пор не утратил своего значения ответ на эти вопросы, которые дает Юлиан Владимирович Бромлей в своем труде «Очерки теории этноса», где он разрабатывает признаки, по которым возможно выделить этнос из других человеческих общностей; и среди этих нескольких признаков фигурируют и брачно-родственные отношения, и религия, и другие вопросы, находящиеся в центре внимания культурантропологов. Итак, предваряя рассмотрение культурантропологической литературы по заявленной проблематике, необходимо обратиться к «Очеркам теории этноса» Ю. В. Бромлея с целью вычленения базовых признаков этноса.

Во-первых, Ю. В. Бромлей заявляет, что этносом может называться только народ, имеющий самоназвание, которое принято обозначать термином «эндоэтноним», делая акцент именно на том, что это собственное название народа, а не то, каким образом его называют другие этнические общности, для чего вводится термин «экзоэтноним», объединяемый с «эндоэтнонимом» в рамках «эндоэтнонима», имеющего более широкое значение названия народа в принципе, безотносительно того, кем оно дано. Ю. В. Бромлей говорит о том, что «этнонимы, даваемые данному этносу другими народами (экзоэтнонимы), нередко существенно отличаются не только от этнонима-самоназвания, но и друг от друга. Эндоэтнонимы, как правило, не только однозначны, но и довольно устойчивы» [1, с. 45–46]. Во-вторых, автор делает заключение, что наличие эндоэтнонима предполагает существование у его обладателя единого самосознания, при этом «важным компонентом этнического самосознания выступает представление об общности происхождения всех членов этноса, под которым обычно понимается совместная историческая практика их предков» [1, с. 56].

Называя этносы сопоставимой категорией, Ю. В. Бромлей заявляет, что эта сопоставимость базируется на ряде объективных свойств этносов, «которые существуют независимо от субъективного желания их членов и воспринимаются ими в качестве отличительных черт своей общности» [1, с. 49]. Подходя к вопросу изучения объективных свойств диахронически, Ю. В. Бромлей обозначает четыре таких свойства, которые выделялись теми или иными

учеными-культурантропологами, и используя метод фальсификации, заявляет, что два из них не выдерживают критики. Так, важнейшим условием формирования этноса выступает территориальная целостность, которую некоторые культурантропологи выделяли в качестве этнообразующего фактора, но Ю. В. Бромлей аргументировано заявляет, что «целостность территории не является строго обязательным фактором воспроизводства всех его частей. И носители одного этнонима, проживающие на отдаленных друг от друга территориях, нередко из поколения в поколение сохраняют свою этническую принадлежность» [1, с. 50].

Другим базовым элементом этноса, не выдержавшим критики, является раса. Ю. В. Бромлей, обращаясь к проблематике расовой однородности или дифференциации этносов, привел две диаметрально противоположные точки зрения. Одна из них принадлежит советским этнологам и заключается в том, что большая часть народов мира обладает сравнительно однородным расовым составом; другая точка зрения, которой придерживались советские антропологи, напротив, подчеркивает неоднородность физических типов этнических общностей. Объясняется наличествующая противоположность взглядов тем, что за основу исследователями были взяты таксономические единицы разных уровней. И Ю. В. Бромлей придерживается первой точки зрения, аргументируя это следующим образом: «примерно 30 % населения мира принадлежит к смешанным и промежуточным в расовом отношении группам, а это крайне затрудняет использование антропологических показателей в качестве этнодифференцирующих признаков. Значительная часть этносов состоит из людей, принадлежащих к разным расам. Совершенно неправомерно утверждение, что расовое единство является обязательным признаком любой этнической общности» [1, с. 52].

В качестве наиболее существенного свойства, лежащего в основе этнического размежевания людей, согласно Ю. В. Бромлею, лежит культура «в самом широком смысле этого слова. Именно в сфере трактуемой таким образом культуры обычно и сосредоточены все основные отличительные особенности народов-этносов» [1, с. 54]. Эти особенности могут быть проявлены как в духовной, так и в материальной культуре. Но Ю. В. Бромлей делает оговорку, согласно которой не каждая культурная общность есть этнос: «этнос представляет только та культурная общность людей, которая осознает себя как таковую, отличая себя от других аналогичных общностей» [1, с. 56]. И еще одним базовым элементом автор обозначает единство психики: «культурное

единство членов этноса неразрывно связано с наличием у них определенных общих черт психики» [1, с. 56].

Определяя этнос как «исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую межпоколенную совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)» [1, с. 7–58], Ю. В. Бромлей выделяет две его основные формы бытования: этникос как собственно этническое образование и этносоциальный организм, представляющий собой синтез этнических и политических (социально-потестарных) общностей. Именно этносоциальные организмы охватывают большую часть населения мира, хотя вместе с этим некоторые этнические группы, например, цыгане, не имеют своего этносоциального организма в принципе. В связи с дуалистическим характером структуры этносоциального организма ему свойственны и двойственные внутренние связи: с одной стороны, это этническое самосознание и информационные связи, характерные для этникоса, а с другой стороны – это связи политические. С течением времени, согласно Ю. В. Бромлею, меняется содержание этнических связей. Так, если на ранних этапах этнической истории первостепенное место занимали представления об общности происхождения, о родстве членов этнической общности, то со временем главную роль начинают играть автостереотипы, являющиеся, по словам Ю. В. Бромлея, субъективным отражением объективных свойств этноса, таких как обычаи, обряды, язык и др.

Принято считать, что со второй половины XX века стали принимать мировые масштабы процессы, связанные с собственной этнической идентичностью. Само понятие этнической идентичности стало одним из важнейших наряду с собственно понятием этноса. Ее принято считать результатом эмоционально-когнитивного процесса отождествления себя с представителями некоторого этноса и отмежевания от представителей других этносов, этническая идентичность – это осознание своей этнической принадлежности. Таким образом, есть акцент сместился с идентификации индивида извне в сторону этнической самоидентификации, в связи с чем понятие «этническая идентичность» не эквивалентно таким понятиям, как «этничность», «этническая принадлежность», «этническое самосознание», «этническая идентификация». Т. Г. Стефаненко, обозначая разницу между приведенными понятиями, говорит о том, что обозначенные понятия, по большей части, связаны с приписыва-

ваемой обществом категорией, в основании чего лежат объективные критерии (в частности, этнообразующие факторы, рассмотренные Ю. В. Бромлеем); в то время как этническая идентичность является результатом построения индивидом окружающего мира и своего места в нем, т. е. результатом самокатегоризации. Следовательно, этническая идентичность индивида может не совпадать с приписываемой ему извне этничностью.

Этническая идентичность не является эквивалентом этнической принадлежности, поскольку помимо причисления себя к какому-либо этносу первая предполагает глубоко значимое переживание индивидом этой принадлежности в качестве одного из важнейших представлений о себе. Таким образом, структура этнической идентичности состоит из двух компонентов: во-первых, это содержательное наполнение: знания об этнической принадлежности и ее основных критериях, о разных этнических общностях, этот компонент принято называть когнитивным, и во-вторых, это аффективный, или эмоционально-ценностный компонент, в состав которого входят переживание индивидом собственной этнической принадлежности, оценка ее значимости, желание/нежелание принадлежать этнической общности, комплекс чувств индивида по отношению к своей этнической принадлежности.

Итак, при обращении к генезису культурантропологической мысли по проблематике, заявленной в названии настоящей работы, необходимо удерживать в качестве методологической основы воззрения Ю. В. Бромлея, выделившего самоназвание, самосознание, культуру и единство психики как основополагающие свойства этноса, а также территорию и расу как ложные базовые этнообразующие единицы, анализируя, какие культурантропологические школы делали акцент на той или иной ядерной единице, какие элементы человеческого бытия пытались признать в качестве базовых элементов. Также следует удерживать идею Ю. В. Бромлея об этносе как этносоциальном организме. Необходимо обращать внимание и на то, каким образом в процессе развития культурантропологической мысли возникали и все более ясно очерченными становились мысли о таком феномене, как этническая идентичность, включающем в себя помимо причисления индивидом себя к какому-либо этносу глубоко значимое переживание им этой принадлежности в качестве одного из важнейших представлений о себе.

Концепции этноса в культурной антропологии с ее возникновения до конца XX века. Методологические возможности эволюционизма. Появление культурной антропологии как самостоятельной дисциплины обычно

датируют серединой XIX столетия, и первой научной культурантропологической школой принято называть эволюционизм. Его приверженцы полагали, что все люди обладают примерно одинаковыми умственными способностями, вследствие чего в схожих условиях от них можно ожидать предприятия одних и тех же действий, чем и объясняется с точки зрения эволюционизма аналогичность культур. Эволюционисты считали, что имеет место быть непрерывный прогресс человеческой культуры (дикость – варварство – цивилизация) и в этом процессе все народы можно расставить по иерархической лестнице, на начальных ступенях которой располагаются современные бесписьменные народы – пережиток, являющийся аналогом так называемого «первобытного общества».

Адольф Бастиан (1826–1905), основоположник эволюционизма в Германии, выделял два метода исследования: психологический и естественно-научный. В основании первого лежало положение о том, что единство человеческой психики порождает единство человеческой культуры. Каждый народ в изолированности своей порождает определенный круг идей, который трансформируется при взаимодействии народов друг с другом. Согласно второму методу, единство человеческой психики выражается в так называемых «элементарных идеях», схожих у разных народов, посредством чего и формируется единство человеческой культуры. И именно к набору некоторых элементарных идей А. Бастиан и стремился свести многообразие культур.

Помимо стадильности развития человеческих культур, эволюционистами, в частности Джеймсом Джорджем Фрэзером (1854–1941), была выдвинута идея об эволюционных стадиях умственного развития человечества, это: магия (вера человека в свои сверхъестественные способности), религия (обладателями невероятных сил признается не человек, но высшие существа) и наука (человека и богов сменили научные законы). Все эти этапы представлены и в современности, общества можно поделить согласно доминирующему типу мышления.

Герберт Спенсер (1820–1903) уподоблял человеческое общество живому организму и выделял две группы факторов, влияющих на его развитие, а также три системы органов внутри каждого общества-организма. Так, к внешним факторам им были относимы географическая среда и соседние культуры, к внутренним – расовые различия, физическая человеческая природа. В качестве трех основных систем органов Г. Спенсер выделяет поддерживающую (производство жизненно необходимых обществу продуктов), распределитель-

тельную (распределение произведенных продуктов) и регулятивную (подчинение отдельных единиц надорганическому целому общества) системы.

Льюис Генри Морган (1818–1881) разделил историю человечества на два больших периода: ранний (социальная организация которого была построена на родоплеменных взаимоотношениях) и поздний (политическая организация, в основе которой собственность и территория). Л. Г. Морганом были выделены стадии развития брачных отношений. Так, он обозначал в качестве последовательно сменяющихся друг друга следующие четыре стадии: кровнородственная семья; пуналуальная семья (групповой брак нескольких сестер с общими мужьями или нескольких братьев с общими женами); парная, или синдиасмическая, семья; патриархальная, полигамная семья; моногамная семья современного вида.

Эдвардом Тайлором (1832–1917) был предложен «метод пережитков», заключающийся в том, что культурные явления имеют свойство со временем терять первоначальное значение и воспроизводиться обществом исключительно по инерции, что являлось указанием на возможность обнаружить в современных явлениях отголоски былых времен, но не более того.

Джон Фергюссон Мак-Леннан (1827–1881) несколько иначе трактовал категорию пережитков, считая, что ритуалы современности – это символические формы поведения, реальные же формы отношений, составлявшие их основу, утрачены со временем, поэтому, изучая современные обряды, можно реконструировать реальную практику прошлого. В качестве примера Мак-Леннан приводит реально существующую практику кражи невест в одних племенах и ритуальную кражу в других.

В качестве двух областей, наибольшим образом занимавших социальных антропологов в период главенства эволюционизма, выделяют семейно-родственные и брачные институты, во-первых, и религиозные верования, во-вторых. Большое внимание Мак-Леннан уделял изучению ранних форм семьи; так, в качестве признаков исходной формы брака он выделял следующие: состояние перманентной войны между племенами, члены которых вступают в брак (экзогамные браки); обычай умерщвления новорожденных девочек в силу необходимости держать под контролем численность популяции; обычай полиандрии; матрилинейность; предшествующая стадия развития брачных отношений – промискуитет. Как и Г. Морган, Дж. Ф. Мак-Леннан полагал, что семья в современном понимании – довольно позднее образование, изначально формировались племена, роды, кланы, а потом уже семьи.

Разработки Э. Тайлора в сфере религиозных верований являются одними из известнейших в рамках эволюционизма. Ему принадлежит концепция анимизма, суть которой заключена в том, что явления, окружающие человека, одушевляются им, и этот процесс коренится еще в самых ранних стадиях развития человеческого общества. Тайлор признает анимизм первой формой религии и одновременно основанием всякой религии.

Среди эволюционистов было много так называемых кабинетных ученых, которые строили свои гипотезы на материале, собранном третьими лицами, которыми часто оказывались путешественники, и теории, выстроенные кабинетными учеными, не были валидными. Но и первые специально организованные полевые исследования тоже были проведены именно эволюционистами, ими же была прописана первая методология проведения полевых исследований. Так, Уильям Хальс Риверс (1864–1922) разграничивал экстенсивное этнографическое исследование и интенсивное. Если экстенсивное сводилось к опросу местного населения по заранее сформулированным вопросам, то интенсивное предполагало максимально полное знание языка изучаемого народа, конкретной постановки вопросов, опрашивания сразу нескольких информаторов, возможность убирать рамки конкретных вопросов, разрешая информатору говорить на интересующие его темы. Со временем под интенсивным исследованием стали пониматься включенные исследования, а опросники причислялись к экстенсивным методам исследования.

Таким образом, эволюционизмом акцентировалось внимание не на отдельно взятой этнической общности как таковой, а только в контексте общего прогрессивного развития человеческой культуры, где каждая отдельно взятая этническая популяция является лишь ступенью на пути превращения дикости через варварство в цивилизацию, где каждой популяции свойственен один из трех типов мышления: магический, религиозный или научный. Большое внимание было уделено проблематике единства человеческой психики и стремлению свести на основе этого положения все многообразие человеческих культур к набору некоторых элементарных идей, свойственных человечеству. В эволюционизме появилось представление об обществе как живом организме и первые попытки провести стройные аналогии между ними.

Встав на позиции эволюционизма, можно классифицировать каждую отдельно взятую этническую популяцию, поставив ее на одну из ступеней: дикость – варварство – цивилизация; магия – наука – религия; ранний – поздний периоды человеческой истории; превалирование кровнородственных, пулану-

альных, синдиасмических, полигамных или моногамных семей; а также постараться выделить набор элементарных идей, свойственных данной этнической культуре. Эволюционизм предполагает сравнение нескольких культур с выделением общих и различных черт с целью расставить рассматриваемые культуры по эволюционной лестнице. Помимо определения места отдельно взятой культуры относительно других, с позиций эволюционизма можно классифицировать и составные части каждой культуры, например, поделив их на три группы, сообразно трем основным системам органов человеческого организма. А изучая наличествующие в современности ритуалы, являющиеся символическими формами поведения, можно реконструировать реальные формы жизни, имевшие место быть в прошлом.

Обратясь к типологии базовых составляющих единиц этноса Ю. В. Бромлея, можно заключить, что эволюционисты уделяли особое внимание двум основополагающим свойствам: единству психики и культуре. Специфика обращения к единству психики заключалась в том, что эволюционисты ставили акцент на это единство по отношению к человечеству вообще, а относительно каждого отдельно взятого этноса. Именно на основании этого заключения они и могли выстраивать теорию прогрессирующего развития человечества, сравнивая различные этнические общности друг с другом. Рассматривая проблематику культуры, ученые-эволюционисты по большей части обращали основное внимание на брачно-родственные и религиозные отношения. Нельзя не отметить и тот факт, что эволюционист Г. Спенсер, уподобляя человеческое общество живому организму и выделяя две группы факторов, влияющих на его развитие, к внешним факторам отнес в том числе географическую среду, а к внутренним – расовые различия, т. е. он не называл ни географический фактор, ни расовую дифференциацию основополагающими свойствами этноса, лишь говоря о важности их влияния, что по сути своей не противоречит концепции Ю. В. Бромлея.

Методологические возможности диффузионизма. Диффузионизм концентрировал внимание на материальной составляющей культуры, человек считался лишь переносчиком, «ногами» культуры, главное же место занимали предметы, по наличию или отсутствию которых ученые-диффузионисты брались говорить о происхождении культуры, о путях ее возникновения, о характере ее взаимодействия с иными культурами. Диффузионизм ставил своей целью определение путей перемещения культурных элементов, временных рамок этих процессов, составление схем, карт этих перемещений,

классификацию культур на основании совпадения культурных предметов. При рассмотрении вопроса происхождения культурных предметов основополагающим принципом был принцип географической определенности возникновения. В наиболее радикальных случаях речь шла об однократности возникновения предметов. Не менее, чем центр возникновения, диффузионистов волновали механизмы распространения культурных предметов. Среди основных процессов распространения культуры выделялись войны, завоевания, колонизация, торговля, добровольное перенимание. Диффузионисты активно разрабатывали теорию культурных кругов, или культурных ареалов, которая позволяла наглядно выявить как пути распространения культур, так и примерно показать последовательность этого процесса. Помимо теории культурных ареалов, внутри диффузионизма принято выделять два направления: инвазионизм, согласно которому значимые изменения в культуре связаны с вторжением в нее носителей более высокоразвитой культуры; и теория культурного центра, с точки зрения которой существовал единый центр культуры, из которого исходили волны миссионерских элит, повсюду распространяющие высокую культуру.

Немецким ученым Фридрихом Ратцелем (1844–1904), активно занимавшимся антропогеографией, были выделены два основных способа распространения культурных предметов: это полное быстрое перемещение всего культурного комплекса, или аккультурация; и заимствование отдельных предметов.

Лео Фробениус (1873–1938), как и Ф. Ратцель, отдавал человеку лишь второстепенное значение, наделяя его лишь функцией переносчика культуры, говоря, что культура развивается без человека, по собственным законам, Фробениус проводил аналогию между культурой и живым существом, говоря, что культуры рождаются, развиваются и умирают. Проводя обозначенную аналогию, Фробениус обозначил свою теорию как морфологию культуры и в рамках нее разделил все культуры на женские и мужские, или теллурические (растущие из земли вверх) и хтонические (углубляющиеся в землю), на основании особенностей материальных и духовных составляющих культур, таких, как например, свайные постройки или же жилища земляного типа.

Фритц Гребнер (1877–1934) стремился подтвердить идею о том, что каждый элемент культуры изобретается лишь единожды, а затем лишь распространяется в различных направлениях. Он проделал большую работу по картографированию культур и выделил в результате несколько закономерностей:

так, если культурный круг занимает середину области, то он является достаточно поздним, поскольку оттеснил предшественника на окраины области; если центральный круг доходит в некотором месте до края региона, значит, с этой стороны и происходило его занесение.

Таким образом, основное значение диффузионисты придавали культуре отдельных этнических общностей, причем зачастую ее материальной составляющей, с целью проследить генезис всеобщей человеческой культуры. Но, если согласно концепции Ю. В. Бромлея, культура, являясь основополагающим свойством этноса, служит, прежде всего, для отличия одного этноса от других, то диффузионисты, напротив, старались с помощью изучения различных культур, привлекая географические методы, доказать, что этносы родственны друг другу, доказать существование единого центра возникновения культур. Придерживаясь диффузионистской точки зрения при поведении современного исследования этнических общностей, составив перечень культурных предметов рассматриваемого этноса и картографировав его, можно попытаться определить родственные ему культуры, сделав попытку выявить те, которые были источником культурных заимствований, и те, которые переняли культурные предметы и идеи уже позже, посредством изучаемой общности. Также можно попытаться обозначить первоначальные источники происхождения тех или иных культурных предметов, проследить их пути попадания в рассматриваемую культуру и, помимо этого, выделить предметы, автохтонные для данного этноса.

Методологические возможности биологизаторского направления. Кратко суть биологизаторского направления в культурной антропологии можно выразить основной его идеей, заключающейся в том, что развитие культуры определяется биологическими факторами. Один из вариантов данной идеи обладал расистской направленностью и основывался на том, что особенности этнокультурных общностей сводятся к расовым характеристикам индивидов. В качестве причины возникновения расистских концепций культур принято называть невозможность объяснить существование «примитивных» обществ в современном цивилизованном мире с позиций эволюционизма, поскольку последний настаивал на исключительно прогрессивном развитии культуры. Сугубо расистские концепции, обосновывающие право на власть высшей (европеоидной) расы над низшими, появились в конце XVIII столетия преимущественно в США, где они были призваны оправдать отношение белых людей к неграм. Считалось, что негр, принадлежа к низшей

расе по сравнению с белыми людьми, не могут жить в культурном состоянии без опеки последних.

Одним из наиболее известных ученых, работавших в рамках расовых концепций культур, был Жозеф Артур де Гобино (1816–1882), которым был опубликован труд «Опыт о неравенстве человеческих рас», признаваемый манифестом расизма. В нем Гобино ставил перед собой цель доказать, что расовые различия между людьми являются главной причиной различий в историческом развитии стран. Им заявляется, что расовый фактор, называемый в «Опыте о неравенстве человеческих рас» как «этнический», является важнейшей движущей силой прогресса культуры. Воззрения Гобино были кардинально противоположными идеям диффузионизма: он считал, что культура одной расы никогда не сможет распространиться среди представителей другой. Он противоречил и эволюционистам, полагая, что в силу перманентного различия рас и их культур «примитивные» народы современности навсегда останутся таковыми.

Расы были градуированы Ж. А. де Гобино по потенциальной способности к прогрессу. Так, низшей расой им признавалась черная раса, или меланическая. Желтая раса, согласно воззрениям Гобино, была немногим более развитой. Но способной к прогрессу признавалась только арийская, или белая, раса. Такие заключения Гобино сделал на основе изучения десяти культур-цивилизаций, имевших место быть в истории человечества (среди них, например, греческая, индийская, египетская, перуанская и др.), поскольку, по его мнению, все они были созданы арийцами, высшей разновидностью белой расы. Для подтверждения данного тезиса Гобино прибегает к совершенно необоснованным заключениям. Так, согласно ему, одна из цивилизаций – китайская – была создана белыми людьми, прибывшими из Индии. Идеалом Гобино считал германскую средневековую культуру, так называемый «германский Рим», который содействовал образованию некоторых европейских государств.

В отличие от эволюционистов, Гобино считает, что человечество находится на пути регресса, поскольку апогей развития пришелся именно на Средневековье, а в настоящее время наблюдается спад, обусловленный экспансией высшей расы на все большие пространства, в ходе чего происходит смешение арийцев с низшими народами, потеря чистоты, белая раса все больше становится похожа на другие расы, что обрекает ее на гибель.

Процессы развития культуры в зависимость от биологических характеристик ее носителей ставили Жорж Ваше де Лапуж (1854–1936) и Отто Аммон

(1842–1916), которые полагали, что психологические качества и, следовательно, качество культуры, напрямую зависят от так называемого «головного показателя», т. е. от отношения наибольшей ширины головы к наибольшей длине. Считалось, что одаренность человека прямо пропорциональна его длинноголовости, при этом наибольший показатель длинноголовости у европейской расы. При этом, как и Гобино, Лапуж и Аммон выделяли внутри европейцев наиболее развитую общность – арийцев.

Таким образом, представителями расистских концепций культурной антропологии учитывались в основном два свойства этноса: раса и культура. При этом доминирующей, безусловно, называлась раса, в прямой зависимости от которой и находилось развитие культуры. Положения расистских концепций входили в противоречия как с эволюционистскими взглядами, так и с диффузионистскими. Так, согласно Гобино, отнюдь не все человечество способно к прогрессивному развитию, но лишь белая раса; более того, апогей развития ее культуры уже в прошлом, теперь идет смешение арийцев с представителями низших рас, что ведет к застою в развитии, к упадку цивилизации. Гобино же полагал, что культура одной расы не может быть распространена среди представителей другой расы, что противоречило теории диффузного проникновения культур друг в друга.

Методологические возможности структурного функционализма. Фундаментальным сдвигом, приписываемым функционализму, считается переход от диахронии к синхронии в изучении общества. Функционалисты считали каждую отдельно взятую культуру системой институтов, наделенных определенными функциями, и именно на процессах функционирования и было сконцентрировано основное их внимание. Двумя основными представителями функционалистской школы принято называть Бронислава Каспара Малиновского и Альфреда Реджинальда Рэдклифф-Брауна.

Бронислав Каспар Малиновский (1884–1942) – английский этнолог и социолог, считающийся одним из основателей и лидеров английской функциональной школы в британской антропологии. Он понимал культуру как целостную, согласованную систему, части которой тесно связаны друг с другом, отдельный феномен культуры, ее аспект должен быть рассматриваем не иначе как с позиции целого, как компонент системы, свойства каждого отдельного компонента предопределяются целым. Б. К. Малиновский требовал рассматривать каждый аспект культуры не просто как составляющую часть системы, но как функционирующую часть внутри культурного контекста.

Поэтому основной целью исследований, проводимых Б. К. Малиновским и его последователями, было понимание именно механизма культуры, ее функционирования, явленного через функционирование каждой отдельно взятой институции. Согласно Б. К. Малиновскому, институции – это чувственно-явленные формы механизмов культуры, более того, кроме как через институции, эти механизмы и не могут быть явлены, следовательно, ученые, занимающиеся исследованиями в области культуры, должны опорой своей сделать полевые исследования. Причем Б. К. Малиновский настаивал на том, что поскольку механизмы культуры не могут быть явленными никаким другим образом кроме как через институции, постольку и научные гипотезы об этих механизмах, которые требуют практической верификации, должно выдвигать само поле. Заслугой именно Б. К. Малиновского в истории наук о культуре считается совершение поворота от кабинетного исследования к полевому, к изучению импондерабилей реальной жизни. «Никакой живой процесс – и в том числе процесс культурного изменения – не может быть изучен при помощи одних только документов и устных сообщений. На подлинное знание того, какой смысл несет в себе культурное изменение и что оно собой реально представляет, может рассчитывать лишь тот, кто лично работал во всех трех областях, из которых складывается изменение <...> культуры» [2, с. 379–380].

Проведя полевые исследования на Маилу (1914), на островах Тробриан (1915–1918) и значительно позже в мексиканском штате Оахака (изучение сапотек, 1940–1941), Б. К. Малиновский постоянно возвращался к собранному материалу для подтверждения гипотез, возникающих на пути к обнаружению максимально всеохватного принципа, механизма культуры. И таким предельно общим принципом культуры, согласно Б. К. Малиновскому, стало утверждение, что культура является аппаратом для удовлетворения человеческих потребностей. «Культура представляет собой, по существу, инструментальный аппарат, благодаря которому человек получает возможность лучше справляться с теми конкретными проблемами, с которыми он сталкивается в природной среде в процессе удовлетворения своих потребностей» [3, с. 142]. Следовательно, можно утверждать, что концепция Б. К. Малиновского – это концепция культурного детерминизма.

Согласно Б. К. Малиновскому, потребности могут быть разделены на три основных вида: основные («каждая культура должна удовлетворять систему биологических потребностей, предопределенных метаболизмом, воспроиз-

водством, физиологическим температурным режимом, необходимостью защиты от сырости, ветра и непосредственного воздействия вредных климатических и погодных условий, а также от опасных животных и других людей» [3, с. 158]), производные (потребности организации, порядка и согласия) и интегративные потребности (потребности духовной деятельности: наука, религия, этика, искусство). Представленные типы потребностей иерархизированы: прежде всего человеческая деятельность направлена на удовлетворение основных, или биологических, потребностей, только после устранения, которых внимание может быть уделено потребностям производным. Позже данная идея, присутствующая не только в воззрениях Б. К. Малиновского, была конкретизирована американским психологом, основателем гуманистической психологии Абрахамом Харольдом Маслоу в его знаменитой Диаграмме человеческих потребностей.

Принципу культурного детерминизма подлежит не только человек как единица, но и как коллектив: «виды деятельности, установки и объекты, организующиеся вокруг жизненно важных задач, образуют такие институты, как семья, клан, локальное сообщество, племя, а также дают начало организованным группам, объединенным экономической кооперацией, политической, правовой и образовательной деятельностью» [3, с. 142]. Обобщая результаты разных полевых исследований, Б. К. Малиновский делает вывод, что способы удовлетворения потребностей могут быть различными, во-первых, в разных культурах, и, во-вторых, на разных стадиях их развития, что необходимо учитывать при контактировании разных культур друг с другом. Конкретизируя данное положение, Б. К. Малиновский заявляет: «утверждение, что племенные африканцы подчинены своему собственному, особому культурному детерминизму означает, что, когда мы собираемся внедрять новые гастрономические привычки, новые методы земледелия или же новые статусы и законы, мы неизбежно пытаемся заменить ими те или иные культурные реалии, и если данный процесс протекает вне учета существующих сил, то это может просто-напросто привести к конфликту и дезорганизации» [2, с. 376]. Культура в процессе удовлетворения человеческих потребностей вырабатывает систему, в которой каждой части предопределено ее особое место, причем система настолько иерархизирована и слажена, что стоит удалить один из ее элементов, связь которого с целым не кажется имеющей сколько-нибудь важного значения, общее функциональное равновесие может быть нарушено, а вся система уничтожена. Данный принцип, согласно которому любой объ-

ект или идея выполняет жизненную функцию внутри целого, получил название универсального функционализма.

Британский антрополог, создатель структурно-функционалистского подхода в антропологии Альфред Реджинальд Рэдклифф-Браун (1881–1955) в своих трудах («Методы этнологии и социальной антропологии», «Сравнительный метод в социальной антропологии», «Историческая и функциональная интерпретации культуры и практическое применение антропологии в управлении туземными народами») разграничивает две такие науки, как этнология и социальная антропология. Главным параметром для их разделения является основной метод, применяемый в исследованиях, проводимых этнологами и социальными антропологами [4].

Метод, являющийся основным для этнологов, А. Р. Рэдклифф-Браун считает уместным называть историческим методом. Суть его заключается в том, что использование данного метода позволяет исследователю интерпретировать конкретно взятый институт отдельного общества, проследить его становление, устанавливать факторы, повлиявшие на изменения, претерпленные рассматриваемым институтом. Таким образом, А. Р. Рэдклифф-Браун, по сути, говорит о том, что этнологи, используя исторический метод, прослеживают во времени причинную обусловленность отдельно взятого института. «Отдельный элемент или состояние культуры объясняются их происхождением от какого-то другого элемента, который прослеживается до третьего элемента, и так далее до тех пор, пока мы еще что-то можем проследить. Этот метод показывает действительные временные связи между конкретными институтами, событиями или состояниями цивилизации» [5, с. 605].

В качестве основной проблемы, с которой приходится сталкиваться этнологам, А. Р. Рэдклифф-Браун обозначает отсутствие (полное или частичное) необходимых для исследования эмпирических данных. В первую очередь это связано с тем, что в то время, на которое приходится научная деятельность А. Р. Рэдклифф-Брауна, основным объектом исследований и этнологов, и антропологов были «традиционные общества», изучение которых не могло опираться на сколько-нибудь достоверный материал, касающийся истории этих обществ. Следовательно, говорить об объективности восстанавливаемого учеными процесса последовательной детерминации какого-либо общественного института не приходилось, исследования носили сугубо гипотетический характер.

Обнаружив субъективность исторического метода, А. Р. Рэдклифф-Браун обращается к социальной антропологии и ее функциональному методу, в ос-

нове которого лежит индукция, и применение данного метода позволяет обнаружить общий закон, частным случаем которого будет отдельно рассматриваемый институт. Для выведения законов, общих, универсальных для всего человеческого общества, А. Р. Рэдклифф-Браун предлагал действовать следующим образом: сначала выявлять типичные черты культуры некоторого подразделения изучаемой этнической группы; затем – всей группы; после этого – сравнение обобщенного типа культуры изучаемой этнической группы с подобным же образом обобщенными типами культур других этнических групп. И именно посредством сравнения различных типов можно вычленить единые, универсальные для человеческого общества в целом принципы и законы. Согласно Рэдклифф-Брауну, исследователю необходимо ответить на два основных вопроса: в чем состоит функция рассматриваемого социального явления и каким образом эта функция осуществляется? Ответ на второй вопрос может быть получен в процессе выяснения эмпирического содержания свойств социального явления, которые связывают его с другими явлениями.

Обозначив цель социальной антропологии, А. Р. Рэдклифф-Браун возвращается к этнологии, стремясь придать смысл бесполезному с научной точки зрения выстраиванию гипотетических историй происхождения множества отдельно взятых культурных феноменов. Бесмысленность применения исторического метода в чистом виде заключается в двух основных аспектах: во-первых, это невозможность проследить цепочку детерминант каждого отдельно взятого культурного феномена в силу бесконечного множества этих феноменов; во-вторых, это бесполезность установленных стадий развития отдельных институтов без связи со стадиями развития других институтов, по сути, это выстраивание гипотетической истории ради самой гипотетической истории. И именно функциональный метод, позволяющий вывести законы функционирования культуры, общества в целом, и призван выполнить целеполагающую функцию в исследованиях этнологических, «по-настоящему понять эти последовательные стадии развития можно будет лишь тогда, когда мы определим законы, их породившие» [5, с. 608].

Тем самым А. Р. Рэдклифф-Браун не отказывает этнологии в праве на существование, напротив, он признает ее необходимость, но только в совокупности с социальной антропологией, утверждая, что правильность каждого шага на пути к выведению общего закона с помощью индукции должна проверяться эмпирически, по сути, с помощью исторического метода этнологии; т. е. процессом идеального с научной точки зрения исследования А. Р. Рэдклифф-

Браун считает постоянное чередование функционального и исторического методов с целью обоюдного подтверждения высказываемых гипотез.

Согласно А. Р. Рэдклифф-Брауну, не только выведение стадийного развития отдельного феномена культуры не является самоцелью науки, но и цель открыть общие функциональные законы, с помощью которых может быть объяснен конкретный элемент той или иной культуры, также не является предельной. Для Рэдклифф-Брауна большой ценностью обладает возможность практического применения результатов научного исследования, в частности, актуальной областью использования социально-антропологических знаний он считает научно обоснованное управление группой явлений в неевропейских обществах, поскольку «только поняв культуру как функционирующую систему, мы сможем предвидеть результаты любого оказываемого на нее преднамеренного или непреднамеренного влияния. <...> Поэтому, если антропология хочет оказать помощь в решении практических проблем управления и образования, ей необходимо отказаться от попыток угадать историческое прошлое и посвятить себя функциональному исследованию культуры» [5, с. 635].

Эдварда Эванса-Притчарда (1902–1973) («Нуэры», «История антропологической мысли») обычно причисляют к структурно-функциональной школе антропологии, но анализ его работ демонстрирует его существенные расхождения со столпами этого направления А. Р. Рэдклифф-Брауном и Б. К. Малиновским. В целом Э. Эванс-Притчард разделял основы их подхода к изучению общества и внес немалый вклад в развитие структурно-функциональной традиции своими исследованиями родства и религии. Но он рассматривал социальную антропологию как преимущественно гуманистическую и описательную дисциплину, основной задачей которой является интерпретация и достижение адекватного понимания других культур, а не формулировка общих законов и социальных теорий. Э. Эванс-Притчард считал, что теоретические обобщения могут быть сделаны лишь в результате накопления большого фактического материала, обеспечивающего достаточную базу для обоснованных сравнений и выводов. Э. Эванс-Притчард считал, что антропология должна быть тесно связана с историей, то есть им постулировалась необходимость объединения диахронического и синхронического принципов изучения человеческих общностей [6].

Среди многообразных научных интересов Э. Эванса-Притчарда можно выделить магию и религию, брачные отношения, политические системы пле-

мен и их связь с системами родства и религиозными верованиями, восприятие времени и пространства, танец и его функции, каннибализм и др., т. е. интересы эти являются составляющими широкого понимания культуры. Изучая «примитивные» религию и сознание, Э. Эванс-Притчард большое внимание уделял «прослеживанию ответственности» в общественной жизни. В своих исследованиях он был ориентирован на понимание, а не на описание и анализ, вследствие чего имел дело с «идиомами» – категориями сознания и речи этнических общностей, такими как «племя», «община», «клан», «грех», «жертвоприношение» и др. Идиоматический характер рассматриваемых Э. Эвансом-Притчардом понятий сводился к тому, что они представляли собой некоторые идеальные модели отношений между людьми, что позволило вычленив несколько принципов осмысления этническими общностями собственной жизнедеятельности [7].

Исследователями, изучавшими научное творчество Э. Эванса-Притчарда, выделяются две тенденции, в некотором роде противоположные друг другу: с одной стороны, это стремление к выявлению объективной логики социальных процессов, холодная исследовательская отстраненность; а с другой – стремление реабилитировать африканскую личность в глазах европейцев, переводы значений идиом африканских культур имели цель дать возможность через них европейцам лучше понять самих себя. Таким образом, с одной стороны, Эванс-Притчард максимально нивелировал себя как субъекта исследования, а с другой, напротив, активно проявлял свои личностные характеристики.

Эдмунд Рональд Лич (1910–1989), которого в истории культурной антропологии относят к представителям структурно-функционалистской школы, отказался от стремлений предшественников понять законы, действующие в человеческих общностях, его идея заключалась в попытке понять не только разговорный язык изучаемого народа, но максимально его образ жизни. Поняв сущность изучаемого, ученый впоследствии должен перевести это на язык, доступный читателям; т. е. Э. Р. Лич активно опирался на герменевтические принципы исследования, его работе была свойственна эмпатия, или «вживание», в образ мысли изучаемых народов. Э. Р. Лич полагал, что полевая работа, расширенная изучением архивных документов для возможности формулировки исторических предпосылок наблюдаемых явлений, не должна подчиняться априорным теоретическим схемам. Э. Р. Лич выступал против бытовавшего взгляда на человеческие культуры как на разные виды организ-

мов. Он полагал, что это лишь первоначальное заблуждение; при доскональном изучении обществ становится понятно, что четких границ между обществами и культурами фактически не существует, они плавно переходят друг в друга. Одним из наиболее широко известных трудов Лича является несколько раз переиздававшаяся на разных языках книга «Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов» [8].

Таким образом, Бронислав Каспар Малиновский сконцентрировал свою научную деятельность на таком основополагающем свойстве этноса, как культура. И им, пожалуй, более, чем предшествующими культурантропологами, была подчеркнута ее значимость, вплоть до того, что его концепция может по праву быть обозначена как культурный детерминизм, поскольку именно культура, согласно Б. К. Малиновскому, является аппаратом для удовлетворения человеческих потребностей, что и есть предельно общим, максимально всеохватным принципом, механизмом культуры. Стоит также отметить, что если идеи Б. К. Малиновского о культуре как аппарате удовлетворения человеческих потребностей и об иерархизированной системе этих потребностей и могут быть подвержены критике, то безусловно позитивным является методологический ход, предложенный Б. К. Малиновским и им же опробованный, заключающийся в повороте от кабинетного исследования культуры к полевому изучению импондериальной реальной жизни. Именно полевые исследования должны направлять исследователя, и они же должны быть материалом для проверки выдвинутых им научных гипотез.

Альфред Реджинальд Рэдклифф-Браун, как и многие культурантропологи-предшественники, сконцентрировал свое внимание на культуре как базовой этнообразующей единице. Именно по различию подходов, методов изучения культуры им было осуществлено размежевание этнологии и социальной антропологии. По сути, он утвердил, зацементировал методологическое положение о разделении подходов изучения культуры на гипотетический, или этнологический, и на функциональный, или социально-антропологический. И поскольку этнологический метод наук о культуре не всегда действенен в силу отсутствия необходимого исторического материала, более значимым, согласно А. Р. Рэдклифф-Брауну, представляется социально-антропологический метод, с помощью которого на основе непосредственно наблюдаемых явлений социальной жизни возможно вывести общие функциональные законы, по которым существует культура.

Б. К. Малиновский и А. Р. Рэдклифф-Браун как основоположники функционализма в культурной антропологии придерживались следующих основных принципов полевой работы: во-первых, этнограф должен несколько лет провести в интенсивной полевой работе среди представителей изучаемой этнической общности. Во-вторых, необходимо изучить местный язык, чтобы обращение к переводчику не искажало данные, необходимо ежедневно вступать в контакт с аборигенами, чтобы те привыкли к исследователю и перестали обращать на него внимание как на чужеземный объект. В-третьих, необходимо концентрировать внимание на взаимосвязи всех явлений в изучаемой общности. В-четвертых, в поле исследователь должен не только уделять внимание тем фактам, которые его поражают, но напротив, концентрировать свое внимание на бытовом ходе жизни. В-пятых, данные о структуре, функции того или иного института можно получить только из его реального наблюдения.

Эдвард Эванс-Притчард, как и большинство исследователей-культур-антропологов, уделяя особое внимание изучению культуры народов, отошел от описания и анализа, почерпнутого в жизни этнических общностей, и сконцентрировался на исследовании идиом этих общностей, стремясь через анализ заключенных в них идеальных моделей отношений между людьми понять принципы осмысления изучаемыми общностями собственной жизнедеятельности. Культурная антропология осмыслялась Э. Эвансом-Притчардом преимущественно как описательная дисциплина, нацеленная на интерпретацию и адекватное понимание других культур, а не на выведение общих всеохватных теорий. Э. Эванс-Притчард полагал, что антропология должна быть тесно связана с историей, т. е. он ратовал за необходимость объединения диахронического и синхронического принципов изучения человеческих общностей.

Методологические возможности эволюционизма психоаналитического подхода. Время появления психоаналитической концепции культуры, основоположником которой признан Зигмунд Фрейд (1856–1939), датируется началом XX века. В качестве методологического основания культурантропологической концепции З. Фрейда выступают его психологические концепции. Основное внимание Фрейд уделял неврозам, понимаемых им в качестве порождений общечеловеческих конфликтов, нарушений возможности самовыражения личности, и методам лечения их. З. Фрейд продемонстрировал связь внутренних состояний отдельной личности с внешними культурными явлениями [9].

З. Фрейд полагал, что происхождение культуры связано с убийством и съедением в первобытном стаде сыновьями отца, который единолично обладал всеми женщинами. После убийства наступило раскаяние, которое привело к запретам (табу) на отцеубийство и инцест, которые составили сущность эдипова комплекса, т. е. совокупности психических процессов, сформированных в детстве мальчика в результате вытеснения бессознательного влечения к матери и враждебности к отцу. По мнению культурантропологов психоаналитической школы, эдипов комплекс представляет собой универсальное для всех культур явление, составляющее базу для психоаналитической концепции индивидуального развития человека и вступающее как объяснение вхождения человека в культуру.

Научные изыскания З. Фрейда в области структуры личности привели его к открытию трех основных систем, взаимосвязанных и взаимодействующих друг с другом. В качестве основной части психики З. Фрейд назвал Ид, или «Оно», – бессознательная часть психики, стремящаяся к немедленной разрядке и подчиняющаяся исключительно принципу удовольствия. Другая часть психики – Эго, или «Я», эта структура отвечает за приспособление к внешнему миру, Эго учитывает реальные условия и возможности удовлетворения влечений Ид. Третья составляющая психики – Суперэго, или «Сверх-Я», – воплощающая в себе нормы и запреты социокультурной среды. Культура, согласно З. Фреду, ограничивает антисоциальные влечения людей (влечения Ид), предоставляя вытесненным влечениям сублимационные выходы. При этом, чем меньше культура создает механизмов для сублимации бессознательных потребностей, тем больше будет количество неврозов в обществе, иначе обозначаемых как «болезни культуры».

Для объяснения происхождения культур З. Фрейдом использовался биологический закон, заключающийся в том, что онтогенез (индивидуальное развитие организма) в сжатом варианте дублирует филогенез (развитие всего вида), т. е. детство человека есть сокращенный аналог развития человеческой культуры. Именно это положение обусловило необходимость пристального изучения института детства, которым активно занялись культурантропологи в частности школы «Культура-и-личность». З. Фрейдом была осуществлена первая попытка рассмотрения параллели «детство – становление культуры», признанная впоследствии продуктивной.

Позднее линию З. Фрейда продолжил Жорж Девре, раскрывший в своих работах сущность и потенциал этнопсихоанализа. В отличие от фрейдовского

психоанализа этнопсихоанализ не ставит себе цель способствовать выздоровлению. Он стремится к углублению отношения между наблюдателем и представителями изучаемой культуры. Этнопсихоанализ направлен на понимание культурантропологом культурного опыта информаторов, на разделение с последними этого опыта. Этнопсихоанализ, по мнению Ж. Девре, ориентирован на раскрытие ассимилируемости социальных взаимоотношений и культурных свойств, на передаваемости и переживаемости индивидами [10].

Таким образом, помещение психоанализа в центр культурной антропологии, согласно концепции Зигмунда Фрейда, может описать историю человека, его культуры от истоков, аналогично истории индивида, т. е. психоаналитической концепцией постулируется прямая связь между историей индивидуальной и историей человечества: онтогенез воплощает в себе суть филогенеза. Изучая онтогенез и филогенез, З. Фрейд пришел к заключению, что культурное общество и отдельный индивид формируются на основе вытесненного желания отцеубийства. Культура, согласно психоаналитической концепции, ответственна за количество неврозов: их распространенность в обществе напрямую зависит от количества сублимационных выходов, предоставляемых культурой вытесненным влечениям Ид.

Методологические возможности когнитивной антропологии. Первыми наиболее значительными культурантропологическими исследованиями в области мышления были работы Люсьена Леви-Брюля (1857–1939), сконцентрировавшим свои научные интересы на размежевании «первобытного» мышления и мышления «логического» (например, «Мыслительные функции в низших обществах», «Первобытное мышление»). Л. Леви-Брюль, опираясь на идеи основоположника социологии Эмиля Дюркгейма, касаемые «коллективных представлений», – т. е. идей, которые человек получает не из индивидуального опыта, а через воспитание, обычаи, общественное мнение, – разработал концепцию дологического мышления, основными характеристиками которого были неотделимость от эмоций; отсутствие стремления объяснить явления действительности; действие, резко возбуждающе на нервную систему при совершении религиозных обрядов, заражение страхом, ужасом, желанием и пр. Л. Леви-Брюль считал, что мышление первобытного человека синкретично, а не аналитично, что первобытный человек не отделяет явления окружающей действительности от комплекса эмоций, магических представлений. Логические законы в рамках дологического мышления вытесняются законом сопричастия: предмет может быть одновременно самим собой и чем-

то иным, может находиться в нескольких местах в одно и то же время. Леви-Брюль полгал, что дологическое мышление свойственно не только первобытным народам, но что частично оно свойственно и современным людям.

Жан Пиаже (1896–1980) продолжил сравнительное изучение типов мышления («Речь и мышление ребенка», «Схемы действия и усвоение языка»). Как и Л. Леви-Брюль, Пиаже в основу выделения типов мышления положил степень овладения логическими операциями, следовательно, развитие мышления представляет собой процесс развития познавательных механизмов. На основании многочисленных результатов исследований языковой культуры в качестве основной причины межкультурных различий в мышлении Ж. Пиаже называет неспособность человека, принадлежащего традиционному обществу, мыслить абстрактно. Этот вывод был сделан ученым на основании того, что большая часть понятий традиционных обществ обладает конкретным, а не абстрактно-обобщающим характером. Подобно З. Фрейду, уподоблявшему онтогенезу филогенезу, Ж. Пиаже проводил аналогию между процессами развития мышления индивида и развития мышления человечества, следствием чего стало уподобление стадий развития ребенка европейской культуры этапам освоения логических операций человечеством. Так, развитие ребенка до полутора – двух лет соответствует стадии сенсомоторного интеллекта; развитие от двух до семи лет – дооперационного мышления; восьми – одиннадцати лет – подстадии операционного мышления, в ходе которой производятся конкретные мыслительные операции; с двенадцати лет – второй подстадии операционного мышления – формальному мышлению, или сформированному навыку операций с логическими понятиями. Иначе эти три стадии принято называть стадией практического ума, стадией символического мышления и стадией оперативного мышления соответственно. Процесс овладения культурой представляется Ж. Пиаже процессом развития интеллекта, овладением логическими операциями. Согласно французскому исследователю, стадия практического ума характеризует все общества, вне зависимости от уровня их цивилизованности или примитивности. Символическое мышление особенно характерно для так называемых «примитивных» и «традиционных» обществ. Оперативное, или научное, мышление характеризует лишь современные общества.

Но Ж. Пиаже была проведена аналогия не только между стадиями развития ребенка европейской культуры и этапами освоения логических операций человечеством, но также между становлением этнической идентичности

и психологическим развитием ребенка. В одном из своих исследований он проанализировал формирующиеся одновременно понятия «Родина», «другие страны», «иностранцы». Ж. Пиаже предполагает, что в 6–7 лет ребенок приобретает фрагментарные знания о собственной этнической принадлежности, еще не обладающие систематичностью; в 8–9 лет ребенок идентифицирует себя с этнической группой, в качестве основы идентификации выделяя место проживания, язык, национальность родителей; в 10–11 лет этническая идентичность формируется в полном объеме.

Тема первобытного мышления, поднятая еще Леви-Брюлем, оставалась на протяжении времени одной из важнейших. Некоторые исследователи, такие как Э. Эванс-Притчард, Э. Р. Лич, Мэри Дуглас придерживались той точки зрения, что противопоставление европейцев и дикарей неоправданно, их исследования были направлены на то, чтобы реабилитировать рациональное поведение примитивного человека.

Таким образом, внимание представителей когнитивной антропологии было сосредоточено в основном на исследовании такой этнообразующей единицы, как мышление. Здесь следует заметить, что культурантропологов данного направления условно можно поделить на два лагеря: с одной стороны – те, кто проводил размежевание между дологическим и логическим мышлением, это Л. Леви-Брюль и Ж. Пиаже; с другой те, кто считали неоправданным такое размежевание, это Э. Эванс-Притчард, Э. Л. Лич и М. Дуглас. Но как бы ни были критикуемы Л. Леви-Брюль и Ж. Пиаже, значимость их не нивелируется, поскольку Л. Леви-Брюль был первым, кто основательно поднял данную проблематику, а неоспоримой заслугой Ж. Пиаже является проведение аналогии между стадиями человеческого мышления и этапами развития ребенка. Также Ж. Пиаже был, пожалуй, первым исследователем, кто уделил столь много внимания вопросам формирования этнической идентичности в процессе взросления ребенка.

Методологические возможности структурной антропологии. Одним из важных вопросов, на который пыталась найти наука в XX веке ответ, заключался в необходимости выяснить, что первично: язык или сознание (культура). И здесь культурная антропология очень тесно сотрудничала с лингвистикой. Согласно одной из гипотез, получившей свое название от имен создателей – Эдварда Сепира (1884–1939) («Язык. Введение в изучение речи») и Бенджамина Ли Уорфа (1897–1941) (сборник трудов «*Language, Thought, and Reality*»), – язык обладает преимуществом над сознанием и над культу-

рой, мир без упорядочивающего действия лингвистической системы является хаосом. Лингвистическая же система призвана организовать опыт группы, сформировать ее идеи, ориентировать сознательную деятельность. Согласно Б. Л. Уорфу, «время», «пространство», «объект» и другие фундаментальные категории мышления по-разному представлены в языках, что знание, имеющееся у той или иной человеческой общности о мире, зависит от языка этой общности. Логичным следствием данной гипотезы послужило утверждение, согласно которому сколько существует языков, столько и представлений о мире. Таким образом, гипотеза Сепира – Уорфа содержит два основных теоретических положения, одно из которых – идея лингвистического детерминизма, другое – лингвистического релятивизма.

Не только лингвистами разрабатывалась обозначенная концепция. Так, британский антрополог Джек Гуди (родился в 1919 году) продемонстрировал, что на образ мышления и деятельности влияет фактор зависимости, который формируется не использованием устного языка, но письменности, которая является одним из источников развития логики и формализации, и др.

Тесное взаимодействие лингвистики и культурной антропологии имело место быть в структуралистской культурантропологической школе. Зарождение структурной лингвистики связано с деятельностью Фердинанда де Соссюра (1857–1913), который, критикуя предшествующую традиционную лингвистику, занимавшуюся поиском языковых родственных связей, порядка подчиненности языков, утверждал, что язык в каждый момент своего существования есть некоторая организованная конструкция, которую де Соссюр назвал системой. Де Соссюр прибегал к двум подходам: диахроническому, направленному на изучение языка с точки зрения его трансформации во времени, и синхроническому, соответствующему состоянию языка в данный момент времени. Именно второму подходу отдавали предпочтение последователи де Соссюра, которым язык представлялся системной компоновкой элементов, в которой любое изменение одного элемента влечет изменение системы, поскольку все элементы системы взаимосвязаны.

Основателем структурной антропологической школы считается Клод Леви-Стросс (1908-2009). В своих исследованиях К. Леви-Стросс опирался на принципы эмпирических описаний англо-американской антропологии, на теоретические построения французской социологии и на лингвистические исследования. В качестве цели структурной антропологии им было обозначено изучение универсальных структур человеческого духа. В научной деятельно-

сти К. Леви-Стросса принято выделять три основных этапа: во-первых, анализ структурной организации первобытных племен; во-вторых, совершенствование понятийного аппарата структурной антропологии; и в-третьих, рассмотрение особенности «мышления дикарей» и сопоставительный анализ мифов американских индейцев в целях более детального и углубленного изучения универсальных структур, лежащих в человеческом подсознании.

В своих трудах К. Леви-Стросс стремился за разнообразием мифов, ритуалов, обычаев выявить всеобщую структуру человеческого духа, или ментальную структуру. Метод, который он назвал структурным анализом, рассматривал синхронные процессы, но, с точки зрения автора, это не означало, что он поворачивается спиной к истории. Уникальностью обладает теоретический вклад этого ученого в создание структурального метода и разработку концепций, раскрывающих механизмы функционирования «неприрученной мысли» в бесписьменной культуре, особенно в семантическом поле мифов. Характерной чертой структуралистского подхода к знаковым системам является стремление за сознательным манипулированием знаками, словами, образами, символами обнаружить неосознаваемые глубинные структуры, скрытые механизмы этих систем. С позиций структурализма именно переход к изучению таких структур бессознательного обеспечивает научную объективность исследования, позволяя либо отвлечься от понятия субъекта, либо постичь его как вторичное, производное от этих структур образование. К. Леви-Стросс особое значение придавал возможностям математического моделирования в применении к этнографическому материалу [11–14].

Согласно взглядам К. Леви-Стросса, проводя научные изыскания, для начала следует составить максимально полный перечень отдельных частных фактов; вторым этапом – установить взаимосвязи между ними, выявить взаимоотношения, сгруппировать их; третьей стадией работы должно стать синтезирование всех фактов и связей в единое целое. На примере исследования теории общества это выглядит следующим образом: первоначально К. Леви-Стросс исходит из модели языковых взаимосвязей, затем устанавливает соответствующую структуру родственных связей, затем создает теорию мышления, от нее переходит к теории мифов и, наконец, к созданию теории общества. Занимаясь анализом структур родства, К. Леви-Стросс заключил, что сущность термина родства проистекает из отношения противопоставления и отличия с другими терминами, а не из его конкретного содержания, т. е. сущность термина родства напрямую зависит от положения в структуре,

которой он принадлежит. Как и система языка, система родственных отношений, согласно К. Леви-Строссу, является синхронической, функционирование ее должно изучаться в определенный момент времени, изменение одного элемента системы родственных отношений влечет за собой изменение самой системы.

Таким образом, изучение лингвистами и культурантропологами проблематики первичности языка или культуры позволило ученым Э. Сепиру и Б. Л. Уорфу создать теорию, двумя основными концептуальными положениями которой являются, во-первых, идея лингвистического детерминизма и, во-вторых, лингвистического релятивизма. Важными положениями структурной лингвистики были представления о том, что язык в каждый момент времени представляет собой некоторую организованную конструкцию, и изменение одного элемента непременно влечет за собой изменение системы. Аналогичным было и понимание К. Леви-Строссом понимание культуры. Так, и система родственных отношений, и система языка являются синхрониями, функционирование которых должно исследоваться в определенный момент времени, изменение одного из составляющих элементов такой синхронии приведет к изменению всего целого. Придавая особое значение возможностям математического моделирования в применении к этнографическому материалу, К. Леви-Стросс стремился к выявлению универсальных структур человеческого духа через исследование мифов, ритуалов, обычаев, т. е. за сознательным манипулированием знаками, словами, образами, символами К. Леви-Стросс старался обнаружить неосознаваемые глубинные структуры, скрытые механизмы этих систем.

Методологические возможности психологической антропологии (школа «Культура-и-личность»). Направление «Культура-и-личность» сместило акценты изучения культур с изучения культуры, ее типов, структуры на взаимодействие культуры и личности, на изучение личности в культуре, на воспроизведение культуры личностью. В качестве общего для ученых, принадлежащих к данной школе, предмета научных изысканий был выделен анализ того, как мыслит, действует индивид в условиях различного культурного окружения. Среди важнейших тем, разрабатываемых учеными данного направления, можно выделить энкультурацию; анализ значения детства для особенностей функционирования взрослого человека; специфический тип личности, определяющий тип культуры. Также принято выделять четыре основных подхода внутри психологической антропологии: во-первых, конфигу-

рационалистский (Р. Бенедикт, М. Мид); во-вторых, основной и модальной личности (А. Кардинер, Р. Линтон, К. Дюбуа), в-третьих, национального характера (К. Клакхон, А. Инкелс); в-четвертых, кросс-культурный (Дж. Уиттинг, Р. Ле Вин). Первые три подхода по преимуществу относятся к изучению отдельных культур, четвертый – к исследованию взаимосвязи в сравнении [15].

Франц Боас (1858-1942), считающийся главой Американской школы исторической этнологии, целью культурно-антропологических исследований считал создание целостного представления об истории человечества, включавшей в себя историю каждого отдельного народа. Как считал Боас, целостное изучение истории, языка, культуры народа нельзя подменять упрощенными абстрактными схемами, бытовавшими в традиционной этнологии. Он предлагал заново собрать материал по каждому народу, а уже после этого на основании полнейших данных сделать некоторые обобщения. Ф. Боас и его последователи отказались от идей предшественников, заключавшихся в том, что некоторые культуры лучше других, некоторые народы стоят на более высокой ступени развития, напротив, они считали каждую культуру уникальной, не сравнимой с другими. Благодаря Ф. Боасу культурная антропология стала наукой о конкретных культурах, осмысленных как функциональные единства. Вместо исследования (общей) культурной истории человечества в центре внимания антрополога оказалась исторически уникальная культура данного общества в ее отношении к соседним. В противоположность монистической теории культурной эволюции, рассматривающей человечество как единое целое, американские этнологи вместе с другими историками культуры, не принимавшими однолинейного развития, склонялись к плюралистическому пониманию эволюции и отказу от концепции прогресса. Под влиянием Ф. Боаса началось более пристальное изучение динамики и реальных процессов культурных изменений, в них стали видеть необходимое условие должного осмысления истории культуры. Законы, которые пытались установить антропологи, были скорее психологическими или социологическими, чем законами культуры или истории.

Психоаналитиком Абрамом Кардинером (1892–1981) был введен термин «базисная структура личности», в создании концепции которой принимали активное участие антропологи Ральф Линтон (1893–1953) и Кора Дюбуа (1903–1991). Данный термин отсылает к структуре личностных характеристик, атрибутивной всем членам группы, ограниченной культурными рамками. Если данное понятие применимо к любой ограниченной культурными

рамками группе, то термин «национальный характер», в целом тождественный с «базисной структурой личности» по содержанию, имеет отношение лишь к обществу современному, к политически организованному государству. Учеными «Культуры-и-личности» были созданы под руководством Рут Бенедикт и Маргарет Мид культурно-психологические характеристики шестнадцати национальностей, хотя достоверность данных исследований и вызывает сомнения. Поскольку проведение исследований по «национальному характеру» связано либо с проблемами войны и мира, с проблемами национального самосознания, что и определило объект исследований для ученых начала 1940-х годов, в качестве которого были избраны Япония, Германия и СССР. Под национальным характером исследователи понимали психические структуры, функционирующие как регулятор в отношении культурно-повторяющегося поведения внутри национальных государств.

В качестве двух факторов, влияющих на формирование национального характера, культурантропологи «Культуры-и-личности» называли культурную модель и практику детского воспитания, последней было уделено огромное внимание, поскольку полагалось, что модели обучения в ранних годах продолжают оказывать влияние с течением времени. Именно воспитательные практики, согласно воззрениям рассматриваемой школы, определяют «базисную структуру личности» и структуру «национального характера».

Понятие «базисной структуры личности» было переформулировано К. Дюбуа вследствие добавления к первому статистического измерения. Причиной необходимости переформулировки была проблема, заключавшаяся в том, что в теории «базисной структуры личности» снимался вопрос вариации личностных характеристик, любой представитель группы считался идеальным экземпляром групповой модели, что противоречило действительности и здравому смыслу. «Модальная личность» стала термином для обозначения типа личности общества, наиболее характерного для него статистически. «Модальная личность», в отличие от «базисной структуры личности», не могла быть выведена из анализа культурной модели, встала необходимость в учете личностных характеристик, устанавливаемых в процессе полевых исследований.

Недостаток теории «базисной структуры личности» заключался не только в нивелировании личностных характеристик индивидов, но и в том, что «базисная структура личности» считалась, по сути, копией культурной модели, которая постоянно воспроизводится трансляцией от поколения к поколению

в неизменном виде, что явно не соответствовало эмпирическим данным. Таким образом, важность в культурантропологических исследованиях обрел вопрос культурных изменений. В рамках поиска ответов на него Р. Линтоном были сделаны попытки обосновать активную роль индивида в процессе культурных изменений. Для этого им были размежеваны понятия личности как части индивида, представляющей собой социально-стандартизированные модели поведения, мышления, и индивидуальности, состоящей из личностных потребностей индивида и способности к независимому мышлению, действиям.

Помимо понятий «национальный характер», «базисная структура личности», «модальная личность», в рамках школы «Культура-и-личность» вошел в научный обиход термин «этнос культуры», что связано прежде всего с именами Альфреда Кребера (1876–1960) и Рут Бенедикт. Так, один из учеников Ф. Боаса, А. Кребер, как и некоторые культурные антропологи, принадлежащие другим научным школам, проводил аналогию между культурой и организмом, согласно которой культура растет, достигает расцвета и умирает. Им рассматривались кривые роста каждой отдельной культуры, достижение кульминации роста, которая характеризовалась возникновением за относительно короткий период времени высших достижений. А. Кребером было предложено разделение культуры на реальную и идеальную. Структуру реальной культуры составляли изобретения, орудия, навыки, технологии. Идеальная, или ценностная, культура – это система представлений и идей о желаемом, именно для характеристики идеальной культуры им было введено понятие «этнос» – всеобщее качество культуры, система ее идеалов, ценностей, посредством которой осуществляется контроль за поведением членов общества.

Рут Бенедикт (1887–1948), ученица школы Ф. Боаса, переступила границу простого этнографического описания поведения индивида и сделала попытку наглядно показать его соответствие внутренней целостности культуры, которая представляет собой уникальную конфигурацию компонентов, объединенных некоторой общей культурной темой, получившей названия «этоса культуры». Именно этос культуры определяет содержание главных культурных компонентов и их соотношение. Каждую конфигурацию культуры Р. Бенедикт признавала результатом уникального процесса развития, что предопределяло бессмысленность рассуждений о степени развитости той или иной культуры по отношению к другим. Свою типологию культур Р. Бенедикт строила не на принципе «более развитый – менее развитый», ею культуры делились на несколько типов: дионисийский, аполлонический и параноидный в зависимости

от типичных для рассматриваемых культур способов поведения. Так, для дионисийского типа были характерны индивидуализм, наличие разных форм насилия, почитание агрессивных и бесстрашных. Для аполлонического типа были свойственны подчинение традициям группы, избегание сильных по своей эмоциональности действий. Параноидный тип культуры характеризовался конфликтностью и подозрительностью, враждебностью даже в семейно-брачных отношениях, распространенностью вредоносной магии [16].

Как уже отмечалось ранее, в рамках направления «Культура-и-личность», изучающего взаимодействие культуры и личности, бытие личности в культуре и характеристики личности как субъекта культуры, считалось, что можно понять сущность человека через исследование антропологии детства или исследование примитивных сообществ. Феномен детства еще с 30-х годов XX века называется в ряду важнейших функциональных составляющих в изучении культурных систем разных народов. Направление «Культура-и-личность», по праву считается лидирующим в области изучения детства в различных культурах. Именно Маргарет Мид (1901–1978) ряд историков культурной антропологии называют в качестве знаковой фигуры, на много лет вперед определившей интерес ученых к изучению детства. Отправной точкой для изучения феномена детства для М. Мид послужили труды Фрейда, Леви-Брюля и Пиаже, считавших, что в мышлении детей цивилизованных обществ и взрослых представителей «примитивных» народов много общего. Ею был поднят вопрос о том, что тогда представляют собой дети примитивных народов, если их взрослые по мышлению напоминают наших детей? Другая не менее важная исследовательская проблема для М. Мид заключалась в том, чтобы посредством изучения примитивных народов, общественные связи и отношения которых отличаются простотой, понять механизм становления совершенно некультурного младенца полноправным членом своего общества, с целью экстраполировать полученные данные на значительно более сложно структурированные цивилизованные общества, чтобы избавить последние от проблем, возникающих все в большем количестве в процессе взросления детей, о чем свидетельствовали данные, полученные учеными-психологами, социологами [16].

Обучавшиеся в школе Ф. Боаса, как пишет М. Мид, четко уясняли для себя два основных правила. Во-первых, культура одного народа не хуже и не лучше культур других народов. Во-вторых, стоит ожидать во время экспедиций совершенно странного и невероятного, немислимых форм уклада чело-

веческой жизни, от конструкции домов до структуры межличностных отношений. Необходимо отстраниться от метода психологов, экономистов, заключавшегося в использовании модели организации собственного общества при исследовании иных обществ. М. Мид настаивала, что необходимо максимально интенсивно изучить язык, жесты, взгляды, охватить не только проблемную область, но по возможности всю культуру. М. Мид подтверждает правильность выводов, сделанных еще Б. К. Малиновским о необходимости вживания в исследуемое общество. М. Мид заявляет о необходимости проверки полученных данных на смешанных обществах, например, на трудовых коллективах, состоящих из представителей примитивных и цивилизованных обществ. Экстраполяция полученных знаний о культурных механизмах, наличествующих в обществах с простой структурой, на собственное общество с целью понять природу проблем, существующих в нем и найти их решение, позиционируется М. Мид как неотъемлемая часть исследовательской работы, как закономерное достижение поставленной цели.

Исследуя особенности процесса взросления на Самоа и экстраполируя результаты на данные о взрослении в Америке, М. Мид пришла к выводу, что трудности развития в Америке не сводимы к тому, что они присущи всем подросткам без исключения, но это следствие процесса взросления именно в Америке. Из сравнения двух моделей социализации М. Мид приходит к выводу, что если самоанцам свойственна сексуальная свобода и естественность, то в процессе взросления американцы усваивают множество моральных стандартов. На Самоа наблюдается однородность жизни, отсутствие сильных чувств, стремление избежать конфликтов; в Америке же – множество социальных групп, противоречий, дилемм, необходимостей делать выбор, что ведет к неврозам, в то время как на Самоа отмечается отсутствие оных.

Проведя несколько исследований особенностей детства разных народов и сопоставив полученные результаты, М. Мид разработала типологию культур. Ее составляющими были постфигуративный, кофигуративный и префигуративный типы. Постфигуративный тип – модель культуры, в которой традиции передаются от поколения к поколению, от старших к младшим, при этом изменений уклада фактически не происходит. Прошлое является схемой, образцом для развития будущего. В кофигуративной культуре идеальной моделью поведения является поведение современников, в подобном обществе нет преемственности поколений, свойственной постфигуративному типу. Кофигуративность предполагает изменения образа жизни, выработку новых мо-

делей поведения, которой занимаются средства массовой информации. Префигуративная культура появилась, по мнению М. Мид, примерно в 1960-х годах с невиданным прежде ускорением развития общества, приведшим к тому, что дети начали усваивать знания раньше родителей и первые стали обучать последних.

После выхода в свет в 1961 году книги под редакцией Френсиса Хсю «Психологическая антропология» направление получило одноименное название. Книга, а главным образом статья Ф. Хсю, породили дискуссию, посвященную уточнению понятий и расширению предмета исследований. В целом, принято подразделять множество исследований, проводимых в рамках психологической антропологии, на три основных подхода по методу и на три больших пласта по предмету. Так, по методу принято выделять психоаналитический подход, психологический подход (теория научения) и этологический подход; по предмету – традиционные этнопсихологические исследования, междисциплинарные исследования, проблемно-теоретические исследования; при этом каждый из названных разделов обладает собственной структурой. Но несмотря на многообразность и разноплановость исследований, проводимых в рамках психологической антропологии, важнейшим является вопрос о том, как индивид усваивает культурные образцы поведения, что предопределило большой интерес направления психологической антропологии к изучению феномена детства, изучая который, считалось, что можно увидеть мир взрослой культуры, поскольку процессы, имеющие место быть /в детстве, имеют фундаментальное значение для воспроизводства культур. Изучая феномен детства, ученые обнаруживают процесс индивидуального рождения культуры, но наблюдая его непосредственно, они не в силах понять, каким образом, например, ребенок овладевает речью, почему огромный творческий потенциал ребенка скудеет со временем и др. [17].

Феномен детства изучали не только Р. Бенедикт и М. Мид, но и, к примеру, К. Дюбуа, Дж. И Б. Уайтинги, ими исследовались особенности кормления, пеленания, приучения к горшку, ритуалов, связанных с детьми, и др. Большое внимание уделялось отношению к личности ребенка в разных культурах, взаимоотношениям между детьми, между детьми и взрослыми, этологическому изучению детства, то есть анализу эмоционально-психологических состояний, ключевым из которых считалась привязанность, возникающая в общении ребенка и взрослого. Важное место в психологическом подходе к изучению детства отводится изучению познавательной деятельности ребенка, меж-

культурному анализу способности к научению, а также исследованиям сенсорного развития детей различных этносов, психологических, эмоциональных характеристик человека. Этологическое изучение детства, в первую очередь, заключается в тщательном исследовании форм взаимодействий детей в естественных для них условиях, важная роль отводится изучению наследственных стереотипов поведения у ребенка, сравнительному анализу поведения детей и животных. Феномен детства в аспекте воспроизводства культуры изучался двумя подходами: нативизмом и эмпиризмом. Первый заключается в том, что становление культурного человека состоит лишь в развертывании генетической программы, что связано представлениями о культуре в качестве формы существования генетических задатков индивидов. С позиции эмпиризма детство рассматривается как форма усвоения культурных стереотипов, здесь подчеркивается влияние внешних воздействий.

Исследователи, изучавшие феномен детства, особое внимание уделяли техникам ухода за детьми, особенно во младенчестве; детскому крику, плачу, улыбке; формированию детских привязанностей; отношению к незнакомцам, к иностранцам; общению детей с детьми и взрослых с детьми, травматическим ситуациям, имевшим место быть в детстве; играм и детскому труду. Все эти исследования суть изучение общей проблемы – воздействия раннего детства на более позднее развитие. Важными считаются не только особенности определенной этнокультурной системы, но и общие для всего человечества характеристики детства. В связи с этим ранний опыт анализируется в двух аспектах: его влияние на различия внутри общности и различия между общностями. Особое значение в изучении проблематики раннего опыта имеют общетеоретические вопросы, как то: соотношение культурного и природного, суть процесса развития. Развитие ряд ученых (У. Каудилл, К. Тревартен, Дж. Данн) рассматривают как социокультурный процесс. Проблема же соотношения природного и культурного включает в себя ряд вопросов, таких как соотношение врожденных и приобретенных стереотипов поведения, их взаимодействие, соотношение биологических и социальных способов действия, выяснение формирования и развертывания специфики человека.

Помимо феномена детства и поисков типа личности, характерного для культуры, в рамках школы психологической антропологии с 60-х годов XX века самостоятельным направлением исследований (авторы Р. Болтон, Дж. Деверо, У. Ла Барре и др.) стал анализ форм народной медицины как аспекта культуры, в нем особое место занимает этнопсихиатрия, или транскуль-

турная психиатрия, основным предметом изучения которой являются культурно обусловленные душевные болезни, типы психиатрий, проблематика соотношения нормы и патологии в различных культурах. Наибольшее внимание в рамках данного направления привлекал к себе феномен, получивший название этнического психоза, – это специфичные для определенного места заболевания, исследователи которых прослеживают связь между ними и географическими условиями или особенностями этнической общности. В рамках народной медицины подобные заболевания принято лечить путем участия в индивидуализированном или групповом ритуале, в процессе которого на больного воздействуют ритмическими движениями, музыкой, психотерапевтическим внушением и др.

В рамках психологической антропологии выделяется ряд исследований, объединенных названием «экологическая антропология». Ученые данного направления занимались изучением взаимодействия культуры, личности и природы. В качестве предшественника экологической антропологии принято выделять так называемый поссибилизм, который доминировал в науке о культуре в первой половине XX века; суть его сводится к тому, что природную среду рассматривали как пассивный фундамент для возникновения и развития различных видов человеческих обществ. Возникновение собственно экологической антропологии (термин введен в 1955 году М. Бейтсом) датируют временем после второй мировой войны. Ученые данного направления стремились объяснить взаимовлияние природной среды и культур. Помимо того, что экологическая антропология рассматривала обоюдное влияние культуры и факторов среды, ею окружающая среда рассматривалась исключительно с точки зрения используемых человеком ресурсов, а не как совокупность вообще всех природных особенностей территории, в чем и состояло отличие экологической антропологии от классического географического детерминизма, берущего свое начало еще от Ш. Монтескье.

Наиболее широко известным подходом в экологической антропологии признается подход Дж. Стьюарда, названный культурной экологией, основная направленность которой состояла в изучении адаптации общества к окружающей среде с целью выяснить, начинаются ли с адаптации внутренние социальные изменения эволюционного характера. Как и другие представители психологической антропологии, Стьюард был занят поиском ядра культуры, в качестве которого им был выделен так называемый культурный

тип, то есть совокупность черт, наиболее непосредственно связанных с деятельностью по производству средств существования и с экономическим устройством общества. Американский антрополог М. Саллинс, бывший последователем Стьюарда, предложил относить к окружающей среде и социально-культурные параметры, например, влияние других культур или же обоюдное постоянное изменение культуры и ландшафта.

С 60-х годов XX века на передний план в данном направлении вышел проект «Культура и экология», активными участниками которого были американские антропологи Г. Барри, И. Чайлд, Р. Болдон, Дж и Б. Уайтинги и др. Наибольшей популярностью ученых пользовалась гипотеза, согласно которой природное окружение воздействовало на психологические характеристики личности не прямым, а опосредованным характером типа деятельности. М. Бэконом и Г. Барри было проведено исследование 104 традиционных обществ, которое подтвердило гипотезу о тесной взаимосвязи экономики, природных условий и специфики психологических черт. Ученые стремились отыскать корреляцию между деятельностью человека, во многом определяющейся природными условиями, и характерными чертами личности, формирующимися в процессе социализации.

В 1970-х годах исследования этнопсихологических особенностей культур сместились в сторону изучения этнической идентичности, которое было наиболее распространено в США, где долгое время доминировала концепция «плавильного котла», т. е. переплавления в США иммигрантов из различных стран в единую этнополитическую общность с высокой степенью интеграции и со стандартизированной американской культурой. Американская культура рассматривалась здесь как сверхорганизм, объединяющий различные народы, этот сверхорганизм составляют американский вариант английского языка, американские игры, особенности повседневного поведения, строительства зданий, особенности пищи, общая идеализированная история и т. п. Вместе с этим нельзя заявлять только о существовании стремления к интеграции общностей, поскольку параллельно с ним существует тенденция к дифференциации, к сохранению идентичности культур, что прослеживается и в США, где культура воспроизводится отдельными этническими общностями на новом месте обитания. Таким образом, о переплавке культур, о сведении их к единой культуре речи уже быть не может. Вследствие этого на смену концепции «плавильного котла» пришла теория этнического или культурного плюрализма в рамках сверхкультуры США.

Таким образом, представители школы «Культура-и-личность» придерживались принципа культурного релятивизма, заключавшегося в равнозначности и равноценности всех культур, в необходимости изучать каждую отдельную культуру в ее самости. В рамках настоящей школы были сформулированы очень значимые для культурной антропологии понятия такие, как «национальный характер», «базисная структура личности», «модальная личность», «этнос культуры». Особое внимание представители «Культуры-и-личности» обращали на взаимодействие культуры и личности, на изучение личности в культуре, на воспроизведение культуры личностью. В качестве общего для ученых, принадлежащих к данной школе, предмета научных изысканий был выделен анализ того, как мыслит, действует индивид в условиях различного культурного окружения. Среди важнейших тем, разрабатываемых учеными данного направления, можно выделить энкультурацию; анализ значения детства для особенностей функционирования взрослого человека; специфический тип личности, определяющий тип культуры. В той или иной степени, были рассмотрены четыре основных подхода, которые принято выделять внутри психологической антропологии: во-первых, конфигурационалистский (Р. Бенедикт, М. Мид); во-вторых, основной и модальной личности (А. Кардинер, Р. Линтон, К. Дьюба), в-третьих, национального характера (К. Клакхон, А. Инкелс); в-четвертых, кросс-культурный (Дж. Уиттинг, Р. Левин). Первые три подхода относятся к изучению отдельных культур, четвертый – к исследованию взаимосвязи в сравнении. В процессе анализа мышления и действий индивида в условиях различного культурного окружения, рамках психологической антропологии особое внимание было уделено традиционным медицинским практикам, экологической антропологии, этнической идентичности.

Выводы. В ходе проведения аналитического обзора рассмотрены особенности основных культурантропологических школ, а именно: эволюционизма, диффузионизма, биологизаторского направления, структурного функционализма, психоаналитического подхода, школы «Культура-и-личность», когнитивной антропологии, структурной антропологии, кросс-культурные исследования, а также исследования, посвященные этнической идентичности. В процессе рассмотрения выделялись основные направления школ, выдающиеся представители, их идеи, наиболее важные понятия. Идеи каждой школы рассматривались с позиции методологии по определению основообразующих свойств этноса, заданной Ю. В. Бромлеем в его труде «Очерки теории этно-

са». В качестве базовых составляющих этноса Ю. В. Бромлей назвал самоназвание, самосознание, культуру и единство психики, в качестве ложных этносообразующих составляющих – территориальное единство и расу. При этом им же в качестве двух основных форм бытования этноса были выделены этникос и этносоциальный организм. Следует отметить, что все без исключения школы обращались в своих научных изысканиях к культуре в самом широком смысле этого слова. Наиболее популярными в качестве предмета изучения были религиозные верования и брачно-семейные отношения, но у каждой школы был и свой специфический предмет, так, представители психоаналитического подхода и представители школы «Культура-и-личность» и широко изучали феномен детства; диффузионисты акцентировали свое внимание на предметах материальной культуры и др. Единство психики активно изучалось также многими школами, это психоаналитическое направление, структурная антропология, когнитивная антропология и др.

Но имели место быть в процессе развития культурантропологической мысли и те школы, которые изучали ложные основополагающие свойства этноса. Так, представители биологизаторского направления, в рамках которого развивались расистские концепции, в качестве причин культурной дифференциации народов называли именно расовые различия. Большую роль в формировании этносов уделяли географическому, территориальному влиянию некоторые эволюционисты (например, Г. Спенсер) и неэволюционисты (Дж. Х. Стюарт).

Особо стоит отметить, что в середине XX века в мире стала очевидна тенденция к этнической идентификации, поэтому антропологические исследования сконцентрировались в данной области, особую актуальность приобрело изучение такого феномена, как этническая идентичность. Так, к одним из первых исследователей, обративших пристальное внимание вопросам формирования этнической идентичности, стал Ж. Пиаже, рассмотренный в рамках когнитивной антропологии; именно им была проведена аналогия не только между стадиями развития ребенка европейской культуры и этапами освоения логических операций человечеством, но и между становлением этнической идентичности и психологическим развитием ребенка. Более поздние исследователи не оспаривали значимость наблюдений Ж. Пиаже. Ими в ходе научных изысканий были выделены несколько параметров этнической идентичности (например, валентность и актуальность); стратегии действия индивида в ситуации негативной этнической идентичности (например, биэт-

ничность и маргинальная этническая идентификация); трансформации, пре-терпеваемые этнической идентичностью (например, гиперидентичность и гипоидентичность). Актуальным в рамках изучения этнической идентичности стало и исследование такого аспекта ее формирования, как этническая константность. Некоторые ученые, изучавшие этническую идентичность, пришли к заключению, что этническая идентичность мифологична по своей сути. Именно эти направления стали наиболее важными и значимыми в конце XX века.

В ходе генезиса культурантропологической мысли происходила разработка одних понятий, и после представители других или даже тех же самых научных направлений подвергали их фальсификации, выявляя слабые стороны. Так, например, биологизаторское направление было полностью разбито кросс-культурной психологией, опирающейся на новейшие исследования в том числе и в области естественных наук, доказавших единство человеческого генома, а следовательно, несостоятельность расового детерминизма развития культур. Фальсификации подвергались и идеи одних представителей научного направления со стороны других представителей этого же направления, наглядным примером чего может послужить ретроспектива исследований школы «Культура-и-личность», позже получившей название психологической антропологии, в рамках которой были сформулированы очень значимые для культурной антропологии понятия, такие как «национальный характер», «базисная структура личности», «модальная личность», «этос культуры». Причем исследователи, вводившие очередное понятие, отталкивались от понятий предыдущих, находя в них слабые стороны и стремясь их избежать изначально. Особое внимание представители названной школы обращали на взаимодействие культуры и личности, на изучение личности в культуре, на воспроизведение культуры личностью. В качестве общего для ученых, принадлежащих к данной школе, предмета научных изысканий был выделен анализ того, как мыслит, действует индивид в условиях различного культурного окружения.

Поведение человека в культуре было основным объектом изучения представителей кросс-культурной психологии, чье основное внимание сконцентрировано на многообразии человеческого поведения и на попытке связать поведение с культурным окружением индивида. В качестве приоритетной задачи в кросс-культурных исследованиях обозначалось исследование универсальности существующих психологических знаний и теорий, проверку валидности

гипотез, появившихся при исследовании одних групп людей, при изучении других групп. Другая важная задача – изучение различных культур с целью определить, какие культурные и психологически феномены отсутствуют в собственном культурном опыте. Третья задача, синтезирующая первые две, – это попытка собрать и обобщить полученные результаты с целью создать практически универсальную психологию, валидную для широкого круга культур.

Список литературы

1. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 413 с.
2. Малиновский Б. Научные принципы и методы исследования культурного измерения// Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. 384 с.
3. Малиновский Б. Научная теория культуры. М.: ОГИ, 2000. 206 с.
4. Рэдклифф-Браун А. Р. Структура и функция в примитивном обществе: Очерки и лекции. М.: Вост. лит. РАН, 2001. 304 с.
5. Рэдклифф-Браун А. Р. Методы этнологии и социальной антропологии // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 603–632.
6. Эванс-Притчард Э. История антропологической мысли. М.: Вост. лит. РАН, 2003. 358 с.
7. Эванс-Притчард Э. Теории примитивной религии. М.: ОГИ, 2004. 142 с.
8. Лич Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М.: Вост. лит. РАН, 2001. 142 с.
9. Фрейд З. Тотем и табу. М.: АСТ, 2008. 640 с.
10. Белик А. А. Культурная (социальная) антропология. М.: РГГУ, 2009. 624 с.
11. Леви-Строс К. Мифологии: От меда к пеплу. Москва: Флюид, 2007. 441 с.
12. Леви-Строс К. Мифологии: Происхождение застольных обычаев. М.: Флюид, 2001. 461 с.
13. Леви-Строс К. Мифологии: сырое и приготовленное. М.: Флюид, 2006. 399 с.
14. Леви-Строс К. Мифологии: Человек голый. М.: Флюид, 2007. 784 с.
15. Лурье С. В. Историческая этнология. М.: Академический проект, 2004. 634 с.
16. Мид М. Мужское и женское. Исследование полового вопроса в меняющемся мире. М.: Российская политическая энцикл., 2004. 416 с.
17. Белик А. А. Историко-теоретические проблемы психологической антропологии. М.: РГГУ, 2005. 420 с.
18. Бенедикт Р. Хризантема и меч. М.: Российская политическая энцикл., 2004. 256 с.

УДК 316.347:159.923.2

Н. М. Лещинская¹, К. В. Резникова²

¹Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

²PhD, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

ПОНЯТИЕ «ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ» ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

В настоящей статье рассмотрено понятие «этническая идентичность» с целью выявления основных характерных черт современной культурной антропологии. Анализ понятия в современных исследованиях этнической идентичности позволил авторам выявить концептуальные представления о подвижности культуры: культура представляет собой набор культурных практик, всегда подвижных и приобретающих ту или иную ценность в зависимости от того, как они используются различными группами; исследование феноменов проводится в данный момент времени, здесь и сейчас – тенденция к смещению интереса от реконструкций прошлого к описанию и интерпретации настоящего, к стремлению зафиксировать настоящее в мельчайших деталях раньше, чем оно станет прошлым; тенденция к детальному изучению локального феномена, превращение антропологии в совокупность частных исследовательских программ; выбор маргинальных тем для исследования; *Culture Studies* не как научная дисциплина, но как исследовательская практика, сдвиг в сторону междисциплинарности; важность метаанализа, изучение влияния систем знаний на культуру.

Ключевые слова: этническая идентичность, этнологический подход, кросс-культурная психология, постмодернизм, культурная антропология.

This article examines the concept of "ethnic identity" in order to identify the main characteristic features of modern cultural anthropology. The analysis of the concept in modern studies of ethnic identity allowed the authors to identify conceptual ideas about the mobility of culture: culture is a set of cultural practices that are always mobile and acquire one or another value depending on how they are used by different groups; the study of phenomena is carried out at a given moment in time, here and now – a tendency towards a shift of interest from reconstructions of the past to the description and interpretation of the present, towards the desire to fix the present in the smallest detail before it becomes the past; a tendency towards a detailed study of a local phenomenon, the transformation of anthropology into a set of private research programs; selection of marginal topics for research; *Culture Studies* not as a scientific discipline, but as a research prac-

tice, a shift towards interdisciplinarity; the importance of meta-analysis, the study of the impact of knowledge systems on culture.

Keywords: Ethnic identity, ethological approach, cross-cultural psychology, postmodernism, cultural anthropology.

Введение. В современном глобальном мире осмысление идентичности является остро актуальным вопросом. Культура постмодернизма создает благоприятные условия для взаимодействия представителей разных этносов. Ежедневно человек, как индивид и как представитель разнообразных социальных групп, на разных уровнях участвует в межкультурной коммуникации как в реальном, так и виртуальном пространстве. Указанные обстоятельства делают перманентным процесс конструирования множества граней идентичности, одной из которых выступает этническая идентичность.

Этническая идентичность является предметом исследования многих гуманитарных дисциплин. Данный феномен изучается философами, психологами, социологами и также специалистами в области культурной антропологии. Анализ современных подходов культурантропологов к исследованию этнической идентичности позволяет обнаружить наиболее острую проблематику и перспективный направления в изучении данного феномена.

Понятие этнической идентичности. В области изучения этнической идентичности проводили свои научные изыскания такие зарубежные и отечественные ученые, как М. Бернал (M. Bernal), Дж. Бэрри (J. Berry), Дж. Де Вос (G. De Vos), П. Найт (P. Knight), К. Окампо (C. Ocampo), и Дж. Тернер (J. C. Turner), Х. Тэйфель (H. Tajfel), В. Н. Павленко, С. В. Рыжова (Ryzhova, 2003), В. С. Собкин, Г. У. Солдатова, Т. Г. Стефаненко (Stefanenko, 1999; Stefanenko, 2002), Ю. Чернявская.

Поскольку в области изучения этнической идентичности речь непременно ведется о самоидентификации человека, подходы к изучению этого феномена непременно основываются на психологии или социологии; так, принято выделять три основных подхода в исследовании этнической идентичности. Во-первых, это психологический подход, в рамках которого личность рассматривается в качестве носителя этнокультурных особенностей и качеств, а этническая идентичность – как составляющая структуры личности и ее самоназвания. Во-вторых, это социологический подход, основным объектом исследований здесь является этническая группа, или общность, а этническая идентичность выступает в качестве одного из базовых феноменов этнического самосознания. В-третьих, это социально-психологический подход, где че-

ловец рассматривается как представитель этнической группы, а этническая идентичность изучается в качестве компонента идентичности социальной.

В качестве основных параметров этнической идентичности принято выделять, во-первых, ее значимость, т. е. субъективную важность этнической идентичности для индивида; во-вторых, актуальность; в-третьих, ее валентность. Согласно такому параметру, как валентность, этническая идентичность может быть позитивной или негативной. Первая является наиболее нормальной, она распространена среди большинства людей, позитивная этническая идентичность характеризуется ощущением стабильности и безопасности. Негативная этническая идентичность отражает негативную оценку представителей своей этнической группы, что чаще присуще недоминантным этническим общностям; она характеризуется стыдом за свой народ, ощущением неполноценности и униженности. Разные ученые выделяли различные стратегии поведения в качестве следствия негативной этнической идентичности. Так, согласно Т. Г. Стефаненко, первая модель носит название стратегии социального творчества и заключается в пересмотре критериев для сравнения. С одной стороны, это поиск новых оснований для сравнения, с другой стороны – это выбор для сравнения еще более слабых групп или менее успешных [1]. Другая модель (В. С. Собкин) предполагает так называемое «разотождествление» себя и своего народа, т. е. отнесение негативных суждений не к себе самому, но к другим членам этнической общности, но при этом не происходит отказа от этой общности, от принадлежности к ней. Третья модель поведения (Дж. Тернер, Х. Тэйфель) заключается в стремлении сменить свою этническую принадлежность посредством смены своей этнической группы, результатом чего, согласно Дж. Бэрри, может быть либо моноэтническая идентичность с другой этнической группой; биэтническая идентичность (сильная идентификация с двумя взаимодействующими этническими общностями) или маргинальная этническая идентичность. Последняя – четко не выраженная, слабая идентичность и со своей, и с чужой этническими общностями, колебание индивида между культурами без овладения в должной мере ценностями и нормами хотя бы одной из них. Колебания приводят к внутриличностным конфликтам, которые могут быть причиной того, что эти маргиналы становятся агрессивными националистами.

При рассмотрении такого параметра этнической идентичности, как актуальность, принято исследовать трансформации, происходящие с нею. Обычно выделяют три вида трансформаций этнической идентичности: этническая ин-

дифферентность; гиперидентичность; гипоидентичность. Гиперидентичность (этноэгоизм, национальный фанатизм) может быть сравнима с этническим нарциссизмом, в основании которого лежит этноцентризм, крайними формами гиперидентичности являются враждебность к другим этносам и готовность к любым жертвам ради собственной этнической общности. Гипоидентичности, или этнонигилизму, свойственно негативное отношение к собственной этнической общности

В 1990-е годы внимание исследователей было привлечено еще одним аспектом формирования этнической идентичности, который обозначается как этническая константность, т. е. появление у индивида ощущения неизменности этнических характеристик. Этническая константность, согласно результатам проведенных в частности К. Окампо, М. Берналом и П. Найтом исследований, формируется аналогично пониманию половой и расовой константности. Названные исследователи, придерживаясь теории когнитивного развития Ж. Пиаже, рассмотренной ранее, полагали, что этнические постоянные, закрепляясь в сознании индивида в подростковом возрасте, финализируют как складывание этнической идентичности, так и процесс осознания неизменности основных психосоциальных характеристик. Иначе говоря, ими была выявлена последовательность складывания трех обозначенных ранее констант: в 2–2,5 года происходит формирование осознания неизменности половых характеристик, в 8–9 – расовых, не ранее 12–13 лет – этнических.

Среди наиболее существенных факторов, влияющих на формирование этнической идентичности, принято выделять: во-первых, глобальные изменения в социально-политической сфере, которые влекут за собой изменения в межэтнических отношениях; во-вторых, гетерогенность или гомогенность этнического окружения. В качестве наглядного примера действия факторов первой группы можно обозначить ситуацию, сложившуюся на постсоветской территории после распада СССР, где наблюдался рост этнической идентичности титульных этносов отдельных бывших республик вследствие того, что осознание своей принадлежности к этнической общности и к государству усиливали друг друга.

Проживание индивида в моноэтнической или полиэтнической среде сильно влияет на складывание этнической идентичности. Так, жизнь в моноэтническом обществе, во-первых, предопределяет отсутствие развития межэтнического понимания, а во-вторых, меньший интерес к собственной этничности. Полиэтническое окружение позволяет индивиду обнаружить больше особен-

ностей собственной и иных этнических групп, оно способствует формированию межэтнического понимания и складыванию межэтнических коммуникаций. При этом необходимо отметить, что точность знаний об этнических группах и позитивность социальных установок находятся в зависимости от того, к какой группе принадлежит индивид – к меньшей или к большей. Так, британскими социальными психологами на основе эмпирических данных было сделано заключение, что дети меньшинства получают представления об этнических группах раньше, чем дети большинства. При этом факт более раннего осознания детьми, принадлежащими к группам меньшинства, этнических особенностей, вовсе не означает неременного причисления себя к меньшей этнической общности. Отнюдь, исследования развития этнической идентичности в США, Новой Зеландии и Великобритании продемонстрировали обратную ситуацию, когда дети, например, темной кожей ассоциировали себя с белокожими куклами.

Исследователь Ю. Чернявская, обращаясь к проблематике идентичности, в частности, на постсоветском пространстве, заявляет, что «после того, как кровнородственная связь в качестве основополагающей характеристики человеческих общностей отошла в тень, стремление к сакрализации «начал» было перенесено в область культуры» [2]. Теперь основное внимание уделяется исследованию обрядов, обычаев, ритуалов. Причем, обращаясь к территории бывшего СССР, Ю. Чернявская говорит, что именно на этом основывается расцвет неоязычества, потому как основной целью исследования культур выступает подтверждение тезиса «они – православные (католики, протестанты и т. д.) а мы – язычники» [2]. Исследования подобного толка сводятся к двум основным типам: во-первых, это обращение к считающемуся нетронутым народному быту, к так называемой «крови культуры»; во-вторых, это «самоотписывание», т. е. отказ от принадлежности к культуре или общности, от тех ее черт, которые были впитаны автохтонной культурой. Здесь чаще всего маркером идентичности становится язык, являющийся вместилищем этничности как таковой. По сути, речь идет о гиперболизации этнических характеристик с целью отстранения от былого культурного центра. Для достижения данной цели происходит ряд подмен: так, чтобы иметь все основания отписаться от былого культурного центра, необходима не только законность действий (например, обретение республикой независимости), но и закономерность, то есть возвращение этносом несправедливой отнятой значимости; поскольку же последняя не всегда имела место быть, зачастую речь идет

о мифологической инверсии: «сегодняшние представления, чаяния и обиды переносятся на значительно более ранний период, как если бы современная идеология национальных государств или групп была свойственна их этническим предшественникам в незапамятном прошлом» [2].

Ю. Чернявская говорит, что конструирование *post factum* пронизывает толщу этнической идентичности, несмотря на то, что является мифологичным по своей сути. И тогда возникает закономерный вопрос: базирующаяся на мифологизированных основаниях, не является ли собственно этническая идентичность всего лишь мифом в качестве выдумки? Отвечая на данный вопрос Ю. Чернявская говорит об этнической идентичности следующее: «подпитываясь древними мифами и продуцируя современные мифы, подменяя стертую веками реальность, она эту реальность творит» [2], и приходит к одному из основных выводов, заключающемся в том, что этническая идентичность обладает мифологической природой, которой названный исследователь и уделяет большое внимание. Так, этническая идентичность определяется Ю. Чернявской как ядро этнического самосознания, выполняющее функцию отношения к языку, прошлому, ценностям и др. через призму отношений «Мы»/«Они». Причем само это отношение является частью мифологической картины мира, равно как параметры этноса, считающиеся классическими, такие как язык, территория, представления о прошлом и будущем, ценности, которые принято относить к объективным свойствам этноса, также являются мифологичными.

В. Малахов в своей статье «Символическое производство этничности и конфликт» [3] в качестве основной гипотезы допускает, что этническая идентичность обладает символической природой. В. Малахов проводит свои исследования в рамках социального конструктивизма, согласно которому этничность – это главным образом маркер различия. Признаки и свойства, отмежевывающие одних индивидов от других, являются символом, по отношению к которому выстраиваются социальные различия. В. Малахов настаивает на отказе от натурализации этничности, свойственной эссенциалистскому ее пониманию, т. е. на отказе от истолкования этничности в квазиестественных категориях. Тем самым В. Малахов выступает против реифицирования этничности. При этом он не говорит о фиктивности этничности, но о ее символическом характере, о символическом производстве этнических отношений.

Важным в изучении этнической идентичности В. Малахов считает допущение «методологического индивидуализма», в рамках которого полагается,

что индивид является агентом социального действия, следовательно, этническая идентичность носит индивидуальный характер, группам идентичность может быть приписана. В. Малахов считает невозможным говорить о групповой идентичности, о коллективности субъектов, считая, что видимую коллективность личности продуцирует специфика социального взаимодействия, но разговор о «коллективной идентичности» можно вести в той мере, в какой определенные индивиды разделяют друг с другом одну и ту же идентичность. Индивида членом этнической группы делает не происхождение, но роль, которую он играет в социальных отношениях. Таим образом, этническая идентичность не свойственна человеку от рождения, она является аскриптивной категорией, но вместе с этим обычно выглядит как атрибутивная характеристика личности, т. е. как неотъемлемое ее свойство. В. Малахов заявляет, что идентичность – это не свойство, но отношение, она открыта и подвижна, она является результатом постоянного процесса идентификаций, происходящего в ходе социализации и социальной адаптации, которые не заканчиваются никогда в процессе жизни индивида. Этническая идентичность признается одним из ресурсов адаптации индивида к социальной среде, следовательно, важной оказывается динамика социальной трансформации, динамика, собственно, самой этнической идентичности.

Этническая идентичность рассматривается В. Малаховым в оппозиции к социальной среде. К примеру, небольшая группа мигрантов, обнаружившая невозможность привести свое поведение в соответствие нормам основного населения, причину этого ищут в особенностях культурной традиции. Исследователи же полагают, что причины невозможности вписаться в новую социальную реальность находятся не в плоскости изначально присущих этничности свойств, но в плане конкретной ситуации, предопределяющей индивидуальные стратегии поведения. Более того, этническая идентичность рассматривается как, прежде всего, коммуникационный ресурс, который может быть востребован, а может и не быть востребован в процессе социального взаимодействия, т. е. этническая идентичность не есть антропологическое определение человека, несмотря даже на то, что индивидом его этническая принадлежность зачастую принимается как сердцевина личности.

В. Малахов выделяет два измерения в производстве этнической идентичности – дискурсивное и недискурсивное. Недискурсивный, или телесный, уровень ответственен за конструирование этнической идентичности с помощью визуальных, аудиальных и тактильных образов, на этом уровне большую

роль играют эстетические факторы, такие как национальная музыка, национальная архитектура, одежда и др. Этническая мобилизация, по словам В. Малахова, может осуществляться вокруг самых разных знаков, которые начинают выполнять роль консолидирующего символа, например, это может быть шрифт письменности, территория, одежда, имя. Промежуточным звеном между недискурсивным и дискурсивным уровнями этнической идентичности представляется религия. На дискурсивном уровне в центр внимания попадают наррации, прежде всего те повествования, которые обеспечивают трансляцию некоторого совместного опыта, которые часто обозначаются как «коллективная память»; это устные традиции, СМИ, учебники истории.

Таким образом, исследования этнической идентичности особо широко начали проводиться во второй половине XX века, что связывают с ростом этнического самосознания населения планеты [4–6]. В качестве основных параметров этнической идентичности принято выделять; во-первых, ее значимость; во-вторых, актуальность; в-третьих, ее валентность. В зависимости от параметра валентности находится выбор индивидом стратегии действия в ситуации, когда этническая идентичность определяется как негативная. Если исследование этнической идентичности сконцентрировано на параметре актуальности, то принято изучать трансформации, происходящие с идентичностью. Обычно выделяют три вида ее трансформаций: этническая индифферентность, гиперидентичность, гипоидентичность. В 1990-е годы наряду с исследованием обозначенных параметров этнической идентичности актуальным стало изучение такого аспекта ее формирования, как этническая константность, т. е. появление у индивида ощущения неизменности этнических характеристик [7]. Исследователь Ю. Чернявская, основное внимание своих научных поисков сконцентрировавшая на постсоветском пространстве, пришла к выводу, что этническая идентичность обладает мифологической природой, что именно этническая идентичность и продуцирует реальность, стертую веками: реальность прошлого, реальность настоящего.

Этологический подход. Возникновение данного направления как синтеза этологии, этнологии, физиологии и психологии датируется 70–80-ми годами XX века, основным объектом его стали традиционные общества в сравнении с современной индустриальной культурой. Ученые здесь занимаются исследованием трех основных аспектов жизнедеятельности человека: досоциального естественного состояния детей; онтогенетического развития детей; поисками сходных аспектов поведения человека и животных. Фундаментальное

значение в этологии придается взаимодействию культурной и врожденной, или филогенетической, адаптаций, т. е. этология не выделяет доминирующий аспект, но лишь изучает их взаимодействие. Важными для изучения в рамках этологии представляются невербальные коммуникации, эмоционально-психические состояния в современном и традиционном обществах. Важной вехой развития этологии был труд И. Эйбл-Эйбесфельда «Этология человека» (1989) [8], в котором автором были проанализированы и связаны социальное поведение, онтогенетическое развитие человека, различные формы коммуникации и др.

Базовыми понятиями И. Эйбл-Эйбесфельда считает «агрессивность» и «привязанность». В изучении агрессивности главным выступал вопрос о врожденности или же приобретенности данного качества. Ученый стремился понять роль агрессивности в взаимодействиях внутри человеческих общностей, понять условия ее возникновения, функционирования и воспроизводства. И. Эйбл-Эйбесфельд пришел к заключению, что, являясь продуктом культуры, агрессия выполняет разные функции, при этом не всегда деструктивные; так, например, через агрессию в детстве могут осуществляться познавательная и образовательная функции. В качестве же формы нейтрализации агрессивности им были названы ритуалы, существующие в различных обществах, призванные снимать деструктивные импульсы. Как основа взаимодействия людей друг с другом И. Эйбл-Эйбесфельд выделил привязанность, противостоящую агрессивности, основу которой составляет механизм психобиологической синхронизации. И здесь ученый начинает активно привлекать в науку о культуре последние разработки естественных наук, что свойственно современному этапу развития науки вообще. Так, в процессе функционирования социальной привязанности, согласно И. Эйбл-Эйбесфельду, стимулируется производство эндорфинов, которые признаются неким нейрхимическим коррелятом общности. В связи со временем дня и сезоном эти вещества действуют циклично, т. е. внешние факторы могут влиять на увеличение либо уменьшение готовности индивида к агрессии. Таким образом, открытие веществ, таких как нейротрансмиттеры и нейромедиаторы, дало возможность соотнести стереотипы поведения, внутриорганические процессы и воздействие внешних факторов среды.

Кросс-культурная психология. Предметом данного направления является поведение человека в контексте культуры, следовательно, основное внимание сконцентрировано, во-первых, на многообразии человеческого поведе-

ния, а во-вторых, на попытке связать поведение с культурным окружением индивида. Рядом культурных антропологов кросс-культурная психология определяется следующим образом: «это наука о сходствах и различиях в индивидуальном психологическом функционировании в разных культурных и этнокультурных группах, о взаимоотношениях между психологическими и социокультурными, экологическими и биологическими переменными, а также о возможных изменениях этих переменных» [4, с. 15]. В качестве одной из важнейших задач кросс-культурной психологии ученые, например Дюсон, Уитинг, Бери, Сигал, Дасен, Пуртинг [9], обозначают проверку универсальности существующих психологических знаний и теорий, проверку валидности гипотез, появившихся при исследовании одних групп людей, при изучении других групп. Второй задачей ставилось изучение различных культур с целью определить, какие культурные и психологически феномены отсутствуют в собственном культурном опыте. Третья же задача, синтезирующая первые две, заключается в попытке собрать и обобщить полученные результаты с целью создать практически универсальную психологию, валидную для широкого круга культур.

В кросс-культурной психологии были предложены три основных направления: абсолютизм, релятивизм и универсализм. Согласно абсолютизму, психологические феномены в принципе одинаковы во всех культурах, поэтому культура играет незначительную роль в проявлении человеческих характеристик или же вообще не играет. В рамках данного направления оценка универсальных феноменов происходит с помощью стандартных инструментов; интерпретации результатов проводятся легко, без учета представлений, обусловленных культурой. Релятивизм, напротив, предполагает, что человеческое поведение основывается на определенных культурных паттернах; релятивизм избегает этноцентризма, исходит из собственных представлений людей. В контексте, в котором происходит развитие человека, ученые релятивистского направления ищут объяснение человеческого разнообразия. Универсализм считается средним путем между абсолютизмом и релятивизмом, он предполагает, что основные психологические явления свойственны всем представителям вида, но что культура по-разному влияет на развитие и проявление этих фундаментальных психологических феноменов. Сопоставления культур здесь проводятся осторожно, с применением широкого круга методологических принципов, сходства и различия интерпретируются с учетом альтернативных, культурно обусловленных значений. Отличие от абсо-

лютизма, универсализм принимает культуру за источник человеческого разнообразия; этот подход позволяет обнаружить не только универсалии поведения, но и специфические культурные особенности разных групп людей.

Если большая часть культурантропологических школ, сравнивая культуры между собой, так или иначе проводила мысль о том, что одни из них лучше других, чаще всего позиционируя в качестве лучших западные культуры, то кросс-культурная психология поставила своей задачей отказаться от какого бы то ни было этноцентризма, исследователи должны придерживаться ценностно-нейтральной позиции. Здесь не должно быть оценки различий, каждый феномен должен рассматриваться исключительно в своем собственном контексте, описываться в связи с собственной культурой. Интересным представляется один из способов защиты исследования от этноцентризма, предложенный Д. Кемпбеллом [10]. Так, он предлагает выполнять каждую кросс-культурную исследовательскую работу четырежды: во-первых, это изучение исследователем собственной культуры; во-вторых, сравнение этих результатов с результатами им же проведенного изучения чужой для себя культуры. В-третьих, исследователь, для которого чужая культура является родной, должен провести изучение собственной культуры; в-четвертых, он же должен провести исследование культуры, родной для первого исследователя. Именно сравнение всех четырех результатов, полученных учеными, позволит, согласно Кемпбеллу, отделить различия, возникающие из этноцентрической предубежденности исследователя, от различий, в действительности наличествующих между культурами. Тем самым в данной модели проведения исследования сочетаются эмик- и этик-подходы (первый – исследование системы изнутри, изучение лишь одной культуры; второй – система изучается извне ее, изучается много культур на их сравнении).

Кросс-культурной психологией постулируется два методологических положения, необходимых для проведения исследований. Во-первых, теоретические понятия должны быть открыты для эмпирической проверки, именно на фактическом материале должны выявляться ложные исследовательские предположения. Во-вторых, кросс-культурная психология предполагает неизбежную неоднозначность, сопутствующую интерпретации результатов проводимых исследований различий в поведении разнообразных культурных групп.

Исследователи, проводящие свои научные изыскания в рамках кросс-культурной психологии, большое внимание уделяют воспроизведению и передаче культуры людьми новым членам общества, что происходит посред-

ством двух процессов – биологической и культурной трансмиссий. Суть понятия биологической, или генетической, трансмиссии заключается в том, что некоторые черты популяции фиксируются с помощью генетических механизмов в различных поколениях. Понятие культурной трансмиссии было введено по аналогии Кавалли-Сфорца и Фелдманом, понимавшими этот термин как фиксирование поведенческих черт культурной группой в последующих поколениях посредством познания и обучения. Культурная трансмиссия может быть трех форм: вертикальная (от родителей к детям, ее сложно разделить с биологической трансмиссией), горизонтальная (от сверстников к сверстникам) и непрямая (обучение детей другими взрослыми, общественными институтами, собственной или чужими культурами, последний случай принято обозначать как аккультурацию) – и включать в себя два процесса: инкультурацию и социализацию. Инкультурация есть погружение индивида в культуру, социализация происходит посредством более специализированного обучения и воспитания, результатом чего является овладение культурно приемлемым типом поведения.

В рамках кросс-культурных исследований большое внимание уделялось соотношению биологии и культуры. Как мы видели прежде, в биологизаторском направлении культурной антропологии, видным представителем которого был Гобино, предполагалось, что культурные особенности обусловлены, прежде всего, биологическими свойствами организмов, что и было основанием расистских концепций внутри культурной антропологии. Позднее современные генетические исследования позволили в корне опровергнуть воззрения расистски настроенных антропологов. Так, А. В. Марков в своем докладе ссылается и на исследования Алана Темплтона из Мичиганского университета, который, занимаясь генетическим анализом, установил, что разные участки ДНК человека сохранили свидетельства о различных вехах истории человечества [11]. Так, три участка сохранили следы первой волны исхода из Африки, семь участков – следы второй волны, еще пять участков – третьего исхода из Африки (примерно 100 тыс. лет назад). А. В. Марков приводит один из ключевых выводов Темплтона, сделанных им на основе анализа: «данные Темплтона показывают, что обмен генами между евразийскими и африканскими популяциями наших предков практически никогда не прекращался, хоть и был сильно затруднен большими расстояниями. Получается, что древнее человечество вовсе не было совокупностью изолированных популяций – оно было относительно единым на протяжении двух последних

миллионов лет!» [6]. Некоторые ученые (например, Пяябо) приходят к заключению, что согласно изучению человеческого генома все люди по сути своей африканцы вне зависимости от того, как давно они сменили регион проживания. Таким образом, проект человеческого генома позиционирует идею о том, что вид человека разумного содержит лишь одну, общую для всех расу.

Таким образом, в рамках данного направления поведение человека рассматривается в контексте культуры; таким образом, основное внимание сконцентрировано на многообразии человеческого поведения, а также на попытке связать поведение с культурным окружением индивида. Принято выделять три основных подхода внутри кросс-культурной психологии: абсолютизм, релятивизм и универсализм. В качестве приоритетной задачи в кросс-культурных исследованиях обозначалось исследование универсальности существующих психологических знаний и теорий, проверку валидности гипотез, появившихся при исследовании одних групп людей, при изучении других групп. Второй задачей признавалось изучение различных культур с целью определить, какие культурные и психологически феномены отсутствуют в собственном культурном опыте. Третья задача, синтезирующая первые две, – это попытка собрать и обобщить полученные результаты с целью создать практически универсальную психологию, валидную для широкого круга культур. Чтобы исследование было максимально валидным, представителями кросс-культурной психологии разработан механизм неоднократного проведения научного исследования, состоящего минимум из четырех этапов, являющихся применением эмик- и этик-подходов. Большое внимание учеными, принадлежащими данному направлению, уделялось разработке понятий биологической и культурной трансмиссий, социализации, аккультурации, ресоциализации, инкультурации и др.

Постмодернизм в культурной антропологии. На современном этапе развития культурной антропологии, обозначаемом как постмодернистский, происходит отрицание объективности классических параметров этноса, в качестве причин чего, например, петербургский ученый Александр Александрович Панченко, в основном занимавшийся культурантропологическим изучением фольклора и религиозных сект («Христовщина и скопчество», 2002; «"Фольклорная действительность": мифология и повседневность», «Религиозные практики: к изучению «народной религии»», 1999; «Инквизиторы как антропологи, антропологи как инквизиторы», 2001; «*New Religious Movements*

and the Study of Folklore: The Russian Case», 2004), называет «кризис колониального дискурса и формирование новой научной парадигмы, обусловленной завершением процессов модернизации и возникновением постиндустриального общества» [12, с. 75–76]. Упомянутый колониальный дискурс в том числе базировался на позиции западного этноцентризма, которая со временем все больше демонстрировала свою несостоятельность.

Еще со времени Ф. Боаса активно начались разговоры в научной среде о релятивизме как важной составляющей антропологии. Так, Мелвилл Джин Херсковиц (1895–1963), все свое внимание в научных изысканиях сконцентрировавший вокруг феномена культуры, считается создателем культурного релятивизма как способа понимания ценностей культур. Большое внимание он уделил отделению своей концепции от предыдущих, высказываясь против расового детерминизма особенностей культуры, против географического детерминизма и против экономического. М. Херсковиц выступал против и эволюционистских воззрений, заключавшихся в том, что самобытное развитие культур есть всего лишь часть единого всемирно-исторического процесса эволюционно-прогрессивной направленности. Общий исторический процесс он видел как сумму разнонаправлено развивающихся культур. Стадиальную систему оценки развития обществ он заменил изучением культур в определенный временной промежуток. При этом культуру он понимал как созданную человеком среду и как психологическую реальность.

Ключевым понятием для М. Херсковица было понятие энкультурации – вхождения индивида в конкретную форму культуры. В этом процессе проявляются механизмы воспроизводства этнокультурных общностей и возможности изменения культуры. Основным содержанием энкультурации М. Херсковиц полагал усвоение особенностей мышления и действий, моделей поведения, составляющих культуру. На основании понятия энкультурации М. Херсковиц основывал принцип культурного релятивизма, который кратко может быть охарактеризован следующим образом: суждения основываются на опыте, а опыт интерпретируется каждым индивидом в терминах собственной энкультурации. Главной идеей культурного релятивизма стало признание равноправия культурных ценностей разных народов, что предполагает признание самостоятельности и полноценности каждой культуры, отрицание западного этноцентризма. М. Херсковицем выделены три аспекта культурного релятивизма: методологический, философский и практический. С позиции методологического релятивизма пред-

полагалось описывать жизнедеятельность индивидов в терминах их собственной культуры. Важно понимать культуру изнутри, осознавать ее функционирование с позиций ее же ценностей. Философский аспект культурного релятивизма заключается в признании множественности путей культурного развития, в плюрализме взглядов на историко-культурный процесс. Согласно этому принципу происходит не только отказ от идеи доминирующего прогресса в развитии культур, но предполагается в качестве возможной ситуация гибели культуры при попытке пойти путем, который привел другую культуру к расцвету.

Придерживаясь этой точки зрения о важности каждой отдельно взятой культуры, современные культурантропологи особое внимание уделили ее качествам и свойствам. Так, если на предыдущих этапах развития данной науки культура зачастую рассматривалась как замкнутая статичная система, то теперь речь идет непременно о подвижности культуры. Так, Адель Баркер (Adele Barker) из университета Аризоны, чьи основные труды посвящены изучению культуры постсоветского пространства и литературной составляющей русской культуры («*The Russia Reader: History, Culture, Politics (The World Readers)*»), 2010; «*Consuming Russia: Popular Culture, Sex, and Society since Gorbachev*», 1999; «*A History of Women's Writing in Russia*», 2009), свидетельствует о том, что для так называемых *Culture Studies* типичен подход, «который предполагает отношение к культуре не как к чему-то статичному, но как к набору культурных практик, всегда подвижных и приобретающих ту или иную ценность в зависимости от того, как они используются различными группами» [12, с. 18]. Продолжая рассуждать о *Culture Studies*, А. Баркер заключает, что сейчас принято говорить об этнической идентичности и традициях «как о том, что создается в процессе конструирования» [12, с. 19]. Так, она ссылается на сборник Эрика Хобсбаума «Изобретение традиции», одна из генеральных мыслей которого заключается в том, что традиция каждый раз изобретается заново в различные периоды истории в зависимости от требований конкретного дискурса. Тем самым подтверждается синергетическое положение о том, что прошлое в незначительной степени определяет настоящее, настоящее – едва ли детерминирует будущее, важностью обладает процесс конструирования здесь и сейчас.

Внимание в современной культурной антропологии уделяется не диахроническому изучению различных феноменов, но доскональному исследованию их в данный момент времени во всей конкретике.

Рассуждая о причинах такого смещения исследовательских интересов, антрополог, специалист в области сравнительной мифологии Юрий Евгеньевич Березкин («*Some Results of Comparative Study of American and Siberian Mythologies: Applications for the Peopling of the New World*», 2002; «Ареальное распределение фольклорно-мифологических мотивов», 2007) полагает, что начало этому было положено еще в конце XIX века статьей Франца Боаса «Об ограниченности сравнительного метода в антропологии», поскольку именно с этого момента «крепло убеждение в том, что этнографические материалы не могут быть напрямую использованы для реконструкции отдаленного прошлого», обнаружилась «тенденция к смещению интереса от реконструкций прошлого к описанию и интерпретации настоящего, к стремлению зафиксировать настоящее в мельчайших деталях раньше, чем оно станет прошлым» [12, с. 29].

И если прежде внимание уделялось, например, литературному пересказу речи информанта, то теперь акцент ставится не на фиксации текста речи как такового, а на форме воспроизведения текста конкретным рассказчиком, включая паузы, повышения/понижения тона и другие специфические особенности. Ю. Березкин отмечает, что тенденция к доскональному изучению локального феномена во всех его частных подробностях не исчезнет со временем, что, с одной стороны, обеспечит работой многие будущие поколения антропологов, поскольку «объект исследования при подобном подходе растет быстрее, чем интенсивность его изучения» [12, с. 30].

Но с другой стороны, по его же мнению, эта тенденция к превращению антропологии в совокупность частных исследовательских программ может обернуться разрушением ее в качестве целостной дисциплины, поскольку «концентрация усилий на изучении все более мелких подробностей ставит под сомнение *raison d'être* антропологии в глазах тех, кто ею не занимается» [12, с. 30].

Помимо явных изменений в культурной антропологии, заключающихся в детальном интересе к узким, локальным феноменам, произошла смена основных интересующих исследователей тем. Говоря об изменениях, произошедших в культурной антропологии, А. Баркер активно проводит аналогии между данной наукой и литературоведением, рассуждая о том, что процессы, в общем-то, происходят схожие. Так, если в литературоведении наблюдается смещение акцента с изучения произведений канонических авторов (которыми являлись белые писатели-мужчины) на произведения авторов, занимающих

маргинальное положение в обществе (например, принадлежащих к коренному малочисленному населению), то и в культурной антропологии произошел поворот от изучения в основном учеными-мужчинами жизни индивида, под которым опять же подразумевался мужчина, к, например, так называемым *Women's Studies* – исследованиям женщин, проводимых женщинами же, и др.

Подобные же мысли продуцирует ученый из Оксфордского университета, занимающийся историей русской литературы, культуры, социальной истории, истории детства, – Катриона Келли (Catriona Kelly) («*Refining Russia. Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin*», 2001; «*Comrade Pavlik. The Rise and Fall of a Soviet Boy Hero*», 2005), обращая внимание на то, что особый интерес в качестве предмета исследования в современности сосредоточен вокруг групп, всегда считавшихся если не маргинальными, то минимум альтернативными. Это обусловило широко развернувшееся изучение истории женщины, истории трудовых отношений, этнических и сексуальных меньшинств, истории юношества, старости, а также исследование истории маскулинности в качестве самостоятельной области, что «вполне можно считать "маргинализацией" социальной группы, которая до этого воспринималась как центральная, определяющая норму исторического опыта» [12, с. 56].

Культурантропологи не только фиксируют изменения, произошедшие в науке в последнее время, но и пытаются обнаружить причины этого. Так, А. Баркер, обращаясь к данной проблематике, видит причину этих изменений в появлении в науке уже упомянутого феномена, получившего название *Culture Studies*, который многими исследователями определяется не как научная дисциплина, но как исследовательская практика. К. Келли, в принципе, солидарна с такой точкой зрения, и ею был зафиксирован сдвиг в области культурной антропологии, произошедший в сторону междисциплинарности, что наглядно явлено в широком заимствовании, к примеру, методов социологии литературы, в возникновении и обострении интереса к проблемам взаимоотношения исследователя и информанта, к необходимости их диалогичности, а не дистанцированной объективности, принятой за норму в классической антропологии.

Важными представляются рассуждения, касающиеся современных культурантропологических исследований, антрополога Чикагского университета Сьюзан Гал (Susan Gal), в сферу научных интересов которой входят культура постсоветского пространства, проблематика соотношения языка и гендера

и др. («*The Politics of Gender After Socialism*», 2000; «*Minorities, Migration and Multilingualism: Language Ideologies in Europe*», 2006). Она говорит, что «текущие антропологические исследования в США в значительной степени заняты тем, что лучше всего можно было бы назвать метаанализом. Ученые не желают употреблять такие термины как «народный», «традиционный», «подлинный» или «популярный», «современный», «рациональный» и «развитый», не исследовав предварительно источники и исторический контекст, из которого в научный мир попадают такие концепты» [12, с. 37]. Она же заявляет, что культурантропологи США переключились с исследования собственно культурных феноменов на изучение влияния на них систем знаний.

Выводы. В качестве основных характерных черт современной культурной антропологии можно выделить следующие положения: стремление к созданию универсальной модели исследования, валидной для максимального количества объектов изучения, но на этом пути в настоящее время – плюрализм подходов к изучению различных феноменов, сдвиг исследований в сторону междисциплинарности; превращение антропологии в совокупность частных исследовательских программ; важность метаанализа, изучение влияния систем знаний на культуру. В настоящее время наличествуют тенденция выбора маргинальных тем для исследования; тенденция к смещению интереса от реконструкций прошлого к описанию и интерпретации настоящего, к стремлению зафиксировать настоящее в мельчайших деталях раньше, чем оно станет прошлым; тенденция к детальному изучению локального феномена.

Список литературы

1. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: Аспект-Пресс, 2007. 368 с.
2. Чернявская Ю. Идентичность на фоне мифа // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 198–226.
3. Малахов В. Символическое производство этничности и конфликт // Язык и этнический конфликт. М.: Гендальф. 2001. С. 115–137.
4. Кросс-культурная психология. Исследования и применение / Д. Берри [и др.] // Харьков: Гуманитарный центр. 2007. 558 с.
5. Никишенков А. А. История британской социальной антропологии. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2008. 496 с.
6. Марков Г. Е. Немецкая этнология. М.: Академический Проект, 2004. 576 с.
7. Белик А. А. Культура и личность. Психологическая антропология. М.: РГГУ, 2001. 377 с.
8. Белик А. А. Культурология. Антропологические теории культур. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2000. 240 с.

9. Поведение человека в глобальной перспективе: Введение в кросс-культурную психологию / М. Х. Сегалл [и др.] // Подростковый возраст. 2000. Т. 35, № 139. С. 603.
10. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях / Д. Кэмпбелл [и др.] СПб.: Социально-психологический центр. 1996. С. 27–33.
11. Темплтон А. Р. Гаплотипические деревья и современное происхождение человека // Американский журнал физической антропологии: официальная публикация Американской ассоциации физических антропологов. 2005. Т. 128, № S41. С. 33–59.
12. Современные тенденции в антропологических исследованиях / А. Левон [и др.] // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 6–101.
13. Богданов К. А., Панченко А. А. «Фольклорная действительность»: мифология и повседневность // Мифология и повседневность. Вып. 2. Материалы науч. конф. 24–26 февраля. 1999. С. 13.
14. Букова М. И. Визуальная антропология и социальное конструирование // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1, № 2. С. 6–23.
15. Букова М. И. Северовед и антрополог Владимир Германович Тан-Богораз: «Всероссийский художественный репортер» // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1, № 1. С. 35–42.
16. Вайнер А., Боренштейн Э., Фридман Дж. Потребление России: популярная культура, секс и общество со времен Горбачева. Дарем: Изд-во Ун-та Дьюка, 1999.
17. Гал С. Миграция, меньшинства и многоязычие: языковые идеологии в Европе // Языковые идеологии, политика и практики. Лондон: Palgrave Macmillan, 2006. С. 13–27.
18. Гал С., Гейл К. Политика пола после социализма. 2000.
19. Замараева Ю. С. Теория, историография и методология исследования феномена миграции в контексте современной философии культуры // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. С. 600.
20. Замараева Ю. С. Формирование понятия «сложная идентичность» в современных гуманитарных науках // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 2. С. 89–102.
21. Келли С. Товарищ Павлик: взлеты и падения советского мальчика-героя. Лондон: Granta books, 2014.
22. Кистова А. В., Пименова Н. Н. Мониторинг современного состояния энецкой этнокультурной группы // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 4. С. 20–40.
23. Копцева Н. П., Пименова Н. Н. Культурные трансформации: возможности изменения // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 3. С. 36–44.
24. Малли Л. Утонченная Россия: советская литература, вежливая культура и гендер от Екатерины до Ельцина. Катриона Келли. Нью-Йорк: Oxford University Press, 2001. 438 с. Приложения. Заметки. Библиография. Индекс. Иллюстрации. // Славянское обозрение. 2003. Т. 62, № 1. С. 212–213.
25. Методы исследования культуры / Н. П. Копцева, Ю. Н. Авдеева, К. А. Крупкина [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. 184 с.
26. Новое сибирское китаеведение. Базовые концепты китайской культуры. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. 263 с.
27. Новые проекты для возрождения эвенкийского языка и культуры. Красноярск: Сиб. федер. ун-т. 246 с.

28. Новые религиозные течения и изучение фольклора на примере России / А. А. Панченко [и др.] // Фольклор: электрон. фольклорный журн. 2004. № 28. С. 111–128.
29. Панченко А. А. Инквизиторы как антропологи, антропологи как инквизиторы // Живая старина. – 2001. – №. 1. – С. 7-9.
30. Панченко А. А. Религиозные практики: к изучению «народной религии» // Мифология и повседневность. 1999. С. 198–218.
31. Парте К. Русский читатель. История, культура, политика. Мировая серия читателей. 2012.
32. Религиозные воззрения коренных народов Таймыра / А. В. Кистова, Н. Н. Пименова, А. А. Ситникова [и др.] // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3. № 3. С. 48–62.
33. Рыжова С. В. Русское самосознание и этничность в православном дискурсе 90-х годов: толерантность и экстремизм // Религия и идентичность в России. 2003. С. 20–48.
34. Сатклифф Б. М. Проза жизни: русские писательницы от Хрущева до Путина. Мадисон: Ун-т штата Висконсин, 2009.
35. Середкина Н. Н. Этническая картина мира в контексте современных социальных исследований // ВВ: Проблемы общества и политики. 2014. № 10. С. 26–59.
36. Сертакова Е. А. Философские основания современной урбанистической антропологии // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 2. С. 70–86.
37. Символическая экология как инструмент исследований трансформаций городского пространства / Ю. Н. Авдеева, К. А. Дегтяренко, Н. П. Копцева [и др.] // Сибирский антропологический журнал. 2019. Т. 3, № 3. С. 8–23.
38. Ситникова А. А. Как создавалась письменность для бесписьменных культур (Обзор научных исследований). // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 3. С. 63–75.
39. Стефаненко Т. Г. Индивидуальные стратегии конструирования этнической идентичности // Идентичность и толерантность / под ред. Н. М. Лебедевой. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН. 2002. С. 35–48.
40. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: учебник для высших учебных заведений. М.: Ин-т психологии РАН, 1999.
41. Христовщина и скопчество / А. А. Панченко [и др.]. М.: ОГИ, 2002.
42. Шпак А. А. Научные подходы к изучению сложной социальной идентичности // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 2. С. 191–203.
43. Ethnocultural space of Krasnoyarsk krai: the current state / K. V. Reznikova, N. N. Pimenova, A. V. Kistova [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2019. Vol. 12, № 8. P. 1552–1567.
44. Semyonova A. A. The concept state in local culture of Krasnoyarsk: The results of an associative experiment based on the method series of thematic associations // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2011. Vol. 4, № 11. P. 1526–1542.
45. Shimanskaya K. I. Cultural memory and levels of remediation (on the example of the novel dead souls by N. V. Gogol) // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2018. Vol. 11, № 6. P. 974–980.

УДК 304.3:159.923.2=19

Л. А. Жанкова¹, М. А. Колесник²

¹ Студент кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

² Кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

ПРАКТИКИ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У АРМЯН КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Статья представляет собой обзор культурных практик, присущих Армянской национально-культурной автономии Красноярского края. В статье описаны способы осуществления данных практик. Рассмотрена деятельность Красноярской региональной общественной организации «Ехпайрутюн» и сообществ, которые в нее входят: церковь «Сурб Саргис», молодежная организация, народный хореографический ансамбль «Армения», а также армянская воскресная школа им. Паруйр Севака.

Ключевые слова: армянская культура, армянский этнос, культурные практики, этническая идентичность, Красноярский край, национальное самосознание.

The article is an overview of the cultural practices inherent in the Armenian national-cultural autonomy of the Krasnoyarsk Territory. The article describes the ways of implement these practices. The activities of the Krasnoyarsk regional public organization «Ekhpairutyun» and communities it includes is considered: «Surb Sargis» church, youth organization, «Armenia».

Keywords: Armenian culture, Armenian ethnos, cultural practices, ethnic identity, Krasnoyarsk region, national identityfolk choreographic ensemble, Paruyr Sevak Armenian Sunday school.

Сегодня в научной среде широко обсуждаются вопросы идентичности, каждый год появляется все больше статей и монографий, посвященных гендерной, территориальной, этнической идентичности. Так, в одних источниках изучается само понятие, то, как оно понимается в современном мире. Например, в статье В. В. Кочеткова [1] обсуждаются взаимосвязи национальной и этнической идентичностей. В статье И. С. Бакланова и Т. В. Душиной [2] определяется, что этническая идентичность обусловлена в большей степени общественными интересами и групповыми потребностями. В связи с этим она будет являться фактором развития различных сфер общества. Н. И. Сол-

датова [3] на основании проведенных интервью делает вывод глубоких переживаний респондентов, которые связаны с их этнической идентичностью и культурой проживания, повлиявших на их личность.

Изучение этнической идентичности имеет большое значение, поскольку мир становится все более мультикультурным. Вместе с тем возникает опасность утраты этнической идентичности у малых групп или тех, кто по каким-либо причинам вынужден был покинуть свою историческую Родину.

В решении проблемы утраты этнической идентичности помогают культурные практики, выступающие в качестве пути адаптации и интеграции в принимающую среду.

При написании данной статьи авторы ориентировались на исследования по современным практикам таких ученых, как М. И Ильбейкина [4], Т. Ф. Ляпкина [5], В.П. Большаков [6]. Не менее важны были также исследования о механизмах аккультурации и адаптации, например, J. Berry [7]. В качестве метода исследования был выбран обзор интернет-групп, сайтов, пабликов в социальных сетях, а также интерпретация результатов этого обзора.

Одной из самых заметных и многочисленных среди этнических групп, проживающих на территории Красноярского края, являются армяне. Согласно переписи 2010 года представителей данного этноса насчитывалось 10,7 тыс. человек. Цель настоящего исследования состоит в определении того, какие культурные практики существуют в АНКА¹. В регионе действует официальная организация – Красноярская региональная общественная организация «Армянское национальное культурное общество "Ехпайрутюн"». С деятельностью и структурой данной организации можно познакомиться на сайте, где указано, что в армянской общине действуют церковь «Сурб Саргис», молодежная организация, народный хореографический ансамбль «Армения», а также армянская воскресная школа им. Паруйр Севака.

Анализ тематической группы в социальной сети ВКонтакте показал, что количество участников в ней постоянно увеличивается. Администрированием группы занимается руководитель молодежной организации Вагаршак Согомонян. В этом сообществе сообщается о событиях, связанных не только с АНКА Красноярского края, но также более крупные – государственного и мирового масштаба, касающиеся армянского этноса напрямую (например, публикуется информация о Нагорно-Карабахском конфликте, к 30-летию об-

¹ Здесь и далее сокращение означает «Армянская национально-культурная автономия».

щины публикуется информация онлайн-проекта «Армяне Красноярска», выкладываются планы мероприятий, проводимых на территории края и т. д.).

В другой социальной сети *Instagram* акцент сделан больше на развлекательный контент либо на поддержку онлайн-акций, которых было особенно много в период распространения коронавирусной инфекции. Содержание контента можно классифицировать следующим образом:

- исторические факты, краткая информация об Армении, о важных национальных праздниках и событиях;
- информация о благотворительных акциях, в которых участвует АНКА;
- представление активных участников молодежной армянской организации;
- записи, сообщающие информацию об известных и уважаемых деятелях АНКА.

Важной культурной практикой является работа по сохранению родного языка, что активно продвигается в среде армянского сообщества. В Красноярске работает много репетиторов армянского языка, язык преподается в армянской воскресной школе. Преподавателем с 2009 года является Газоян Гаяне Акоповна. Для школы национально-культурной автономией было приобретено большое количество необходимых учебных принадлежностей: учебники, книги, атласы, карты, портреты армянских писателей, поэтов и композиторов, познавательные аудио- и видеодиски. Кроме этого, планируется открытие библиотеки армянской литературы.

Необходимость и значимость данной языковой школы подтверждается онлайн-опросом на страницы группы ВКонтакте (Сообщество #АрмянеКрасноярска), где на вопрос «Нужна ли нам армянская воскресная школа?» участники единогласно ответили утвердительно.

Также деятельность АНКА направлена на организацию различных видов деятельности. Например, на сайте общества «Ехпайрутюн» сообщается, что планируется открытие студий по таким видам искусства, как резьба по дереву, гончарное искусство, рисование, изготовление свадебных аксессуаров, музыка, церковное песнопение. Все они связаны с традиционными национальными видами деятельности армянского народа.

Организация «Ехпайрутюн» также работает над тем, чтобы создать фонд для выдачи стипендий талантливым спортсменам, школьникам и студентам.

В заключение можно отметить, что культурные практики, несомненно, помогают сохранять этническую идентичность этноса. Армяне как этнос в принимающем обществе достаточно активны в сохранении своей этниче-

ской идентичности, при этом направления деятельности разных организаций указывают на желание сотрудничать, понимать и принимать культуру принимающего общества. Армяне Красноярского края понимают, кем они являются, стараются сохранить тот пласт культуры, который может быть потерян.

Список литературы

1. Кочетков, В. В. Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестн. Моск. ун-та. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 2. С. 144–162.
2. Бакланов И. С. Душина Т. В. Михеева О. А. Человек этнический: проблема этнической идентичности // Вопросы социальной теории. 2010. № 4. С. 396–408.
3. Солдатова Н. И. Этническая идентичность как имплицитный аспект целостной идентичности человека // Вестн. молодых ученых и специалистов Самар. гос. ун-та. 2014. № 2 (5). С. 65–72.
4. Ильбейкина М. И. Визуально-антропологическая специфика современных культурных практик // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20909467>.
5. Ляпкина Т. Ф. Конструирование регионально-этнической идентичности: проблемы новых культурных практик в регионах России // STUDIA CULTURAE. 2013. № 18. С. 163–171.
6. Большаков В. П. Культурные практики в процессах становления культуры // Вестн. СПбГУКИ. 2016. № 2. С. 16–22.
7. Berry John W. Immigration, Acculturation, and Adaptation. Applied psychology: an international review, 1997. № 46 (1). P. 5–34.
8. Интернет-энциклопедия Красноярского края. URL: <http://my.krskstate.ru/>.
9. Красноярскстат. URL: www.Krasstat.gks.ru/.

УДК 791.43:316.334.55

Е. Д. Антипенко¹, М. А. Колесник²

¹ Студент кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

² Кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

**ОБРАЗ ЖИТЕЛЕЙ СИБИРСКОЙ ТАЙГИ В РЕГИОНАЛЬНОМ КИНО
НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМА ВЕРНЕРА ХЕРЦОГА
«СЧАСТЛИВЫЕ ЛЮДИ: ГОД В ТАЙГЕ» (НА ОСНОВЕ ФИЛЬМА
ДМИТРИЯ ВАСЮКОВА «СЧАСТЛИВЫЕ ЛЮДИ»)**

В статье рассматривается образ сибиряков глазами немецкого режиссера Вернера Херцога. Пусть сделал он это своеобразным образом, но, так или иначе, документальный фильм «Счастливые люди: год в тайге» закреплен именно за его авторством. Здесь также представлен анализ данного кинопроизведения с целью выявить особенности характера сибиряков и их образа жизни. Важной чертой исследования является то, что мы можем изнутри посмотреть на то, как живут туруханские сибиряки в чаще непроходимой тайги, и вместе с ними прожить, прочувствовать всю легкость и тяжесть этих дней.

Ключевые слова: региональный кинематограф, Сибирь, Красноярский край, Туруханский район, сибиряки, образ жизни.

Региональная культурная политика, в частности региональный кинематограф, представляют собой важную составляющую для культуры страны в целом. Возможность рассказать об обычаях и традициях, локализуя их рамками одной культуры или территории, позволяет увидеть все разнообразие идейных представлений о мире в одной большой стране. Об общем мировосприятии можно говорить, только изучив культурные представления локальных групп. А региональный кинематограф как раз способствует этому изучению. Одно из ключевых свойств регионального кинематографа заключается в том, чтобы продемонстрировать самобытность культуры отдельных регионов всего государства. А разнообразные и специфические средства и методы, используемые режиссерами и операторами, позволяют наиболее точно передать зрителю всю полноту традиций и обычай мест, про которые говорить в том или ином фильме. Сибирь в силу своей уникальной истории, где правила всегда отличались от правил европейской части нашей страны, необъятной

территории, где раскинулись диковинные мета, и разнородных представителей флоры и фауны привлекательна для изучения. Мэтра немецкого кино Вернера Херцога заинтересовал киносериал Дмитрия Васюкова «Счастливые люди» о туруханских сибиряках. Восхитившись рассказанной историей про счастье человеческой жизнь, Херцорг создает свой собственный фильм про сибиряков на основе материала «Счастливых людей». История сибирского народа, живущего в непроходимой тайге, позволила Херцогу вновь ощутить, в чем же заключается легкость и счастье жизни, как важно оставаться в гармонии с природой. Переделав российский сериал в фильм, Херцорг выпускает его в международный прокат, чтобы каждый в мире мог ощутить и понять то же, что и режиссер. В интервью Антона Сазонова «"Счастливые люди: год в тайге" – как Вернер Херцог стал соавтором одного из создателей "Диалогов о рыбалке"» режиссер Дмитрий Васюков подробно рассказал историю создания фильма о туруханских сибиряках, объяснил, как образовалась своеобразная коллаборация с немецким режиссером Вернером Херцегом. Он также пояснил, почему его работа называется именно «Счастливые люди». А главное, обратил внимание на то, что международная версия фильма сохраняет всю суть и весь смысл отечественной киноленты.

В чем же заключается важность кинематографа можно узнать из статьи Е. Н. Савельевой «Кино в Сибири и кино о Сибири: проблема тематической специфики регионального кинематографа» [1]. В статье говорится о том, что Сибирь в силу своих «экзотических» мест, традиций, культурных и морально-нравственных ценностей привлекательна для путешествий, поэтому и притягивает иностранцев со всего мира. Здесь автор пишет о том, что определяет тематику кино о Сибири и о том, какой характер съемки предпочитают режиссеры регионального кино. Интересным является исследование образа Сибири с точки зрения конструктивистской позиции. В статье «Образ Сибири в кинематографическом нарративе: конструктивистский подход» Е. В. Головнева и И. А. Головнев [2] приходят к выводу: визуализация образа Сибири на экране потребовала разработку специфических средств и определенных сюжетов. К таким специальным темам можно отнести, например, идею о природных богатствах Сибири или идею об особом сибирском характере. В другой статье «Сибирь Советская: образ региона в культурфильме Александра Литвинова» [3] те же авторы рассматривают образ Сибири с точки зрения сценарного замысла и тематических эпизодов, оперируя тем, что в документальном кино 1930–1940-х годов являлось частью просветительской

и пропагандисткой советской культуры. Проанализировав киноработу «Сибирь Советская», авторы пришли к выводу, что фильм является своеобразным историческим документом, так как режиссер достаточно точно представил национальную политику тех времен.

С. А. Тиглиев в своей работе «Особенности репрезентации Сибири в фильме А. Кончаловского «Сибиряда»» [4] обращает внимание на визуальные приемы, с помощью которых были продемонстрирован сибирский регион.

Особое место занимают исследования, посвященные образу Сибири в советских фильмах. Стилистические и жанровые особенности кино, исторически сложившиеся художественные приемы о Сибири рассматриваются в статье «Жанровые и стилистические особенности фильмов сибирской тематики в российском кинематографе 1960-х гг.», написанной Е. Н. Савельевой [5].

27 августа 2020 года прошла прямая трансляция «Зачем региональный кинематограф нужен государству», где продюсер и режиссер Ф. С. Бондарчук, министр культуры РФ О. Б. Любимова, губернатор Ивановской области С. С. Воскресенский, режиссер, министр культуры Сахалинской области Н. Л. разбирали вопросы, касаемые влияния регионального кинематографа на экономику и политику региона, а также освещали программы государственного уровня по развитию регионального кино. Режиссер и продюсер А. А. Петрухин в одном из интервью портала «Аргументы и факты» рассказал, почему он спонсирует фильмы иркутских режиссеров, в чем привлекательность региональных фильмов. По словам А. А. Петрухина, необходимо культивировать собственную историю, традиции, культуру, природу.

Анализу образов России, Сибири в частности, в зарубежном кинематографе посвящены отдельные исследования, например, статья А. А. Ситниковой «Образ Сибири в художественном советском, постсоветском и документально-игровом кинематографе Вернера Херцога» [6] и статья А. Саевич «В поисках нового взгляда. Образ Сибири в польском современном документальном кино» [7]. Исследование А. Ситниковой посвящено концептуальным представлениям о Сибири, которые транслируются в культуру путем кинематографа. В качестве одной из основ исследования также послужил фильм Херцога «Счастливые люди: год в тайге», выполненный в соавторстве с Д. Васюковым. В статье А. Саевич при помощи художественных и идеологических посылов рассматриваются стереотипы о России в современном польском документальном кино.

Е. В. Масяйкина в исследовании «Образ Сибири в русскоязычной литературной периодике зарубежья: на материале медиатекстов журналов США (1990–2010-е гг.)» [8] анализирует, как представлен образ Сибири в американском литературном контенте на русском языке 1990–2010-х годов. Здесь автор выделяет основные характеристики контента о Сибири и типологию культурных представлений о регионах.

Методология. При анализе фильма «Счастливые люди год в тайге» были использованы семиотический и философско-искусствоведческий анализы, которые позволяют исследовать произведение киноискусства в единстве материального, индексного, иконического статусов, а также выйти на символический уровень киноработы, благодаря чему осуществляется комплексный подход к конкретному фильму. Здесь теоретическими источниками стали: монография М. В. Тарасовой «Теория и практика. Диалог зрителя и произведения искусства» [9] и «Теория и модели неигрового кино» В. Nichols [10]. В монографии М. В. Тарасовой рассмотрены теоретические особенности неигрового кино, его основные методы и модели, функции, знаковая система, куда входят материальные, индексные и иконические знаки, а также особенности анализа результатов кинокоммуникации зрителя и документального кино. В. Nichols [10] в своей работе выделил одиннадцать моделей неигрового кино и определил характеристику каждой из них.

Анализ фильма «Счастливые люди: год в тайге» режиссера Вернера Херцорга. Окутанные снегом необъятные сибирские просторы, непроходимая таинственная тайга, трескучие морозы притягивают иностранцев со всего мира. Ведь Сибирь – одно из самых завораживающих мест на нашей планете. Однако, что для нас в Сибири кажется обыденным и привычным, у гостя из другой страны может вызвать восторг или же негодование, поэтому фильмы, в которых Сибирь показана глазами иностранца, всегда пользуются популярностью.

Мэтр немецкого кинематографа Вернер Херцорг не смог не пополнить свою фильмографию фильмом про Сибирь. Пусть и сделал он это своеобразным образом. Но, так или иначе, документальная лента «Счастливые люди: год в тайге» закреплена именно за его авторством.

Все дело в том, что сам Херцорг не принимал прямого участия в съемках фильма. Его фильм основан на исходном материале «Счастливых людей» с одобрением Дмитрия Васюткина – режиссера серии фильмов «Счастливые люди». Как же немецкий режиссер узнал про российский документальный

киносериал о туруханских сибиряках? Об этом Дмитрий Васюков рассказал Антону Сазонову в интервью «"Счастливые люди: год в тайге" – как Вернер Херцог стал соавтором одного из создателей "Диалогов о рыбалке"»¹. Если говорить коротко, то Васюков дал свой киносериал «Счастливые люди» известному за рубежом режиссеру и продюсеру Тимуру Бекмамбетову, который организовал несколько киносеансов, однако дальше этого дело не продвинулось. Затем, неизвестно как, лента оказалась в руках продюсера Ника Н. Рэслана, который является другом Вернера Херцога. Именно в гостях у Рэслана Херцог и познакомился с киноработой Васюкова о счастливых бахтинцах. По словам самого Херцога, он «*буквально споткнулся о фильм*» и «*влюбился в этих людей и сразу про них все понял*» [11].

«Счастливые люди» Васюкова не подверглись кардинальной переработке. Единственное глобальное изменение Херцога – это сокращение четырех серийного фильма до одного полуторачасового. Так режиссер решил акцентировать внимание именно на образе жизни сибиряков, подчиненном смене времен года. Второе изменение можно заметить в названии фильма. Так как экспедиция съемочной группы Васюкова длилась около года, Херцог решил вынести данную информацию в заголовок собственного фильма. Разумеется, Херцог переозвучил свой фильм на другой язык, подойдя к этому делу со всей ответственностью, дабы не испортить атмосферу и аутентичность первоисточника. И добавил музыкальное сопровождение, которое ничуть не мешает ни зрительскому восприятию, ни передаче естественного звука. Фильм Херцога также наполнен звуками живой природы: треск весеннего льда, пение птиц, лай собак, плеск воды, шум ветра. Сам Васюков остался довольным результатом проделанной работы немецкого режиссера: «*Херцог в итоге сделал свой продукт, который при этом отвечает моему первоначальному замыслу. Он ничего не испортил и тем более не исковеркал. Не нарушил главное ощущение от фильма: бахтинцы – счастливые люди, их не нужно жалеть*» [11].

Но что же касается самого фильма? По итогу, какими же нам показаны туруханские сибиряки? Кто они? И какие технические средства использовал режиссер для передачи образа местных жителей?

Итак, герои фильма – жители села Бахта Туруханского района. Они – охотники, рыболовы, собиратели, обычные сельчане, которые живут среди непроходимой тайги, куда не добрался технологический прогресс. Одним

¹ Интервью для интернет-портала об искусстве «OpenSpace.ru»; раздел «Кино».

из главных героев фильма стал Геннадий Соловьев – охотник. Внешне мужчина представляет собой типичного сибиряка лет 55: густая борода, шапка-ушанка, куртка, напоминающая тулуп. Мы сразу можем заметить, что Геннадий трудолюбивый и добрый мужчина. Он рассказывает нам об особенностях быта и правилах охоты, учит ставить капканы и делать лыжи. Распорядок дня жителей села мало изменился за последний век. Они продолжают жить согласно смене времен года, подчиняясь капризам сибирской природы. Так, весна – пора, когда нужно строить лодки-долбленки. Следующий герой фильма Геннадий Теканов – седовласый старик, принадлежащий к коренному народу кетов. Но назвать его слабым в силу возраста нельзя. Геннадий является последним специалистом своего народа по строительству лодок. Мы видим, что при строительстве Геннадий использует традиционные инструменты и методы: из цельного спила дерева вручную с помощью топора вырубается лодка. Расширяется лодка до нужных размеров тоже вручную. Для этого между бортами вставляются поленья нужного размера на некоторое время. Форма лодки закрепляется обжигом. Последним этапом строительства является просмоление лодки.

Рис. 1. Геннадий Соловьев, фильм «Счастливые люди: год в тайге», реж. В. Херцорг

Следующее время года – лето. В этот период промысловики помогают друг другу строить избушки. Один из немногих современных инструментов в их обиходе – бензопила. В основном мужчины все делают своими руками. Мох и земля у промысловиков выступает в качестве изоляционного материала при строительстве. Стены обычно возводятся по весне, затем их накрыва-

ют на некоторое время для просушки. Погреб под избушкой служит хранилищем для лука и картошки. В это период времени очень показательным является фрагмент, где отец учит делать сына средство от комаров, так как гнусы – это основная проблема не только при строительстве изб, но и в обычные летние дни. Так мы видим связь поколений. Свой опыт отец, как правило, передает сыну. Ребенок здесь с раннего возраста приучен к труду. Для изготовления мази от насекомых в ход идут все те же подручные средства: переработанная березовая кора, дающая деготь, который является эффективным рефендом.

Рис. 2. Строительство лодок-долбленок, фильм «Счастливые люди: год в тайге», реж. В. Херцорг

Рис. 3. Кадр из фильма «Счастливые люди: год в тайге», реж. В. Херцорг

Осень – время сбора урожая и подготовки к холодам. Осенний дождь, льющий неделями, важен для охотников. Ведь уровень воды в реке поднимается, что позволяет перевезти в тайгу тяжелое оборудование для зимней охоты. Для этого необходимо уметь вести лодку по полноводной реке. В это время охотники лишь в сопровождение собак отправляются в лес на долгое время. Абсолютное одиночество вдали от народа. У охотников нет ни радио, ни телефоном, ни правил, только личные ценности и нормы. Идеальное время для нахождения гармонии с собой и внешним миром.

Вокруг деревни распростерлась необъятна тайга с ее величественными склонами, которые зимой покрыты сугробами по пояс, а осенью усыпаны золотым ковром из листьев, а также бурной рекой, скованной льдом суровой зимой и быстрым течением теплым летом. Единение с природой особо чувствуется в фильме Херцога. Четыре части российского киносериала, названия которых соответствуют временам года, у Херцога сливаются в один непрерывный поток времени. Мы так же, как и бахтинцы, проживаем этот год в тайге без Интернета, без привычных для нас автомагистралей или проселочных дорог. Ведь здесь сообщение между населенными пунктами осуществляется на вертолетах или небольших самолетах. Летом до некоторых сел и деревень, например как Бахта, можно добраться на лодке по реке, а зимой по автозимнику. Однако, несмотря на все это, местные жители живут счастливо, радуясь каждому новому дню. Здесь людям некогда скучать без очередных новинок из мира сериалов или кино, так как осенью необходимо собрать урожай и сделать заготовки, которые прокормят всю семью долгой суровой зимой. Может показаться, что сибиряки работают круглые сутки. Да, труд составляет большую часть их времяпрепровождения, однако бахтинцы также устраивают праздники и выходные. Также не лишены и чувства юмора. Это не забитые постоянной работой, грубые люди, как может показаться на первый взгляд. Все дело в том, что бахтинцы ответственно относятся к труду. Режиссер показывает, насколько эти люди добрые и открытые. В объектив камеры попали не только работающие люди. Мы можем увидеть детей, катающихся на коньках по замерзшему льду, или празднование масленицы.

По воспоминаниям самого Дмитрия Васюкова, местные жители поддержали идею создания фильма. Так, проведя около года среди бахтинцев, режиссер понял, первоначальный замысел о диалогах про рыбалку очень прост. Съёмочная группа, пообщавшись с жителями села, поняла, что главное до-

стоинств этих мест – люди. Одни из тех людей, которыми стоит восхищаться. Почему? Ответ прост. Эти люди в сибирской глуши живут полной жизнью, жизнью, про которую иногда забывают горожане, в погоне за автобусом, дабы не упустить свой счастливый билет. То же самое увидел и почувствовал Херцорг, смотря фильм Васюкова, поэтому он обратил свое внимание на бахтинцев и решил собрать собственный фильм для международного проката. Херцорг ни в коем случае не осуждает городской образ жизни или технологический прогресс. Он невольно напоминает нам о том, истинное богатство не сводится к материальному достоинству и социальному статусу. Как эти люди еще не сошли с ума от подобного образа жизни? Этот вопрос стоит задать по-другому. Как мы еще не сошли с ума от бешеного потока информации, максимального комфорта, когда даже самим не надо убираться в доме и мыть посуду, или от молниеносных перемен трендов? Ведь если и есть среди нас люди, которые проживут без света, электричества, доставки еды и такси, если вдруг все это исчезнет, то это бахтинцы. Они абсолютно все привыкли делать своими руками. А мы привыкли к комфорту каменных джунглей, отчасти теряя связь с живой природой.

Херцорг оставил в своем фильме много крупных планов бытовых мелочей и общих планов сибирской природы. Мы тщательно можем рассмотреть все мельчайшие детали рыбного и охотничьего промыслов, бытовой жизни. Крупные планы позволяют прочувствовать стойкость характеров сибиряков. Например, когда нам показывают мужчину, спину которого облепили комары, нам сразу становится не по себе, мы рефлекторно начинаем чесаться. Однако этот мужчина непоколебим. Он и сам говорит, что комары ему не помеха в работе. Средний и крупный планы при использовании метода интервью позволяют разглядеть все эмоции, жесты и считать чувства говорящего. Когда у сибиряков берут интервью, они немного стесняются, смущаются, отводят взгляд. Но это не означает, что они что-то скрывают. Нет, здесь каждое произнесенное слово наполнено искренностью. И закадровый перевод несколько не стирает искренность сказанных бахтинцами слов. Оператор буквально следует попятам, дабы не упустить ничего, что показывают бахтинцы, вследствие чего движение камеры иногда резкое. Но это ничуть не мешает восприятию фильма, напротив, создает эффект соучастия зрителя с фрагментом фильма. Насладиться красотой сибирской природы позволяет общий план. Мы видим, что туруханская тайга в фильме показана как живой организм. Автор поясняет все ее метаморфозы и то, как это влияет на жизнь лю-

дей. Например, после того как лед на реке Енисей растает, мужчины начинают строить лодки-долбленки, а затем отправляются в недельный поход на охоту за утрами.

Заключение. В результате анализа можно сказать, что региональный кинематограф играет важную роль в контексте не только кинематографа страны, но и в контексте мирового кинематографа тоже. Ведь прежде всего эти фильмы выносят на первый план человека с его мировосприятием и мироощущением. А это как раз те проблемы, которые будут понятны людям разных стран и государств. Это доказывает международная версия «Счастливых людей» Дмитрия Васюкова «Счастливые люди: год в тайге», созданная немецким режиссером Вернером Херцогом. Мы видим, что сибиряки не суровый, замкнутый в себе народ. Напротив, это добрые и открытые люди, готовые прийти на помощь в любую непогоду. Они не лишены чувства юмора, умеют отдыхать и веселиться. Труд составляет важную часть их жизни, он им не в тягость. «Гугл» или «Яндекс», чтобы разобраться, как что-либо строить, им не требуются, как и доставка материалов на дом. Ведь бахтинцы научились использовать подручные материалы, будь то смола или мох. И Херцорг ничуть не приукрасил этот образ. Ведь немецкого режиссера заорожила стойкость духа в хрупком человеческом теле и умение людей жить радостно и счастливо полной жизнью вдали от большинства благ и удобств цивилизации.

Список литературы

1. Савельева Е. Н. Кино в Сибири и кино о Сибири: проблема тематической специфики региональных кинематографов // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. № 304. С. 81–85.
2. Головнева Е. В., Головнев И. А. Образ Сибири в кинематографическом повествовании: конструктивистский подход // Изв. Урал. федер. ун-та. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2017. № 23, 1 (159). С. 114–123.
3. Головнев И. А., Головнева Е. В. «Сибирь Советская»: образ региона в культуре Александра Литвинова // Сибирские исторические исследования. 2016. № 4. С. 57–82.
4. Тиглев С. А. Особенности репрезентации Сибири в фильме А. Кончаловского «Сибиряда» // Вестн. современных исследований. 2018. № 7.1. С. 24–29.
5. Савельева Е. Н. Жанровые и стилистические особенности фильмов сибирской тематики в российском кинематографе 1960-х годов // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. № 305. С. 62–65.
6. Sitnikova A. A. The Image of Siberia in Soviet, Post-Soviet Fiction and Werner Herzog's documentary films / Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 2015. № 4 (8). P. 677–706.
7. Саевич А. В поисках нового взгляда. Образ России в современном документальном кино. Образ России в современных польских документальных фильмах // Наука телевидения. 2019. № 15.3. С. 89–103.

8. Масякина Е. В. Образ Сибири в русскоязычной литературной периодике зарубежья: на материале медиатекстов журналов США (1990–2010-е гг.): дис. 45.04.01 «Филология». 2017. 92 с.
9. Тарасова М. В. Теория и практика. Диалог зрителя и производства искусства. Диалог зрителя и произведения искусства. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. 236 с.
10. Nichols B. Documentary film and the modernist avant-garde. *Chicago journal: Critical Inquiry*. 2001. № 27 (4). P. 580–610.
11. Сазонов А. «Счастливые люди: бог в тайге» – как Вернер Херцог стал соавтором одного из создателей «Диалог о рыбалке» // OpenSpace.ru archive. URL: <http://os.colta.ru/cinema/events/details/18699>.
12. Зачем региональный кинематограф нужен государству // Фестиваль «Край Света». URL: <https://www.culture.ru/movies/10477/zachem-regionalnyi-kinematograf-nuzhen-gosudarstvu>.
13. Цепилова О. Мыслить «крупным планом». Режиссер Петрухин о развитии регионального кино. Режиссер Петрухин о развитии регионального кино // Еженедельник «Аргументы и факты». № 43. 2017. URL: https://irk.aif.ru/culture/myslits_krupnym_planom_rezhisser_petruhin_-_o_razvitiy_regionalnogo_kino.

УДК 791.43:28

А. А. Баюрский, И. А. Манаков

Студент кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕГАТИВНОГО ОБРАЗА ИСЛАМА В СОВРЕМЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ КАК ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ

В произведениях современного кинематографа очень часто можно встретить зачастую неоправданно негативные ассоциации относительно ислама. Цель данного исследования заключается в выявлении связи между ассоциациями европейского населения с исламом и образом последователей данной религии в современном кинематографе. Для достижения цели было произведено изучение актуального состояния вопроса путем поиска и анализа современных научных исследований с последующей формулировкой выводов. После была осуществлена их проверка посредством социологического опроса студентов Сибирского федерального университета. Опрос проводился в дистанционном формате на онлайн-платформе «Google формы», где респондентам предлагалось выразить свою точку зрения по нескольким вопросам, связанным с образом исла-

ма/мусульман в современном кинематографе. Результатом социологического опроса стало подтверждение выводов, полученных в ходе обзора научной литературы, главный из которых заключался в нахождении наличия явных стереотипов негативного характера, относительно религиозной системы ислам и его представителей в современном кинематографе, которые, в свою очередь, могут осложнять адаптацию и интеграцию мигрантов из Средней Азии и Ближнего Востока.

Ключевые слова: ислам, кинематограф, мусульмане, мигранты, адаптация, интеграция, российский кинематограф, американский кинематограф.

In the works of modern cinema, it is frequently possible to find often unjustifiably negative associations with respect to Islam. The purpose of this study is to identify the connection between the associations of the European population with Islam and the image of the disciples of this religion in modern cinema. To achieve the goal, the current state's study of the issue was carried out, by searching and analyzing modern scientific research, with the subsequent formulation of conclusions. After that, they were checked by means of a sociological survey among students of the Siberian Federal University. The survey was conducted in a remote format on the online platform Google Forms, where respondents were asked to express their point of view on several issues related to the image of Islam / Muslims in modern cinema. The sociological survey's result was confirmation of the conclusions obtained during the review of scientific literature, so the main of them was to find the presence of clear stereotypes of a negative nature regarding the religious system of Islam and its representatives in modern cinema, which, in turn, can complicate the adaptation and integration of migrants from Central Asia and the Middle East.

Keywords: islam, cinema, muslims, migrants, adaptation, integration, Russian cinema, American cinema.

Введение. Для многих не секрет, что в современном обществе имеют место быть зачастую неоправданные негативные ассоциации относительно второй по численности монотеистической религии – ислама. При просмотре современных европейских, американских и российских кинокартин, в частности на военную тематику, у зрителя может сложиться негативное отношение на счет последователей ислама – мусульман – и самой религии в целом.

Для понимания связи между негативными ассоциациями европейского населения с исламом и образом последователей ислама в современном кинематографе было решено провести обзор литературы на тему образа ислама в современном кинематографе.

Выбор материала для изучения актуального состояния интересующей нас темы было решено проводить путем поиска и анализа научных исследований, опубликованных в различных электронных базах данных. Приоритет как наиболее актуальным отдавался научным исследованиям за 2015–2020 годы.

Выявление актуального состояния интересующей нас темы было начато с обзора статей на тему актуального образа ислама и мусульман в России. В статье В. Н. Козулина «О некоторых особенностях формирования в России образа ислама и мусульманина» [1] на счет интересующего нас вопроса приводится следующий вывод: «в современной России можно выделить три тенденции в отношении к исламу и мусульманам. Наиболее сильна в обществе сейчас негативная тенденция». В качестве аргументации к своему выводу автор приводит «данные аналогичного опроса россиян, проводившегося Фондом "Общественное мнение" в 2003 году, по итогу которого у большинства (40 % опрошенных) ислам ассоциируется с "терроризмом", "бандитами в мировом масштабе", "фанатиками"». Также автором приводятся данные опроса, проведенного Центром Ю. Левады в 2005 году, по результату которого «58 % русских выступают против того, чтобы мусульмане приезжали в российские города и жили в них. А 20 % оправдывают нападения "скинхедов" на приезжих из южных регионов».

Научное исследование Е. А. Воронковой и Т. А. Воронковой на тему «Образ мусульман в сознании жителей Приамурья (опыт социально-психологического исследования)» [2] является подтверждением вывода, полученного В. Н. Козулиным. По результатам исследования, которое заключало в себе интервью и личные беседы с жителями областного центра Амурской области – города Благовещенска, было выявлено следующее: «В целом образ мусульман в сознании жителей города Благовещенска сложен и противоречив. Достаточно распространенными являются формулы: "мусульманин = ваххабит = террорист"; "мусульманин = чужой (говорит или одет не так, как мы)"; наблюдается смешение этнического и конфессионального в восприятии мусульман жителями Благовещенска ("«мусульманин = кавказец, азиат"). При этом мусульманин внушает опасение; он воспринимается как человек жесткий, сдержанный, скрытный, верный своим принципам (особенно в делах веры)». На основе вышеприведенных исследований можно сделать вывод о наличии у жителей России негативных ассоциаций, связанных с исламом и мусульманами.

Далее было проведено поиск исследований, отчасти поясняющих наличие негативного образа ислама. В статье А. А. Сотниченко «Исламофобия в современной России. История возникновения и современное состояние» [3]. помимо пояснения причин появления негативного образа ислама в современной России и на Западе, происходит пояснение роли зарубежного и российского

кинематографа в создании негативного образа ислама. На этот счет автором проговариваются две вещи. Первая – это то, что в борьбе с «исламским врагом» общество находит своего героя – солдата: «Искусству нужны настоящие герои, и к уже устоявшимся персонажам фильмов 90-х годов – петербургским бандитам, валютным проституткам и олигархам присоединился русский солдат, сражающийся (часто при помощи западных спецслужб) с международным терроризмом в лице отрицательных героев — чеченских сепаратистов, их сообщников мусульман со всего мира». Второй момент, по мнению автора, раскрывается в некотором заимствовании, так, «в США регулярно выпускаются пропагандистские фильмы, отражающие величие и мощь силовых ведомств государства, освещающие верный внешнеполитический курс, создающие образ врага. Война в Ираке 1991 года и особенно ответ на террористическую атаку 2001 года породили ряд фильмов, в которых врагами перед американским зрителем предстали мусульмане. Российский кинематограф также выпустил ряд боевиков в американском стиле, но с местными особенностями, так или иначе создающих "образ врага". Местом действия, как правило, являлись Чечня и Афганистан – рассадники религиозного исламского экстремизма. Положительными героями выступали сотрудники спецслужб и даже простые солдаты, отрицательными же – непременно мусульмане, постоянно заявляющие о своей религиозной принадлежности с экранов характерной одеждой, лозунгами».

А. С. Иванов приходит к выводу, что использование образа «кинематографического врага» в лице «исламского терроризма» поддерживает «знакомые мифы об исламе в обществе, способствуют дальнейшему восприятию населением информации об исламе с определенной, ярко отрицательной точки зрения». В статье А. С. Иванова «Инструменты репрезентации негативного образа мусульман» [4] показывается, как на основе некоторых «вербальных инструментов» может происходить интерпретация ислама как нечто негативного в целом. Автором проговаривается, что «современная литература, репрезентируемая исламофобию, так же, как и визуальное масс-медиа, построена на принципе контраста и проекции своего видения мира на чужую культуру». На основании этого им делается вывод о том, что при описании негативных сюжетов с упоминанием определенных элементов одежды «адресат стремится описать не одежду или телесность в качестве отличий, а то, что за ними стоит. Что происходит в мире, где эта одежда является повседневной: дикость, насилие, беззаконие».

Более подробно феномен «кинематографического врага» в роли «исламского терроризма» рассматривается в следующих научных трудах. Y. Elayan в своей диссертации на тему «*Stereotypes of Arab and Arab-Americans Presented in Hollywood Movies Released during 1994 to 2000*» [5] проводит качественный анализ шести фильмов, выпущенных в Голливуде в период с 1994 по 2000 год на предмет стереотипов, связанных с образом арабов и арабов-американцев. В результате анализа автором было выявлено целый ряд очевидных, часто оскорбительных стереотипов, в частности, частое изображение арабов в образе жестоких персонажей, склонных к агрессии, которые «используют ислам в качестве оправдания их актов массового уничтожения». M. Touzani и E. C. Hirschman в исследовании на тему «*Islam and ideology at the movies: Prototypes, stereotypes, and the political economy*» [6] признают наличие в американском кинематографе стереотипов об исламе, полагая, что их наличие лежит в «истории западного колониализма, который охватывает Ближний Восток и Северную Африку и продолжает оказывать влияние на весь регион политически и экономически». Исследование A. Eijaz на тему «*Trends and Patterns of Muslims Depictions in Western Films. An Analysis of Literature Review*» [7] путем оценки основных положений и результатов недавних исследований тенденций и образцов изображения мусульман в художественных фильмах также подтверждает наличие в американских художественных фильмах стереотипов в отношении представителей ислама.

Таким образом, результатом обзора научной литературы на тему «Образ ислама в современном кинематографе» стало: во-первых, выявление наличия явных стереотипов относительно ислама и его представителей в американском, европейском и российском кинематографе; во-вторых, выявление последствий использования стереотипов; в-третьих, выявление нехватки исчерпывающих русскоязычных источников по данной теме.

Следующей задачей исследования становится подтверждение или опровержение выводов, полученных в ходе обзора литературы, на тему «Образ ислама в современном кинематографе».

Методология исследования. Подтверждение или опровержение выводов, полученных в ходе обзора литературы, было решено проводить посредством социологического опроса среди студентов Сибирского федерального университета.

Социологический опрос было решено провести в дистанционном формате на онлайн-платформе «Google формы».

Всего, респондентам предлагалось выразить свою точку зрения по четырем вопросам:

- На ваш взгляд, в произведениях современного кинематографа в большинстве случаев мусульмане изображаются в качестве персонажей? – Положительных / Отрицательных / Нейтральных.
- На ваш взгляд, в каком из жанров современного кинематографа делается наибольший акцент на вероисповедание героев? – Комедия / Боевик / Фантастика / Свой вариант.
- На ваш взгляд, по каким атрибутам зритель может сделать вывод, что герой кинокартины исповедует ислам? – Одежда / Этническая принадлежность / Совершение характерных ритуалов / Свой вариант.
- На ваш взгляд, какой образ ислама формируется после просмотра произведений современного кинематографа? – Положительный / Отрицательный / Нейтральный.

Таким образом, путем проведения данного социологического опроса, планировалось выявить общий образ ислама, формируемый у зрителя при просмотре произведений современного кинематографа.

Результаты исследования. В результате проведения социологического опроса, было опрошено 16 студентов Сибирского федерального университета. Полученные результаты для удобства их анализа были оформлены в виде диаграмм.

Диаграмма 1

На диаграмме 1 мы можем наблюдать следующее. По мнению 62 % опрошенных, в произведениях современного кинематографа в большинстве случаев мусульмане изображаются в качестве отрицательных персонажей, остальная же часть опрошенных (32 %) считает, что в произведениях современного кинемато-

графа в большинстве случаев мусульмане изображаются в качестве нейтральных персонажей. Среди респондентов не оказалось никого, кто считает, что в произведениях современного кинематографа в большинстве случаев мусульмане изображаются в качестве положительных персонажей.

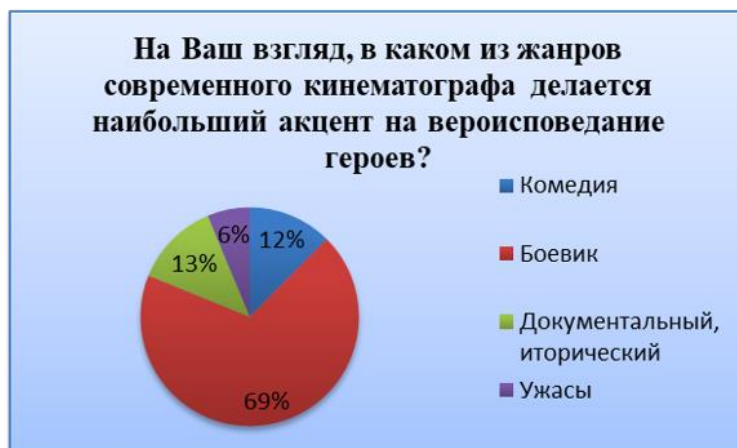

Диаграмма 2

На диаграмме 2 мы можем видеть следующие ответы. По мнению 68 % опрошенных, наибольший акцент на вероисповедание героев делается в таком жанре современного кинематографа, как боевик. 13 / 12 / 6 % опрошенных считают, что наибольший акцент на вероисповедание героев делается в таких жанрах современного кинематографа, как документальный, исторический / комедия / ужасы.

Диаграмма 3

На диаграмме 3 мы можем увидеть следующее. По мнению респондентов, в большинстве случаев (в 75 %) зритель может сделать вывод, что герой кинокартины исповедует ислам по характерной одежде. В 62,50 / 50 / 6,30 %

случаев респонденты считают, что зритель может сделать вывод, что герой кинокартины исповедует ислам по совершению характерных ритуалов / этнической принадлежности / месту действия.

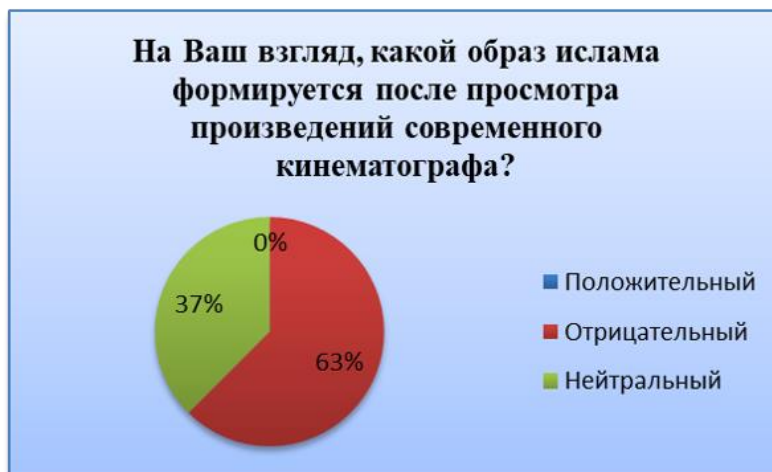

Диаграмма 4

Диаграмма 4 отображает следующие результаты: по мнению 62 % опрошенных, после просмотра произведений современного кинематографа у зрителя формируется отрицательный образ относительной религиозной системы ислам. По мнению 38 % респондентов, после просмотра произведений современного кинематографа у зрителя формируется нейтральный образ относительной религиозной системы ислам. Мнение среди опрошенных респондентов о том, что после просмотра произведений современного кинематографа у зрителя формируется положительный образ ислама отсутствует.

Таким образом, результатом проведения социологического опроса является подтверждение вывода, полученного в ходе обзора научной литературы на тему «Образ ислама в современном кинематографе», который заключается в наличии явных стереотипов негативного характера относительно религиозной системы ислам и его представителей в современном кинематографе.

Выводы. Результаты, полученные в ходе проведения социологического опроса, помимо подтверждения общего вывода о наличии стереотипов негативного характера относительно религиозной системы ислам и ее последователей, подтверждают также некоторые отдельные выводы исследований, рассмотренных в ходе обзора научной литературы по данной теме.

Данные, представленные на диаграмме 2, показывают, что, по мнению 68 % опрошенных, наибольший акцент на вероисповедание героев делается в таком жанре современного кинематографа, как боевик, что подтверждает вы-

вод А. А. Сотниченко, приведенный в статье «Исламофобия в современной России. История возникновения и современное состояние» [3], гласящий о наличии феномена борьбы с «исламским врагом», в которой общество находит своего героя-солдата: «в США регулярно выпускаются пропагандистские фильмы, отражающие величие и мощь силовых ведомств государства, освещающие верный внешнеполитический курс, создающие образ врага. Война в Ираке 1991 года и особенно ответ на террористическую атаку 2001 года породили ряд фильмов, в которых врагами перед американским зрителем предстали мусульмане. Российский кинематограф также выпустил ряд боевиков в американском стиле, но с местными особенностями, так или иначе создающими "образ врага"». Другие данные, представленные на диаграмме 3, являются отображением одного из выводов А. С. Иванова, представленного в статье «Инструменты репрезентации негативного образа мусульман» [4]. А. С. Иванов говорит, что при описании негативных сюжетов с упоминанием определенных элементов одежды «адресат стремится описать не одежду или телесность в качестве отличий, а то, что за ними стоит. Что происходит в мире, где эта одежда является повседневной: дикость, насилие, беззаконие». Так, респондентами было отмечено, что в большинстве случаев (в 75 %) зритель может сделать вывод, что герой кинокартины исповедует ислам по характерной одежде.

Другие отдельные выводы, приведенные авторами в рассматриваемых нами исследованиях, также находят подтверждение в результатах проведенного нами социологического опроса. Но все они в общей сумме свидетельствуют об одном – о преобладании негативного образа ислама в современном кинематографе, что, в свою очередь, может осложнять адаптацию и интеграцию мигрантов из Средней Азии и Ближнего Востока.

Столкнувшись с изначально враждебным отношением, мигрантам зачастую проще вести культурно-обособленный образ жизни, объединяясь между собой в социальные группы, в которых сохраняется их культурная идентичность, которая впоследствии может идти вразрез с традиционными культурными ценностями региона, в котором они находятся, что, в свою очередь, может привести к конфликтным ситуациям.

Список литературы

1. Козулин В. Н. О некоторых особенностях формирования образа ислама и мусульман в России // *Дневник Алтайской школы политических исследований*. 2006. № 22. С. 136–140.

2. Воронкова Е. А., Воронкова Т. А. Образ мусульманина в сознании жителей Приамурья (опыт социально-психологического исследования) // Религиоведение. 2012. № 4. С. 173–190.
3. Сотниченко А. А. Исламофобия в современной России. История возникновения и современное состояние исламофобии в современной России. История возникновения и современное состояние // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2008. № 1. С. 32–44.
4. Иванов А. С. Инструменты репрезентации негативного образа мусульман // Science Time. 2019. № 6. С. 6–13.
5. Elayan Y. Stereotypes of Arab and Arab-Americans presented in Hollywood movies released during 1994 to 2000 // Electronic Theses and Dissertations. 2005. P. 1–66.
6. Touzani M., Hirschman E. C. Islam and ideology at the movies: Prototypes, stereotypes, and the political economy // STAGE journals. 2018. P. 1–19.
7. Eijaz A. Trends and patterns of Muslims depictions in Western films. An analysis of literature review // Mediaciones. 2018. № 21. P. 19–40.

УДК 343.97

А. Д. Шурыгина

Студент кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

КИБЕРБУЛЛИНГ В РОССИИ – МНОГО ШУМА ИЗ НИЧЕГО?

С начала XXI века наблюдается всплеск научного интереса к изучению интернет-пространства как социокультурного феномена, активно влияющего на процесс формирования ценностей, норм и идеалов у современных людей. Данная тематика многогранна, остается во многом не изученной, однако с позиции современной теории культуры и ее междисциплинарного характера изучение интернет-пространства как феномена культуры может подлежать исследованию как на теоретическом, так и прикладном уровнях. У зарубежных исследователей немного иной взгляд на проблему влияния интернет-пространства на социокультурные процессы, среди западных исследователей наибольшему научному интересу подвергается проблематика сетевого общества. Интернет полностью изменил повседневную жизнь. Российские исследователи скорее уделяют внимание исследованию эволюции социокультурных процессов, включая исследования принципов и способов самоорганизации в сетевом обществе в тради-

цию информационного общества. Интернет сегодня является способом трансляции культурного опыта, меняя само строение культуры. Бурное развитие сети Интернет формирует новые виды культуры и искусства, открывает перспективы для самообразования, создает новые иерархии и образовывает новые профессии. Несмотря на определенные недостатки сети, все же Интернет положительно влияет на человечество.

С начала XXI века наблюдается всплеск научного интереса к изучению интернет-пространства как социокультурного феномена, активно влияющего на процесс формирования ценностей, норм и идеалов у современных людей. Данная тематика многогранна, остается во многом не изученной, однако с позиции современной теории культуры и ее междисциплинарного характера изучение интернет-пространства как феномена культуры может подлежать исследованию как на теоретическом, так и прикладном уровнях.

Интернет-пространство можно рассматривать как феномен культуры, а также как ядро развития цивилизации, при этом это два совершенно разных взгляда, которые отличаются друг от друга так же, как отличаются сами понятия культуры, природы и цивилизации. В рамках феномена культуры интернет-пространство рассматривается в виде появления определенных процессов, вошедших в повседневность. Считать, что новые виды интернет-искусства, например фотография и телевидение, сменили театр и живопись, ошибочно. Это совершенно новые виды искусства, которые нашли себе место и никак не вытеснили прежние. Так, появляется феномен Интернета в роли ипостаси нового вида искусства, а обозначение Интернета как не книжной эпохи ошибочно. Интернет-пространство сформировало новые виды искусства, а также новые способы ее трансформации.

Официальной датой рождения Интернета считается 1983 год. Однако само интернет-пространство появляется позже, когда сеть создает в себе новые формы функционирования человека в этой культуре и транслирует их в повседневность. Культура Интернета, проходя разные этапы формирования, стала новым качественным явлением в человеческой истории. Однако есть исследователи, не считающие это качественным явлением.

Развитие интернет-пространства приводит к тому, что в скором времени эта сеть может стать важнейшим источником любой информации, заменяя печатные книги, тетради, посещение музеев и выставок, просмотр фильмов. Интернет обеспечит полное функционирование различных структур общества. Пространство создаст виртуальное государство. Киберкультура станет уже обычным делом, а человеческий разум быстро приспособится. Это про-

является в первую очередь в быстром накоплении и дальнейшем структурировании информации. Сейчас мы уже не задумываемся о смысле информации, которую несет источник, а также о ее правдоподобности.

В данном обзоре рассмотрены статьи как российских, так и зарубежных авторов, посвященные интернет-пространству и его влиянию на процесс развития культуры.

Ряд ученых рассматривают интернет-пространство как феномен культуры со стороны его влияния на повседневность. Так, Н. А. Ермакова и В. М. Жеребин в своей статье «Информатизация изменяет образ жизни населения» рассматривают тенденции и основные направления влияния Интернета на образ жизни российского населения. Исследователи наглядно показывают имеющийся переход от производственных применений технологий к повседневному применению. Подобная перемена в использовании информации не могла не оказать влияние как на социальное, так и на культурное поведение людей. Особо важными выделенными тенденциями для культуры считается опасность огромной поляризации знаний в обществе; снижение культурного уровня; изоляция индивида. Кроме положительных тенденций выделены и отрицательные. Несмотря на то, что всеобщая информатизация может привести к нежелательным как культурным, так и социальным последствиям, все же информатизация оказывает огромное положительное влияние на общество. Современное интернет-пространство дает огромные возможности для любого индивида, который может получить неограниченное количество знаний. Общество все больше становится обществом знаний, что все-таки считается положительной тенденцией [1].

Современное общество в большей степени считается информационным обществом. Широкое распространение интернет-технологий способствует его развитию. Несмотря на это, по мнению В. И. Колношенко и О. В. Колношенко, этот процесс сопровождается рядом негативных социокультурных последствий. Авторы также перечисляют мировые тенденции развития интернет-пространства, одной из которых является распространение влияния интернет-технологий на сознание людей и их культурные ценности. По мнению экспертов, этот процесс в сфере культуры сопровождается широким распространением принципиально новых художественно-творческих практик, изменениями в системе функций таких традиционных институтов культуры, как библиотеки, музеи, картинные галереи, вузы, а также средние и средне-специальные образовательные учреждения, коренными переменами в духов-

ном облике человека, и наконец, изменением конфигурации информационного поля, окружающего современного человека. Авторы также считают, что на данный момент в России развязана полномасштабная информационно-психологическая война. Одной из целей этой войны является пропагандистско-идеологическое воздействие на граждан, с целью переформатировать сознание населения в выгодное русло [2].

В целом общий анализ приводит к неоднозначным и противоречивым выводам: с одной стороны – положительное влияние интернет-пространства и культуры в этом пространстве, с другой – отрицательное влияние. Но одно дело – отрицательное влияние на культурные и социальные процессы, а совершенно другое – угроза национальной и самобытной безопасности государства (конкретно на примере Российской Федерации). Одной из важнейших угроз интернет-пространства среди выделенных авторами статьи является угроза сетевого принципа распространения культуры, а также виртуальность культуры как феномен полной виртуальной реальности. Здесь опять же выделяются противоречия. С одной стороны, отрицательное – возникновение виртуальной реальности в целом; с другой – цифровизация и возможность доступа к виртуальным институтам из любой точки мира, например, мы можем наблюдать это от электронных библиотек и музеев, до онлайн покупок и оказания онлайн услуг. С точки зрения культуры как феномена поглощение полной виртуальной реальности невозможно на ближайшее будущее, психология человечества еще не готова к подобному роду реальности. А вот оптимальное сочетание в использовании интернет-технологий в сфере жизни человека, в том числе в культуре, приведет только к дальнейшему развитию и положительным последствиям.

Виртуальная реальность считается новой средой медиаккультуры. Особенностью этой уникальной социокультурной цивилизации стало появление нового феномена эпохи – «виртуального человека», обитающего в сетевом пространстве в условиях приватности и свободы. «Виртуальный человек» – это субъект Интернета как нового социокультурного пространства информационной эпохи и объект современного культурологического исследования [3]. Виртуальная реальность приводит к цифровой трансформации личности в современном пространстве.

Однако есть ряд исследователей, рассматривающих интернет-пространство с другой стороны. Например, Ю. А. Королев в своей статье с говорящим названием «Интернет – наркотик XXI века» рассматривает вопросы перспек-

тивы прогресса человечества в связи с развитием интернет-пространства. При рассмотрении основных философских подходов к вопросу о влиянии Интернета на жизнь людей анализируются положительные и отрицательные аспекты данной глобальной технологии [4]. Также есть авторы, именовавшие Интернет как чуму XXI века. С точки зрения культурологии и социологии это не совсем корректно, все-таки интернет-пространство несет в себе ряд положительных факторов, нежели с точки зрения психологии, ведь проблема интернет-зависимости действительно стоит ребром в научной рефлексии современной психологии.

Другим, не менее важным аспектом развития интернет-пространства как социального и культурного феноменов, при этом важнейшим образом затрагивающих психологию человека, является проблема насилия в Интернете. Е. В. Щетинина в своей работе освещает актуальную на сегодняшний день проблему развития деструктивных молодежных сообществ в виртуальном пространстве. Автор вводит понятие культуры интернет-насилия, выделяющая в себе также и *cyberbullying*¹. Автор ставит это как один из феноменов культуры. При этом тематика данного исследования скорее уходит в показание развития современных молодежных движений, пропагандирующих культуру насилия, а это немного другое нежели сам *cyberbullying* [5]. Кибербуллинг также влияет на восприятие информации в Интернете. Онлайн-расторженность, или опыт уменьшения ограничений в режиме онлайн, оказывает важное влияние на поведение. Также один из решений данной проблемы считается формулировка интернет-этикета. Понятие как такового этикета в интернет-пространстве в социокультурном контексте сформировалось совершенно недавно. Точнее, этикет в принципе существовал в интернет-пространстве, но как таковых правил поведения не было. Л. А. Николаева и М. Ю. Першуков в своей работе на тематику этикета в сети Интернет приходят к такому выводу о том, что сетевой этикет на сегодняшний момент еще не до конца развит. Большинство правил не имеют специального характера, а являются лишь дублированием правил хорошего тона, принятых в обществе в целом. Эти правила не обязательны и, что ожидаемо, пренебрегаемы подавляющим числом пользователей [6].

Культура социальных сетей трактуется как определенная структура, выстроенная в сети. У человека возникает привыкание и необходимость в использовании социальных сетей. Социальная сеть считается определенным ти-

¹ Cyberbullying – кибербуллинг – намеренное оскорбление в сети Интернет.

пом отношений между людьми. Одной из позитивных последствий социальных сетей с точки зрения культуры является общение с людьми согласно кругу интересов, интернет-пространство предоставляет бесконечные возможности в области знания. Однако эти знания не всегда бывают безопасными. А. В. Мозговая в статье «Культура социальных сетей» пишет о том, что в сети Интернет из-за тех самых неограниченных знаний возникает серьезная проблема. Возникает проблема среди детей и подростков, в частности проблема суицида. Автор пишет: «Под влияние и давление "громких" постов в определенных виртуальных сообществах попадает младшая и подростковая аудитория пользователей мессенджеров, т. е. возрастная категория начинается с 8 до 16 лет – важный этап становления личности». Таким образом, опасности подвергается самый важный этап становления личности. Это влияет на будущее развитие личности, что негативно отразится на дальнейшем поколении. Автор приходит к выводу о том, что лучше ограждать детей от социальных сетей, а также разъяснять детям специфику общения в рамках сети [7]. По итогам изучения данного материала можно отметить необходимость реального общения с людьми. К этому в целом и приходят многие авторы в своих статьях.

Интернет-платформы потребительского мнения позволяют выражать свои взгляды и опыт. Уникальным явлением считается формирование искусства в Интернете. Это касается появления продуктов искусства в сети – начиная с сайта Министерства культуры РФ «Культура России», который транслирует культурную информацию по разделам, заканчивая электронными турами по музеям, а также цифровизация музеев и библиотек. С недавнего времени спектакли театров стали запускать прямые трансляции. Теперь для того чтобы посмотреть спектакль Большого Театра, нужно всего лишь стать участником прямой трансляции. Такой формат стал особо актуален во время эпидемии коронавируса. В. П. Конев в своей статье «Искусство в интернете» анализирует продукты культуры и искусства, пришедшие в интернет-пространство. Автор анализирует такие источники, как сайты «Культура России», «Стихи.ру», виртуальные музеи, библиотеки, автор изучает революцию словесности, а также выделяет принцип иерархии в интернет-пространстве, которая образуется посредством скорее простых пользователей, чем профессиональных судей [8].

Интернет-пространство сильно влияет на знание и его структуру. У большинства представителей современного молодого поколения формируется

клиповое мышление или по-другому мышление «экрана». Навыки анализа, рассуждения и установления логических связей теряются, а воспринимать большие тексты намного сложнее, чем видео- или аудиопродукты. Это не только влияет на процесс обучения и получения профессиональных знаний, но и отражает изменение отношения к труду как к одной из важнейших ценностей на фоне значительного повышения ценности досуга. Интернет-продукты трансформируют ценности труда. В настоящее время структура и виды различий в трудовой деятельности претерпевают эпохальные изменения. Они выражаются в смешении традиционных и современных тенденций, появлении новых форм работы (фриланс, дауншифтинг и др.), а также в формировании новых тенденций в отношении к труду. На основе культурных изменений в молодежной среде формируются новые ценности, такие как успех, удовольствие. В нашей стране эти изменения проявились в поколении девяностых и нулевых годов, представители которого являются носителями новых ценностей, связанных с последствиями информационной революции. Именно к такому выводу приходит Р. А. Кобылкин в статье «Трансформация ценностных установок в отношении молодежи к труду: философский анализ» [9].

С точки зрения влияния сети Интернет на механизм формирования духовной культуры прослеживается противоречие. Влияние техники на образование и духовную культуру приводит к ослаблению мирового сообщества на разных уровнях. Это объясняется тем, что Интернет способствует образованию сетей разного уровня, решающих совокупность экономических, политических и социальных проблем нетрадиционными способами. Интернет создает возможности для массивной культурной экспансии, инкорпорации культурных ценностей в систему ценностей национальных культур [10].

В современной культуре, в том числе в интернет-культуре, совершенно неожиданно актуализируется феномен веры. С XXI века к вопросу феномена веры добавляется не просто религиозная принадлежность, но и феномены психологии, такие как актуализация многообразных психологических состояний и потребностей, а также особая актуализация медитативных практик. Возникает ощущение внушения интернет-пространством вопросов о психологическом состоянии индивида и развитии личности, наподобие бесконечных вопросов «Что я хочу получить?», «Как развить свою личность?». Г. Ю. Тихонова и Е. В. Гиниятова в своей статье «Особенности формирования религиозной личности в современном культурном пространстве» рассматривают причины актуализации религии в современной культуре. Выяв-

ляются факторы, наиболее сильно влияющие на формирование религиозной личности в современной культуре. Глобализация интернет-пространства актуализирует новое условие для формирования религиозной личности. Происходит процесс отхождения от традиционной трактовки веры. В конце своей работы авторы приходят к выводу, что такие процессы соответствуют духу времени. Происходит трансформация самой религии как целостного концепта [11].

Что же касается вопросов трансформации этнической культуры и идентичности в рамках современной социокультурной ситуации? Данный процесс, как и ряд других процессов, также подвергся трансформации. Изменилось само культурное пространство, значительную роль в котором стали играть Интернет, коммуникации, медиасфера. В современной ситуации человек может отразить свою идентичность в интернет-пространстве, поэтому формируются новые формы ее репрезентации. Н. А. Волокитина в статье «Этническая культура и репрезентация этнической идентичности в интернет-пространстве» задается вопросом «Можно ли считать новой формой репрезентации идентичности человека персональную страничку в социальных сетях?». Автор приходит к выводу о том, что современное интернет-пространство позволяет человеку транслировать несколько вариантов своей идентичности. Что же касается выражения этнической идентичности, то это действительно становится выражением, так как транслируется идея индивидуальности и непохожести друг на друга [12]. Одной из форм трансляции культуры, а также способом коммуникации является феномен интернет-фольклора. Данный культурный феномен является одним из ярких форм. Т. И. Суслова утверждает, что бытование фольклора в интернет-пространстве позволяет сохранять основные традиционные ценности культуры в качестве живых и подвижных форм. Подвижность позволяет не убрать это в далекий ящик легенд и музейных бытований, а усилить традиции с возникновением новейших информационных технологий. Человек обращается к реконструкции прошлого для обретения новых опор бытия в реальном мире через сетевое творчество [13].

Так же, как вера, идентичность и этническая идентичность, фольклор, трансформируется и язык. Интернет-пространство создает своеобразную коммуникативную культуру со своим специфическим языком и придает определенную идентичность общающимся в виртуальной среде. А. Д. Иоселиани в своей статье еще раз подтверждает, что современная глобальная информационно-коммуникативная сфера является особой формой взаимодей-

ствия людей, которая может пользоваться традиционными средствами общения, при этом создавая новые системы и формы передачи информации. Таким образом расширяется язык и понятийный аппарат, который сменяется с быстрой скоростью [14]. Общая языковая картина, складывающаяся определенными трансформациями, должна привести к формированию относительной общности языка, при этом с сохранением всех культурных своеобразий.

Интернет как неотъемлемая часть жизни стал формировать в себе такие процессы, как осуществление шопинга, покупка продуктов питания, общение с людьми, получение знаний. Одним из таких процессов стал феномен блогинга. Блогинг стал целой профессией, а блогеры встали на один уровень с журналистами, психологами и общественными деятелями. Блогинг оказывает огромное влияние на формирования мнения на определенные вещи среди молодежи. Это произошло еще потому, что блогеры не боятся высказывать свое мнение. В. О. Сорокина рассматривает блоггинг, прослеживает хронологию возникновения блогов, а также анализирует значимость блогов в современном мире [15].

Большое количество блогов позволяет находить в интернет-пространстве необходимую информацию, происходит процесс отбора информации, что очень важно в обществе с неограниченными знаниями. Использование блогов позволяет дать молодежи представление о современном интернет-пространстве, теоретические знания и практические навыки эффективной работы в сети Интернет, формируя их информационную культуру. Эту позицию в своем экспериментальном исследовании доказывает Е. В. Лазуткина, проанализировав результаты эксперимента по использованию блогов в высшем образовании [16]. Интернет как социокультурный феномен оказывает огромное влияние как на формирование коммуникативных компетенция студентов, так и на восприятие культуры и искусства [17].

Отдельно уделить внимание стоит различию сторон обзора тематики среди российских и зарубежных авторов. Среди западных исследователей проблема влияние интернет-пространства на социокультурные процессы уходит на задний план, среди западных исследователей наибольшему научному интересу подвергается проблематика сетевого общества.

У зарубежных исследователей немного иной взгляд на проблему влияния интернет-пространства на социокультурные процессы. Среди западных исследователей наибольшему научному интересу подвергается проблематика сетевого общества. Интернет полностью изменил повседневную жизнь.

N. Sahlab, N.Jazdi в статье «*AI-based Elderly Assistance Systems*» рассматривают, как интернет может помочь адаптироваться к динамичной повседневной жизни индивидов, характеризующейся пространственными, временными и деятельностными дисперсиями [18]. А. Саарикко, Ю. Вестергрэн и Т. Блумквист говорят о цифровой трансформации как об одной из ключевых задач, стоящих перед современным обществом. Любой социокультурный процесс, так или иначе, зависит от его трансляции в интернет-пространстве. Авторы считают необходимым использование цифровых технологий для разработки и внедрения новых моделей структуры видов деятельности, рассматривая эту позицию с точки зрения бизнес-индустрии. Новые стратегии развития любой компании должны опираться на культуру интернет-пространства и должны транслироваться в нем [19]. А проблема кибербуллинга трактуется как форма преследования, которая происходит через онлайн-общение с намерением вызвать эмоциональное расстройство у предполагаемого объекта. Р. Е. Трана, С. Е. Гомес и Р. Ф Адлер в решении проблемы кибербуллинга ставят цель – разработать классификационную схему машинного обучения для минимизации инцидентов, специально связанных с текстом, извлеченным из подобных изображений, призывающих к оскорблению. Авторы проводят уникальное исследование. Они собрали корпус, содержащий около 19 000 текстовых комментариев, извлеченных из *YouTube* [20]. Цифровая эра принесла информационные технологии человеку на улице, что привело к растущему использованию мобильных устройств и смартфонов с возможностями подключения к интернету. С увеличением числа людей, владеющих подключенными к интернету смартфонами, увеличилось и число онлайн-пользователей. Некоторые из этих онлайн-пользователей являются самоучками и не были обучены онлайн-этикету или безопасному использованию технологии. Именно этот тип онлайн-пользователей уязвим для нарушения информационной безопасности в интернете [21]. Зарубежные исследователи формируют понятие «цифрового кочевника». Ф. Манчинелли трактует данный феномен как человек, который, пользуясь преимуществами портативных устройств и широкого доступа в Интернет, может работать удаленно из любого места и использовать эту свободу для изучения мира. С одной стороны, такой вид личности, пользуясь своим воображением, осуществляет это с помощью конкретных экономических стратегий, которые они используют для поддержания своей непрерывной мобильности. С другой стороны, модернизируется и формируется новая идеология предпринимательства [22].

Российские исследователи скорее уделяют внимание исследованию эволюции социокультурных процессов, включая исследования принципов и способов самоорганизации в сетевом обществе, в традицию информационного общества.

Подводя итоги обзора, формируется следующее. Интернет сегодня является способом трансляции культурного опыта, меняя само строение культуры. Бурное развитие сети Интернет формирует новые виды культуры и искусства, открывает перспективы для самообучения, формирует новые иерархии и образует новые профессии. Интернет позволяет отказаться от канонов и правил, не следуя одним вкусам. Интернет формирует многополярность культуры, совершенствуя многие культурные и социальные феномены. Проникая в нашу жизнь все больше, интернет развивается и с каждым днем предоставляет что-то новое. Предоставляя уникальные возможности для большинства людей, феномен Интернета в последнее время позволяет посещение музеев в других странах, поиск нужной информации и, в конце концов, досуг. Тенденции развития интернет-пространства выделяются как позитивные, так и негативные. Несмотря на определенные недостатки сети, все же Интернет положительно влияет на человечество. Позитивные тенденции развития Интернет и огромная аудитория пользователей превратили сеть в явление мирового масштаба, оказывающее существенное влияние на развитие цивилизации в целом. В интернет-пространстве, по мнению авторов, формируются уникальные культурные значения, такие как поляризации знаний в обществе, огромные возможности для любого индивида, неограниченное количество знаний, распространение влияния интернет-технологий на сознание людей и их культурные ценности, формирование новых художественно-творческих практик, изменения конфигурации информационного поля, окружающего современного человека, виртуальность культуры, формирование этикета в сети Интернет, формирование искусства в Интернете, трансляция культурной и этнической идентичности.

Список литературы

1. Жеребин В. М., Ермакова Н. А. Информатизация меняет образ жизни населения // Народонаселение. 2010. № 4. С. 92–109.
2. Кольношенко В. И., Кольношенко О. В. Интернет в культуре: значение и последствия влияния // Науч. тр. Моск. гос. ун-та. 2019. № 3. 11 с.
3. Кириллова Н. Б., Пестова А. В. «Виртуальный человек» как феномен новой социокультурной цивилизации // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7, № 4А. С. 628–641.
4. Королев Ю. А. Интернет-наркотик XXI века // Молодежный науч.-технич. вестн. 2019. № 2. 37 с.

5. Щетинина Е. В. Проблемы развития насилия в интернет-пространстве // Инновационное развитие профессионального образования. 2018. № 2. С. 127–130.
6. Николаева Л. А., Першуков М. Ю. Значение этикета интернет-коммуникации в формировании культуры поведения молодежи // Тр. Санкт-Петербург. гос. ин-та культуры. 2018. № 216. С. 111–116.
7. Мозговая А. В. Культура социальных сетей // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2019. № 1. С. 540–545.
8. Конев В. П. Искусство в Интернете // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2014. № 1. С. 78–81.
9. Кобылкин Р. А. Трансформация ценностных установок в отношении молодежи к труду: философский анализ // Логос и практика. 2019. № 1. С. 35–40.
10. Калимуллина Г. Х., Калимуллин Д. Д. Интернет-технологии как механизм формирования духовной культуры // Вестн. Казан. гос. ун-та культуры и искусств. 2012. № 4. С. 18–23.
11. Гиниятова Е. В., Тихонова Г. Ю. Особенности формирования религиозной личности в современном культурном пространстве // Изв. Том. политехнич. ун-та. Инженерные георесурсы. 2013. № 6. С. 120–123.
12. Волокитина Н. А. Этническая культура и репрезентация этнической идентичности в интернет-пространстве // Человек. Культура. Образование. 2019. № 3 С. 39–45.
13. Сулова Т. И. Интернет-фольклор как средство коммуникации // Журналистский ежегодник. 2015. № 4. С. 123–127.
14. Иоселиани А. Д. Динамика языка в глобальном мире // Евразийский гуманитарный журнал. 2018. № 3. С. 7–12.
15. Сорокина В. Место блоггинга в современном мире на примере сети «INSTAGRAM» // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4-2. С. 22–24.
16. Лазуткина Е. В. Использование блогов в формировании информационной культуры студентов // Открытое и дистанционное образование. 2010. № 1. С. 68–71.
17. Савченко И. В. Влияние Интернета на коммуникативную компетентность студента // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2018. № 3. С. 1–11.
18. Jazdi N., Sahlab N. AI-based elderly assistance systems (Conference Paper) // 17th International Conference on Wearable Micro and Nano Technologies for Personalized Health, 2020. № 273. P. 163–169.
19. Blomquist T., Saarikko T., Westergren U. Digital transformation: Five recommendations for the digitally conscious firm // Business Horizons. 2020. № 6. P. 825–839.
20. Adler R. F., Gomez C. E., Trana R. E. Fighting cyberbullying: An analysis of algorithms used to detect harassing text found on YouTube (Conference Paper) // AHFE Virtual Conferences on Software and Systems Engineering, and Artificial Intelligence and Social Computing. 2021. № 1213. P. 9–15.
21. Buthelezi M. P., Loock M. User online privacy and identity management behaviors: A comparative study (Conference Paper) // Proceedings – 2014 Annual Global Online Conference on Information and Computer Technology. 2014. № 112556. P. 53–57.
22. Mancinelli F. Digital nomads: Freedom, responsibility and the neoliberal order // Information Technology and Tourism. 2020. № 3,1. P. 417–437.

УДК 392.51

Л. А. Карпухина¹, Ю. Н. Авдеева²

¹ Студент кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

² Кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры культурологии и искусствоведения, Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

ОБРЯД БРАЧНОГО ВЕНЧАНИЯ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ КРАСНОЯРСКА

В статье представлены результаты анализа существующих классических и современных исследований, раскрывающего проблематику такого культурного феномена, как обряд брачного венчания. Изученные в статье материалы позволили заключить, что наблюдается ослабление позиций этого обряда как ценностного ориентира среди молодого поколения. Обряд венчания существенным образом уступает таким формам взаимоотношений людей, как гражданский брак и сожительство, что свидетельствует, в свою очередь, и о более масштабной проблеме современного общества – утрате семейных ценностей и нивелировке личности, когда люди не представляют друг для друга ценности, они легко взаимозаменяемы. Кроме того, статья отражает результаты культурологического прикладного исследования отношения современной молодежи к обряду брачного венчания. Методологической основой прикладного исследования выступил метод анкетирования, в ходе которого были выявлены некоторые тенденции изменения ценностных ориентиров современной молодежи, их отношения к обряду венчания и к институту семьи в целом.

Ключевые слова: обряд брачного венчания, гражданский брак, молодежь, институт семьи, семейные ценности.

The article presents the results of the analysis of existing classical and modern research, revealing the problems of such a cultural phenomenon as the wedding ceremony. The materials studied in the article made it possible to conclude that there is a weakening of the position of this rite as a value reference point among the younger generation. The broadcasting ceremony is significantly inferior to such forms of human relationships as civil marriage and cohabitation, which, in turn, speaks of a larger-scale problem of modern society – the loss of family values and the leveling of personality, when people do not represent values for each other, they are easily interchangeable. In addition, the article reflects the results of an applied cultural study of the attitude of modern youth to the wedding ceremony. The methodological basis of the applied research was the questionnaire method, during which some trends in the

value orientations of modern youth, their attitude to the wedding ceremony and to the institution of the family in general, were revealed.

Введение. Обряд венчания имеет богатую историю, уходящую корнями глубоко в прошлое. Возникнувший еще в дохристианской Греции и возобновленный в христианстве под именованием таинства брака, данный обряд сохранил свою актуальность и в наши дни. Даже несмотря на ослабление власти церкви в большинстве мировых государств, по сей день во многих странах брак не признается действительным, если супруги не обвенчались. Венчание – это не только брачный ритуал, но и важный культурный феномен, веками находивший отражение в литературе и искусстве.

Исторически, до возникновения СССР, венчание было одним из кульминационных ритуалов свадьбы, наряду с обручением и брачной ночью. Однако сейчас невозможно не заметить спад важности обряда венчания для молодых людей и росту популярности формы гражданского брака или сожительства. Тенденция упрощенного отношения к браку, созданию семьи и проведению исторически укоренившихся в культуре свадебных обрядов имеет место быть в XXI веке, когда на фоне глобализации человеческие ценности начинают подстраиваться под современные бытовые реалии. По мнению большинства исследователей, рост популярности в молодежной среде заключения гражданского брака ведет к ослаблению ценностей, росту разводов, постепенному разрушению института семьи и демографическому кризису. В этом плане заключение обряда церковного венчания всегда выступало залогом крепкой семьи, ведь венчание – это не документированный государством брак, а клятва перед Богом.

Если спад популярности заключения брачного венчания и отношения к нему как важного феномена культуры приходится на начало 2000-х годов (мы не берем в расчет спад актуальности церковного венчания в СССР ввиду антирелигиозной кампании того времени), то логичнее всего будет сделать выборку респондентов, чье взросление и рождение пришлось на начало XXI века, т. е. лиц 18–25 лет. Именно современная молодежь, а никакая другая возрастная группа способна отразить в своем ценностном мировоззрении тенденции времени. В данном исследовании использованы материалы респондентов города Красноярск – одного из крупнейших культурных, образовательных и экономических центров Восточной Сибири и Дальнего Востока, в котором проживает большое количество молодых людей.

В отечественной науке существует большое количество научных исследований, посвященных новым тенденциям в отношении молодежи к браку как культурному феномену, а также в изменении ценностных ориентиров молодых людей. Часто снижение значимости брака для молодежи связывается с развитием демографического кризиса и ролью церкви в современном обществе.

По данной проблеме существует также немалое количество проведенных опросов. Например, подобный опрос был проведен фондом «Общественное мнение», многофункциональным молодежным центром «Шанс», Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и многими другими авторитетными организациями. Так, например, по результатам опроса ВЦИОМ, «об отношении россиян к бракам и разводам, а также об оптимальном возрасте вступления в брак для мужчин и женщин», опубликованных 8 июля 2019 года, регистрация брака не является обязательным условием создания семьи для молодежи в возрасте от 18 до 24 лет (17 %) и от 25 до 34 лет (18 %). Утверждается также, что подобная позиция практически не изменилась в численных показателях с 2017 года.

Большая часть существующих отечественных и зарубежных исследований и опросов посвящена исследованию темы брака и семьи, демографии и структуры брачного обряда, но почти не встречаются исследования, рассматривающие брачное венчание как отдельный культурный феномен, а не вкуче с основными брачными ритуалами.

Этимология обряда брачного венчания. Следует подробнее рассмотреть понятие брачного венчания, его происхождение и актуальность в наши дни.

Истоки современного обряда венчания идут еще из древности, в том числе дохристианской Греции, где повсеместно распространенным был обряд возложения цветочных венков на головы новобрачных. Также в древности практиковалось вручение брачных даров, соединение рук жениха и невесты, шествие супругов в дом и др. [1].

Обряд брачного венчания в христианстве имеет длительную историю становления. Он возник из языческих обрядов античности и претерпел значительное количество изменений.

Совершителями чинопоследования таинства брака (т. е. обряда венчания) являются епископ или пресвитер. Вступая в брак, жених и невеста перед священником, а в его лице перед самой Церковью, дают свободное обещание во взаимной супружеской верности. Брак признается таинством и в нехалки-

донских Восточных Церквах. В протестантских церквях имеет место церковное благословение брака, совершаемое как обряд браковенчания, но таинством оно не признается. Обряд венчания совершается в строго определенные дни. Так, например, запрещено проводить его во вторник, четверг, субботу и по ночам [2].

В Евангелии брак сравнивается апостолом Павлом с союзом Христа с Церковью, отчего вытекает его название – Таинство Брака:

«Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви» (Еф. 5:32)

Хотя о браке как таковом в Новом Завете сказано немало, никаких упоминаний о какой-либо особой христианской брачной церемонии в книгах Нового Завета нет, и это можно объяснить как простым умолчанием, так и тем, что такая церемония просто еще не успела тогда возникнуть [3].

Окончательное христианское осмысление обряд брачного венчания получил только к концу IV века. Уже в V веке н. э. на Востоке совершение венчания при вступлении христиан в брак являлось нормативным явлением. В «Лавсаике» Палладия, написанном в V веке н. э., описывается бракосочетание Аммона Нитрийского, которое состояло из венчания, брачного пира и «подобных браку» обрядов. Также описание обряда брачного венчания содержится в рукописи у Феофилакта Симокатты, где он пишет о состоявшемся в 582 году бракосочетании императора Маврикия, когда патриарх провел торжественное богослужение, во время которого соединил руки новобрачных, повенчал их и причастил к святому таинству. В VI веке среди простых людей обряд брачного венчания еще был связан не с церковным чином, а с праздничной трапезой. К IX веку церковное венчание в Византии уже было широко распространено и, вероятно, совершалось над всеми желающими.

Изменения в византийском законодательстве, сделанные по инициативе императора Льва VI Мудрого (конец IX – начало X века), к X–XI векам сделали церковное благословение обязательным при вступлении свободных людей в брак.

На Руси обряды обручения и заключения брака устанавливались в соответствии с законами византийских императоров и действовали после крещения в 988 году, однако долгое время не принимались народом. Люди считали обязательное венчание прерогативой высокопоставленных представителей власти и продолжали полностью или частично придерживаться языческих брачных обрядов вплоть до конца XVII века [4].

Церковное бракосочетание в христианстве состоит из трех основных обрядовых форм: обручения, венчания и распития общей чаши. Обручение является сохранившейся ветхозаветной традицией, венчание – главная часть обряда, а распитие общей чаши является символом причащения к таинству Евхаристии.

Древнейшими формулами для основного обряда венчания – возложения венцов – чаще всего являлись такие варианты, как «Господи Боже наш, славой и честью увенчай их» или же «Отец венчает, Сын благословляет, Всесвятой Дух осеняет их всегда...». Кроме произносимой формулы в рукописях часто указываются детали обряда – крестообразное осенение новобрачных венцами, перемена венцов (аналогично современной перемене колец при обручении) и др. [5].

Венцы на головах молодоженов трактуются как царские (считается, что в новосозданной браком семье молодые являются основателями дальнейшего рода), но также и как мученические (символическое значение победы над плотью).

Развенчать венчанных супругов возможно только по очень серьезным обстоятельствам и только по разрешению местной епархии. Обряд венчания – это не дань моде, а важнейшее для вступающего в брак верующего богослужение. Древней христианской традицией является получение перед венчанием благословения родителей.

Современное заключение обряда венчания невозможно без наличия соответствующей регистрации брака в загсе, поскольку в большинстве современных государств церковный брак не признается основным. Из этого следует вывод, что обряд венчания в наши дни не является обязательной традицией бракосочетания, как это было раньше.

Степень научной разработанности темы исследования. Существующая научная литература по актуальной для данной статьи теме представлена наиболее полно в работах отечественных авторов и слабо изучена в исследованиях англоязычных. Анализ работ по теме показывает, что чаще всего феномен брачного венчания рассматривается вкуче с демографическими проблемами современного общества и отношением молодежи (в том числе студенческой молодежи) к браку в целом (как составного его элемента). Основными науками, затрагивающими проблему отношения молодежи к браку и брачному венчанию, являются культурология, социология, психология, этнография, философия и история; однако эта проблема также затрагивается,

например, в экономике и юриспруденции (с точки зрения влияния на демографию).

О. В. Егиева в работе «Тенденции снижения ценностного отношения к браку у молодежи» отмечает, что отношение молодежи меняется не только к венчанию, но и к браку вообще. Изменение ценностных структур современного общества влияет на молодых людей еще с юношеского возраста, проявляясь в виде средств массовой информации, примеров старшего поколения и влияния семьи [6].

Некоторые исследователи (например, Т. Ю. Чистякова) объясняют изменение отношения молодежи к брачным феноменам культуры (таким как венчание, развод и т. д.) новыми тенденциями смены положения мужчины и женщины в обществе: «На протяжении последних лет качественно изменилась и структура общества, и социальный статус большинства его членов. Женщины и мужчины продолжают занимать неравные позиции в социальной структуре общества, однако их роли кардинально меняются еще с середины XX века» [7].

Исследователи, изучающие влияние отношения молодежи к брачным обрядам на демографию (А. А. Бесчвертная, В. А. Петалудзе, Н. А. Тулузакова, И. Б. Назарова, М. П. Зеленская) в качестве причин тенденции снижения популярности заключения брака определяют рост популярности материальных ценностей – дохода, качества образования и карьеры [8]. В свою очередь, брак молодые люди откладывая на второй план [9]. Следовательно, становится понятно, почему церковная форма брака устаревает, ведь молодым людям легче состоять в более удобном гражданском браке или не состоять в нем вовсе.

Рассматриваемые у данных исследователей тенденции снижения важности классического брака проявляются: в несформированности ценностного отношения к браку, нарушении равновесия и адекватности отношений; изменении общественных приоритетов, выражающихся в сфере семьи и супружеских отношений; значительной перестройки смыслового содержания понятия «семья»; достаточно высокой популярности так называемого гражданского брака.

Ярче всего тенденции изменения молодежного отношения к браку и венчанию как важным феноменам культуры возможно проследить путем проведения анкетирования. В статье Е. И. Пахомовой «Браки и разводы: что изменилось в представлениях россиян?» представлены числовые и процентные показатели, полученные в результате анкетирования молодых людей в разные

годы. Так, по мнению большинства респондентов, за последние 10–15 лет россияне стали намного реже создавать семьи и заключать обряды брачного венчания. Из числа опрошенных по вопросу о пережитке брака большинством из числа ответивших о существенном пережитке (13 %) является именно молодежь (19 % от общего процента). Однако брачное регулирование семейных отношений, по мнению россиян, – по-прежнему необходимый атрибут современной семейной жизни; тенденция отказа от брака не является радикально явной. В вопросе о необходимости регистрации отношений 7 % опрошенных согласились с тем, что официально регистрировать брак необязательно, предпочитая сожительство [10].

Подобной точки зрения также придерживается А. В. Шаров в статье «Отношение молодежи к браку и рождению детей», который путем проведения масштабного анкетирования выяснил, что «5,1 % опрошенных считают, что не следует идти дальше гражданского брака, 7,8 % отметили, что не видят смысла в браке вообще» [11]. Динамика изменений во многом связана с тем, что семейные ценности заменяются ценностями индивидуализма, свободы личной жизни.

Е. О. Витковский и О. З. Кузнецова в статье «Современное отношение молодежи к семье и браку» утверждают, что в нынешнее время такое явление, как «официально зарегистрированный» брак, в том числе церковный, теряет свою привлекательность для молодежи России. Методом проведенного анкетирования разных возрастных групп (18–22 и 23–27 лет) было определено, что большинство опрошенных молодых людей (66 %) считают, что отношения между партнерами должны быть официально зарегистрированы, тогда как остальная молодежь сходится во мнении, что регистрация брака не имеет для них смысла. Это относится к 34 % опрошенных. Лишь 14 % опрошенных считают брак традиционным обрядом, включающим полноценные обряды гражданского и церковного бракосочетаний [12].

Проводятся также разделенные по гендерам исследования (Е. В. Андрюшина, Н. С. Григорьева, Е. А. Панова). У молодых людей наблюдаются расхождения во взглядах касательно главенствующей роли в семье. С данным понятием согласны преимущественно юноши [13]. Подобные ценностные различия влияют на более длительный поиск спутника жизни в наши дни, слабость брака.

Молодежь, рассматривая сожительство в качестве подготовки к официальному браку, находит данную форму семейно-брачных отношений более

простой, не создающей лишних проблем, что в том числе противоположно таким серьезным и долговечным церемониям, как брачное венчание. Исследования, проведенные в конце XX века, показывают, что каждый год гражданский брак становится все популярней в молодежной среде, и на примере рассмотренных анкетирований мы можем это четко проследить.

Среди англоязычных научных работ тема брачного венчания как культурного феномена не раскрыта в достаточно объеме, однако иностранные авторы уделяют большое внимание теме женской эмансипации в браке, территориальных особенностей бракосочетания [14].

Так, исследователь Giampaolo Lanzieri в статье «*Merging Populations – A Look at Marriages with Foreign-born Persons in European Countries*» рассматривает смешанные браки как взаимодействие культурных традиций между партнерами, сохраняющими брачные традиции своей родной страны и партнерами, интегрирующими из-за рубежа [15].

Stan J. Knapp и Greg Wurm в работе «*Theorizing Family Change: A Review and Reconceptualization*» изучают динамику изменения структуры современной семьи. На трансформацию образа семьи в современном обществе влияют новые социальные тенденции, однако определенной теории изменения семьи XXI века до сих пор не существует [16].

Некоторые исследователи (Karen A. Foss, Belle A. Edson) уделяют особое внимание гендерной специфике в изменении отношения к браку, которое проявлено, например, в тенденции сохранения своих фамилий, отвергающем древние традиции бракосочетания [17].

Подводя итоги анализа исследований по теме, можно выявить существенный недостаток более узких работ, рассматривающих не отношение к браку в целом, а отдельный вопрос об отношении молодежи именно к обряду брачного венчания. Церковный брак понимается как компонент брака, отношение к которому постепенно меняется не в лучшую сторону (для молодого поколения). Следовательно, для выявления особенностей отношения к брачному венчанию нам необходимо провести собственное исследование с нацеленностью на молодежную группу.

Методологические основания исследования. В статье представлен аналитический обзор классических и современных концепций и исследований, посвященных вопросам происхождения обряда брачного венчания, специфике его распространения и динамике локального развития. Методологическим основанием данного исследования стал метод анкетирования как наиболее

эффективный в этом случае способ получения статистических и качественных показателей. Для сбора необходимой информации использовался специально сформированный список вопросов для респондентов. Кроме того, в работе используются общенаучные теоретические и эмпирические методы исследования: наблюдение, сравнение, анализ, синтез, индукция, дедукция, экстраполяция – в аспекте культурологического исследования.

Исследование отношения молодежи 18–25 лет города Красноярска к обряду брачного венчания как культурному феномену. Анкетирование проводилось анонимно в период августа 2020 года. Все респонденты были жителями города Красноярска. В опросе было предложено ответить на ряд вопросов. В проведенном анкетировании приняли участие 30 респондентов, среди которых 6 мужчин (20 %) и 24 девушки (80 %). В их числе 5 респондентов (17 %) в возрасте 21–25 лет, родившихся до 2000 года и 25 респондентов (83 %) в возрасте 18–20 лет, родившихся после 2000 года. 28 из 30 опрошиваемых не состоят в браке на момент проведения опроса.

На вопрос «Знаете ли вы, что такое венчание? Что, по вашему мнению, представляет собой данный обряд?» были получены ответы, приведенные на рис. 1.

Рис. 1. Сравнение результатов определения молодежью 18–25 лет понятия венчания

17 % опрошенных не знают, что такое обряд венчания. Самыми популярными определениями оказались «Обряд перед Богом, клятва Богу» (30 %) и «Ус-

ловность/Пережиток, архаизм» (20 %). Таким образом, 44 % опрошенных не знают или в корне неправильно понимают определение брачного венчания.

Из 27 опрошенных, не состоящих в браке, лишь 33 % хотят венчаться в будущем, а больше половины респондентов (67 %) не собираются его проводить. На вопрос «Считаете ли вы обряд венчания важной/необходимой частью свадьбы?» были получены ответы, приведенные на рис. 2.

Считаете ли вы обряд венчания важной/необходимой частью свадьбы?

Рис. 2. Сравнение результатов отношения молодежи 18–25 лет к обряду венчания как свадебному элементу

Большинство опрошенных воздержались от ответа, посчитав это выбором каждого; значительное количество молодых людей называют обряд венчания важным для себя и верующих людей, однако для многих венчание является пережитком, данью моде, неофициальной частью свадьбы и т. д.

Заключительным был вопрос «Считаете ли вы, что обряд в наши дни переоценен/не нужен? Почему?», получивший большое количество развернутых ответов. 13 % не дали ответа на вопрос, 50 % опровергли формулировку, а 37 % согласились с утверждением.

Респонденты, согласные с переоцененной ролью венчания, давали следующие ответы: «Сегодня за браком закрепляется лишь экономические отношения между людьми, в то время как личностные отношения между людьми стали динамичнее и легче осуществляются»; «Важность церкви ослабла и венчание уже не так важно, как раньше»; «Я мало об этом слышу и многие

считают, что это не нужно, так как не поможет все-равно брак сохранить, если он распадается»; «В наши дни венчание стало пафосным; венчаться ради дани моде не целесообразно».

Тем не менее статистически большая часть опрошенных не согласна с утверждением и считает обряд венчания до сих пор важной церемонией: «Это важная часть для людей, соблюдающих все традиции и верующих в Бога»; «Не считаю, что обряд переоценен, но считаю, что к нему относятся не с такой серьезностью, как должны».

Выводы. Опросив значительное количество молодежи 18–25 лет города Красноярска, мы можем прийти к следующим выводам по проведенному исследованию:

- значительная часть молодежи продолжает считать брачное венчание важным, необходимым и актуальным для современного общества элементом брака;
- большее количество опрошенных молодых людей не желают проводить венчание при заключении брака в будущем;
- многие молодые люди считают обряд венчания устаревшей традицией, лишним пафосным действием;
- юноши чаще девушек выступают против заключения венчания в будущем (против проголосовали 67 % юношей и 42 % девушек).

Таким образом, красноярская молодежь 18–25 лет постепенно отказывается от желания заключить брачное венчание, считая достаточным заключение гражданского брака, однако существуют и те, кто считают это необходимой частью бракосочетания в силу вероисповедания и/или почитания традиций. Эта тенденция прослеживается не только среди красноярских респондентов, но и по всему миру: молодежь постепенно смещает ценностные ориентиры, предпочитая традиционной семье и заключению полноценного брака более гибкий вариант гражданского брака, не обремененного сакральными обязательствами перед партнером.

Анализ существующей научной литературы по данной теме подтвердил предполагаемые нами тенденции снижения ценностного отношения к венчанию у молодежи, однако тема требует дальнейшего изучения и большего освещения в научной и социальной среде для поиска оптимального решения проблемы. Результаты проведенного нами исследования могут быть использованы при прогнозировании дальнейшего изменения отношения молодежи к браку и традиционным ценностям, влиянию современных ценностей на демографию и культуру.

Список литературы

1. Катанский А. К истории литургической стороны таинства Брака // Христианское чтение. 1880. С. 98–127.
2. Брак / В. А. Цыпин, М. С. Желтов, Е. А. Агеева, Г. Л. Ореханов // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2003. Т. VI. С. 146–181.
3. Желтов М. С. Венчание брака // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2004. Т. VII. С. 661–668.
4. Мейендорф И. Брак в Православии. М., 1995, С. 215–286.
5. Покровский А. И. Брачные молитвы и благословения древней Церкви (I–X в.) // Сб. ст. в память 100-летия МДА. 1915. С. 549–592.
6. Егиева О. В. Тенденции снижения ценностного отношения к браку у молодежи // Вестн. ун-та. 2012. № 7. С. 239–242.
7. Чистякова Т. Ю. Жизненные ценности и планы незамужних женщин // Становление брачно-семейных отношений. 1989. С. 25–41.
8. Назарова И. Б., Зеленская М. П. Брак, семья, социальные установки и представления студентов // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 78–89.
9. Бесчвертная А. А., Петалудзе В. А., Тулузакова Н. А. Отношение к ценности семьи и брака в студенческой среде // ГБОУ ВПО Саратовский ГМУ им. В. И. Разумовского Минздрава России. 2015. № 12, Т. 5.
10. Пахомова Е. И. Браки и разводы: что изменилось в представлениях россиян? // Мониторинг. 2008. № 1. С. 85.
11. Шаров А. В. Отношение молодежи к браку и рождению детей // НИИ комплексных социальных исследований Факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., С. 152–155.
12. Витковский Е. О., Кузнецова О. З. Современное отношение молодежи к семье и браку // Электр. науч.-метод. Журн. Ом. ГАУ, 2019. № 6.
13. Андрияшина Е. В., Григорьева Н. С., Панова Е. А. Гендерные аспекты изучения семейных стратегий российской студенческой молодежи: результаты компаративного анализа исследований 2008 и 2019 гг. // Женщина в российском обществе. 2020. № 2. С. 99–113.
14. Вишневыский Ю. Р., Ячменева М. В. Отношение студенческой молодежи к семейным ценностям (на примере Свердловской области) // Образование и наука. 2018. № 20 (5). С. 125–141.
15. Lanzieri G. Merging Populations. A Look at marriages with foreignborn persons in european countries. Population and social conditions // Statistics in Focus, Eurostat. 2012. P. 29–30.
16. Knapp S. J., Wurm G. Theorizing family change: A Review and reconceptualization // Journal of Family Theory and Review. 2019. Vol. 2. P. 4–19.
17. Foss K. A., Edson B. A. What's in a name? Accounts of married women's name choices. Western Journal of Speech Communication. 1989. Vol. 53, is. 4.

УДК 791.43(282.256.341)

А. Н. Масленникова¹, М. А. Колесник²

¹ Студент кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

² Кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного институт Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

ОБРАЗ ОЗЕРА БАЙКАЛ И ЕГО МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ В ЗАРУБЕЖНОМ КИНО НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМА СЭФИ НЕББУ «В ЛЕСАХ СИБИРИ»

В данной статье сделан анализ образов природы Сибири и образы различных групп местного населения, проживающих вблизи одного из известнейших во всем мире озер – Байкала, на материале кинематографической драмы «В лесах Сибири» режиссера Сэфи Неббу. Фильм снят по мотивам автобиографического одноименного романа Сильвена Тэссона, что позволяет проникнуть в сферу личных переживаний героев. В статье представлен подробный анализ киноленты «В лесах Сибири»: произведена сравнительная характеристика двух главных героев кинокартины, которые являются представителями разных этнических групп и обладают различными культурными особенностями; определено видение Сибири глазами иностранца. Результатом исследования является создание нескольких кинематографических образов, содержащихся в картине, связанных с жизнью местного населения Байкала в суровых климатических условиях Сибири.

Ключевые слова: Сибирь, озеро Байкал, этнические группы, культурные особенности.

This article analyzes images of the nature of Siberia and the images of various groups of the local population living near one of the world's most famous lakes – Baikal, based on the cinematic drama "In the forests of Siberia" directed by Safi Nebbu. The film is based on the autobiographical novel of the same name by Sylvain Tesson, which allows you to penetrate into the sphere of personal experiences of the characters. The article presents a detailed analysis of the film "In the forests of Siberia": a comparative description of the two main characters of the film, who are representatives of different ethnic groups and have different cultural characteristics; defined the vision of Siberia through the eyes of a foreigner. The result of the research is the creation of a definition of several cinematic images contained in the picture, related to the life of the local population of Lake Baikal in the harsh climatic conditions of Siberia.

Keywords: Siberia, Lake Baikal, ethnic groups, cultural characteristics.

Актуальность исследования, представленного в данной статье, обусловлена распространенной практикой использования в качестве художественного образа природы Сибири в кинокартинах: в частности, одного из известнейших во всем мире водоемов, окруженного красивым природным ландшафтом – озера Байкал.

Цель работы состоит в определении образа озера Байкал в зарубежном кинематографе на материале фильма «В лесах Сибири» Сэфи Неббу.

Следует отметить, что достаточно большое количество научных статей и монографий раскрывает различные аспекты анализа кинематографических произведений в поставленном в данном исследовании ключе. В ходе анализе фильма важна была опора на теоретическую базу, в частности на то, как это представлено в монографиях Н. А. Агафоновой «Общая теория кино и основы анализа фильма» [1], Ж. Делеза «Кино» [2], А. Тарковского по теории кино «Запечатленное время» [3]. Также были изучены статьи о том, как в кинематографе конструируется образ того или иного места: «Репрезентация образа России в отечественном и зарубежном кинематографе» [4], «Кино в Сибири и кино о Сибири: проблема тематической специфики регионального кинематографа» [5; 6], «Образ Сибири в кинематографическом нарративе: конструктивистский подход» [7], «Образ Байкала в литературе как способ постижения фундаментальных истин бытия» [8], «Формирование образа Москвы в отечественном кинематографе» [9], «Революции, шпионы и странности: как изображают Россию в зарубежных фильмах» [10]. В статье Ф. Маркова «"В лесах Сибири" – лидер французского кинопроката» [11] представлена информация о съемках фильма Сэфи Неббу и дана оценка кинокартины французскими кинокритиками.

На начальном этапе исследования был проведен анализ образа местности озера Байкал и его жителей в кинофильме «В лесах Сибири» Сэфи Неббу. После были проанализированы кинематографические приемы, с помощью которых режиссер воссоздал образ Байкала.

Визуальная стилистика кинокартины подчеркивает разнообразие местной природы: прекрасные виды замерзшего озера, окрестных гор и лесов. Если говорить о самом образе данной местности, то стоит отметить, что Байкал является связующим звеном в фильме «В лесах Сибири» и представляет собой живой организм, который способен меняться сам и помогать в изменениях двум главным героям: Тедди и Алексею. Водоем занимает необъятную территорию, покрытую толстой коркой льда, и представляет собой духовную близость представителей двух разных частей света: Европы и Сибири.

Представителем Европы является главный герой кинокартины «В лесах Сибири» – молодой француз, который потерял себя в суете жизни. В один прекрасный момент он резко бросает все и всех и решает уехать в сибирскую тайгу, в хижину на берегу Байкала. В первую очередь его отъезд связан с тем, что иностранец ищет уединения с самим собой и стремится к более размеренному образу жизни. Прежде всего, интересен сам портрет Тедди и его культурные особенности. Главный герой очень часто разговаривает на французском с местными жителями Байкала, что выражает его почтение к родному языку. Тедди обладает такими качествами, как вежливость, учтивость, и он с трепетом относится к институту семьи. Сибирь для иностранца является символом спокойствия и тем местом, где человек может достигнуть гармонии с самим собой. Купив дом на берегу Байкала, француз находит свое счастье и успокоение в дикой и порой суровой природе Байкала и его окрестностей. Каждый день главный герой рыбачит, охотится и пьет водку, тем самым приближаясь маленькими шагами к образу жизни местного населения одного из известнейших озер в мире. Сибирь испытывает Тедди на прочность своими суровыми природными условиями и раскрывает в нем такие новые качества, как несгибаемость воли, свободолюбие и активность.

Сибирского жителя, задействованного в кинокартине Сэфи Неббу, зовут Алексей. Он – беглый преступник, который совершил жестокое поступление, пустился в бега и остался выживать в лесах Сибири. Этот человек постоянно вынужден скитаться и скрывать свое лицо от других жителей Байкала. Алексею присущи такие качества, как суровость, жестокость, и он всеми способами выказывает свое недоверие не только сибирякам, но и иностранцам. Однако герой трепетно относится к своей семье: находясь вдалеке от детей и жены, он хранит их совместные фотографии. Несмотря на внешнюю угрюмость и суровость, Алексей наделен богатым внутренним миром: он готов оказать помощь ближнему, не жалуется на жизнь, верит в Бога и не готов убивать животных только ради забавы.

Помимо представителей двух противоположных сторон света, в кинокартине «В лесах Сибири» присутствует также образ коренного народа, проживающего на озере Байкал. Сибирские буряты представлены в фильме добрыми, честными и гостеприимными людьми. Также отражены фольклорные особенности данной народности: хозяйка дома в начале фильма поет иностранцу народную бурятскую песню. Освещается основной род занятия бурятов: охота на диких животных, приготовление пищи на костре. Байкал для коренного

народа Сибири является главным источником водных запасов, они полностью зависят от суровых климатических условий той местности, на которой проживают. Связь с внешним миром у бурят осуществляется за счет общения с иными жителями окрестностей, которые находятся на дальнем расстоянии друг от друга. Основными средствами передвижения являются грузовик и мотоцикл в зимнее время года и лодка в период таяния ледников. Данную местность один из хозяев хижины на окраине озера считает «отличным местом для самоубийства». В целом же можно сказать, что буряты представлены в фильме стойкими, свободолюбивыми людьми, которые не боятся трудностей и способны приспособиться к любым сибирским погодным условиям.

Стоит также отметить, что в зарубежном фильме образ Байкала преимущественно создается за счет различных кинематографических приемов. Сэфи Неббу в своей кинокартине активно использует кинометафоры. Так, снег представляет собой замерзший источник живой воды и служит средством для заваривания чая, т. е. согревает иностранца в холодную погоду; лед выступает в качестве твердой поверхности, на которой можно покататься на коньках, грузовике и мотоцикле, т. е. олицетворяет собой проведение досуга вдали от Родины; треск замерзшего озера символизирует неиссякаемый источник жизненной силы и свободы передвижения. Более того, обилие статичных декораций в кадре говорит о пребывании иностранца Тедди в манящем его одиночестве на территории озера Байкал.

Разнообразие операторских приемов в фильме «В лесах Сибири» помогает воссоздать образ Байкала. Так, съемка длинным планом замерзшего водоема в начале кинокартины подчеркивает его масштабность и задает ритм фильму в целом. Также в фильме преобладает тональный вид перспективы, за счет чего скрадываются контуры объектов (преимущественно героев) по мере их удаления от зрителя. Панорамная съемка озера Байкал и его окрестностей повторяет траекторию взгляда Тедди на данную местность. При этом движение в кадре осуществляется слева направо, что наиболее привычно для взгляда европейца. Крупные статичные кадры отражают эмоции главного героя (Тедди) и акцентируют внимание на важных процессах, происходящих непосредственно на замерзшем озере. Зачастую съемка с высоты птичьего полета возвеличивает озеро Байкал и его окрестностей над фигурой иностранца подчеркивает суровый нрав этой местности.

Если говорить о цветовом решении кинокартины Сэфи Неббу, то следует отметить сдержанность цветовой гаммы. Вкрапления белых оттенков в кадре

помогают режиссеру воссоздать образ холодного, спокойного озера Байкал. А синий цвет олицетворяет собой удаленность данной местности, побег его обитателей от прежней жизни. Образ Байкала в зарубежном кинематографе складывается при помощи различных кинематографических приемов и описания образа жизни коренных народов данной местности. Кинематографический образ замерзшего озера Байкал символизирует неиссякаемый источник жизненной силы и свободы передвижения, а его окрестности (горные массивы и леса) каждый раз испытывают на прочность жителей данной местности и позволяют персонажам раскрыть в себе новые качества. Иными словами, Байкал в кинокартине Сэфи Неббу «В лесах Сибири» представляет собой живой организм, который способен меняться не только сам, но и влияет на изменения, которые впоследствии происходят с жителями и приезжими гостями. В данном случае также речь идет о духовной близости Европы и Сибири, которая находит свое отражение в замерзшем озере Байкал.

Стоит отметить, что главной особенностью визуальной стилистики фильма «В лесах Сибири» является взгляд на данную территорию глазами европейца. Сама же Сибирь для иностранца представляется идеалом свободы действий и передвижения, помогает человеку слиться с природой, вести размеренный образ жизни и оставаться в гармонии с самим собой. В то же время истинного сибиряка Алексея суровая местность Байкала принимает, позволяет ему выживать каждый день, скрывая героя в чаще леса.

Список литературы

1. Агафонова Н. А. Общая теория кино и основы анализа фильма. Минск: Тесей, 2008, 392 с.
2. Делез Ж. Кино. М.: Ад Маргинем, 2004. 624 с.
3. Тарковский А. А. Запечатленное время. М.: Э, 2002. 49 с.
4. Тираханова В. А. Репрезентация образа России в отечественном и зарубежном кинематографе // Ярослав. пед. вестн. 2017. № 5. С. 361–367.
5. Савельева Е. Н. Жанровые и стилистические особенности фильмов сибирской тематики в российском кинематографе 1960-х гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. Серия: Языкознание и литературоведение. 2007. № 7. С. 62–66.
6. Савельева Е. Н. Кино в Сибири и кино о Сибири: проблема тематической специфики регионального кинематографа // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. № 304. С. 81–85.
7. Головнева Е. В., Головнев И. А. Образ Сибири в кинематографическом нарративе: конструктивистский подход // Изв. Урал. федер. ун-та. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2017. № 23, 1 (159). С. 114–123.
8. Болдонова И. С. Образ Байкала в литературе как способ постижения фундаментальных истин бытия // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Серия: Педагогика. Филология. Философия. 2013. № 10. с. 147–151.

9. Бояршинова Н. А. Формирование образа Москвы в отечественном кинематографе: дис. ... канд. искусствоведения. М.: ВГИК, 2015. С. 14–39.
10. Сенников Е. Революции, шпионы и странности: как изображают Россию в зарубежных фильмах. // *Стиль*. 2020. URL: <https://style.rbc.ru/impressions/5ed01d9b9a79470250cd1ce2>.
11. Марков Ф. «В лесах Сибири» – лидер французского кинопроката // Интернет-издание babr24. 2016. URL: <http://babr24.com/?IDE=146346>.

УДК 75.047(282.256.3)(571.51)

А. В. Кистова

Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, заместитель директора по научной работе Красноярского художественного музея имени В. И. Сурикова, Красноярск, Россия

ОБРАЗ ЕНИСЕЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КРАСНОЯРСКИХ ХУДОЖНИКОВ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИТИВНОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Образ одной из самых полноводных рек мира – Енисея – занимает значительное место в творчестве красноярских художников (живописцев, графиков, мастеров скульптуры и декоративно-прикладного искусства) и значим для формирования образа города Красноярска, всего края и соседних регионов. В статье анализируется живописное полотно красноярского художника Т. В. Ряннеля с целью выявления особенностей образа Енисея в региональном искусстве и его потенциала по формированию позитивной региональной идентичности. На основе культурно-философского и искусствоведческого анализа произведения из собрания Красноярского художественного музея имени В. И. Сурикова выявлено, что Енисей, интерпретируемый красноярскими художниками, может выступать не только воплощением бескрайних природных сил, но и связующим, гармонизирующим звеном между Миром человека и Миром природы, представляя региональную идентичность.

Ключевые слова: Енисей, региональная культурная идентичность, изобразительное искусство, живопись, Ряннель.

The image of one of the deepest rivers in the world – the Yenisei – is one of the main themes in the work of Krasnoyarsk artists (painters, graphic artists, masters of sculpture and arts and crafts) and is significant for the formation of the image of the city of Krasnoyarsk, the entire region and neighboring regions. The article analyzes a painting by the Krasnoyarsk art-

ist T.V. Ryannel in order to identify the features of the image of the Yenisei in regional art and its potential for the formation of a positive regional identity. Cultural-philosophical and art criticism analysis of the work from the collection of the Krasnoyarsk Art Museum named after V. I. Surikov revealed that the Yenisei, interpreted by Krasnoyarsk artists, can act not only as the embodiment of boundless natural forces, but also as a connecting, harmonizing link between the Human World and the Natural World, representing regional identity.

Keywords: Yenisei, regional cultural identity, fine arts, painting, Ryannel.

Енисей – один из главных героев природного пространства для людей, живущих на его берегах, с древних времен и до наших дней. В фольклорных произведениях коренных народов Сибири эта река всегда связывалась с образом могучей стихии – «большая вода», «большая вода» (эвенкийский «Ионеси»), «река с крутыми прямыми берегами» (ненецкий «Енэсий», «Енся ям») и др. Одна из ненецких сказок ярко демонстрирует естественную взаимосвязь Енисея и живущего на его берегах человека, объясняя происхождение реки в качестве результата человеческих действий и чуда: «герой тащит за собой свою маленькую нарточку сунка, и все, что он находит по пути, грузит на нее. Через некоторое время он устал таскать саночки, оглянулся назад и увидел, что след его нарточки прорезал прямую, как тетива лука, реку, и воскликнул: «Когда-нибудь эта река будет называться Ензя яха» [1]. Для коренных народов Сибири Енисей был естественной частью ландшафта, помогающей человеку жить.

Переселенцами из других частей России и путешественниками из других стран Енисей воспринимался уже с оттенком восхищения и удивления как одна из самых могучих рек, определяющих собой красоту всей местности: «Не в обиду будь сказано ревнивым почитателям Волги, в своей жизни я не видел реки великолепнее Енисея. Пускай Волга нарядная, скромная, грустная красавица, зато Енисей могучий, неистовый богатырь, который не знает, куда девать свои силы и молодость» [2].

В сибирском искусстве XX века – в литературе, поэзии и изобразительном искусстве – Енисей стал маркером не только местности, но и характера человека, родившегося и живущего на его берегах: «Там, за Енисеем, совсем другая планета, и люди там другие, и ходят они по-другому, и едят другую пищу, и говорят на другом языке» [3].

Актуальность статьи обуславливается исследованием региональной идентичности Енисейской Сибири, а также осмыслением наследия красноярской живописной школы – феномена, по своему масштабу и разнообразию, заслуживающего самого пристального внимания.

В качестве методологии используются теоретические положения современной теории изобразительного искусства В. И. Жуковского и Н. П. Копцевой и метод философско-искусствоведческого анализа произведения изобразительного искусства [4; 5].

Региональную культурную идентичность и особенности ее формирования через произведения искусства активно исследуют красноярские авторы [6–12], в том числе обращаясь к изобразительному искусству региона [13–17], творчеству отдельных представителей [18–20].

Творчество Тойво Васильевича Ряннеля – российского художника финского происхождения – хорошо известно не только в России, но и за рубежом. Себя он считал в большей степени сибиряком, с сибирскими же традициями связывают его творчество исследователи [21–24]. Тема Енисея, по словам самого художника, является одной из центральных в его творчестве [25].

Для анализа выбрано репрезентативное произведение из коллекции Красноярского художественного музея имени В. И. Сурикова – работа Т. В. Ряннеля «Рождение Енисея» (1958, х. м.).

Создание картины «Рождение Енисея» (рисунок) связано с заказом, который автор получил во второй половине 1950-х годов и для выполнения которого он отправился в экспедицию вместе с другими молодыми художниками на поиски истоков могучей сибирской реки [26].

Картина представляет собой масштабное полотно, превышающее размерами средний формат – 150 на 130 см. Красочный слой произведения, фактурный и разноцветный, делится по диагонали от нижнего левого угла до верхнего правого на три зоны по тону: светлая – средняя часть – бурный водный поток Енисея, мечущийся среди тувинских скал; две боковые – темные – скалистые берега, словно сжимающие воды Енисея своими гранеными кулаками.

В светлой центральной диагональной зоне сосредоточены наиболее широкие и фактурные мазки, их расположение часто перпендикулярно, внахлест, разнообразно по размеру и длине, перемежается с мелкими мазками-точками. Основной их тон – светло-голубой с оттенками сиреневого, розового, желтого, бирюзового, темно-синего. Наибольшая концентрация сложной динамики мазков, разнообразия их фактуры и цвета, а также яркости оттенков наблюдается в верхней части средней диагональной зоны – чуть правее и выше геометрического центра картины. Так изображено место встречи двух потоков реки, разделенных каменным валуном на вершине водопада, в узком пространстве среди скал, где воды Енисея под утренними лучами солнца начинают испаряться,

клубами пара поднимаясь вверх к небу. Сложная динамика расположения, ширины и длины мазков, изображающих бурные воды Енисея, отражает сложный и полный препятствий путь, который преодолевает река, прорезающая скалы.

Рисунок. Ряннель Т. В. Рождение Енисея. 1958. Холст, масло.
Красноярский художественный музей имени В. И. Сурикова

Темные боковые зоны скалистых берегов содержат преимущественно темно-коричневый цвет, но в нем присутствуют оттенки рыжего, серого, темно и светло-зеленого, бордового, розового, синего, бирюзового, желтого и белого. Мазки в этих частях также разнообразны по динамике, направлениям, ширине и длине, но более сглажены, чем мазки в средней светлой части. Наибольшее разнообразие и яркость цвета при изображении берегов концентрируются рядом с пространством реки и ближе к вершине водопада, освещенной солнцем. Еще одной зоной концентрации ярких оттенков цвета является нижний правый угол, в котором выделяется темно-серая ровно окрашенная зона с буквами и цифрами: «Т. Р 58 г.». Это подпись автора: «Тойво Ряннель 1958 год».

Скалистые берега Енисея отличаются друг от друга. Берег, расположенный в левом верхнем углу, изображен отвесным с массивом елей и кедров, растущих на вершине скал. Один кедр выделен особо: он изображен тонкой вертикалью на самом краю берега в том месте, где брызги и клубы тумана над вер-

шиной водопада поднимаются к самому небу. Кедр и парящий Енисей в этом месте изображены как две вертикали, устремляющиеся ввысь и преодолевающие границы между вершинами горных хребтов на заднем плане и небом.

Скалы на заднем плане имеют округлый силуэт и изображены единым тоном и цветом, находясь в тональном плане посередине между светлым пространством реки и темными берегами. На фоне этих поросших лесом горных хребтов и изображены устремляющиеся вверх Енисей и горный кедр. Это может означать, что преодоление границ, выход за пределы возможностей открыт там, где встречаются противоположные силы – светлое и темное, текучее и твердое, изменчивое и постоянное. Только противоборство двух волей рождает героев и преумножает силы.

Утреннее солнце усиливает драматизм взаимодействия реки и скал и проявляет красоту этого процесса: усиливает противостояние между светом и темнотой, делает ярче цвета реки и скал, оживляет дремлющую природу брызгами света и цвета в темных частях картины. Это композиционный центр произведения – центр сосредоточения мощнейшей энергетики и красоты, рожденной при встрече стихий: воды, скал, света и живой природы (деревья и трава). Вся эта красота и сила мощным потоком обрушивается на зрителя. Именно так изображен кипящий водный поток, низвергающийся с вершины водопада вниз и заполняющий собой большую часть нижнего пространства картины.

Второй берег Енисея изображен ближе к пространству зрителя, тремя уступами в виде свержу. Это скалы, поросшие травой, живые и цветные. Берег выглядит доступным для пребывания на нем человека. Не случайно здесь расположена авторская подпись. Можно сделать вывод, что ближний к зрителю берег может трактоваться как пространство, доступное для человека, безопасное. И одновременно с этим – зона возможного роста. Не зря берег решен тремя уступами-ступенями, ведущими к узкому месту вершины водопада, где горный кедр своим примером демонстрирует возможности человека, закаленного Енисеем.

Таким образом, произведение построено так, чтобы зритель мог наблюдать рождение мощного и красивого чуда – сибирской реки Енисея, ощущая себя омываемым его водами. И одновременно с этим у зрителя есть возможность увидеть собственный потенциал, который сродни потенциалу горного кедра и самой реки – потенциал роста и выхода за пределы возможного, потенциал героя-богатыря. Можно сказать, что Енисей в творчестве красноярских художников (на примере творчества Т. В. Ряннеля) представляется

связующим звеном между природой и человеком. Он воплощает в себе первобытную стихийную мощь, которая способна сформировать упорного и деятельного человека, в то же время сохраняя природную красоту и силу.

С точки зрения региональной культурной идентичности Енисей «воспитывает» людей, живущих на его берегах. И река, и люди характеризуются силой, упорством и размахом в своем существовании и в своей деятельности.

Подобный подход к произведениям красноярских художников имеет значительный потенциал для изучения особенностей конструирования позитивной региональной идентичности и для понимания специфики создания выставочных и образовательных проектов для Красноярского региона.

Исследование «Конструирование позитивной региональной идентичности Красноярского края с помощью музейных технологий на материале анализа потенциала Красноярского художественного музея имени В. И. Сурикова» проведено при поддержке Красноярского краевого фонда науки.

Список литературы

1. Пушкарева Е. Т. Картина мира в фольклоре ненцев: системно-феноменологический анализ. Екатеринбург, 2007.
2. Чехов А. П. Из Сибири. Остров Сахалин: соч.: в 18 т. М., 1978.
3. Астафьев В. П. Царь-рыба. Повести. Рассказы. М., 2008. С. 173–652.
4. Жуковский В. И. Теория изобразительного искусства. СПб., 2011. 496 с.
5. Жуковский В. И., Копцева Н. П. Пропозиции теории изобразительного искусства. Красноярск, 2004. 265 с.
6. Тарасова М. В., Григорьева Т. Ю. Архитектура города Красноярска как пространство социальной идентификации. Соотношение космоцентрических и социоцентрических идеалов // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 4 (12). С. 1705–1718. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/2610>.
7. Пименова Н. Н., Марышева А. В. Деревянное зодчество Красноярска как пространство процессов территориальной и этнокультурной идентичности // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 12 (4). С. 1784–1793. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/2606>.
8. Миркес М. М., Сергеева Н. А. Кодификация культурных значений в орнаментах улиц города Красноярска // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 12 (4). С. 1794–1806. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/2613>.
9. Колесник М. А., Миркес М. М. Принципы симметрии в пространстве города Красноярска и процессы региональной идентичности // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 12 (4). С. 1727–1742. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/2604>.
10. Кистова А. В., Тамаровская А. Н. Архитектурное пространство как фактор региональной культурной идентичности // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 4 (8). С. 735–749. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/16773>.

11. Global and local trends in development of the Siberian city of Krasnoyarsk / М. И. Ильбекина, М. А. Колесник, Н. М. Лобакова [и др.] // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. № 6 (3S5). С. 241–247. URL: <http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6776>.
12. Авдеева Ю. Н., Дегтяренко К. А., Шпак А. А. Специфика художественной культуры Красноярского края на материале анализа произведений искусства // *Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки*. 2017. № 10 (9). С. 1294–1307. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/34774>.
13. Сертакова Е. А., Герасимова А. А. Формирование российской сибирской идентичности в ксилографии красноярских мастеров // *Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки*. 2011. № 4 (12). С. 1719–1726. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/2608>.
14. Семенова А. А., Бралкова А. В. Визуализация концепта «север» в изобразительном искусстве // *Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки*. 2011. № 4 (4). С. 476–491. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/2300>.
15. Булак К. А. Формирование и развитие северной темы в творчестве художников Красноярского края // *В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии*. 2014. № 33 (2). С. 45–52.
16. Булак К. А. Хронотоп северного пейзажа (на материале коллекции Красноярского художественного музея имени В.И. Сурикова) // *Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. «XI Сибирские искусствоведческие чтения»*. Красноярск, 19–23. 2018.
17. Этнокультурная идентичность в произведениях красноярских художников / М. А. Амосова, Н. П. Копцева, А. А. Ситникова [и др.] // *Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки*. 2019. № 12 (8). С. 1524–1551. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/112625>.
18. Семенова А. А., Сошенко М. В. Образ Сибири в творчестве художника Александра Сурикова // *Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки*. 2011. № 4 (12). С. 1743–1766. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/2605>.
19. Specifics of Siberian identity in the context of formation of the artistic concept "Siberia" in the works of Krasnoyarsk artist Anton Dovnar / М. А. Колесник, Н. М. Лобакова, В. С. Лузан [и др.] // *4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts Sgem*. 2017. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/69983/>.
20. Пантелеева И. А. Визуализация концепта «сибирский этнос» в творчестве красноярского художника Константина Войнова // *Изв. Байкал. гос. ун-та*. 2018. № 28 (2). С. 325–333.
21. Москалюк М. В. Все, что в сердце. Художники Красноярья вчера, сегодня, завтра. Красноярск, 2010. 288 с.
22. Омшина А. С. Финский сибиряк художник Тойво Васильевич Ряннель // *Санкт-Петербург и страны Северной Европы*. 2007. № 8. С. 77–87.
23. Давыденко И. М. Тойво Васильевич Ряннель // *Художники Красноярска*. 1978. С. 55–62.
24. Русаков Е. «Тойво» – значит «Надежда». Сто знаменитых красноярцев. Красноярск, 2003. С. 363–367.
25. Ряннель Т. В. Улуг-Хем. Енисей. Ионесси: Рассказ художника о великой сибирской реке. Красноярск, 1970. 92 с.
26. Ряннель Т. В. Незванный гость. Художник о себе и своем времени: роман в красках. Красноярск, 1998. 751 с.
27. Художники земли Красноярской: каталог. Красноярск, 2007. 320 с.

УДК 316.722

А. И. Филько

Исследователь по направлению «Теория и история культуры (культурология)» Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

НОВЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ: ВООБРАЖАЕМАЯ БЕСПИСЬМЕННОСТЬ*

В современном мире традиционные культуры коренных малочисленных народов, проживающие в тесном соседстве с более многочисленными и доминирующими этнокультурными группами, переживают социокультурные трансформации. Ярким примером коренных малочисленных народов Севера на территории Красноярского края являются энцы, не имеющие письменности для родного языка. На данный момент очень важно понять, как происходят трансформации данной этнокультурной группы и их этническая самоидентификация. В данном исследовании обсуждается модель социокультурной трансформации энецкой этнокультурной группы на основе линейной модели культурных процессов «премодерн – модерн – постмодерн». В результате представлено современное состояние энецкой культуры, в рамках которого выделяется особый феномен «воображаемой бесписьменности».

Ключевые слова: социокультурные трансформации, этнические группы, энцы, бесписьменные культуры, воображаемая бесписьменность.

In the modern world, the traditional cultures of small indigenous peoples living in close proximity to more numerous and dominant ethnocultural groups are undergoing socio-cultural transformations. A striking example of the indigenous small-numbered peoples of the North in the Krasnoyarsk Territory is the Enets, who do not have a written language for their native language. At the moment, it is very important to understand how the transformations of this ethnocultural group and their ethnic self-identification take place. This study discusses a model of socio-cultural transformation of the Enets' ethnocultural group on the basis of a linear model of cultural processes "premodern – modern – postmodern". As a result, the present state of the Enetsy culture is presented, within the framework of which a special phenomenon of "imaginary non-literation" is distinguished.

Keywords: sociocultural transformations, ethnic groups, enets, non-literate cultures, imaginary non-literation.

На стадии преמודерна традиционное общество энцев жило до прихода русских на их территории. Культура энцев на тот момент является бесписьменной. В своей основе она имеет идеал в виде текста, не имеющего письмен-

© Филько А. И., 2021

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90015.

ной формы. В устной форме здесь передаются ритуалы, мифы и фольклор – та неизменная сущность образа жизни, что сохранялась среди поколений.

На данном этапе энцы уже начинают испытывать трансформации своей традиционной культуры и смешиваться с соседями, преимущественно с ненцами. Они сохраняют бесписьменность, несмотря на отсутствие территориальной изолированности их от представителей других культур. Это обусловлено тем, что культуры – соседи энцев также не имели письменности на данном этапе, имея при этом схожий с ними язык (энцы и ненцы до сих пор могут свободно понимать речь друг друга).

На стадии модерна энецкая культура сталкивается с советским строем. Всероссийские переписи, начиная с переписи 1939 года, записывали энцев нганасанами или ненцами (Квашин Ю. Н.). Увеличивается количество смешанных браков в 1980-х и начале 1990-х годов, при этом браки заключаются не только с представителями народов Таймыра, но и с приезжими разных национальностей. С приходом общего образования дети изымаются из семей и в кратчайшие сроки изучают русский язык. Традиционный образ жизни идет на спад, хоть и поддерживается государством.

На данном этапе энецкая культура находится в кризисном положении. Несмотря на поддержку государством традиционных способов хозяйствования, при отсутствии письменной культуры для родного языка происходит усиленная ассимиляция с соседними народами, особенно в связи с отрицанием государством существования такой этнокультурной группы, как энцы.

Ввиду социокультурных трансформаций и общения с другими культурами у энцев возникает необходимость зафиксировать себя не только в настоящем, но и в прошлом, производить фиксацию своих изменений, свою историю, дабы сохранить память о себе во времени. Такие черты свойственны письменным культурам и требуют записи уникальных событий, а не повторяющихся. С осознанием изменчивости уходит и стремление к кодификации и регламентации жизни, свойственное традиционным культурам. Для этого энцы, ввиду отсутствия письменности для своего языка, используют письменность других языков – русского и ненецкого.

Исследователи отмечают, что энецкий язык не используется или почти не используется в повседневном общении; во всех случаях языком повседневного общения является русский, на котором все носители энецкого языка говорят свободно. В качестве исключения исследователи выделяют тундровых энцев из тухардской тундры, основным бытовым языком которых является ненецкий.

В поселке Потапово, где сегодня созданы особые условия для энецкого языка, повседневная речь повсеместно русская. При этом работает такая схема воспроизводства энецкого языка в речи, как группа «языкового гнезда» и кружок энецкого языка при школе. Тем не менее в течение жизни старшего поколения (людей старше 50 лет) произошла замена родного языка на понятный большинству в поселке – и русским, и белорусам, и немцам, и энцам, и долганам, и ненцам, и эвенкам, результатом чего стало вытеснение родных языков коренных народов из повседневной речи.

Ю. Н. Квашнин в своей работе «Энцы: проблемы и перспективы сохранения этноса» говорит о пассивной адаптации этноса. Он отмечает, что тундровые энцы попали под влияние многочисленного и более способного к адаптации ненецкого этноса и в итоге утратили многие элементы своей этнической культуры. Этнические процессы у разных групп энцев протекают в зависимости от конкретной этнодемографической ситуации. В северной (тундровой) группе идет активное смешение с ненцами, доминирует ненецкий язык, у смешанного энецко-ненецкого населения постепенно закрепляется ненецкое самосознание. В южной группе доминирует русский язык, но здесь больше европеоидных метисов, которые чаще, чем ненецко-энецкое население, определяют себя как энцы. Возможность сохранения энецкого самосознания исследователь видит только у представителей лесной группы.

В стадии постмодерна происходит конструирование новой энецкой идентичности. Отчасти можно отметить утрату языка и культуры. В новом поколении язык уже мало кто помнит. Дети считают, что они не найдут применения энецкому языку в новой жизни, они уже живут не в тундре, а в поселках и городах ему применения нет. Старшее поколение надеется на обретение письменных источников для сохранения памяти о своей культуре и трансляции ее младшему поколению. Отчасти эту функцию выполняют книги на русском языке.

Можно сказать, что традиционная материальная культура энцев сохраняется частично, и в основном ее сохранность связана с продолжением традиционных практик хозяйствования (как на стоянке семейно-родовой общины) и с деятельностью активных представителей этноса, старающихся помочь современным детям освоить знания и навыки национальных ремесел (кружковая деятельность), понимая при этом, что национальный костюм сегодня востребован скорее как символический образ народа в ситуациях позиционирования его в соседстве с другими народами – во время межнациональных праздников.

Кроме того, сохранение культуры энцев затруднено ввиду их тесных контактов с соседями – ненцами и нганасанами, их активного влияния. Сложно сегодня провести грань между данными народами в плане предметов декоративно-прикладного искусства, поскольку энцы и тогда, и сейчас с большой охотой перенимали данную часть других культур. Подобным образом обстоят дела и с религией: очень сложно найти информацию об энецких шаманах, большая часть воспоминаний связана с шаманами других народов, а сами энцы говорят о том, что неважно, из какого народа шаман. Традиционное жилище у энцев сохранилось только в тундре или же просто как памятник истории и традиции.

Большая часть культуры хранится в воспоминаниях энцев о детстве в тундре, это можно сказать и о быте, и о декоративно-прикладном искусстве, и о религии. Вне тундры и исконного образа жизни все эти традиции передаются и сохраняются сложнее, тем не менее позитивные примеры имеются, система передачи традиции в новых формах (не внутри семьи) работает. Но нельзя с точностью утверждать, что передаваемая традиция не является чем-то новым, сконструированным из крупиц прошлого. Результаты экспедиции 2018 года в поселок Потапово показывают, что в настоящее время материальная культура энцев в ее своеобразии сохраняется исключительно в связи с актуальностью традиционных хозяйственных практик, а также в связи с ростом этнического самосознания и символическим функционированием таких элементов культуры, как национальный костюм и традиционные игрушки (Кистова А. В., Пименова Н.Н.).

В целом полевое исследование показывает, что энецкая культура сейчас держится исключительно на активных представителях этого народа, испытывающих настоящую гордость за традиции и традиционный образ жизни своего этноса и не оставляющих попытки разжечь интерес к исконной культуре в душах молодого поколения энцев. Это те люди, кто вырос в тундре, но впоследствии получил образование, потому знаком с опытом фиксации этнокультурных особенностей и владеет всеми средствами такой работы. При этом они не потеряли трепетного чувства к тому образу жизни, из детства, и испытывают искреннее уважение к тем, кто и сегодня живет рыбалкой, охотой, собирательством, кочует по тундре в бригаде или живет в балках на точках семейно-родовой общины. В то же время эти люди говорят о возможности их исчезновения. При этом они отмечают, что даже при полном исчезновении их этнокультурной группы остается возможность сохранить память о них в опубликованной литературе.

Из сказанного следует, что энецкая этнокультурная группа в современном понимании намеренно формируется узким кругом лиц, заинтересованных

в сохранении языка и культуры. Это отсылает нас к конструктивистскому подходу, рассматривающему «общественные феномены не как заранее объективно заданную реальность, а как продукт человеческого сознания и деятельности, т. е. как искусственные социальные конструкты» (Лях К. И.). Поэтому видится возможным обращение к концепции «Воображаемых сообществ» Б. Андерсона и создание концепции «воображаемой бесписьменности».

Можно выделить удвоенную уникальность энецкой этнокультурной группы. Они не только являются коренными малочисленными, но не имеют письменности для родного языка (на период июня 2020 года). При этом, как уже было сказано ранее, они используют русский язык, в том числе и для записи своих текстов. Получается, что, будучи культурой, прошедшей стадию модерна, ознакомившейся с письменностью и печатью и принявшей новый взгляд на сохранение своей культурной памяти (не как постоянно повторяющихся ритуалов, а как череды уникальных событий), энецкая культура в поисках своей идентичности оборачивается назад, к традиции, и манифестирует свою бесписьменность как маркер сохранения своей уникальности в современном мире и объединения своей этнокультурной группы. Бесписьменность родного языка выступает признаком единства – энцы конструируют свою бесписьменность и воспринимают себя бесписьменными. Их этничность связана с символическим значением языка, с его символической бесписьменностью. Она выделяет их не только среди доминирующей культуры, но и среди их соседей (ненцев и нганасан), имеющих письменность.

Происходит актуализация бесписьменности в рамках этнического возрождения. При этом такое возрождение не соответствует современным реалиям: энцы отлично владеют русским языком, свободно выражают свои мысли как письменно, так и устно. Они составляют книги о своей культуре на этом языке и используют его как опору при транскрибировании своего языка. В то же время энцы отвергают те этапы своей истории, когда происходили попытки создания письменности (например, создание словаря Н. М. Терещенко в 1986 году). Они были не согласны с теми вариантами письменности, которые возникли на данный момент, тем самым стремясь и далее поддерживать свою бесписьменность, вешая на себя ярлык бесписьменной культуры.

Анализируя ситуацию энецкой этнокультурной группы, можно сделать вывод, что в современных реалиях бесписьменность – воображаемый конструкт, поскольку ввиду глобализации и трансформации все общества подверглись переходу в модерн, имеющую письменность, вне зависимости от состояния

родного языка. Таким образом, можно заключить, что воображаемая бесписьменность – это состояние культуры (или этнокультурной группы), когда она, имея все признаки письменной культуры (фиксация памятных событий, отсутствие изолированной территории, утрата традиционного образа жизни), обращаясь к своей традиции, манифестирует себя как бесписьменную, для того чтобы подчеркнуть свою уникальность и осознать свою этнокультурную идентичность. В настоящий момент важно отметить, что энцы, будучи этнической группой, осознающей себя как единое целое, уже создают стандартизированную систему записи для своего языка. Поскольку понятно, что энецкая культура не является подлинно бесписьменной, ей все же требовалась письменность для родного языка для фиксации и передачи культурных знаков, образов, символов, в совокупности составляющих энецкую этнокультурную картину мира.

Утратят ли энцы свою уникальность после обретения письменности? Однозначно сказать нельзя. Они вновь попадают в ситуацию поиска своей идентичности. На данном этапе первостепенной задачей для них будет зафиксировать свою письменность и память о себе в как можно большем количестве источников, что свойственно письменной культуре, к которой энцы относятся уже довольно давно.

Список литературы

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества // Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
2. Булгакова Т. Д. Становление этнической идентичности в Сибири: роль традиций и современных институтов // Журнал Сиб. фед. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 8. Supplement.
3. Квашнин Ю. Н. Энцы: проблемы и перспективы сохранения этноса // Тобольск научный – 2010: материалы седьмой Всерос. науч.-практ. конф. Тобольск, 2010. С. 96–99.
4. Кистова А. В., Пименова Н. Н. Отечественные практики сохранения культурного наследия бесписьменных народов // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 4 (12). С. 20–40.
5. Куропятник М. С. От стигмы к самоутверждению: понятие «коренной народ» в современном дискурсе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5, № 1. С. 161–173.
6. Лях К. И. Культурологическая теория национализма Бенедикта Андерсона // Вестн. ун-та (Государственный университет управления). 2014. № 11. С. 287–291.
7. Мамонтова Н. А. На каком языке говорят настоящие эвенки? Дискуссии вокруг кочевого детского сада // Этнографическое обозрение. 2013. № 2. С. 70–91.
8. Стойнова Н. М., Шлуинский А. Б. Русская речь лесных энцев: зарисовки исследователей вымирающего языка // Slavica Helsingiensia. 2010. Т. 40. С. 153–165.
9. Eriksen T. H. Ethnicity and nationalism: Anthropological perspectives. Pluto press, 2002.

Научное издание

**СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ
В XX–XXI ВЕКАХ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Материалы Международной
научно-практической конференции

Красноярск, 26 ноября 2020 года

Корректура и компьютерная верстка *А. А. Быковой*

Подписано в печать 20.07.2021. Печать плоская. Формат 60×84/16
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 24,4. Тираж 100 экз. Заказ № 13440

Библиотечно-издательский комплекс
Сибирского федерального университета
660041, Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел. (391) 206-26-67; <http://bik.sfu-kras.ru>
e-mail: publishing_house@sfu-kras.ru